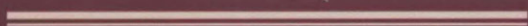

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Издание второе, переработанное

ИОИ
Москва
2014

УДК 615.8
ББК 53.57

Экзистенциальный анализ. Пер. под ред. С. Римского. — М. Институт
Общегуманитарных Исследований. 2014, — 272 стр.

В книге изложен предложенный Людвигом Бинсвангером метод анализа личности, раскрывающий ее во всей полноте и уникальности ее существования. Из сплава идей Ясперса, Гуссерля, Хайдеггера, Сартра, Бубера, Канта и других философов Бинсвангер создал уникальную теорию экзистенциального анализа, научный инструмент, с помощью которого можно приблизиться к научному пониманию «непостижимой психической жизни». Будучи проводником идей Хайдеггера и Гуссерля в пространство психиатрии, Бинсвангер строит анализ индивидуального бытия на онтологии абстрактного Бытия, разработанной Хайдеггером, и видит задачу в том, чтобы проникнуть через поверхность феноменов во внутренний мир личности, дабы с помощью феноменологического метода описать мир больного человека, мир, предельно отличный от нашего мира. Не интерпретировать и не пытаться истолковать рационально, а «схватить в целостности и единстве переживания нерациональный мир, рождающийся в сознании шизофреника, невротика, ребенка». Экзистенциальный анализ, по словам Бинсвангера, рожден, чтобы достичь нового научного понимания проблем психиатрии, психопатологии и психотерапии. Для психологов, психиатров, специалистов помогающих профессий, всех интересующихся вопросами здоровья и болезни, нормы и патологии, бытия и ничто, проблемами понимания внутреннего мира человека.

ISBN 978-5-88230-520-7

© Апрель-Пресс, перевод, 2013.

© Институт общегуманитарных исследований, 2014

ГЛАВА 1

Людвиг Бинсвангер

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО – АНАЛИТИЧЕСКАЯ ШКОЛА МЫСЛИ¹

I. ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ – ЕГО ПРИРОДА И ЦЕЛИ

Под экзистенциальным анализом мы понимаем антропологический² тип научного исследования, то есть такой тип, который направлен на изучение сущности человеческого бытия. Название и философская основа берут начало в работе Хайдеггера «*Daseins Analytics*». Это его заслуга, хотя еще не полностью признанная, — раскрытие фундаментальной структуры экзистенции и описание ее основных составляющих, то есть структуры бытия-в-мире. отождествляя основное условие, или структуру экзистенции с бытием-в-мире, Хайдеггер тем самым сообщает нечто относительно условия возможности экзистенции. Формулировка «бытие-в-мире», использованная Хайдеггером, лежит в основании онтологического тезиса, утверждения о важнейшем условии, которое определяет экзистенцию в целом. Открытие и представление этого важнейшего условия дало экзистенциальному анализу решающий стимул, философское основание и разъяснение, а также методологические указания. Однако сам экзистенциальный анализ — это не онтология и не философия, следовательно, его нельзя определять как *философскую антропологию*. Как читатель скоро поймет, единственное подходящее в данной ситуации название — *феноменологическая антропология*.

¹ «Über die daseinsanalytische Forschungsrichtung in der Psychiatrie», *Schweizer Archiv für Neurologie und Psychiatrie*, Vol. 57, 1946, pp. 209–225. Переиздано в *Ausgewählte Vorträge und Aufsätze*, Vol. I. Berne; Francke, 1947, pp. 190–217.

² Бинсвангер использует это слово не в привычном для Америки значении культурной антропологии — сравнительного исследования наций, нравов и т. д., а, скорее, в более строгом этимологическом смысле, то есть антропология как изучение человека (*anthropos*) и особенно, как он сам далее говорит, как изучение сущностного значения и характеристик человеческого бытия. — *Переводчик*.

Экзистенциальный анализ не предлагает онтологического тезиса о фундаментальном условии, определяющем существование, но *заявляет о существующем*, то есть сообщает фактические данные, касающиеся реально обнаруживающихся форм и конфигураций экзистенции. В этом смысле экзистенциальный анализ — это эмпирическая наука, имеющая собственный метод и идеал точности, а именно, метод и идеал точности *феноменологических эмпирических наук*.

Сегодня мы должны признать тот факт, что существуют два типа эмпирического научного знания. Первый — это *дискурсивное индуктивное* знание в смысле описания, объяснения и контроля естественных событий, а второй — это *феноменологическое эмпирическое* знание в смысле методического, критического использования или объяснения феноменологического содержания. Это старая полемика между Гете и Ньютоном, которая сейчас, уже совсем не волнуя нас, превратилась благодаря нашему глубокому проникновению в природу переживания из «или-или» в «а также». То же самое феноменологическое эмпирическое знание используется независимо от того, имеем ли мы дело с литературным содержанием поэмы или драмы, с содержанием ответов в тесте Роршаха или с содержанием психотической формы экзистенции. В феноменологическом опыте дискурсивный разбор естественных объектов на характеристики или качества и их индуктивная переработка в типы, понятия, умозаключения, выводы и теории заменяется выражением содержания того, что дано чисто феноменально и, следовательно, в любом случае не является частью «природы как таковой». Но феноменальное содержание может найти свое выражение и, будучи выраженным, раскрыться только в том случае, если мы проводим исследование с помощью феноменологического метода, в противном случае мы получим не научно обоснованный и проверенный результат, а просто случайное мимолетное впечатление.

За последние несколько десятилетий концепция феноменологии несколько изменилась. Сегодня мы можем провести строгое различие между чистой, или эйдетической, феноменологией Гуссерля как трансцендентальной дисциплиной и феноменологическим пониманием форм человеческой экзистенции как эмпирической дисциплиной. Но понимание последней невозможно без знания первой.

Здесь нам необходимо воздержаться от того, что Флобер назвал *la rage de vouloir conclure*, то есть преодолеть страстное желание делать заключения, формировать мнения или высказывать оценки — нелегкая задача, учитывая нашу одностороннюю естественнонаучную интеллектуальную подготовку. Вместо размышлений о чем-то мы долж-

ны разрешить этому чему-то высказаться самому, или, опять цитируя Флобера, «выразить вещь как она есть». Однако это «как она есть» содержит одну фундаментальную онтологическую и феноменологическую проблему. Мы, будучи конечными существами, можем получать информацию о как вещи только в соответствии с *миропроектом*, который управляет нашим пониманием вещей. Следовательно, я снова должен вернуться к тезису Хайдеггера об экзистенции как «бытии-в-мире».

Онтологический тезис, что фундаментальное устройство или структура экзистенции является бытием-в-мире — не философское суждение а, скорее, олицетворение строго последовательного развития и расширения фундаментальных философских теорий, а именно, теории Канта о принципах возможности опыта (в естественнонаучном смысле) с одной стороны, и теории трансцендентальной феноменологии Гуссерля — с другой. Я не буду разбирать в деталях этой связи. Я хочу подчеркнуть здесь только тождество бытия-в-мире и трансценденции, так как через эту идентификацию мы можем понять, что означает «бытие-в-мире» и «мир» в их антропологическом смысле. В немецком языке трансценденция или трансцендирование выражается словом *Ueberstieg* (лезть наверх, перелезть через что-то, лазать по горам). *Ueberstieg* подразумевает существование, во-первых, того, к чему оно направлено, а во-вторых, того, что *ueberstiegen*, или трансцендировано. Первое, то есть то, к чему трансценденция направлена, мы называем «миром», а второе, то, что трансцендируется — самим сущим (*das Seiende selbst*), особенно то, в форме чего «существует» сама человеческая экзистенция. Другими словами, не только «мир» конституирует себя в акте трансценденции, но и само «я».

Почему мне приходится освещать здесь такие, казалось бы, сложные и запутанные вопросы? Только потому, что роковой дефект всей психологии, дефект теории разделения мира на субъект и объект, был преодолен через понятие бытия-в-мире как трансценденции и, таким образом, был расчищен путь для антропологии. В силу этого разделения человеческая экзистенция была полностью сведена к субъекту, к оторванному от мира субъекту, который совершал всевозможные действия, функционировал, обладал самыми разнообразными чертами и при этом никто не мог внятно объяснить (несмотря на все теоретические построения), как он вообще может встречаться с «объектом», как он может общаться и находить взаимопонимание с другими субъектами. В противоположность этому, бытие-в-мире всегда подразумевает существование в мире вместе с такими же, как я существами, то

есть сосуществование. Хайдеггер в его концепции бытия-в-мире как трансценденции не только вернулся к моменту, предшествовавшему субъект-объектной дихотомии знания, не только уничтожил разрыв между миром и «я», но он также показал структуру субъективности как трансценденцию. Таким образом, он открыл новый горизонт понимания, дал новый импульс научному исследованию человеческого существования и его особых модусов бытия. Вместо расщепления бытия на субъект (человека, личность) и объект (вещь, окружающую среду) теперь у нас есть единство существования и «мира», обеспечиваемое трансценденцией³.

Трансценденция подразумевает гораздо большее и нечто более особенное, чем знание, даже большее, чем «интенциональность» в понимании Гуссерля, поскольку «мир» стал доступен для нас, прежде всего, благодаря нашему «тону», настрою (*Stimmung*). Если мы на минуту вспомним определение бытия-в-мире как трансценденции и рассмотрим с этой позиции наш психиатрический анализ экзистенции, то поймем, что, исследуя структуру бытия-в-мире, мы также можем заниматься изучением психозов; более того, осознаем, что должны понимать психозы как особые модусы трансценденции. В таком контексте мы не говорим: психические заболевания — болезнь мозга (хотя, конечно, с медицинской точки зрения это так), но мы говорим: в случае психических заболеваний мы сталкиваемся с модификациями фундаментальных, или сущностных, структур и структурных связей бытия-в-мире как трансценденции. Одна из задач психиатрии заключается в исследовании и установлении этих отличий точным научным способом.

³ Где мы говорим о «мире» в терминах экзистенциального анализа, там «мир» всегда означает то, к чему стремится существование и в соответствии с чем оно конструирует себя. Другими словами, образ и форма, в которых сущее (*Seiende*), становится доступным для существования. Однако мы используем слово «мир» не только в трансцендентном, но и в «объективном» смысле, например, когда говорим о «длительном сопротивлении мира», об «искушениях мира», «уходе из мира» и т. д., тем самым, имея в виду в первую очередь мир наших соплеменников. Сходным образом мы говорим об окружающей среде человека и о его собственном мире как о конкретных зонах того, что существует в объективном мире, а не как о трансцендентных структурах мира. Терминологически это сложное место, но оно больше не подлежит каким-либо изменениям. Следовательно, там, где значение не самоочевидно, мы всегда будем писать «мир» в кавычках или использовать термин «миропроект».

Как можно заметить из нашего анализа, пространственные и временные характеристики существования играют в экзистенциальном анализе важную роль. Я здесь ограничусь более фундаментальной проблемой времени. Особую значимость этой проблеме придает тот факт, что трансценденция уходит своими корнями в самую природу времени, в его раскрытие через будущее, свершившееся (*Gewesenheit*) и настоящее. Это поможет объяснить, почему в нашем антропологическом анализе психотических форм человеческого бытия мы не можем удовлетвориться исследованием, пока не достигнем хоть какого-то понимания соответствующих отклонений в структуре времени нашего пациента...

В тех формах бытия-в-мире, которые обычно называют психотическими, мы обнаружили два типа модификаций «мироустройства». Один из них характеризуется скачками (упорядоченная скачка идей) и метаниями (неупорядоченная скачка идей), а другой — сокращением и одновременным сужением существования вместе с его обращением в трясину и прах («обмирщение», падение в мир [*Verweltlichung*])⁴. Последнее мы можем также описать следующим образом: свобода позволения «миру» быть заменяется несвободой подчиненности некоему «миропроекту». Например, в случае Эллен Вест свобода формирования «возвышенного» мира была замещена возрастающей несвободой погружения в ограниченный мир могилы и трясины. При этом «мир» обозначает не только мироустройство, но и сформированное на его основе *как* бытия-в-мире и отношение к миру. Так, трансформация эфирного мира в мир-могилу может быть также установлена в смене существования в виде торжественно парящей птицы существованием в форме ползучего слепого червя.

Все это подводит нас только к внешним вратам фундаментальной онтологии Хайдеггера, или к «*Daseins Analytics*», непосредственно к порогу антропологического, или экзистенциального анализа, порожденного первым и базирующимся на нем. Но я спешу описать метод экзистенциального анализа и область его научного применения. В этой связи я должен отметить, что моя позитивная критика теории Хайдеггера позволила мне расширить ее: бытие-в-мире как бытие существования ради *себя* (обозначенное Хайдеггером как «забота») было соотнесено с бытием-за-пределами-мира как бытием существования ради *нас* (обозначенным мною как «любовь»). Это изменение системы Хайдеггера следует учитывать особенно при анализе психотических форм экзистенции, где мы часто наблюдаем модификации трансценденции скорее в смыс-

⁴ См.: Л. Бинсвангер, «Случай Эллен Вест».

ле «выброса»⁵ любви, чем «сверхподъема» заботы. Позвольте лишь напомнить чрезвычайно сложную форму сокращения экзистенциальной структуры, которую мы, обобщая, называем «аутизмом».

II. РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ СУЩЕСТВОВАНИЕМ И СУЩЕСТВОВАНИЕМ ЖИВОТНОГО

«МИР» В ЕГО ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ И «МИР ВОКРУГ» (UMWELT) В ЕГО БИОЛОГИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ

Хотя наше описание было довольно общим, а наши высказывания неполными, я надеюсь, что удалось показать, почему в нашем анализе понятие «мир» — в смысле мироустройства или «миропроекта» («mundанизация» Гуссерля [*Mundanisierung*]) — представляет одно из основных и наиболее важных понятий и даже используется как методологический ключ. Что миропроекта всегда предоставляет информацию о как бытия-в-мире и как бытия собой. Чтобы прояснить природу миропроекта, я сопоставлю его с некоторыми миро-представлениями биологической природы. Первым приходит на ум биологическое миро-понимание фон Икскюля, особенно потому, что оно, несмотря на отличия, обладает определенным сходством с точки зрения методологического применения. С него я и начну. Фон Икскюль выделяет воспринимаемый мир (*Merkwelt*), внутренний мир (*Innenwelt*) и мир действий животного, объединяя воспринимаемый мир и мир действий под общим названием «внешний мир» (*Umwelt*, или «мир-вокруг»). «Круговое взаимодействие» между этими мирами он обозначил как *функциональный круг*. Как мы говорили, что невозможно описать психозы человека, не охватив полностью его «мир», так и фон Икскюль утверждает: «Невозможно описать биологию животного, пока мы полностью не охватим его функциональный круг»⁶. Мы продолжили: «Следовательно, мы считаем полностью подтвержденным наше предположение, что существует столько же миров, сколько психотиков» и в этом тоже совпали с фон Икскюлем, который сказал: «Таким образом, мы утвердились в том, что существует столько внешних

⁵ Это буквальный перевод термина *Uberschwung*. Бинсвангер имеет в виду тип трансценденции, который сопутствует любви, он противопоставляет его трансценденции, исходящей из «заботы» (одно из понятий Хайдеггера). Его мысль заключается в том, что люди, страдающие психотическими расстройствами, отличаются как раз этим. — Редакторы.

⁶ *Theoretische Biologie*, II Aufl., 1928, S. 100.

миров, сколько существует животных»⁷. Он оказывается очень близок к нашей точке зрения, когда говорит: «Чтобы понять каждое действие человека, мы должны встать рядом на той же самой “сцене”»⁸.

Понятие внешнего мира фон Икскюля слишком узкое, чтобы применить его к человеку, потому что он понимает под этим просто «остров ощущений», то есть сенсорное восприятие, которое «обволакивает человека, словно одежда». Поэтому нас не удивляет, что в своем блестящем описании внешних миров своих друзей он постоянно нарушает границы этого узкого понятия и постоянно показывает, как эти друзья действительно присутствуют «в мире» как *человеческие существа*.

Мы также согласны с утверждением фон Икскюля о том, что: «Именно психическая инертность принимает существование единственно объективного мира (мы, психиатры, наивно называем его реальностью), как можно ближе подгоняя его под наш собственный внешний мир и расширяя во всех направлениях во времени и в пространстве»⁹.

Однако фон Икскюль не замечает того факта, что у человека, в противоположность животному, есть и собственный мир, и объективный, общий для всех. Это было известно уже Гераклиту, который говорил, что в состоянии бодрствования у нас есть общий мир, но во время сна, как и в страсти, эмоциональных состояниях, чувственном вожделении и в опьянении, каждый из нас отворачивается от общего мира и поворачивается к своему собственному. Мы, психиатры, уделяем слишком много внимания отклонениям пациентов от жизни в том мире, который является общим для всех нас, вместо того, чтобы сосредоточиться, прежде всего, на собственном или частном мире пациентов, что первым на систематической основе стал делать Фрейд.

⁷ Там же, p. 144.

⁸ *Nie geschauete Welten. Die Umwelten meiner Freunde*, p. 20.

⁹ См.: *Umwelt und Innwelt der Tiere*, 2, Aufl., 1921, p. 4: «Только при поверхностном наблюдении кажется, будто все морские животные жили в однородном мире, общем для всех них. Более близкое изучение показывает нам, что каждая из тысяч форм жизни обладает своим особым окружающим миром, который обусловлен «строительным планом» животного и, в свою очередь, сам обуславливает его». Также, см. *Theoretische Biologie*, p. 232: «Сейчас мы знаем, что существует не одно пространство и не одно время, но столько пространств и времен, сколько есть субъектов, так как каждый субъект живет в своем собственном окружающем мире, который обладает собственным пространством и временем. Каждый из этих тысяч миров предлагает сенсорному восприятию новую потенциальность для их раскрытия».

Однако есть один фактор, который не только отличает наше экзистенциальное аналитическое понимание мира от биологической концепции фон Икскюля, но даже делает его диаметрально противоположным. Верно, что в теории фон Икскюля животное и его внешний мир образуют подлинную структуру в рамках функционального круга и что они взаимодополняют друг друга. Однако фон Икскюль все еще рассматривает животное как субъект, а его окружающий мир — как отделенный от него объект. Единство животного и внешнего мира, субъекта и объекта, согласно фон Икскюлю, обеспечивается соответствующими «программами» (программой действий, а также программой восприятия) животного, которые, в свою очередь, являются частью «всеохватывающей, огромной плановой системы». Теперь становится ясно, что для перехода от теории фон Икскюля к экзистенциальному анализу надо совершить кантиано-коперниковский переворот; вместо того чтобы начинать с природы и ее плановой системы и действовать в русле естественной науки, необходимо начать с трансцендентальной субъективности и переходить к существованию как трансценденции. Фон Икскюль складывает и то, и другое в одну корзину, поскольку исходит из следующих соображений (очень выразительных самих по себе):

«Возьмем в качестве примера дуб и зададимся вопросом, какого рода внешним объектом будет дуб во внешнем мире совы, которая живет в дупле этого дуба; во внешнем мире певчей птицы, которая гнездится на его ветвях; лисы, у которой есть нора в его корнях; дятла, который выискивает насекомых в его коре; во внешнем мире самих насекомых; муравья, который бежит по его стволу и т. д. И, наконец, мы спросим себя, какова роль дуба во внешнем мире охотника, молодой романтической девушки и банального торговца деревом. Дуб, будучи закрытой плановой системой, включен в новые планы многочисленных внешних арен, исследование которых является реальной задачей науки о природе».

Фон Икскюль — ученый-натуралист, а не философ. Поэтому не стоит вменять ему в вину, что он, как большинство ученых-натуралистов, не придает значения важнейшему отличию человека от животного. Как раз здесь это различие становится почти осязаемым. Во-первых, животное привязано к своему «проекту». Оно не может выйти за его пределы, тогда как человеческое существование не только обладает

многочисленными возможностями разных модусов бытия, но и укоренено в разносторонней потенциальности бытия. Человеческое существование позволяет быть охотником, романтиком, бизнесменом, то есть оно свободно в самосозидании в соответствии с различными потенциальностями бытия. Другими словами, существование может «трансцендировать» бытие — в данном случае бытие, которое называется «дуб», — или делать его достижимым для себя с помощью самых разнообразных миропроектов.

Во-вторых, мы помним, теперь полностью сойдя с биологической позиции, что трансценденция подразумевает не только миропроект, но в то же время и само-проект, потенциальные модусы бытия для себя. Человеческое существование — это совершенно особое бытие для себя, в соответствии с тем, проектирует ли оно свой мир как охотник, оно является охотником, или как молодая девушка, и тогда это романтическое я, или как торговец деревом, и тогда это прозаично-меркантильное я. Все это — различные формы бытия в мире и потенциальных модусов «я», среди которых модус истинной потенциальности бытия собой и модус потенциальности бытия в качестве *мы* в смысле любви¹⁰.

У животного, не способного быть *я—ты—мы* (оно даже не может сказать этого), нет никакого мира. Ибо «я» и «мир» — это взаимозависимые понятия. Когда мы говорим о внешнем мире (*Umwelt*), который *имеется* у инфузории-туфельки, земляного червя, моллюска, лошади и даже человека, то значение этого *имеется* существенно отличается от того, что мы подразумеваем, когда говорим, что у человека *есть* мир. В первом случае *имеется* означает установление «проекта» (особенно структуры восприятия-и-действия), ограниченного природой вполне определенными возможностями стимуляции и реагирования. Животное имеет внешний мир благодаря природе, а не свободе выходить за рамки ситуации¹¹. Это означает, что оно не может ни конструировать

¹⁰ Следовательно, в структуре существования как бытия-в-мире мы различаем: (а) способы создания и построения мира, то есть способы миропроекта и образов мира; (в) способы его существования как «я», то есть самоутверждение или не утверждение; (с) способы трансценденции как таковой, то есть способы, которыми существование есть в мире (например, действие, мышление, творческий акт, желание). Таким образом, проведение экзистенциального анализа в области психиатрии означает исследование и описание того, как различные формы психических болезней и каждая для самой себя конструируют мир, утверждают свое «я» и — в широком смысле — действуют и любят.

¹¹ То есть трансцендировать. Объяснение этого термина см.: Мэй Р. Истоки экзистенциального направления в психологии и его значение.

мир, ни открывать его, ни независимо решать, как действовать в той или иной ситуации. Оно есть и было раз и навсегда детерминировано ситуационным кольцом¹². С другой стороны, по отношению к человеку обладать «миром» означает, что человек, хотя он сам не закладывал основы своего бытия, а был заброшен в него, как и животное, обладает внешним миром, но у него есть возможность трансцендировать свое бытие, а именно: подняться над ним в заботе и выйти за его пределы в любви.

К нашей точке зрения ближе теории фон Иксюля стоит концепция «гештальт-круга» как автономного биологического акта, предложенная фон Вайцзеккером.

«Поскольку живое существо посредством движения и восприятия интегрируется во внешний мир, постольку эти движения и восприятие формируют целостную единицу — биологический акт»¹³.

Как и фон Иксюль, фон Вайцзеккер гордится тем, что «сознательно ввел субъекта как предмет биологического исследования и добился его признания в этом качестве»¹⁴. То, что генерирует связь между субъектом и объектом, теперь называется не функциональным кругом, а гештальт-кругом. Согласно фон Вайцзеккеру, фундаментальное условие — это субъективность (что указывает на более глубокий подход, чем ссылка на субъекта). Фон Вайцзеккер отказывается от «дуализма психического и физического»; он убежден, что его можно заменить «полярным единством субъекта и объекта». «Но, — очень верно замечает фон Вайцзеккер, — субъект — это не жестко привязанная собственность; кто-то постоянно вступает в права владения, чтобы распоряжаться им». В частности, отмечается, что в ситуации кризиса человек сталкивается с угрозой потери самого себя, а затем получает возможность снова обрести себя благодаря своей силе и гибкости. «Одновременно со смещением субъекта происходит и смена объекта, и хотя единство мира остается под вопросом, каждый субъект собирает, по крайней мере, свой внешний мир (*Umwelt*), объекты которого он связывает вместе в маленький универсум союза-монады».

¹² Эту мысль уже подчеркивал Herder в своем очерке «On the Origin of Language»: у каждого животного есть свой круг, которому он принадлежит от рождения до самой смерти, то есть в течение всей жизни. (*Ausgew. Werke Reclam*. III, S. 621.).

¹³ «Der Gestaltkreis», *Theorie der Einheit vom Wahrnehmen und Bewegen*, 1940, p. 177.

¹⁴ Цитаты в этом отрывке приведены из работ фон Вайцзеккера. — Редакторы.

Все эти теории вызывают не только большой интерес в сфере психологии и психопатологии, но, помимо этого, они ставят в центр внимания тот факт, что только понятие бытия-в-мире как трансценденции является подлинно логичным и глубоким; в то же время они демонстрируют, что это понятие может быть применено только к *человеческому* существованию.

Наконец, я бы хотел напомнить читателю концепцию Гольдштейна, которая оказалась очень полезной для понимания органических нарушений головного мозга. Даже когда он употребляет понятие «внешняя среда» вместо «мира», мы все равно имеем дело с подлинно биологической концепцией мира. Как мы знаем, одно из его основных положений заключается в том, что «поврежденный организм... может функционировать только в условиях такого ограничения своего окружения, которое соответствует его дефекту»¹⁵. В другом месте он говорит об «утрате свободы» и о «затягивании пояса на окружающем мире», которые имеют место в случае нарушения. Имеется в виду, что пациенты с органическими нарушениями теряют способность ориентироваться и управляться в мире «идей», в то время как они прекрасно могут делать это в мире действий и практики. Говоря вслед за Хедом о «нарушениях символического выражения» или вместе с Гельбом о «нарушениях категориального поведения», Гольдштейн в обоих случаях говорит только о модификации бытия-в-мире как трансценденции.

В этой главе я попытался показать, что в русле биологического подхода организм и мир пытаются рассматривать в единстве, символом которого является круг. Преобладает идея о том, что все взаимосвязано, что в рамках круга изменение части не обходится без изменения целого и что изолированных фактов больше не существует. Это, однако, влечет за собой изменение самого понятия *факта* и методов изучения фактов. Вывод заключений путем индукции через простое накопление данных больше не является целью исследования; теперь цель исследования — проникновение в природу и содержание целостного феномена. Гольдштейн прекрасно это осознает, когда говорит: «В формировании биологического знания единичные связи, интегрированные в целое, нельзя оценивать просто количественно, будто бы знание будет тем точнее, чем больше связей мы установим. Скорее, все единичные факты имеют большую или меньшую качественную ценность». Он продолжает: «Если в биологии мы видим науку, имеющую дело с феноменом, который может быть установлен одними аналитическими естественнонаучными методами, то мы должны отказаться

¹⁵ *Der Aufbau des Organismus*, 1934, p. 32.

от попыток постичь организм как целое, а вместе с этим и от любого проникновения в жизненные процессы»¹⁶.

Это уже довольно близко подводит нас к феноменологическому взгляду на жизнь в самом широком смысле, взгляду, который направлен на постижение жизненного содержания феноменов, а не их фактического значения в рамках четко очерченной объектной сферы.

III. ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ШКОЛА МЫСЛИ В ПСИХИАТРИИ

По сравнению с биологическим исследованием, которое рассматривает или объясняет жизненное значение феномена, экзистенциально-аналитическое исследование имеет двойное преимущество. Во-первых, оно не обязано иметь дело с таким неясным понятием, как жизнь, оно работает с такой широко и хорошо проработанной *структурой экзистенции*, как бытие-в-мире и за-пределами-мира. Во-вторых, оно может позволить экзистенции самой говорить за себя. Другими словами, феномены, которые должны быть проинтерпретированы, — это в основном языковые феномены. Мы знаем, что содержание экзистенции нигде нельзя увидеть более ясно или более точно, чем в языке; именно в языке устраивается и оформляется наш миропроjekt, следовательно, именно там он может быть обнаружен и передан другим людям.

Что касается первого преимущества, то знание структуры или базового проекта экзистенции дает нам системный ключ для практического экзистенциально-аналитического исследования. Сейчас мы знаем, на что надо обращать внимание при изучении психоза и что делать дальше. Мы знаем, что должны установить определенный тип пространственных и временных характеристик, освещения и цвета; текстуру или материал и род перемещения того миропроекта, к которому направлена данная форма экзистенции или его индивидуальная конфигурация. Такой методологический ключ можно получить только обращением к структуре бытия-в-мире, потому что эта структура предоставляет нам понимание нормы и, таким образом, позволяет определять отклонения от этой нормы в манере точных наук. К нашему удивлению, обнаружилось, что в психозах, которые были очень хорошо изучены, такие отклонения нельзя понимать исключительно с негативной точки зрения, то есть как ненормальность. Они, напротив, представляют новую норму, новую *форму бытия-в-мире*. Например,

¹⁶ Там же, р. 255.

если мы можем говорить о маниакальной форме жизни, или, скорее, экзистенции, то это означает, что мы можем установить норму, которая охватывает и управляет всеми модусами выражения и поведения, обозначенного нами как мания. Именно эту норму мы называем «миром» человека, страдающего манией. Это верно и для гораздо более сложных миропроектов пациентов, страдающих шизофренией. Исследовать и установить миры этих пациентов означает, как и в других случаях, исследовать и установить, каким образом люди и предметы оказываются открыты для этих форм экзистенции. Нам хорошо известно, что это становится возможным только через определенный миропроект.

Что касается второго преимущества, — возможности исследования языковых феноменов, — сущность речи и высказываний в том, что они выражают и передают *определенное смысловое содержание*. Это смысловое содержание, как мы знаем, бесконечно разнообразно. Все зависит от точного критерия, с помощью которого мы исследуем языковые манифестации наших пациентов. Мы не концентрируемся, как психоаналитики, на историческом содержании, на рассказах о реальной или гипотетической модели внутренней жизне-истории. Мы не ищем в содержании возможные факты, имеющие отношение к жизненным функциям, как это делают психопатологи, фокусируясь на нарушениях функций речи или мышления. В экзистенциальном анализе наше внимание привлекает содержимое языковых выражений и манифестаций в той мере, в какой они указывают на миропроект или модели, которые лежат или лежали в основании жизни говорящего, одним словом, на его миро-содержание (world-content). Под миро-содержанием мы подразумеваем факты, имеющие отношение к мирам; то есть указания на то, как данная форма или конфигурация экзистенции познает устройство мира, осваивает мир и пребывает или существует в данном мире. Более того, миро-содержание указывает на способы, которыми экзистенция выходит *за-пределы-мира*.

Обстоятельства в «Случае Эллен Вест», моем первом исследовании, предлагаемом в качестве примера применения экзистенциального анализа в психиатрии, были особенно благоприятны для проведения анализа. В этом случае я имел в своем распоряжении необычное изобилие спонтанных и прямо постижимых вербальных манифестаций, таких, как самоописания, записи сновидений, дневник, стихотворения, письма, автобиографические заметки, рисунки, тогда как в случаях прогрессирующей шизофрении мы обычно вынуждены получать материал для экзистенциального анализа путем настойчивого и систематического исследования наших пациентов в течение многих

месяцев и лет. Прежде всего, мы должны убедиться, что наше понимание того, что действительно означают вербальные выражения наших пациентов, верно. Только после этого мы можем перейти к нашей научной задаче — выявить отличительные особенности «миров», в которых пребывают пациенты, или, другими словами, понять, как частные связи экзистенциальной структуры раскрываются через целостную структуру, и как целостная структура, в свою очередь, формируется из частных связей, без каких-либо нестыковок и противоречий. В этом подходе, как и любом другом научном исследовании, могут иметь место ошибки, тупики, незрелые интерпретации; но, как и другие методы, он располагает способами и средствами исправления этих ошибок. Одно из самых впечатляющих достижений экзистенциального анализа убеждает, что даже в сфере субъективности нет ничего случайного, что определенно организованная структура может быть познана через слово, мысль, рисунок, действие или жест, в которых она отражается. Это то, чем мы постоянно пользуемся в экзистенциально-аналитических интерпретациях данных, полученных с помощью теста Роршаха или теста словесных ассоциаций. В спонтанных манифестациях пациента, в систематическом исследовании его реакций, полученных в тесте Роршаха и результатов метода словесных ассоциаций, его рисунков и сновидений перед нами возникает тот же самый миропроjekt. Только после сбора и сопоставления этих миров мы можем постичь конфигурацию экзистенции нашего пациента. Только тогда мы можем попытаться понять единичные, частные связи этих конфигураций мира и экзистенции (клинически оцениваемых как симптомы), исходя из целостного бытия-в-мире пациента.

Связи, раскрываемые в жизне-истории, тоже играют важную роль, но не такую, как в психоанализе. Для психоанализа они — цель исследования, в экзистенциальном анализе они просто предоставляют материал для дальнейшего изучения.

Следующие примеры проиллюстрируют тот тип миропроjektов, с которыми мы имеем дело в случае психопатологии. Общее же число подобных девиаций бесконечно. Мы все еще находимся в самом начале их описания и изучения.

В качестве первой клинической иллюстрации я выбрал случай молодой девушки, которая в возрасте пяти лет пережила неожиданный приступ тревоги и слабости. Это случилось, когда она каталась на коньках и каблук, примерзнув к металлическому основанию, оторвался от ботинка¹⁷. С тех пор девушка, которой сейчас 21 год, испытывает

¹⁷ «Analyse einer hysterischen Phobie», *Jahrbuch Bleuler und Freud*, III.

приступы непреодолимой тревоги, если кто-нибудь наступает ей на пятки или просто упоминает о каблуках. В таких ситуациях, если ей не удастся вовремя уйти, она чувствует слабость и головокружение.

Психоанализ ясно и убедительно доказал, что за страхом потери каблука были скрыты фантазии рождения — фантазия ее собственно-го рождения и последующего отделения от матери, а также фантазия рождения ее ребенка. В разнообразных нарушениях связности, единства, которые психоанализ определил как пугающие для девушки, самым страшным и основным было отделение матери и ребенка. (Я полностью пропускаю, учитывая контекст, маскулинную составляющую.) До Фрейда мы бы сказали, что инцидент на катке, сам по себе безобидный, стал причиной возникновения «фобии оторванных каблучков». Фрейд же продемонстрировал, что патогенное воздействие оказывают фантазии, связанные с этим случаем и предшествующие ему. И до, и после Фрейда могло быть приведено и другое объяснение: учитывая тот факт, что специфическое событие или фантазия имели такие далеко идущие последствия для этого человека, причина заключается в его «конституции» или «предрасположенности». Каждый из нас пережил «травму рождения», но лишь у некоторых при потере каблука развивается истерическая фобия.

Я, конечно, не намерен раскрывать здесь (а тем более решать) проблему «предрасположенности» во всех ее аспектах, но могу сказать, что мы можем пролить на нее некоторый свет, если рассмотрим ее с «антропологической»¹⁸ точки зрения. В последующих работах мы смогли показать, что можем проникнуть за эти фантазии настолько глубоко, насколько сможем раскрыть и исследовать миропроект, который сделал возможным возникновение этих фантазий и фобий.

Ключом к миропроекту нашей пациентки служит категория *связности* (continuity), неразрывной связи и удержания. Фокусирование на ней приводит к чрезмерному ограничению, упрощению и истощению «миро-содержания». Все, что делает мир значимым, подчиняется той *единственной* категории, которая в одиночку поддерживает ее «мир» и бытие. Это и является причиной сильнейшей тревоги, связанной с нарушением целостности, любым расхождением, разрывом или сепарацией, страха оказаться отделенной или разлученной. Вот почему отделение от матери, переживаемое всеми как самое глубинное, архетипичное отделение, сопровождающее человеческую жизнь,

¹⁸ См. стр. 1, где описывается понимание Бинсвангером этого термина, как он используется в феноменологическом и экзистенциальном анализе. — *Переводчик.*

стало таким всеохватывающим и подавляющим, что любая ситуация отделения рассматривается как символическое отделение от матери, вызывает и запускает эти фантазии и видения.

Следовательно, нам не нужно объяснять возникновение фобии слишком сильной «доэдиповой» связью с матерью, скорее, следует понять, что такая сильная дочерняя привязанность возможна только в том случае, когда миропроект основывается исключительно на связанности, сцепленности, неразрывности. Такой способ переживания «мира», непременно подразумевающий существование подобного настроя¹⁹, не обязательно является «сознательным». Но мы не должны называть его и «бессознательным» в психоаналитическом понимании, так как он находится вне этих противоположностей. Он не относится к чему-либо психологическому, он имеет отношение к тому, что только делает возможным психический факт. Здесь мы сталкиваемся с тем, что на самом деле является «ненормальным» в контексте этой экзистенции, но мы не должны забывать, что там, где миропроект сужен и ограничен до такой степени, там и «я» ограничено, там оно встречает препятствия на пути своего созревания. Предполагается, что все остается таким, каким было прежде. Если же случится что-то необычное, непредвиденное и неразрывность будет нарушена, то это приведет к трагедии, вызовет панику и приступ тревоги. Ибо мир начнет рушиться, и не останется ничего, что могло бы его поддержать. Внутренняя, или экзистенциальная, зрелость и подлинная временная ориентация на будущее замещаются преобладанием прошлого, того, что уже было. Здесь мир должен остановиться, ничто не должно происходить, ничто не должно изменяться. Все должно оставаться таким, как есть. Именно в силу подобной временной ориентации элемент *непредвиденности* принимает такое огромное значение, ибо непредвиденность — это свойство времени, которое нарушает непрерывность, взламывает ее и раскалывает на части, выбивает прежнее существование из колеи и ставит его лицом к лицу с *ужасностью*²⁰, с всепоглощающим страхом. В психопатологии в самом простом и общем виде мы называем это приступом тревоги.

Ни потеря каблука, ни внутриутробные фантазии, ни фантазии рождения не объясняют возникновения фобии. Скорее, они стали настолько значимыми в силу того, что связь с матерью означает для

¹⁹ Или настроенности (Gestimmtheit). — *Переводчик.*

²⁰ Образованное от прилагательного существительное «ужасность» означает абстрактную квинтэссенцию всего ужасного, представляет в сжатой форме все ужасы. — *Редакторы.*

существования ребенка связь с миром, что вполне естественно для маленьких детей. Случай на катке приобрел травмирующее значение из-за того, что мир внезапно повернулся другой стороной, открылся с неожиданной, совершенно иной, непредсказуемой стороны. Для этого не было места в детском мире, это не могло войти в ее миропроект и всегда оставалось за его пределами, это не подчинялось ей. Другим словами, этот аспект мира, вместо того, чтобы стать частью ее внутренней жизни, так, чтобы его значение и содержание оказались интегрированы, проявлялся, оставаясь совершенно незначимым для этой экзистенции, снова и снова в виде повторяющихся вторжений *непредвиденности* в неподвижность времени, свойственную ее миру. Этот миропроект не заявлял о себе до травматического события, он проявился только *в связи* с этим случаем. Как априорные или трансцендентальные формы²¹ человеческого рассудка способствуют получению именно того опыта, который мы получаем, так и форма этого миропроекта прежде должна была создать условия для того, чтобы случай, произошедший на катке, был пережит как травматический.

Следует сказать, что этот случай не уникален. Известно, что тревога может быть связана с разными типами нарушения целостности, например, она может возникнуть при виде висящей на нитке, готовой оторваться пуговицы или прерывании струйки слюны. С какими бы событиями жизне-истории ни была связана эта тревога, мы всегда имеем дело с одним и тем же опустошением бытия-в-мире, его сокращением до одной-единственной категории целостности, связанности. В этом специфическом миропроекте с его специфическим бытием-в-мире и специфическим «я» с экзистенциальной точки зрения мы видим ключ к пониманию происходящего. Мы не останавливаемся, подобно биологу и невропатологу, на единственном факте, единичном нарушении, симптоме, мы продолжаем искать то целое, внутри которого данный факт может быть понят как частный феномен. Но это целое не является ни функционально целым «гештальт-кругом», ни целым в смысле некоей совокупности. На самом деле оно вовсе не объективное целое, но целое в смысле единства миропроекта.

Очевидно, что мы не сможем продвинуться в нашем понимании тревоги, если будем рассматривать ее только как симптом психопатологии. Коротко говоря, мы никогда не должны отделять «тревогу» от «мира», и мы должны учитывать, что тревога возникает только тогда, когда мир становится шатким, ненадежным или когда он сталкивается с угрозой исчезновения. Чем более пустым, упрощенным и огра-

²¹ Бинсвангер здесь использует выражения Канта. — Редакторы.

ническим является тот миропроект, с которым связано наше существование, тем скорее мы возникнет тревога и тем интенсивнее она окажется. «Мир» здорового человека, обладающий чрезвычайно богатой структурой связей и сложным содержанием никогда не станет шатким и неустойчивым. Если возникает угроза одной его части, то другая часть будет выполнять функцию опоры. Таким образом, вполне естественно, что если «мир», как в этом случае и других ему подобных, полностью детерминирован одной или несколькими категориями, угроза их сохранности приводит к усилению тревоги.

Фобия всегда представляет собой попытку защиты, сохранения ограниченного, скудного «мира», тогда как тревога является выражением потери этой защиты, крушения «мира», и, таким образом, движения экзистенции к ничто, к невыносимому, всепоглощающему, «неприкрытому ужасу». Мы должны четко разграничить исторически- и ситуационно-обусловленную точку *прорыва тревоги* и экзистенциальный источник ужаса. Фрейд провел похожее различие, когда он дифференцировал фобию как симптом и собственное либидо пациента как действительный объект его тревоги²². Однако в нашей концепции теоретический конструкт либидо заменен феноменологически-онтологической структурой экзистенции как бытия-в-мире. Мы не считаем, что человек боится собственного либидо, мы утверждаем, что экзистенция как бытие-в-мире, детерминирована ужасностью и небытием. Источник ужаса — сама экзистенция²³.

Если в вышеописанном случае мы имели дело со статичным «миром», миром, в котором, как предполагалось, ничего не должно происходить, в котором все должно было оставаться неизменным и ни один фактор, угрожающий его целостности не должен был вмешиваться, то в следующем примере²⁴ мы встретимся с мучительно разнородным, дисгармоничным «миром», начало которого заложено опять-таки в раннем детстве. Пациент с неврозоподобными симптомами полиморфной шизофрении страдал от множества разных фобий. «Мир», в котором все сущее (*alles Seiende*) которое было ему доступно, представляло собой мир нажима и давления, наполненного энергией до точки взрыва. В этом мире нельзя сделать шаг, чтобы не оказаться под ударом, либо в реальности, либо в фантазии. Темпоральность это-

²² «Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse», s. 117 (*Ges. Schr.*, XII, 238 f.).

²³ *Sein und Zeit*, 40, S. 184 ff.

²⁴ Здесь Бинсвангер ссылается на случай Юрга Цюнда, *Schweizer Archiv fuer Neurologie und Psychiatrie*, Vols. LVI, LVII, LIX, Zurich, 1947. — Редакторы.

го мира выражалась в безотлагательности, пространственность — в чрезвычайной стесненности, плотности и сжатости, давлении на «тело и душу» экзистенции. Это стало совершенно очевидно по результатам теста Роршаха. В одном случае пациент видел фрагменты мебели, «о которые человек мог разбить колено», в другом — «барабан, который ударяет по чьей-то ноге», в третьем — «лобстеров, которые сжимают вас», «что-то, обо что вы оцарапались» и, наконец, «шары, закрепленные на маховике, которые бьют меня по лицу, меня единственного из всех, хотя десятилетия они были неподвижны; только когда я попадаю туда, что-то случается».

Окружающие люди вели себя так же, как и вещи в этом мире; повсюду была скрыта опасность, в любой момент можно было столкнуться с неуважением или насмешками. Все это, конечно, указывает на пограничное состояние, близкое к бреду отношений.

Очень поучительно наблюдать за отчаянными попытками пациента контролировать этот дисгармоничный, энергетически перенасыщенный, угрожающий мир, искусственно гармонизировать и обесценивать его, чтобы избежать постоянно угрожающей ему катастрофы. При этом пациент стремится держаться как можно дальше от мира, полностью рационализируя эту установившуюся дистанцию. Данный процесс, как это обычно бывает, сопровождается девальвацией и вымыванием значимости содержания жизни, любви и красоты. Это особенно хорошо иллюстрируют результаты теста словесных ассоциаций. Реакции, полученные в тесте Роршаха, также свидетельствуют об искусственной рационализации его мира, его механистичности и подчиненности симметрии. Если в нашем первом случае мир был сведен к категории целостности, то здесь мы видим мир, сведенный к механическим категориям силы и давления. Неудивительно, что в этой экзистенции и в этом мире нет покоя, что его жизненный поток не отличается плавностью и равномерностью, здесь все, от простых жестов и движений до вербальных выражений, работы мышления и принятия решений происходит толчками и рывками, а в промежутках между отдельными толчками и рывками преобладает пустота. (Читатель заметит, что мы описываем в экзистенциально-аналитических терминах то, что в клинике называли бы шизоидностью и аутизмом.) Поведение, которое демонстрирует пациент при проведении теста Роршаха, также очень символично. Он хочет «сложить карточки и, сделав последнее усилие, подшить их», то же самое он хотел бы сделать и с миром, иначе он больше не сможет его контролировать.

Но это «последнее усилие» до такой степени утомляет его, что пациент становится абсолютно пассивным и вялым. Если в первом случае

любой ценой должна была быть сохранена связанность экзистенции, то в данном случае — динамический баланс. Здесь, как и там, в целях сохранения в качестве мощного щита используется фобия. В тех случаях, когда он оказывается неэффективен, даже если это происходит в фантазии, возникает приступ тревоги и берет верх полное отчаяние. Этот случай, о котором мы можем здесь только упомянуть в самых общих чертах, был опубликован как второе исследование шизофрении под названием «Случай Юрга Цюнда».

Третий случай, случай Лолы Восс²⁵, позволяет проникнуть в миропроект, который способствует развитию бреда преследования. Он предоставляет нам редкую возможность наблюдать за появлением остро-го галлюцинаторного бреда преследования, которому предшествовала фобическая фаза. Он выражался в очень замысловатой суеверной системе испрашивания совета у прорицателя, отзывами которого, позитивными или негативными, она руководствовалась при выполнении или отказе от выполнения определенных действий. Она чувствовала себя вынужденной разбивать названия вещей на слоги, а затем заново их соединять, но уже в соответствии с собственной системой. В зависимости от результата этих комбинаций она либо устанавливала контакт с людьми и предметами, либо избегала их как чумы. Все это предпринималось, чтобы уберечь экзистенцию и ее миры от катастрофы. Но в ее случае катастрофа заключалась не в разрыве целостности мира и не в нарушении его динамического баланса, а во вторжении невыразимой жуткости и ужасности. «Мир» пациентки не был обременен конфликтующими силами, которые нужно было искусственным образом приводить в гармонию, он не был миропроектом, сводившимся к толчкам и давлению, он был редуцирован к таким категориям, как знакомое/известное и незнакомое/чуждое или необъяснимое (*Vertrautheit und Unvertrautheit — oder Unheimlichkeit*). Экзистенции постоянно угрожала незаметно подкрадывающаяся безличная враждебная сила. Невероятно тонкая и непрочная сеть искусственных комбинаций букв и слогов служила защитой от опасности быть подавленной этой силой и от невыносимой угрозы встречи с ней.

Было очень познавательно наблюдать, как одновременно с исчезновением этих защит появлялись новые, совершенно отличные, поскольку защита абсолютно непреднамеренно создала условия для их возникновения, в частности, для появления бреда преследования.

²⁵ «Der Fall Lola Voss», *Schweizer Archiv fuer Neurologie und Psychiatrie*, Vol. LXIII, Zurich, 1949.

На месте безличной силы, безграничной *жуткости* (Unheimlichen) теперь возник секретный заговор персонифицированных врагов. Пациентка могла защищаться от них с помощью обвинений, контратак, попыток бегства. Все это казалось детской игрой, по сравнению с беспомощным состоянием ожидания угрозы вторжения ужасающей силы, непостижимой *жуткости*. Но обретение такой безопасности сопровождалось полной утратой экзистенциальной свободы, фиксированностью на идее враждебного отношения со стороны окружающих, или, говоря терминами психопатологии, возникновением бреда преследования.

Я описываю этот случай, чтобы продемонстрировать: мы не сможем понять этот бред, если начнем свое исследование с изучения самого бреда. Мы должны обратить внимание на то, что *предшествовало* бреду, то есть что происходило за несколько месяцев, недель, дней или часов до его появления. Тогда мы непременно обнаружим, что бред преследования, подобно фобиям, представляет собой защиту экзистенции от вторжения чего-то невероятно пугающего, по сравнению с чем даже тайный сговор врагов кажется вполне терпимым, потому что враги, в отличие от непостижимой *ужасности*, могут быть «схвачены»²⁶ посредством восприятия, предчувствия, противостояния или борьбы с ними.

Помимо этого, случай Лолы Восс показывает, что мы больше не ограничены беспокоящим контрастом психической жизни, которой мы в чем-то можем сопереживать, а в чем-то — нет, и что теперь в нашем распоряжении есть метод, научный инструмент, с помощью которого мы можем приблизиться к систематическому научному пониманию даже так называемой непостижимой жизни души.

Конечно, то, способен ли конкретный исследователь или терапевт пережить и перестрадать, благодаря собственным, выработанным опытом способностям, все возможное содержание, которое методично и планомерно открывается перед ним в экзистенциально-аналитическом исследовании, все еще зависит от его воображения и гибкости ума.

Однако во многих случаях недостаточно рассмотреть только *один* миропроект, как мы делали до сих пор ради простоты изложения. Если это вполне соответствует нашей цели в случаях тяжелых депрессий, мании и меланхолии, то в исследовании того, что в клиническом подходе относят к разряду шизофренических процессов, мы не можем

²⁶ Понятие Хайдеггера, которое в данном контексте подчеркивает тот факт, что пациент может «управлять» этими врагами. — *Переводчик.*

опустить из виду многообразные миры, в которых живут наши пациенты, чтобы показать изменения в их «бытие-в-мире» и «за-пределами-мира». В случае Эллен Вест экзистенция предстала перед нами в виде ликующей птицы, парящей в небе, полета в мире света и безграничного пространства. Мы наблюдали экзистенцию, в котором крепкая опора позволяла уверенно стоять и ходить по земле, это был мир решительных действий. И, наконец, мы видели экзистенцию, представленную в образе слепозмейки, ползающей по грязной земле, по гниющим кучам, по узким норам. Главное, мы увидели, что «психическое заболевание» действительно означает для «ума», как человеческий разум реагирует на создавшиеся условия, как он изменяется. В данном случае это перемена заключалась в колоссальном сужении, опустошении или исчерпывании экзистенции, мира и бытия-за-пределами-мира до такой степени, что, в конце концов, от духовного содержания мира пациента, от его достатка любви, красоты, истины, добра, разнообразия, роста и преуспеяния «не осталось ничего, кроме большой, незаполненной дыры». Все, что осталось, так это животное стремление набить желудок едой, неодолимое инстинктивное желание до предела наполнить живот. Все это могло быть продемонстрировано не только в модусах и изменениях пространственности, цвета, материальности и в динамике различных миров, но также и в модусах и изменениях темпоральности, вплоть до состояния «вечной пустоты» так называемого аутизма.

Что касается маниакально-депрессивного психоза, то я отсылаю читателя к моим исследованиям, описанным в одной из предыдущих работ²⁷, а также к исследованиям разных видов депрессивных состояний, проведенных Ю. Минковски²⁸, Эрвином Штраусом и фон Гебзателем. Хотя они и не являются экзистенциально-аналитическими в полном смысле этого слова, однако были выполнены в русле эмпирико-феноменологической традиции. Упомянув Минковски, мы должны с благодарностью признать, что он был первым ученым, который ввел феноменологию в психиатрию в практических целях. Особенно плодотворным оказалось применение феноменологии в исследовании шизофрении²⁹. Я бы хотел также упомянуть работы Эрвина Штрауса и фон Гебзаттеля, посвященные компульсиям и фобиям, и более позднюю работу Франца Фишера «Пространственная и темпоральная

²⁷ Binswanger L. *Uber Ideenflucht*. Zurich, 1933.

²⁸ См. первую книгу этой серии. — *Прим. ред.*

²⁹ Особо должны быть упомянуты его книги *Le Temps Vecu* (1932) и *Vers une cosmologie* (Ed. Montaigne, 1936). Последняя представляет собой прекрасное введение в «космологическое» мышление в феноменологических терминах.

структура существования у людей, страдающих шизофренией» (Franz Fisher, *Space and Time Structure in the Existence of the Schizophrenic*). Примеры экзистенциально-аналитического подхода можно найти в прекрасных исследованиях фон Гебзаттеля³⁰ (Von Gebattel, *The World of the Compulsive*) и Роланда Куна (Roland Kuhn, *Interpretations of Masks in the Rorschach Test*, 1945).

Экзистенциальный анализ незаменим не только для углубления нашего понимания психозов и неврозов, но и в психологии и характерологии. Что касается характерологии, то здесь я ограничусь анализом скупости. Считается, что скупость заключается в том, что человек упорно продолжает оставаться в состоянии потенциальности, «сопротивляясь реализации», и зависимость от денег можно понять только с этой стороны (Эрвин Штраус). Но это слишком рационалистическое объяснение. Скорее, мы должны проанализировать экзистенцию и миропроjekt скупого человека, должны понять, что миропроjekt и миро-толкование закладывают в основу скупости или каким образом сущее (*Seiende*) доступно скаредному человеку.

Наблюдая за поведением скупого и читая описания подобных людей в литературе (произведения Мольера и Бальзака), мы обнаруживаем, что их в первую очередь интересует *наполнение*, а именно, наполнение «золотом» чемоданов и коробок, чулок и сумок; а отказ тратить и желание сохранять деньги — вторичны. «Наполнение» — это априорная или трансцендентная связь, которая позволяет нам объединить испражнения и деньги общим знаменателем. Только это дает психоанализу эмпирическую возможность рассматривать денежную зависимость как «происходящую» из удержания испражнений. Но удержание испражнений никоим образом не является «причиной» жадности.

Упомянутые выше пустые пространства предназначены не только для того, чтобы их наполнили, но также и для того, чтобы скрыть их содержимое от глаз и рук окружающих. Скупой человек «сидит» на своих деньгах «как курица на яйцах». (Мы можем многое узнать из идиоматических выражений, так как язык развивается скорее феноменологически, чем дискурсивно.) Удовольствие от траты денег, от процесса их отдачи, которое возможно только в благожелательных контактах с другим человеком, заменяется удовольствием от тайного созерцания, перебирания, касания, как физического, так и мысленного, подсчета богатств. Таковы тайные оргии скупца, к которым можно добавить вожделение блестящего, сверкающего золота, так как это

³⁰ Опубликовано в первой книге этой серии.

единственная искорка жизни и любви, которая осталась у скаредного человека. Доминирование наполнения и его житейского коррелята — полости указывает на нечто «молохоподобное»³¹ в таком мире и существовании. Этому, естественно, соответствует (согласно единой структуре бытия-в-мире) некая молохоподобная форма собственного мира. Что касается темпоральности, то сами слова, сказанные в чей-то адрес — «жадный до времени», доказывает, что время скупца обретает пространственный характер в молохоподобном смысле, поскольку маленькие отрезки времени постоянно экономятся, накапливаются и ревностно охраняются. Из этого следует неспособность «отдавать время». Конечно, все это подразумевает утрату возможности подлинного или экзистенциального временения, созревания личности. Отношение жадного человека к смерти, которое здесь, как и во всех экзистенциально-аналитических исследованиях, имеет огромное значение, в этом контексте может не обсуждаться. Оно тесно связано с его отношением к другим людям, а также с недостатком любви³².

Таким же образом, как мы исследуем и понимаем черты характера, мы исследуем и понимаем то, что в психиатрии и психопатологии обобщенно называют чувствами и настроениями. Чувство или настроение не описаны должным образом, также как и то, каким образом человеческая экзистенция, переживающая или погруженная в них, присутствует в-мире, «обладает» миром и существует. (См. в моей работе³³ описание оптимистичного настроения и чувства оживленного веселья.) Помимо темпоральности и пространственности здесь следует принимать во внимание оттенок, освещение, вещественность и, прежде всего, динамику данного миропроекта. Все это можно исследовать как через индивидуальные вербальные проявления, так и через метафоры, поговорки, идиоматические выражения, а также через анализ языка писателей и поэтов. Идиоматический язык и поэзия — это неисчерпаемые источники информации для экзистенциального анализа.

Особую динамику, свойственную миру чувств и настроений, их подъемы и спуски, их движение вверх и вниз я обрисовал в своей работе³⁴. Доказательства такого движения можно найти как в состояни-

³¹ Автор имеет в виду не жестокие стороны культа Молоха, а пустоту идола, которую надо наполнить. — Редакторы.

³² Viz. L. Binswanger, «Geschehnis und Erlebnis», *Monatsschrift f. Psychiatrie*, s. 267 ff.

³³ Binswanger L. *Über Ideenflucht*. Zurich, 1933.

³⁴ L. Binswanger, «Dream and Existence», *Neue Schweizerische Rundschau*, 1930, IX, S. 678.

ях бодрствования, так и в сновидениях, интроспективных описаниях, в ответах, полученных в тесте Роршаха. Гастон Башляр в своей книге *L'Air et les Songes*³⁵ дает блестящее глубокое описание вертикали экзистенции: *de la vie ascensionnelle* (восхождение), с одной стороны, и *de la chute* (падение) — с другой³⁶.

Он прекрасно показывает экзистенциально-аналитическое значение важнейших метафор *de la hauteur* (высота), *de l'élévation* (возвышение, подъем), *de la profondeur* (глубина), *de la chute* (падение). Башляр совершенно верно называет психологию, — мы называли бы ее антропологией, — *ascensionnelle*, возвышающей. Без этой основы нельзя научно понять и описать ни чувства, ни ответы на тест Роршаха³⁷. Башляр понял, что произвело на нас сильное впечатление в случае Эллен Вест, а именно то, что воображение подчиняется «правилу этих четырех элементов» и что каждый элемент постигается согласно его особому динамизму. Мы особенно рады обнаружить понимание Башляром того факта, что те формы бытия, которые характеризуются падением, снижением, нисхождением жизни в целом, неизменно приводят к *imagination terrestre* (воображению земной стихии) или к обращению в землю, зарыванию, увязанию экзистенции. Это, в свою очередь, имеет огромное значение для понимания результатов теста Роршаха.

Эта *materialite* (материальность) миропроекта, происходящая из «настроенности» (*Gestimmtheit*) существования, не ограничивается окружающей средой, миром предметов или Вселенной вообще, но относится в равной степени ко всему миру людей (*Mitwelt*) и к собственному миру (*Eigenwelt*) (как было показано в случаях Эллен Вест

³⁵ Башляр Г. *Грезы о воздухе. Опыт о воображении движения*. М., 1999. — Прим. ред.

³⁶ Но нам также известно о горизонтали экзистенции, особенно из ответах на тест Роршаха. Она описывается как дорога, река, равнина. Она не раскрывает «направленность» экзистенции, но показывает маршруты ее жизненного пути.

³⁷ Однако исследования Башляра все же основываются на воображении (*le forces imaginantes de notre esprit, viz., L'Eau et les rêves* [Jose Corti, 1942]; *La Psychanalyse du feu* [Gallimard, 1938]; *Lautreamont*, [Corti, 1939]). В последней книге приведена примерная интерпретация случая, интересного с точки зрения психиатрии. В этих исследованиях не хватает антропологического, более того — онтологического базиса. Башляр еще не осознает, что его «воображение» ни что иное, как определенная форма бытия-в-мире и бытия-за-его-пределами. Но он приближается к пониманию этого в книге *L'Air et les songes*. Работа Башляра сегодня будет полезна как литературному критику, лингвисту, так и психиатру.

и Юрга Цюнда). Для них собственный мир и окружающий мир были доступны только в форме твердой, наэлектризованной материи, а мир людей — как энергичное, жесткое и непреодолимое сопротивление. Когда писатель говорит о «пассивном сопротивлении мира», он указывает на то, что мир людей может восприниматься не только метафорически, но и вполне реально, как остро ощущаемая, твердая и сопротивляющаяся материя. Это отражается также в таких выражениях, как «крутой парень» и «крепкий орешек».

Наконец, какое место призван занять экзистенциальный анализ в общей картине психиатрических исследований и изысканий?

Экзистенциальный анализ не относится ни к психопатологии, ни к клиническим исследованиям, ни к какому-либо виду объективного изучения. Его результаты в первую очередь должны быть переведены на язык психопатологии и соотнесены в свойственной ей манере с психической системой или даже с психическим аппаратом, чтобы быть спроецированными на физический организм³⁸. Этого нельзя добиться без тотальной, все упрощающей редукции, благодаря которой обнаруживаемые в русле экзистенциально-аналитического подхода феномены лишаются своего феноменального содержания, переосмысливаются с точки зрения функций психического организма, психических «механизмов» и т. д. Однако психопатология погубила бы себя, если бы не стремилась использовать для проверки своих представлений о функционировании то феноменальное содержание, к которому эти представления применялись и, таким образом, обогатить и углубить их. Экзистенциальный анализ способствует более глубокому проникновению в природу и происхождение психопатологических симптомов. Если в качестве таких симптомов мы принимаем особенности коммуникации, а именно, нарушения и трудности общения, то мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы проследить их причины. Это означает прийти к тому факту, что психически больные люди живут в «мирах», отличающихся от наших. Следовательно, знание и научное описание этих «миров» становится главной задачей

³⁸ Здесь мы говорим о роли психопатологии в рамках психиатрического медицинского исследования. Мы не отрицаем того факта, что в психоаналитическом исследовании, как и в чисто «понимающей» психопатологии, всегда могут быть найдены зачатки экзистенциально-аналитических взглядов. Однако они не указывают ни на методологическую научную процедуру, ни на знание того, почему и как экзистенциальный анализ отличается от исследовательской жизни-исторических связей и от «эмпатических» или «интуитивных» проникновений в психическую жизнь пациента.

психопатологии, которую она может решить только с помощью экзистенциального анализа. Экзистенциальный анализ не только научно объясняет *пропасть*, разделяющую наш «мир» и «мир» психически нездоровых людей и затрудняющую коммуникацию между ними, но и возводит через нее мост на вполне научной основе. Нас больше не останавливает так называемая граница между той психической жизнью, к которой мы можем относиться эмпатийно, и той, к которой не можем. Сообщения о случаях из практики свидетельствуют о том, что наш метод успешно применяется не только при общении с пациентами, как мы изначально думали, но и при проникновении в их историю жизни, при понимании и описании их миропроекта даже в тех случаях, в которых раньше такое казалось невозможным. По моему опыту, это особенно касается ипохондрических параноиков, понять которых иными способами очень сложно. Таким образом, мы также отвечаем и требованию *терапии*.

Эта идея, согласно которой именно миропроект отличает душевнобольных людей от здоровых и препятствует их общению, дает новое видение проблемы проекции³⁹ психопатологических симптомов на специфические процессы головного мозга. Сейчас важно не столько локализовать отдельные психические симптомы в коре головного мозга, сколько ответить на вопрос, где и как локализуются основные психические нарушения, которые мы определяем по изменению «бытия-в-мире». «Симптом» (например, скачка идей, психомоторная заторможенность, речевое новообразование, стереотипия и т. д.) оказывается проявлением расширяющегося изменения, происходящего в душе, изменения общей формы экзистенции и всего стиля жизни.

³⁹ Немецкий термин «проекция» здесь используется в смысле локализации или определения. — *Переводчик*.

ГЛАВА 2

Людвиг Бинсвангер

БЕЗУМИЕ КАК ФЕНОМЕН ЖИЗНЕ-ИСТОРИИ И КАК ПСИХИЧЕСКОЕ ЗАБОЛЕВАНИЕ. СЛУЧАЙ ИЛЬЗЫ⁴⁰

I. БЕЗУМИЕ КАК ФЕНОМЕН ЖИЗНЕ-ИСТОРИИ

ЖИЗНЕ-ИСТОРИЯ

Наша пациентка — интеллектуально развитая женщина 39 лет. Она удачно вышла замуж, но сейчас не совсем удовлетворена своим браком. Верующая, протестантка, мать троих детей, дочь крайне эгоистичного, сурового, тиранического отца и «ангельской», самоотверженной, очень доброй матери, позволявшей мужу относиться к себе как к рабыне и живущей только ради него.

С детства Ильза сильно страдала от таких условий жизни, чувствуя свое бессилие изменить их. На протяжении трех лет у нее проявлялись симптомы перенапряжения и «нервозности». После того как она посмотрела театральную постановку «Гамлета», ей пришла в голову идея с помощью каких-либо крайних мер заставить своего отца относиться к матери внимательнее. Во время учебы в школе-интернате у нее, не по годам развитой, возникло что-то вроде экстатической любви к собственному отцу, и тогда она поверила, что способна оказать на него большое влияние.

Решение Ильзы осуществить свой план было подкреплено сценой, в которой Гамлет замышляет убить короля во время молитвы, но удерживается от этого. Ильзе показалось, что, если бы Гамлет не упустил своего шанса в этот конкретный момент, он мог бы спастись. Она призналась своему мужу, что планировала что-то необычное, и лишь дожидалась удобного случая. Спустя четыре месяца после посещения театра, когда мать в очередной раз пожаловалась ей на отца, как

⁴⁰ «Wahnsinn als lebensgeschichtliche Phänomen und als Geisteskrankheit». *Monatsschrift für Psychiatrie und Neurologie*, Vol. 110, 1945, pp.129–160.

рассказала Ильза мужу, ей захотелось показать отцу, на что способна любовь. Если б он запретил ей это сделать, он сделал бы ее несчастной на всю оставшуюся жизнь; она должна была «освободиться от этого».

Однажды, когда отец в очередной раз упрекнул ее, она сказала, что знает, как его спасти, и в присутствии отца сунула свою правую руку до предплечья в горящую печь, затем протянула к нему руки со словами: «Смотри, я сделала это для того, чтобы показать тебе, как сильно я люблю тебя!»

Во время этого действия она не чувствовала боли, хотя получила тяжелые ожоги третьей степени, с последующим нагноением. Во время лечения, продолжавшегося 4 недели, она проявляла огромную энергию и упорство. Непосредственно после случившегося у нее появилось возвышенное, героическое состояние духа, и она давала указания окружающим, охваченным паникой. Отец на несколько недель изменил отношение к матери, но, к большому огорчению Ильзы, скоро конфликты возобновились. И все же в последующие месяцы муж находил ее более сильной, живой, энергичной и деятельной, чем когда-либо. Она заявила, что сейчас у нее нет других обязанностей, и она может всецело посвятить себя мужу и детям. Когда в том же году умер ее четвертый ребенок, она мужественно перенесла свое горе, твердо веря, что эта потеря стала расплатой за ее любовь к доктору, который лечил ребенка.

Ее состояние активности, не отмечавшееся прежде, сохранялось еще в течение восьми месяцев после инцидента; она очень много времени уделяла себе, упражняясь в интеллектуальном и физическом плане: читала Фрейда, посещала далькروزовскую гимнастическую группу, стала секретарем Союза дизайнеров женской одежды, но чувствовала, что ее силы убывают, особенно до и после менструации. Однажды, спустя 13 или 14 месяцев после получения ожогов она заинтересовалась у семейного врача, не считает ли он, что у нее может развиться психическое расстройство. Еще через три месяца она решила взять отпуск, почувствовав, будто «все поставлено на карту». Она отмечала, что раздражаема мыслями, которые, как ей казалось, были почти безумными.

Во время пребывания на курорте ей стало казаться, что она «сделалась центром внимания», и что на лекциях дамы выбирали места, чтобы иметь возможность наблюдать за ней. Во время публичного чтения новеллы Готфрида Келлера «Ландфогт из Грейфензе» она обнаружила многочисленные ссылки на себя и свою семью. В образе Фигуры Лей, описанной ею как «умная и изящная, но чересчур разодетая девушка», она увидела намеки на саму себя, а в характере дяди девушки — ссыл-

ки на собственного отца. Она была уверена, что некоторые сюжетные линии, которые в оригинале появляются только однажды, в процессе чтения повторяются. «Снова и снова эти сцены приветствия с джентльменами! Все так забавно! Каждый раз, как заходила речь о чересчур пышных нарядах, дамы начинали дико хохотать, что выглядело довольно странным. Как глупо! Наверно, они хотели проверить меня, как я буду на это реагировать». (С другой стороны, ее беспокоили навязчивые мысли о том, какое впечатление она производит на других своими словами и действиями.) Внезапно она вскочила со своего места и закричала: «Вы думаете, я не замечаю, что вы насмежаетесь надо мной! Меня это несколько не волнует, делайте все, что хотите!» После этого чтение пришлось прервать.

Когда пациентка была помещена в наше учреждение, ее бред отношения развивался, кроме того, возник любовный бред. Последний проявлялся не только в ее убеждении в том, что она любима и пристально изучаема врачами, но также в ее навязчивом стремлении любить врачей. «Я совершенно не могу ни есть, ни пить, пока не утолены голод и жажда моей души. Пожалуйста, дайте мне пищу для души, в которой я нуждаюсь, вы знаете об этом не хуже меня!» Ильза вообразила, что доктора усилили все ее влечения так, чтобы очистить от них ее «я»⁴¹ — от влечения к любви и влечения к правде. Так она представляла собственное лечение, которое, как ей казалось, было очень напряженным. Вскоре она стала воспринимать его как настоящую пытку.

«Не моя вина в том, что я пошла этим путем. Вы думаете, что все это бред, религиозные идеи — то, что я думаю, говорю, пишу подобным образом. Но это неправда, это моя натура, моя глубинная сущность, которая настойчиво требует выхода, чтобы снова смягчиться, или, вернее, которую вы вытягиваете из меня своими пыточными орудиями, глубоко рая меня. Во мне нет ничего другого, кроме того, что я показала вам, я знаю, что в этом нет ни тени фальши, ни погони за сенсацией. Я не могу понять, что скрыто в вас. Что есть во мне, я знаю, и рассказываю вам все без утайки. Но я не могу рассказать вам о том, что есть в вас, так как, наблюдая за вашим поведением по отношению ко мне, я могу делать разные выводы, и я не могу понять, какой способ поведения истинный». (Из письма к врачу.)

⁴¹ Когда она увидела, как моют окна, ее охватило неудержимое желание присоединиться к этому, чтобы все стало вымытым и чистым. То, что Ильза называла «лечением», — это, конечно, было ее бредовой идеей. Никакие психоаналитические эксперименты никогда не проводились.

То, что на стене ее комнаты висела картина зимнего пейзажа, было истолковано ею как намерение заставить ее стать «холодной, как лед». В другой раз ее посетило такое чувство, будто ее пальцы, кисти рук и предплечья слеплены из мокрой глины, словно они разбухли и совсем не принадлежат ее телу.

Когда ее спросили об ожогах, она объяснила: «Я хотела показать отцу, что любовь — это нечто, что истощает самое себя, не словами, а поступками. Это должно было подействовать на него, как удар молнии, как откровение, и должно было заставить его изменить свой эгоистичный образ жизни. Когда эта идея впервые посетила меня, я хотела посвятить ее матери, но затем подумала, что, если бы я это сделала ради него, это было бы правильнее. Я жалела его, и с того момента почувствовала к нему еще большую любовь и понимание. Я полагаю, что я должна любить так сильно всех людей, раз я так сильно люблю отца».

Ильза прошла через состояния сильнейшего возбуждения, сопровождавшиеся суицидальными тенденциями, ложными узнаваниями людей и бредовыми идеями отношения, но без галлюцинаций. После 13 месяцев лечения в клинике Ильза смогла вернуться домой, полностью излечившись от острого психоза.

Тема, вокруг которой сосредоточена эта биография — *отец*. В то же время, она демонстрирует попытку управлять этой темой. Заметен острый диссонанс, противоречие между любовью (почти экстатическое идолоподобное преклонение перед отцом) и энергичной борьбой с его тиранией — изначально с его тираническим отношением к матери. Диссонанс в этой теме означает открытую, никогда не заживающую рану жизни; ее исцеление было возможно только через изменения в образе мыслей и поведении отца, развод родителей или исключение отца из ее жизни. Все эти пути были заблокированы непреодолимыми внешними и внутренними препятствиями. Таким образом, жизнь превратилась в страдание, вызванное диссонансом ее главной темы, в горестное плавание по волнам безнадежности. То, что с точки зрения мира является безнадежностью, с точки зрения «эго» — неразрешимость, неопределенность, бегство от решений. Это ситуация Гамлета. В его судьбе, как в зеркале, Ильза видит собственную судьбу. Решение, которое она не способна принять за себя, она может, по крайней мере, принять за Гамлета. Она убеждена, что он должен был убить молящегося короля не колеблясь и тем самым спасти себя. Только такая решимость спасла бы его «от безумия». В ее собственной ситуации возможность уничтожения тирана исключена. Идея отцеубийства не может получить развития, а если бы это и случилось, ее любовь к отцу

помешала бы воплотить ее. Оба родителя твердо настроены против развода. Все, что ей остается — попытаться вынудить отца изменить свое поведение и отношение к матери. Тема, которая теперь возникает сама собой, — жертвоприношение, поскольку жертва дает Ильзе возможность доказать любовь к отцу, равно как и произвести желаемое «впечатление». «Жертве любви» приписывается способность преодолеть жестокую тиранию отца. Через жертву любви Ильза направляет жестокость на себя. Это она подвергается страданию от жестокой раны, чтобы мать могла избавиться от страдания. Сам же отец «помилуван» во всех отношениях.

Ожидаемое воздействие жертвы в долгосрочной перспективе теряется, жертва оказывается бесполезной. Жизненная рана снова открывается, глубже и болезненнее, чем ранее. До сих пор жертва была самоизбранным решением, решением «я» привести к примирению противоборствующие силы, но теперь «я» освобождается от какого-либо решения.

«Я» не выдерживает тяжелой задачи — дальнейшего развития лейтмотива своей истории. Но жизненная задача, поставленная темой как таковой, тем не менее, остается и требует «решения». Это самоотстраняющееся решение, в ее собственном понимании, заключается в следующем: ты *должна* столь сильно любить всех людей, потому что ты столь сильно любишь своего отца (бредовые идеи любви). Из этого можно сделать следующий вывод: ты *должна* привлекать внимание и интерес *всех* людей, так как ты привлекала внимание и интерес своего отца к себе; ты *должна* знать, какое впечатление ты производишь на всех людей, так как ты хотела производить впечатление на своего отца; ты *должна* реагировать на все, что делают другие, так как ты хотела знать, как твой отец реагировал на тебя; говоря кратко, ты *должна* быть в «центре внимания» *всех* людей (бред отношения).

Отсутствие осознания этих условий долженствования, которыми сопровождается ее любовь и стремления привлечь внимание, мы называем безумием. Лечение подобного душевного расстройства заключается в избавлении от *долженствования* и в восстановлении власти «я».

В нашем случае выздоровление было окончательным. Ильза оставалась совершенно здоровой до самой смерти в возрасте 73 лет.

Она была способна направлять тему «спасение» и «очищение» в здоровое русло, то есть утверждать ее в социально значимой деятельности. В течение определенного периода при помощи советов и консультаций экспертов она успешно практиковала как психолог-консультант и была также ведущей психологической группы.

ЖЕРТВА

Подобно тому, как война считается продолжением политики другими средствами, так и в нашем случае мы можем определить бредовые идеи Ильзы как продолжение ее жертвенности, но другими средствами. Даже сама по себе жертва может быть объяснена как продолжение ее прежней жизни, но с опорой на другие методы. Сама жертва была результатом и выражением очень сложного жизне-исторического сплетения мотивов. Рациональным мотивом было намерение произвести глубокое впечатление на отца, чтобы изменить его поведение и отношение к матери. Это намерение было реализовано через испытание огнем, переживание крайней физической боли, став демонстрацией силы ее любви, любви к отцу. Если в немецком языке хотят особенно подчеркнуть веру или намерение, то говорят: «За это я положил бы руку в огонь». Именно это и сделала Ильза. Так она пыталась доказать, насколько серьезна она была в своей вере и намерении «не позволять этому продолжаться», то есть терпеть то, как отец обращается с матерью.

Но тем же самым способом, жертвуя своей любовью, Ильза хотела спасти самого отца. Этот акт также представляет реализацию фантазии спасения, как она представлена в психоанализе в связи с «инцестуозными фантазиями». Как таковая, жертва выражает очистительное желание, желание очиститься от влечения к инцесту. Спасение отца есть в то же время спасение ее собственной чрезмерной любви к собственному отцу. Огонь предлагает себя в качестве подходящего посредника, так как подобно воде, он служит очищению, и в нашем случае очищению путем причиняемой самой себе пытке, увечья, раскаяния и аскетизма. Поэтому сама по себе жертва — акт искупления. Она служит выражением и подтверждением любви Ильзы к отцу, так же как и ее искуплению ради этой любви. Амбивалентная природа невротических и психотических форм выражения стала общепризнанной, начиная с Фрейда и Блейлера. Ильза предстает перед нами как героиня вдвойне, предлагающая свою любовь в качестве жертвы ради отца (и только косвенно ради матери), а также осуществляющая самопожертвование через принесение в жертву своей любви. Кроме того, смысл и противосмысл жертвы выражены в идее Ильзы, что из (частичной) смерти через пожертвование, как ожидается, зародится новая жизнь: с одной стороны, должен пробудиться к новой жизни ее отец, с другой — ее любовь к отцу заново восторжествует в ее жизни. (Тождество *огонь = жизнь* известно из античности, например, из учения Гераклита, а позже — Парацельса.)

Рука (равно как и нога), согласно психоанализу — это мужской символ, печь — женский. Но важнее, что это знание является знанием феноменологии огня в целом, то есть феноменальных форм огня как материальной манифестации (*Gewand, облачения*) физических и психических модусов существования, в первую очередь такого модуса существования, как «смерть и возрождение» (*Stirb und werde*).

Тем, что Ильза протянула в огонь руку — жизненный орган хватания и борьбы, овладевания чем-либо⁴² и проникновения куда-либо, органа самых чувствительных осязательных и болевых ощущений, — она не только пожертвовала своей «обременяющей агрессивностью», но также своим «внутренним огнем», ее внутренний раскаленный жар должен быть преодолен и очищен «внешним» жаром. «Необходимо проникать, входить в глубину вещей, глубь бытия, призывая интуицию внутреннего огня», — совершенно верно замечает Башляр. И хотя он добавляет: «Где не проникает взгляд и не проходит рука, проникает внутренний жар», наш случай показывает, что проникновение руки и внутреннего тепла могут находить выражение в одном и том же действии. В состоянии безумия, как мы увидим далее, больше нет печи, которая причиняет боль Ильзе, пытающейся войти в область своего «внутреннего жара», но есть «другие», близкие. Однако мы еще не подошли к этому.

Как мы заметили, вербальное выражение любви к отцу, которое могло быть заключено в словах: «Я готова отдать свою правую руку, чтобы доказать, что моя любовь не страшится никакой жертвы, если только ты принесешь в жертву свой эгоизм и свою жестокость по отношению к матери», было замещено *физическим* актом, реальным действием, жертвованием руки.

Эта жертва, как и любая другая, является актом самоотрицания, самоуничтожения и подчинения. Поэтому было бы ошибкой подвергать сомнению этический смысл и содержание этой жертвы. Но жертва, принесенная Ильзой, не была чистой и «абсолютной». Мотив заботы о матери поглощался все больше и больше мотивом доказательства

⁴² «Овладевание чем-либо» — это выражение, относящееся к модусу бытия, в котором «я» и «ты» противопоставлены друг другу, так что один из них может быть «в руках» другого, что допускает наличие целенаправленных отношений или действий. Далее в этой главе Бинсвангер использует это выражение, описывая отношение Ильзы к отцу и другим мужчинам как к объектам. Этому противопоставляется «дуальный модус» бытия, который имеет место, по мнению Бинсвангера, в подлинной встрече двух людей и в любви. См.: Binswanger L. «Grundformen und Erkenntnis menschlichen Daseins», Zurich, 1953.

любви к отцу и проверкой огнем своего влияния на него. Жертва — не чиста, но затуманена страстью. Подчинение — это также капитуляция ее внутреннего жара перед холодностью отца, выражение «безумной идеи» тронуть холодное сердце отца «неким решительным действием», «решительным поступком». В этой связи Ильза, без сомнения, ненамеренно использует еще одну метафору на тему огня; она хочет затронуть сердце отца «ударом молнии», не для того, чтобы опалить его, но чтобы растопить во «вспышке» своей любви. Таким образом, мы действительно можем сказать — не пользуясь словами Ильзы, — что жертва была очистительной бурей в душной и подавляющей атмосфере ее родительского дома. Вера Ильзы в силу любви сопровождалась стремлением к силе как таковой, самонадеянным намерением смести, словно ураган, границы личности. Но Ильза нарушает эти границы, несомненно, не только ради своего отца, но в той же мере и ради самой себя. Очистить свою страстную любовь к отцу она пыталась с помощью внезапного насильственного акта против самой себя, акта принудительного аскетизма, который доступен человеку только в устойчивом процессе медленного созревания.

Но жертва была во всех отношениях напрасной. Молния не поразила отца так глубоко и настолько решительно, как надеялась Ильза, и для нее самой этот акт не стал подлинно очистительным. Мы поймем это тем лучше, чем больше сможем прояснить для самих себя смысл жертвы. Такой смысл не исчерпывает себя в активном действии и замещающем символе; самый глубокий смысл любой жертвы состоит в *обретении*, в обретении союза. Действие, служащее доказательством любви, должно привести к единению, чтобы придать жертве «смысл». Своим доказательством, своим признанием я подтверждаю свою любовь к тебе, но только в акте единения ты отвечаешь мне, и только такой ответ является основанием для *Мы*. Однако в случае Ильзы, этот ответ отсутствует.

«Молния» не поразила, буря не очистила воздух, союз не создан. Поэтому жертва самоочищения тоже теряет смысл. Создание нового союза с отцом, очищенного, получившего освящение и закрепленного жертвой, сделало бы самопожертвование осмысленными; вследствие несостоявшегося единения, союза с отцом на уровне чистого *Мы*, самоочищение становится бессмысленным. Теперь вся экзистенция не только отброшена назад, к предшествующему статус-кво, но сталкивается с совершенно новым вызовом: что теперь?

БЕЗУМИЕ

«Глубинная сущность» Ильзы не примирилась. Внутренний огонь продолжал гореть до тех пор, пока однажды не стал угрожать ее экзистенции в целом. Ее неудача в установлении единства, пошатнувшееся доверие превратились в недоверие ко всему, в том числе к самой себе. Повышенное самомнение обернулось чувством, что ее честь находится под угрозой. Поскольку отец почти не обратил внимания на ее жертву, даже оттолкнул ее, она почувствовала себя не только непонятой, но и глубоко уязвленной. К ее любви к отцу добавилось крайнее разочарование и недоверие, равно как и к своей миссии и силе. К этим чувствам добавились сомнения, которые могут быть сформулированы следующим образом: неужели он не заметил, насколько все это было серьезно? Поверил ли он, что я была далека от жажды сенсации, что я хотела привлечь его внимание только для того, чтобы «произвести впечатление» и проверить силу моего влияния на него? Заметил ли он, как сильно я его люблю, знает ли он, как сильно он ранит и обижает меня?

Все это ни с кем не обсуждалось. Чего можно было добиться словами, даже если «поступок» не смог ничего доказать (т.е. не привел к созданию единения). Теперь Ильза вынужденно встала в защитную позицию. Казалось, все зависит от того, удастся ли ей доказать доброту ее намерений и искренность, только это поможет защитить ее честь и освободить ее страсть. Но опять-таки здесь она убеждена в том, что сталкивается с сопротивлением: другие отказываются ей верить, высмеивают ее, издеваются над ней, так же как «насмехался» над ней ее отец.

В безумии руки Ильзы действительно оказываются «принесенными в жертву»: они распухли, стали холодными как лед, по ощущениям похожими на «влажную глину» и кажется, что они больше не принадлежат ее телу. Внутренний огонь как таковой, «голод и жажда души» тоже оказались принесены в жертву; этот огонь в процессе очищения превратился в «ледяную холодность». «Потребность проникнуть в глубину вещей», в глубину печи, чтобы оттуда проникнуть в глубинную суть отца, теперь замещается новым искушением. А именно, потребностью проникнуть внутрь других существ, болезненное стремление проникнуть своим внутренним огнем прямо в души окружающих людей, узнать, что «в тебе это есть». Но внутренний огонь, встречаясь с другими, опять не переплавляется в новую жизнь и новый союз. Из-за сопротивления и «холодности» других «пытка огнем» продолжается, становясь источником болезненных сомнений, колебаний между предполагаемым знанием и незнанием, между мучительным недоверием и упованием верующего. В этом процессе границы между внутренним

и внешним огнем постоянно растворяются; иногда «глубинная суть» Ильзы пробивается вовне, за свои пределы, а иногда она вытягивается наружу другими людьми с помощью «пыточных инструментов».

В состоянии безумия она снова и снова делает заявления в защиту своей чести, защищается от обвинений в жажде сенсации, мошенничестве, в «погоне за иллюзиями». Все эти протесты звучат как запоздалые оправдания ее жертвы: *не ради жажды сенсации, не для того, чтобы привлечь внимание отца, не из-за своего самомнения она положила руку в огонь!* Напротив, ее истинной целью было помочь матери обрести достойное человеческое существование. Тем не менее, было невозможно остановить поток ее самообвинений в том, что жертва не была совершенно искренней. Поэтому ее лечением должно было стать очищение ее «стремления к любви и правде». Здесь мы снова сталкиваемся с амбивалентностью психотических проявлений. С одной стороны, Ильза *должна* горячо любить всех людей, поскольку она горячо любит своего отца, и она *должна* чувствовать, что она привлекает *всеобщий* интерес, так как хотела быть центром внимания своего отца. С другой стороны, она *должна* совершать (очищающие) исправления *ради* этой любви и *ради* этого желания быть в центре. До тех пор, пока она верит в очищающие намерения врачей и убеждена, что может истолковывать их намерения в этом смысле, врачи остаются ее друзьями и помощниками; если же она решит, что это не так, они превращаются в мучителей и врагов. Но между двумя возможными истолкованиями лежит сомнение в том, что «в тебе это есть», утраченная способность реально проникать в глубину других. Опять-таки в ее уверенности в том, что другие относятся к ней плохо, следят за ней, испытывают ее инсинуациями, насмеваются над ней и мучают ее, мы распознаем недостаточное сознание и чувство вины (связанное с ее «пылающей» любовью к отцу). В связи с этим, другие становятся точно такими же деспотичными, непреклонными и недоступными для ее любви, как и отец! Таким образом, вся диалектика ее отношений с отцом продолжится в диалектике отношений с окружающими в целом.

Итак, истинный смысл ее безумия заключается в плюрализации⁴³ отношений с отцом, в трансформации единичного *ты* и дуального

⁴³ «Плюрализация» — термин, который часто используется в этой работе. Под ним Бинсвангер понимает распространение, расширение особенностей, свойственных взаимоотношениям Ильзы с отцом на ее отношения со всеми другими людьми. Плюрализация — это распыление, нивелирование, как пишет далее Бинсвангер, изменяющее основную и реальную ценность «мы-отношений».

мы в множественность (plurality) *вы* (мн. число) и *мы*. В этом смысле душевное расстройство — это выражение отмены «табу на инцест». «Внутренне пламя», прежде ограничиваемое этим табу, теперь разрушает все преграды и опалает *всех* людей, которые оказываются рядом. Таким образом, *ты*, хоть и оскверненное и обесцененное, приближается к своей «естественной судьбе».

Но все же для Ильзы, замужней женщины, *ты* — остается табу, причиной страха и упрека, упрека в том, что она «помешана на мужчинах». В любящей наряжаться Фигуре Лей она видит, как в зеркале, собственное кокетство и влечение к мужчинам, точно так же, как в Гамлете она видела отражение собственной нерешительности. С Фигурой Лей она может идентифицироваться еще в одном отношении; эта девушка — самая очаровательная среди бывших возлюбленных ландфогта, она словно «сошедший с небес ангел, совершающий некое таинство». И она отказалась выйти замуж за ландфогта, «потому что она не знает, когда ее отзовут в неведомую страну, где скитаются тени»⁴⁴.

Реальный смысл безумия Ильзы (или, как это представляется здравому человеку, ее безрассудство) мы видим в нивелировании и плюрализации *ты*. Теперь мы понимаем, что этот процесс может быть связан не только с позитивным мотивом, влечением, но и с его противоположностью, негативным мотивом, отталкиванием. Разочарование Ильзы в отце развивается — всегда путем плюрализации *ты* — в бред отношений. Плюрализация *ты* — это системный принцип, с помощью которого может быть понято предполагаемое расстройство («безумие»); это принцип, который нам позволяет увидеть болезнь не как хаос, а как метод.

Таким образом, научная проблема, которая встает перед психиатром в виде безумия Ильзы, обретает методологическую основу.

РЕЗЮМЕ

Жизне-история Ильзы представилась нам вполне соответствующей нашему предмету исследования, так как она содержит только одну ключевую тему, а ее различные фазы могут служить яркими иллюстрациями специфических вариаций этой темы. Эта ключевая тема выступает в качестве *константы*, которая предлагает ключ к нашему пониманию жизни Ильзы как истории. История всегда тематична. Категория тем, которые человеку даются судьбой или которые он выби-

⁴⁴ Жизнь этой героини новеллы Готфрида Келлера отягощена плохой наследственностью, вследствие которой она в любой момент может утратить разум. — Прим. ред.

рает для «разработки», а также способ, которым он варьирует их, и есть его история.

В случае Ильзы константой является, как мы поняли, тема отца. Эта историческая тема, как все другие, не абсолютна, не отделена от целостной жизненной ситуации, но она является самой реальной жизненной проблемой и, как таковая, доминирует в жизне-истории. Эта проблема — ее отец, обожаемый и холодный тиран, который притесняет любимую мать и отравляет жизнь Ильзы и ее семьи, создавая душливую и подавляющую атмосферу, из которой Ильза-ребенок, Ильза-женщина и мать никогда не могли вырваться, и в которой бесконечно тянется ее жизнь, полная беспомощности и безнадежности. Это отличает первую фазу ее жизне-истории.

На четвертом десятке жизни давление этой атмосферы сгущается настолько, что становится невыносимой пыткой. Все более Ильза понимает, что только буря, удар молнии могут очистить атмосферу. Ее ключевая проблема обостряется до состояния кризиса. Все ее существование в смятении, и она решает поставить все на карту. Несомненно, Ильза самостоятельно пришла к принятию этого решения, но теперь ее «я» подчинено этому решению и управляется им; так что, ее самое страстное желание — освободиться из этого плена посредством отчаянного шага. «Я» уже никоим образом не контролирует себя, ключевая проблема — тотальная зависимость. Это вторая фаза ее жизне-истории. Она подходит к завершению в патетично насильственном разрешении кризиса через действие, через огненную жертву.

Третья фаза инициирована силой «я», вновь обретенной благодаря действию; но это превосходство вскоре теряется, уступая другому импульсивному стремлению, другому, кажущемуся беспредметным, возбуждению, которое заставляет ее метаться из стороны в сторону, обращаясь к различным вторичным целям, и спустя примерно пятнадцать месяцев после совершенного акта замещается новой вариацией ключевой темы, но реализуемой другими средствами. Вначале пассивная беспомощность, затем активное, самостоятельно избранное действие, над которым она со временем теряет контроль, и затем крайнее «отсутствие самообладания», подчинение теме, которая теперь обладает над ней безграничной властью. Это не просто тема, это спор между «я» и миром, обостренный конкретной экзистенциальной ситуацией. Тема больше не имеет границ, она увлекает за собой, сметая любые преграды, экзистенцию целиком, она ограничивает восприятие и фокусирует все внимание на себе. Она вынуждает женщину, которой управляет, в мире окружающих ее мужчин (*Mitwelt*) повсюду встречать «отца», снова и снова противостоя и капитулируя. Отец для

Ильзы был не просто *ты*, он был объектом *sorge* (комбинация «заботы» и «беспокойства»), тем, чем «можно овладеть» (потенциально и реально), чем-то, на что следует влиять и воздействовать. И так же сама Ильза была принимаема и отвергаема им, становилась то источником разочарования, то объектом подавления. Соответственным образом теперь развивается и взаимодействие между нею и окружающим миром (*Umwelt*). Этот мир, заняв место отца, теперь воплощает в себе ту силу, с которой невозможно заключить союз, достичь мирного соглашения или гармонии. Но если ты — это объект и любви и беспокойства, то имеет место постоянный конфликт, сила становится неразрешимой загадкой, загадочной силой. Так же, как жестокость и холодность отца, его недоступность для любви и жертвенности стали для Ильзы мучительной загадкой, так и весь окружающий мир становится загадочной силой; порой это любящее *ты*, которому она готова отдать не только руку, но и себя, порой — жестокий, лишенный любви, не приемлющий ее мир, который насмехается над ее любовью, высмеивает ее, унижает и оскорбляет ее достоинство. Теперь ее существование полностью ограничено действиями притяжения и отвержения и связанной с этим тревогой. Но с плюрализацией *ты*, с охватившей все ее существование темой и утратой первичной цели, то есть отца, никакое решение проблемы больше невозможно. Тема, бесконечно повторяясь, вращается вокруг самой себя. Единственный оставшийся вопрос... найдет ли экзистенция выход из этого спора с собой, вернется ли к себе и очистит тем самым путь для новых решений или она будет вовлечена в процесс бесконечно повторяющегося обсуждения себя как таковой в действиях, поведении или словах. Но, пока тема не теряет своей актуальности, ее жизне-история продолжается...

Наконец, мы наблюдаем четвертую фазу ее жизне-истории, достигнутую к концу жизни, фазу, в которой «я» пришло к «власти» и привело жизненно-историческую проблему к новому, на этот раз определенному решению. Давление беспомощности и нерешительности, пафос молниеносного действия, подчинение подавляющей власти проблемы и состояние безрассудного движения взад и вперед — все это постепенно замещено тем, что можно назвать «здравым» решением: сдвиг проблем любви, очищения и сопротивления на путь целенаправленной и методической, преодолевающей боль и терпеливой психологической работы, коротко говоря, сдвиг в мир *практики*. *Ты* и окружающий мир (*Umwelt*) наконец возрождены в готовности помогать и работать на благо ближнего. Разрыв между *ты* и сопротивлением равнодушного мира преодолен, и это сопротивление больше не проявляется в жестокости, холодности, презрении и пренебрежении

окружающих, но являет себя в страдании, которое доступно для психологической работы и может быть этой работой преодолено.

Тема отца, несомненно, крайне важна, но мы не должны абсолютизировать «комплекс отца», превращая его в независимое «бытие». Еще в меньшей степени мы должны видеть в этом, как это принято в психоанализе, просто историю либидо, его фиксацию на отце, его вынужденное отделение от отца и его постоянный перенос в окружающий мир. Действуя таким образом, мы ошибочно будем толковать сущностные возможности человеческого бытия как генетические процессы развития, сводить саму историю к натуралистическому взгляду на нее. Но только человеческая экзистенция поистине исторична. Хотя ее история определяется темами, которые ей приписываются и которые она развивает, и даже хотя ее история состоит в наличии этих тем и их развитии, все же ее историчность опирается на отношение к ее «основанию». Хотя экзистенция сама по себе не устанавливает свое основание, а получает его извне как свое бытие и наследие, ей все же дается свобода в формировании отношения к основанию. Иметь отца и мать — это часть бытия человека, точно так же, как иметь организм и историю. Поэтому, если родители «утрачены», экзистенция может подвергнуться самому серьезному кризису. Но Ильза осознала, что этот отец и эта мать — ее судьба, полученная ею как наследство и как задача; проблема ее экзистенции была в том, как разрешить эту задачу в контексте этой судьбы. Поэтому в ее «комплексе отца» действуют судьба и свобода. Оба этих фактора «ответственны» за выбор жизненно-исторической темы и разработку ее вариаций.

Наконец, мы должны признать, что в нашем случае мы даже не знаем темы в ее первоначальном виде, в той форме, которую она имела в период детства Ильзы. Это не просто упущение в нашем обсуждении жизне-истории, это настоящий провал. Если бы мы знали инфантильную архаическую тему отца, мы, вероятно, увидели бы в ней семена всех возможностей, которые мы нашли развитыми и воплощенными в дальнейшем.

БЕЗУМИЕ, ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И ЭМПАТИЯ

Говоря о таких жизне-исторических феноменах, как беспомощность, готовность к жертве, безумие и последующая активная работа, мы считаем необходимым исследовать и описать эти явления в свете их феноменологической структуры. Это задача экзистенциального анализа или антропологической феноменологии. Все эти феномены являются феноменами бытия-в-мире-за-пределами-мира, они его

специфические модусы и продуцируют, в свою очередь, специфические модусы бытия-собой и небытия-собой, бытия-вместе и небытия-вместе, пространственной и временной протяженности и т. д. Таким образом, мы переходим границы жизне-исторического анализа в направлении феноменологического экзистенциального анализа. Поскольку мы повсюду сталкиваемся с этими вопросами, мы заострим на этом внимание. Но следует подчеркнуть, что вид и образ действия данного бытия-в-мире-за-пределами-мира также определяет способ, которым мы, ближние, общаемся с человеком на разных этапах его жизне-истории, которым мы проявляем симпатию и приближаемся к его пониманию. Степень потенциального и реального согласия между моим миром и его миром определяет степень возможного общения, «понимания».

Теперь мы подошли к тому, что обычно характеризуется очень расплывчатым термином «эмпатия». Само понятие не способствует пониманию явления; как только вводится чувство или чувства, нам приходится идти на ощупь, как в тумане. Мы сделаем это понятие более ясным только в том случае, если сможем проверить и описать это чувство с точки зрения его феноменологического содержания. В случае «эмпатии», например, мы должны рассмотреть, в какой степени она связана с феноменом *теплоты*, феноменом возможности или невозможности слияния *внутреннего жара* (как в нашем случае), *голосовым* или *звуковым* феноменом, подобным тому, о котором упоминает поэт Гельдерлин, когда, говоря о своей матери, пишет, что в ее душе нет звука, на который не отозвалась бы его душа; или феноменом *касания*, когда мы говорим: «твоя печаль, твоя радость трогает меня», или феноменом *сопереживания* (в значении разделять чувства другого), как он выражен Диотимой в «Гиперионе» Гельдерлина: «Тот, кто понимает тебя, должен разделять твое величие и твое безумие»; или феноменом *соучастия*, как в выражении: «Я участлив к твоему горю», или, наконец, феноменом «*идентификации*», когда мы говорим: «На твоём месте я сделал бы то же самое» (в противоположность позиции «Я не понимаю, как ты мог это сделать»). Все эти способы выражения относятся к определенным феноменологическим, интенциональным или до-интенциональным модусам бытия-вместе и со-бытия, которые должны быть проанализированы прежде, чем целостный феномен эмпатии будет всесторонне прояснен. По этой причине дифференциация психической жизни, к которой мы можем испытывать эмпатию и психической жизни, к которой мы не можем ее испытывать (шизофреники), теряет значительную часть своей научной ценности, не говоря уже о том факте, что ограничения возможностей эмпатии являются

весьма субъективными и сильно зависят от способности исследователя к эмпатии и его «воображения».

К счастью, сегодня мы в состоянии преодолеть дихотомию между психической жизнью, способной к эмпатии и неспособной к эмпатии, так как теперь мы располагаем методом, который позволяет нам феноменологически анализировать данное бытие-в-мире независимо от этой дихотомии. Этот метод — антропологический или экзистенциально-аналитический, который восходит к феноменологии Гуссерля и который испытал значительное влияние Хайдеггеровского «*Dasein Analytics*». Здесь же мы должны решить проблему коммуникации, чтобы найти действительно отправную точку для нашего подхода к проблеме «Безумие как психическое заболевание».

II. БЕЗУМИЕ КАК ПСИХИЧЕСКОЕ ЗАБОЛЕВАНИЕ

Обсуждая в научном или ненаучном контексте психическое заболевание, говорят о симптомах психического расстройства у конкретного человека. Но то, что проявляется в этих симптомах, это, как и в случае физической болезни, отнюдь не «расстройство». Симптомы скорее указывают на нечто, что скрыто «за» ними. Само по себе расстройство подлежит выявлению или определению, и симптомы служат здесь проводниками, направляющими нас. Что же представляют собой эти симптомы?

Вернемся к нашему случаю, жертвенному акту Ильзы и представим, как реагировал бы на такое действие неспециалист. Он, вероятно, спросил бы себя: способен ли я сделать такое или мог бы я сделать то же самое, будь я на месте Ильзы? И его ответ был бы: нет; ни один нормальный человек не сделал бы такое в наше время. И, столкнувшись с плюрализацией *ты* он был бы потрясен еще более: «Да эта женщина совсем сошла с ума!». Итак, мы видим, что суждение о болезни или здоровье — это вопрос нормы, принятой в социуме. Если действие, поведение или высказывание отклоняются от этой нормы, оно оценивается как нездоровое, как симптом болезни. Однако найдутся люди, которые увидят в жертве выражение истинно религиозного или морального самоотречения, подлинной готовности к самопожертвованию ради ближнего. Такие люди решительно отвергнут идею, что жертвоприношение следует рассматривать как симптом болезни. Мы понимаем, что норма поведения, несомненно, зафиксирована для всех, но она варьирует в соответствии с образованием индивида и его культурой или культурным окружением. Что одним человеком воспринимается как ненормальное или отклоняющееся от нормы может

казаться другому совершенно естественным. Понятие «больной» или «здоровый» формируется, таким образом, внутри культурной системы координат. Естественно, то же самое справедливо для психической болезни. То, что мы сегодня считаем симптомом расстройства, виделось древним Грекам как вдохновенность Аполлоном, а христианам средневековья — как одержимость дьяволом. То, что на пике пиетизма могло считаться выражением крайнего благочестия, сегодня рассматривалось бы как явление нездоровой саморефлексии и патологического чувства вины и т. д. Но все это не может отменить того факта, что человека считают «больным», если его социальное поведение отклоняется от соответствующей нормы, «бросается в глаза» или кажется странным.

Но мы не должны довольствоваться этим. Хотя мы в своей оценке отклонения опираемся на нормы социального поведения, наше суждение основывается на фактах, которые являются до- и иррациональными, а именно, на факты из области *communicatio* (социальное взаимодействие) и *communio* (единение). Например, некто считающий жертву Ильзы нездоровой, показывает тем самым, что такое действие, или, точнее, то, что Ильза вкладывает в это действие, кажется ему «странным», что между ним и нею лежит нечто воспринимаемое им как барьер для *communicatio*, и тем более для *communio*. Теперь Ильза не «еще один», не как остальные, и тем более не Ты, а другая, странная личность, Вы, любящая встреча с которым исключена. Барьер, или препятствие для *communicatio* и *communio* превращается в объект⁴⁵ (привлечения внимания, избегания, жалости, оценки и т. д.). Тем самым я отделяюсь или отгораживаюсь от окружающих, и близость симпатии и взаимодействия превращается в дистанцию объективного отношения, наблюдения и оценки. Поскольку явление любви и возможность общения в огромной мере зависят также от принадлежности к культурному сообществу, то должна учитываться культурная относительность оценки «больной». Но здесь мы хотели продемонстрировать, что симптомы расстройства, с которыми имеет дело психиатрия, относятся к фактам из сферы взаимоотношений или, точнее, что они представляют собой факты взаимодействия и общения, короче говоря, понимания в самом широком смысле слова.

Даже психиатр поначалу действует так же, как непрофессионал. Он тоже оценивает жертву Ильзы, и часто делает это в морализаторской манере. Он, например, может охарактеризовать ее действие как странное, как проявление «чрезмерной» или «эксцентричной» любви, как

⁴⁵ См.: Le Senne Rene. *Obstacle et valeur*. Paris, Aubier, Edition Montagne, 1934.

дикость или безумие, точно так же, как он воспринимает поведение гебфреника или маньяка, находя его вызывающим и безрассудным. Очевидно, что его не могут удовлетворять такие «субъективные» критерии, которые меняются от личности к личности и от культуры к культуре, и что он должен найти более определенные критерии. Это требует не только добросовестного обзора и изучения всего эмпирического материала по аномальному социальному поведению, но также новой системы отсчета, в рамках которой и с помощью которой формируется оценка психиатра. Такую систему отсчета он может найти, как мы знаем, не в культуре, а в естествознании. Поэтому он может достичь своей научной цели только в том случае, если постарается понять поведение не с точки зрения культуры, а с естественнонаучных позиций.

Для этого психиатр вначале должен собрать и классифицировать наблюдаемый материал подобно тому, как делает это, опираясь на естественнонаучный подход, ботаник или зоолог, чтобы расположить и организовать собранные данные в естественнонаучной системе. Исходя из этого, он рассматривает сложный и драматический жизнеисторический феномен жертвоприношения как отдельное событие, имевшее место «во времени» и «внутри» человека, он относит его к категории аномальных, абсурдных или «эксцентричных» действий, возможно, относит его к классу «шизоидного» или шизофренического поведения и рассматривает последнее как симптом шизофрении. В действительности, поступая так, он полностью игнорирует жизнеисторическую структуру и смысл жертвоприношения. Он прибег к естественнонаучному методу категоризации и теперь знает, в какую категорию расстройств включить это действие. При этом он достиг своей первичной цели — сформировал диагностическое суждение.

А теперь мы должны спросить себя: что в данном случае произошло? Наше представление об аномальности, безусловно, существенно изменилось. Когда мы говорим о симптомах расстройства и выносим диагностическое суждение, то исходим из совершенно иной системы отсчета. Это — не культурная, не чисто естественнонаучная биологическая система, а медицинская. Это система координат медицинской патологии. Если мы оцениваем аномальное социальное поведение — культурный факт — психиатрически как патологический феномен, мы покидаем область чисто биологической оценки и вступаем в область оценки с биологической установкой, как если бы мы имели дело с физическим отклоняющимся поведением. Здоровье и болезнь — ценностные понятия, объекты оценки, основанной на биологической установке, независимо от того, рассматриваем ли мы их

вместе с Вирховым (Virchow) с точки зрения безопасности организма (болезнь как угроза или опасность), с Крелем (Krehl) — с точки зрения продуктивности или жизнеспособности (болезнь как их ограничение) или с Фрейдом — с точки зрения наслаждения жизнью (болезнь как страдание). Психиатр, который оценивает жизне-исторический феномен безумия или жертвоприношения как симптом шизофрении или психического расстройства вообще, выражает тем самым не просто тот факт, что он рассматривает их как аномальное поведение, но что он и видит в них угрозу, ограничение, страдание. Но он не останавливается на этом, по крайней мере, пока не попытается проследить эту угрозу, это ограничение, это страдание до событий в естественном объекте, что позволяет нам рассматривать человека в целом как естественный объект (или редуцировать его до такого объекта), даже если это влечет потерю важной части наблюдаемой реальности (*anschaulicher Wirklichkeit*). Этот естественный объект есть организм как общий контекст жизни и функционирования индивида⁴⁶.

Таким образом, то, что в этом контексте обозначено симптомом заболевания, нечто скрытое, на что указывает симптом, представляет собой угрозу или факт ограничения организма, коротко говоря, нарушение эффективности или функционирования организма. Конечно, здесь имеет значение только система отсчета в целом, в рамках которой выносятся психиатрически-медицинская оценка.

В процессе вынесения психиатрического суждения психиатр не обязательно должен осознавать эту (телеологическую) систему отсчета. Вероятно, между этой системой отсчета и фактами, данными, которые следует оценивать, простирается все эмпирическое знание психиатрии и знание вышеупомянутой «системы» психиатрически-

⁴⁶ Но следует упомянуть, что полная редукция человека к его организму возможна только «абстрактно», и кажущаяся тайна психофизической связи происходит только из этой абстракции. В «действительности» нет организма и нет мозга, который не мог бы быть объявлен кем-либо как «мой» организм или «мой» мозг. Однако отношение обладания фундаментально устраняется из категорий естественных наук. Оно не участвует в определении того, что следует рассматривать как объект природы. Эта проблема была затронута еще Кантом, когда он, говоря о «ловушке» в проблеме локализации души в телесном мире, отметил, что тело, изменения которого являются *моими* изменениями, — это *мое* тело, и что его место — это мое место. [См.: Кант И. Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики. // Кант И. Сочинения в шести томах. М.: Мысль, 1963-1966, Том 2. — Прим. ред.] Это уже указывает на тот факт, что «*мое тело*» должно одновременно всегда означать «меня».

медицинской *патологии*, развившейся в соответствии с исключительно естественнонаучными принципами. Только на это знание опирается психиатрическая оценка. «Диагностика» означает точное и ясное видение, тщательную проверку и *решение*, принятое на основе такой проверки и видения. Только путем точного исследования и дифференциации признаков и симптомов болезни, которые требуют серьезного знания и опыта в психиатрической патологии, врач способен диагностировать скрытое психическое расстройство, к которому относятся эти признаки и симптомы и с помощью которых оно фиксируется. Однако таким путем скрытое только именуется, то есть определяется как существующее «здесь и сейчас» в организме, но, несомненно, не открывается в своем бытии (*Sein*) или сущности. То, что психиатрия пытается сделать, и что она сделать в состоянии — вовсе не открытие этой сущности, но все более глубокое и точное проникновение в существующий медицинский факт, как, например, в факт шизофрении, в причины его существования, в возможности борьбы с этими причинами и их устранения, а также устранения их последствий. Действительное раскрытие бытия (сущности) в этом случае, как и во всех других, возможно только путем философского («онтологического») открытия.

Редукция человеческой жизне-истории к событиям в функционировании организма происходит не только под давлением естественнонаучного медицинского метода и его достижений; может быть и было философски утверждено, что во всех случаях, когда обсуждается болезнь, в конечном счете, необходимо обратиться к организму. Но остается серьезная психиатрическая проблема, связанная с тем, как поведение, диагностируемое как патологическое, может быть сведено от нарушения коммуникации к нарушению в организме, в частности, в головном мозгу. Наш случай показывает, насколько важно проследить жизне-историю на всем ее пути к психической болезни. Тем самым мы можем показать, что непозволительно из этого безумия вычленивать единичные связи, такие, как бредовые идеи любви у Ильзы, или ее идеи отношения, или ощущение глиняности ее рук и их отделенности от тела, и проецировать их по отдельности на организм или мозг. Все, что мы можем сказать, — это то, что целостная форма, в которой предстает жизне-историческая тема, форма решения задачи, которая поставлена темой, может быть патологической и, таким образом, зависеть от органического нарушения. Все выходящее за эти рамки, относится к области мозго-патологических спекуляций, поскольку не «мозг» думает и проводит жизне-историческую тему, а «человек» (*der Mensch*).

Конечно, можно спросить: а что стало бы с Ильзой, если бы отец принял ее жертву, если бы он заключил с ней новый союз, и ее любовь к нему тем самым была бы «очищена»? Очень возможно, если не наверняка, что болезнь затихла бы или приобрела другую форму. Эта возможность сама по себе, и даже более — возможность «активной» психотерапии при психоневрозе, — указывает на то, что человек не «состоит из psyche и soma», но что организм как таковой гораздо больше и нечто отличное, чем просто организм. Человек был и остается единством. Он не «разделен» на тело и психику, скорее, тело — это также психика, а психика — также и тело. Хотя они, судя по эмпирическим наблюдениям, не «идентичны», они представляют пограничные понятия, которые взаимно нуждаются друг в друге; однако, рассматриваемые по отдельности, они оказываются чисто теоретическими конструктами. Только с такой точки зрения мы в состоянии понять, что поворот в жизне-истории может привести к изменению физиологических показателей, что он может стать причиной поворота в способе формирования жизне-исторической темы.

Раз мы коснулись проблемы «сознание—тело», мы хотели бы сказать несколько слов о концепции, которая рассматривает психические расстройства как «болезни души». Мы должны оспорить эту формулировку. «Душа» — это религиозное, метафизическое и этическое понятие. Вне этих сфер мы можем использовать его только как теоретический вспомогательный конструкт в рамках специфического поля, как, например в психопатологии. Что сказать об этой вспомогательном конструкте в психиатрии? Если в этой области мы говорим о принципах, проявлениях или механизмах психики, мы удваиваем организм, разделяя его на два природных объекта, один — психический, а другой — физический. Тогда обоим объектам приписывается влияние друг на друга, или параллелизм одного и другого, или они опознаются как *один* — который, однако, может, в конечном счете, рассматриваться изнутри или извне. Но как только душа становится объектом природы или каким-то образом объективируется — как в психопатологии, — она немедленно перестает быть душой, мы можем это увидеть, просто анализируя фразу «душевные события».

Если мы хотим говорить о душе в ее истинном смысле, следует понять, что она противоположна всему объективизму, включая природу. Мы можем назвать ее «субъективностью», но не должны идентифицировать ее с «я», которое есть лишь «гипостазированное относительное понятие» (в отношениях «я и ты», «я и он/ оно») — как уже было ясно показано Вильгельмом фон Гумбольтом. Скорее мы должны понять, что субъективность (в противоположность объективности) опять-

таки определенный способ «трансцендирования» бытия-в-мире как такового, как бытие-направленное-к, или как психический феномен (Брентано), или как интенциональный акт (Гуссерль).

III. БЕЗУМИЕ КАК ЖИЗНЕ-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН И КАК ПСИХИЧЕСКОЕ РАССТРОЙСТВО

Различие между безумием как жизненно-историческим феноменом и как психическим расстройством коренится, как мы видели, в различии между человеческим существованием (*Dasein*) или бытием-в-мире, с одной стороны, и природой с другой. Поэтому там, где мы говорим о жизне-историческом феномене, мы говорим об историчности в целом, а где обсуждается историчность, обсуждается существование или бытие-в-мире. С другой стороны, если мы говорим о природе, мы говорим о «мире», поскольку под природой мы понимаем «категориальную совокупность тех бытийных структур, которыми определенная сущность, встретив их внутри-мира, может обладать»⁴⁷.

Соответственно, методология познания в каждом из этих случаев совершенно разная: в первом это феноменологически-антропологическая интерпретация, в последнем — познание природы, или естественнонаучный подход.

Здесь читатель может задаться вопросом: не приводит ли наше разделение методологии гуманитарных и естественных наук к разрыву изначального единства человеческого бытия? Вера в это единство, безусловно, имеет все основания, как мы уже отмечали ранее. Еще в античности Гераклит ввел в оборот представление о единстве, так, что его антропологические, психологические, космологические и телеологические взгляды образовали гармоничную систему⁴⁸. Но сегодня мы должны учитывать, что европейское сознание, со времен до-сократиков, утратило свою невинность и поддалось духу *разделения*, то есть духу науки. Однако наука, которая по своей сути должна опираться на определенные философские принципы и методологические предпосылки, никак не может уловить «исходное единство» т. е. сфокусироваться на нем и осмыслить его. Это положение нельзя изменить ныне модным представлением о единстве сознания и тела. Или послед-

⁴⁷ Эта фраза из работы Хайдеггера, почти не поддающаяся переводу, в оригинале звучит так: «Inbegriff von Seinsstrukturen eines bestimmten begehenden Seienden». [Цитата из книги Хайдеггера «Бытие и время», § 14. — Прим. ред.]

⁴⁸ Это разграничение сделано по моей статье «Lebensfunktion und Lebensgeschichte, Monatsschrift für Psych. Und Neur, Bd 68, 1928.

нее ничего не означает, кроме хорошо известной эмпирической связи между этими сферами (которые, в силу их отношений, не могут быть этим единством), или под ним скрывается допущение, что за разделением, осуществленным наукой, или, вернее, науками есть единство, нам недоступное. Такое представление, являющееся в действительности уже философским по сути, это именно то представление, на которое опирается антропология, применяемая экзистенциальным анализом и основание которого обеспечивается жизне-историческими феноменами. Если, с другой стороны, мы говорим о психологии, биологии, физиологии и т. д., и если мы действуем как психологи, биологи, физиологи, мы не можем достичь этого единства ни в своих концепциях, ни в своих действиях, поскольку оно доступно для человека только двумя способами: через философию и философские системы и через любовь, включающую как *эрос*, так и *агапе*.

Недостаточное понимание этого различия явилось причиной нежелательного проникновения гуманитарных наук в клиническую психиатрию и клинической психиатрии в область гуманитарных наук. Оба лагеря очень медленно приходят к пониманию этого, так как обе стороны привыкли считать собственную методологию единственно верной, то есть они превращают свой научный взгляд в мировоззрение. Однако мировоззрение психиатра — позитивизм, в то время как гуманитарии все еще придерживаются идеализма. Таким образом, как считает Ясперс, каждая сторона решает все проблемы присущим лишь ей способом.

В философии позитивизма психическое расстройство — естественный процесс, подлежащий исследованию, в то время как для идеализма оно является чем-то таким, что следует отвергать, как аномальное и не иметь с ним никакого дела. Так как обе стороны «решили» проблему безумия по-своему, ни одна из них не проявляет ни малейшего интереса к чужой точке зрения.

Габриэль Марсель в недавней дискуссии с Жаном Валем придерживался схожей позиции. «Что помешает мне, будь я врачом, рассматривать жизнь Ницше как описание клинического случая заболевания сифилисом? Ничего, абсолютно ничего».

Но он же мудро добавил: «Вы всегда вольны ничего не понимать». Другими словами, даже если любая из сторон вправе ничего не понимать в том, что делает другая, они несут ответственность за ошибки, которые допускают, когда берутся судить о том, что может быть оценено и понято только методами другой стороны. Объекты этих ошибочных утверждений относятся в основном к этическо-религиозной и гуманитарно-эстетической сферам. Тот же самый феномен, который

психиатр диагностирует как симптом заболевания, при определенных условиях будет воспринято гуманитарием как выражение истинной религиозности, высокой нравственности или высшего искусства; и в тех случаях, когда причиной психического упадка, несомненно, стало душевное расстройство, последний возлагает ответственность на философскую систему (как в случае Ницше), или мир поэтической фантазии (Гельдерлин), или же психологическое давление (Тассо). Мы не приняли во внимание область религии и ограничились этикой и искусством.

Вернемся к нашему случаю. В предыдущем разделе мы обсудили, можно ли считать жертву Ильзы этическим актом. Мы поняли, что этот акт, хотя и вызван страстью, не может быть назван действием без этических мотивов (желание добра матери, спасение отца от эгоизма, согласие на серьезное телесное страдание ради достижения этих целей). Здесь психиатр, выступающий в роли психиатра должен молчать, поскольку этическое суждение опирается на систему оценок, которая полностью расходится с его собственной. Несомненно, этическая система координат также представляет что-то новое по сравнению с жизне-исторической системой, но последняя прокладывает путь для этической оценки, раскрывая взаимодействие мотивов и предлагая основу для их обсуждения. Уже жизне-исторический взгляд показывает, что мы можем говорить о контекстах смысла, смысловой структуре там, где психиатр видит только фрагменты хаотических значений. Представляется, что психиатр должен увидеть в жертве Ильзы симптом психического расстройства и что он должен распознать в нем — в комбинации с другими явлениями — признаки психической болезни; представляется также, что ему следовало бы объявить Ильзу недееспособной перед судом; но все это совершенно несущественно с точки зрения этического размышления. Ученый-гуманитарий может сказать, что решение Ильзы принести себя в жертву путем сожжения руки было творческим моральным актом, актом этической интуиции или воображения с целью изменения жизненной ситуации, ощущаемой как аморальная, — актом, берущим свое начало из глубины сознания и из убеждения, что уничтожение руки должно быть предпочтительнее уничтожения души. Однако после принятия решения она больше не оставалась свободной и творческой, поскольку пока мы свободны, мы в состоянии утвердить решение на этической основе, пересмотреть его, взвесить собственные этические контраргументы и доводы других людей. Однако Ильза была захвачена своим решением и влекома им против воли, ей приходилось «подчиняться его власти». Поэтому исполнение действия больше не было чистым актом творче-

ской моральной интуиции, но было следствием компульсивного побуждения.

Еще чаще, чем в этической сфере, допускаются ошибки с обеих сторон в случаях, когда затрагиваются философские, а особенно художественные работы. В этих случаях также необходимо тщательное исследование жизне-истории. Более того, для исследователя недостаточно проследить вариации жизне-исторических тем, он должен постараться проникнуть в историю идей и символов, чтобы проследить также и в этой сфере каждую отдельную тему, вплоть до ее корней и ответвлений. В этом деле он не допустит вмешательства психиатра, как и психиатр не позволит ему помешать установить диагноз. Оценка может быть неполноценной и неверной, если гуманитарий рассматривает психическое расстройство с точки зрения высших философских или художественных достижений, тем самым вмешиваясь в работу психиатра, или если психиатр оценивает философские взгляды или произведение искусства на основе своего диагноза, тем самым вмешиваясь в задачу своего оппонента. Среди реальных примеров такого рода вторжений на чужую территорию — интерпретации жизни и творчества Тассо, Гельдерлина, Ницше, Стриндберга, Ван Гога. (Благодарим Карла Ясперса, который первым стал энергично опровергать эти заблуждения.) Как ученые-гуманитарии не обучены распознаванию и клинической оценке симптомов расстройств, и не знакомы с теориями их возникновения, так и психиатры не являются авторитетами в оценке нюансов философского, поэтического, художественного или музыкального стиля. Неявные конфликты и подозрения в этой области следует заменить принимающим сотрудничеством и доверием. Только тогда обе стороны могут прийти к сотрудничеству в сфере изучения проблемы, которая равно важна для обоих: выявление взаимосвязи между психическим расстройством и творческой деятельностью.

Не менее трудно найти взаимопонимание между психиатрией и философией, так как здесь мы также обнаруживаем несхожие представления о психической болезни и расстройствах, равно как и расхождение в подходах к прояснению природы этих явлений. Ранее Платон высказал мысль (в «Софисте») о том, что трусость, своеволие и несправедливость, вместе взятые, следует считать «гнездящейся в нас болезнью». Очевидно, система координат, в которой здесь рассматриваются болезнь и здоровье, — является исключительно этической системой. Нам также знакомо утверждение Платона, что своими величайшими достижениями человек обязан «священному дару» безумия (безумие как пророчество, катарсис, поэзия и, сверх всего, как эрос). Он использует термин «безумие», поскольку видит в фактах этого яв-

ления временное прекращение обычного упорядоченного состояния человека (Федр). Различные формы этого священного безумия, «божественной одержимости», скрывают под собой божественные черты (см. Диотима в «Пире»). Здесь мы имеем дело с философской мифологической концепцией безумия, которая, в свою очередь, глубоко укоренена в платоновской теории логоса, души, эроса, идеи. Кроме того, Платон также трактует безумие как болезнь в медицинском смысле (нозос), а различия между двумя видами безумия представляются ему настолько очевидными, что он не считает нужным объяснять нам, как отличать безумие в клиническом смысле от его непатологических форм.

Проблема согласия между философией и психиатрией покажется еще сложнее, если мы вспомним, что многие философы пытались понять психическую болезнь, опираясь на чисто философскую основу. Здесь следует упомянуть идею Шеллинга о «продолжительной склонности к безумию, которая может быть только преодолена, но не может быть полностью устранена» — концепция, связанная с его фундаментальным воззрением, что «основа бытия есть ужасное», и даже что «бог правит миром ужасного». Более близкой современному взгляду мы находим попытку философского понимания болезни в целом, и психической болезни в частности у Пауля Геберлина (Haeberlin), который делает строго логический онтологический вывод о том, что «душа» не может быть больной, и что ни один человек не может быть «больным в своей душе».

Наконец, мы должны упомянуть о великом уме, который развил как новый философский взгляд на болезнь, так и представление о безумии как психическом расстройстве. Мы имеем в виду Кьеркегора и его концепцию «смертельной болезни» — «отчаянного» стремления быть самим собой и нежелания быть собой. Эта болезнь, ее изобретательное описание и философско-теологическое толкование, на наш взгляд, — один из самых важных вкладов в «антропологическое» понимание некоторых клинических форм безумия, особенно шизофрении.

Нашей целью было привлечь внимание к этим идеям. В какой мере они могут помочь в жизне-историческом и экзистенциально-аналитическом понимании безумия как психического расстройства, может быть продемонстрировано только путем интерпретации широкого спектра жизненных событий и историй болезни.

Глава 3

Людвиг Бинсвангер

СЛУЧАЙ ЭЛЛЕН ВЕСТ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИ-КЛИНИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ⁴⁹

I. История случая⁵⁰

Наследственность

Эллен Вест, не швейцарка, единственная дочь отца-еврея, к которому она испытывает безграничную любовь и почитание. У нее есть два брата: один на четыре года старше ее, темноволосый и похожий на отца, второй младше ее, блондин. В то время как старший — «человек без нервов», достаточно хорошо приспособленный к жизни и приветливый, младший — «комочек нервов», мягкий и женственный эстет. В 17 лет он на несколько недель попал в психиатрическую клинику в связи с психическим возбуждением с суицидальными идеями, после выписки из которой по-прежнему оставался легковозбудимым. В настоящий момент женат.

Отец, 66-лет, описывается ею как внешне очень сдержанный, довольно строгий и педантичный, очень замкнутый, волевой, человек действия; однако внутренне весьма мягкий⁵¹, чувствительный и страдающий от ночных депрессий и страхов, сопровождающихся самопрекаями. Похоже на то, как будто его «захлестывает волна страха». Он

⁴⁹ Термин «антропологический» используется здесь, как это принято в европейской психиатрии, применительно к науке о человеке.

⁵⁰ В этой и предшествующих главах техники, представленные впервые в работе Бинсвангера «О скачке идей», распространяются на изучение неманиакально-депрессивного психоза.

⁵¹ Слово «мягкий» в этом контексте означает все многообразие значений немецкого слова *weich* — часто используемый и важный термин в этой статье, — одновременно означающий физическую слабость, сердечность, изнеженность, деликатность, малодушие, или уступчивость.

плохо спит и во время утреннего пробуждения часто находится под впечатлением ночных страхов.

Сестра отца пережила психическое расстройство в день своей помолвки (?). Что касается его пяти братьев, то один застрелился в возрасте между 20 и 30 годами (подробности отсутствуют), второй тоже покончил жизнь самоубийством во время периода меланхолии, третий ведет аскетичный образ жизни, просыпается очень рано и ничего не ест до полудня, считая, что в противном случае распустит себя и обленится. Два других брата страдали атеросклеротическим слабоумием, и, в конце концов, умерли от инсульта. Отец отца (т. е. дед) как рассказывали, был очень жестоким деспотом, тогда как мать отца, в противоположность супругу, по натуре была нежной, всегда умиротворяющей и у нее бывали «тихие недели», во время которых она не говорила ни слова и сидела неподвижно на одном месте. По словам родственников, с возрастом эта ее особенность усилилось.

Мать бабушки — т. е. прабабушка пациентки со стороны отца страдала от маниакально-депрессивных состояний. Она происходила из семьи, которая дала много выдающихся одаренных людей, но также и много психотиков, одного из которых я лечил (известный ученый).

Мать Эллен Вест, тоже еврейского происхождения, была очень доброй, мягкой, внушаемой, нервной женщиной, которая страдала депрессией в течение трех лет во время помолвки. Отец матери умер молодым. Мать матери была жизнерадостной, здоровой и веселой; она умерла в возрасте 84 лет от старческой деменции. У матери было пять сиблингов, это были люди со слабой нервной системой, скромные, физически утонченные⁵², но все они жили долго (один умер от туберкулеза гортани).

Жизне-история и течение болезни

Рождение Эллен прошло нормально. В 9 месяцев она отказалась от молока и питалась мясным бульоном. Она не выносила молока и в зрелые годы, предпочитала мясо овощам, а сладкие десерты не любила вовсе; если ее заставляли их есть, она сопротивлялась. (Как позже призналась Эллен, в детстве она ужасно любила сладости, и это, несомненно, был не случай «антипатии», а, скорее, акт отказа, отречения.) К сожалению, несмотря на то, что она прошла два курса психоаналити-

⁵² Слово *zart*, переведенное как «утонченный» — ключевое понятие в истории случая. Оно означает: слабый, изящный, хрупкий, податливый и чувствительный.

ческого лечения в зрелые годы, мы совсем ничего не знаем о ее раннем детстве; она мало что помнит о первых десяти годах своей жизни.

Согласно ее собственным воспоминаниям и впечатлениям родителей, Эллен была весьма живой, но упрямой и вспыльчивой девочкой. Говорили, что она часто сопротивлялась порядку, заведенному родителями в доме, и не придерживалась его даже под принуждением. Однажды ей показали птичье гнездо, но она стала настаивать, что это не гнездо птицы, и ничто не могло ее заставить изменить своего мнения. По ее словам, даже в детстве бывали дни, когда ей все казалось пустым, и она страдала от душевного гнета, причину которого сама не могла понять.

После детского сада она с 8 до 10 лет посещала школу по месту проживания. В 10 лет вместе с семьей она переехала в Европу, где, не считая нескольких заокеанских путешествий, оставалась до самой смерти. На своей второй родине она стала ходить в школу для девочек. Эллен была хорошей ученицей, школу посещала с удовольствием и была весьма честолюбивой; она могла рыдать часами, если не была первой в классе по своим любимым предметам. Ей не хотелось пропускать школу даже по настоянию врачей из страха отстать от остальных или что-то пропустить. Ее любимыми предметами были немецкий язык и история; по арифметике успеваемость была хуже. В то время она также отличалась живым темпераментом, и была по-прежнему своевольной. Уже тогда она выбрала себе девиз: «*Aut Caesar aut nihil!*»⁵³. До шестнадцати лет она играла в мальчишеские игры, а в одежде отдавала предпочтение брюкам. С раннего детства Эллен сосала большой палец, но в шестнадцать лет с началом влюбленности, которая продолжалась два года, внезапно отказалась от этого, так же как и от мальчишеских игр. В стихотворении, написанном ею в семнадцать лет, она, однако, выражала страстное желание быть мальчиком, поскольку тогда стала бы бесстрашным воином и с радостью погибла бы в бою с мечом в руке.

Другие стихи этого периода выражают заметную изменчивость настроения: теперь ее сердце бьется ликующе-радостно, небо темнеет, дуновения ветра кажутся таинственными. Корабль ее жизни «без руля и ветрил» плывет, не ведомо куда. В другом стихотворении, написанном год спустя, порывистое дуновение ветра оглушает ее, и она подставляет ему свой пылающий лоб, чтобы охладить его. Она безрассудно бежит ему навстречу, без всяких тревог и волнений, подобно человеку, выбравшемуся, наконец, из подземелья. Она несется, не чужая под собой ног, в ликующей жажде свободы, стремясь совершить что-

⁵³ Дословно: «Либо Цезарь, либо ничего!».

то великое и достойное, а когда ее взор снова обращается к миру, ей на ум приходят слова: «Человек, из небольших дел складывается твой мир», и она кричит своей душе: «Борись!».

Эллен считает, что у нее особое призвание, она много читает, интересуется социальными проблемами, глубоко озабочена контрастом между собственной социальной позицией и позицией «толпы» и строит планы усовершенствования последней. В том же возрасте (17 лет), после прочтения «Нильса Люне»⁵⁴ она меняется, превращаясь из глубоко религиозной личности (несмотря на намеренно нерелигиозное воспитание, данное ей отцом), в абсолютную атеистку. То, что думают о ней окружающие, ее нисколько не заботит.

В нашем распоряжении имеются и другие ее стихотворения, написанные в 17-летнем возрасте. В одном, под названием «Целуй меня до смерти!», солнце тонет в океане, как огненный шар, густой туман окутывает море и побережье, и ее охватывает боль: «Можно ли еще спастись?». Она взывает к холодному, мрачному властелину моря, просит его неистовых любовных объятий и поцелуев до смерти. В другом стихотворении, озаглавленном «Я ненавижу тебя», она воспевает прекрасного юношу, который теперь ненавистен ей из-за его надменной улыбки в той же мере, в какой прежде был любим. В третьем («Усталость») унылая, промозглая ночная мгла окутывает ее, сковывая ее холодное, давно разбитое сердце, а деревья заводят старинную тоскливую песню, безутешно раскачивая свои кроны; не слышно пения ни одной птицы, и нет ни одного огонька в небе, ее разум пуст, а сердце наполнено ужасом.

В дневниковых записях, сделанных в 18 лет, она превозносит ценность труда: «Чем мы были бы без работы, кем стали бы? Мне думается, вскоре пришлось бы расширять кладбища из-за добровольно избравших смерть. Работа — это опиум для страдающих и сраженных горем... Когда миру грозит разрушение, а свет нашего счастья гаснет, и нет радости в жизни, только одно спасает нас от безумия — работа. И тогда мы бросаемся в пучину своих обязанностей, как в Лету, и рев ее волн заглушает звон похоронного колокола, звучащего в нашем сердце... Когда кончается день с его заботами и тревогами, и мы

⁵⁴ Нильс Люне — это название и центральный персонаж известного романа скандинавского писателя Й. П. Якобсена (J. P. Jacobsen) (1847—1885), опубликованного в 1880 г. Это смесь жесткого и меланхолического реализма, религиозного нигилизма и интригующего сюжета (повествующего о разочарованном идеалисте), несущая будоражащее воззвание к неугомонной европейской молодежи на пороге столетия.

садимся у окна в сгущающихся сумерках, книга падает из наших рук, мы смотрим на заходящее солнце, и перед нами оживают прежние образы. Прежние планы и надежды, ни одно из которых не выполнено, безграничная беспредельность мира и бесконечная краткость бытия всплывают перед взором нашей уставшей души. Тогда вновь возникает давний вопрос: «Зачем, к чему все это?» К чему нам стремиться и жить, забыв о краткости бытия, только ради того, чтобы сойти в холодную могилу?... В такие периоды подобные мысли приходят часто, и хорошо, если слышишь призыв, и усердно работаешь, пока не исчезнут образы ночи. О работа, ты — благословение нашей жизни!»

Она хотела бы добиться славы — великой, неувядающей славы — чтобы сквозь столетия ее имя продолжало звучать на устах человечества. Тогда ее жизнь не была бы напрасной. Затем она взывает к себе: «О, заглуши ропщущие голоса работой! Наполни делами свою жизнь. Я не собираюсь столько думать — сумасшедший дом не станет моим последним прибежищем! И когда ты тяжело и утомительно трудишься, то чего ты добиваешься? Все равно крайняя, безграничная печаль — вот, что тебя окружает! Они танцуют там, в ярко освещенном зале, а на улице бедная женщина умирает от голода. Голод! Ни одной крошки хлеба не упадет ей со стола богачей. Вы видели, как изящный джентльмен, разговаривая с кем-то, медленно крошит хлеб в ладони? А там, на улице, на холоде женщина выпрашивает черствую корку! И что проку думать о нем? Разве я не делаю то же самое?»

В том же году (в возрасте 18 лет) она описывает в своем дневнике с огромным восторгом совершенно новые, прекрасные впечатления, которые пережила в Париже, путешествуя с родителями. Возникает новая сентиментальная влюбленность. В то же время, теперь в ней зарождается желание быть нежной и возвышенной, как те девочки, которых она выбирает в подруги. Но ее стихи продолжают демонстрировать противоречивость ее настроения. То она воспевает восход солнца и сияющую весну, прозрачные голубые небеса над пустынными широкими просторами, удовольствие и блаженство, то желает, чтобы зелень и цветение весеннего мира, шепот и шелест рощ стали бы ее погребальной песней, пишет о своем единственном желании, — желании темноты, «где нет света сияющего солнца жизни»: «Если Ты, Отче, еще правишь там, за облаками, то я взываю к Тебе: забери меня отсюда к себе».

Но сквозь тучи и мглу вновь и вновь пробивается луч жизни. Путешествие с родителями через океан, имевшее место, когда ей было 19 лет, хранится в ее памяти как «счастливейшее и самое беззаботное время» ее жизни. В стихотворении, написанном в этом году, фигурируют

потоки света и «золотые снопы», покоящиеся на пшеничных полях и лугах, и только горы остаются в темноте. И все же в этом путешествии Эллен не может оставаться одна, то есть без родителей. Она отправляется погостить у друзей, и хотя очень хорошо проводит там время, все же просит родителей вызвать ее обратно к себе. Вернувшись в Европу, она увлекается верховой ездой и вскоре весьма преуспевает в этом занятии. Ни одна лошадь для нее не представляет опасности; в прыжках через барьеры она соперничает с опытными наездниками. Как и все, что она делает, верховая езда становится для нее «страстью», словно это исключительная задача ее жизни.

Двадцатый год ее жизни полон счастья, томления и надежд. Ее стихи переполнены лучезарной радостью жизни, почти диким восторгом от жизни: солнце стоит высоко, весенние ветры «шумят над миром» — разве можно в таких обстоятельствах замуравывать себя «в домашнем гробу»? Кровь «несется и шумит» в ее венах, энергия молодости разрывает грудь, она насыщает ею свое сильное молодое тело, ибо новый, освежающий смысл жизни не должен поблекнуть, страстное желание неистовой радости не должно иссякнуть, иссушиться «капля за каплей». «Земля слишком затхлая и спокойная, я жажду яростно ревущей бури». «О, если бы только Он появился сейчас, сейчас, когда она трепещет всеми фибрами своей души так, что с трудом может усидеть на месте и продолжать писать, сейчас, когда она настолько здорова душой и телом, когда она готова к любой жертве. Он должен быть высоким и сильным, и душа его должна быть такой чистой и незапятнанной, как утренний свет! Он не должен играть в жизнь или мечтать о ней, но жить ею со всей серьезностью и наслаждением. Он должен быть способен к счастью, наслаждаться мной и моими детьми и получать радость от восхода солнца и работы. Тогда я отдала бы ему всю свою любовь и силу».

В том же году (в 20 лет) она совершает второе заокеанское путешествие. Она едет к своему серьезно больному старшему брату, чтобы ухаживать за ним. Пища и питье доставляют ей удовольствие. Это последний раз, когда она может есть без усилия. В это время она помолвлена с романтичным иностранцем, но по желанию отца позднее разрывает эту помолвку. На обратном пути она останавливается на Сицилии и делает наброски к своей статье «О призвании женщины». Здесь, согласно ее дневнику, она наслаждается жизнью, пульс жизни бьется в кончиках ее пальцев, и ей принадлежит весь мир, ибо солнце, ветер и красота — все это только для нее. Ее бог — это бог жизни, силы и надежды, она полна жажды учиться, и она уже начинает проникать в «тайны Вселенной».

Первые недели на Сицилии были последними счастливыми днями в ее жизни. В дневниковых записях снова проявляется тень сомнения и страха, Эллен чувствует себя маленькой и окончательно затерявшейся в мире, который она не в силах понять. Конечно, она рада находиться вдали от «ограничивающих влияний дома», ее душа расправляет крылья, но все же не без боли и конвульсий; в переполненные любовью, волнующие моменты ее жизни снова врываются ужас и тревога. Она смотрит с жалостью на все свои возвышенные идеи и планы и закрывает дневник с отчаянным желанием того, чтобы однажды они смогли превратиться в поступки вместо совершенно бесполезных слов.

Однако теперь вместе с этим появляется что-то иное, конкретный страх, а именно, страх потолстеть. В начале пребывания на Сицилии Эллен еще отличает чрезмерный аппетит. В результате она становится такой толстой, что ее подруги начинают высмеивать ее за это. Она тут же начинает ущемлять себя голоданием и длинными пешими прогулками. Это заходит так далеко, что однажды, когда она вместе с подругами останавливается в одном уютном ресторанчике и те начинают есть, она смотрит на них голодными глазами. Эллен больше не ест сладостей и других продуктов, вызывающих полноту, и параллельно с этим отказывается от ужина. Когда весной она возвращается домой, всех ужасает ее вид.

Эллен 21 год. Летом после возвращения из Италии ее настроение носит заметно «депрессивный» характер. Ее постоянно терзает идея о собственной полноте, и поэтому она без устали предпринимает длительные пешие прогулки. Она снова ведет свой дневник, жалуется, что для нее нет нигде пристанища, даже в семье, что она никак не найдет себе занятий, которых жадно ищет, что нет покоя в ее душе и что состояние бездействия приносит ей истинное мучение, каждый ее нерв трепещет, и все тело «отзывается на волнения души». «Мое внутреннее “я” настолько тесно связано с моим телом, что они образуют единство и вместе составляют мое “Я”, мое нелогичное, нервное, индивидуальное “Я”». Она чувствует себя абсолютно никчемной и бесполезной, ее все пугает: темнота и солнце, тишина и шум. Она ощущает себя в самом низу лестницы, которая ведет к свету, деградировавшей до трусливого, униженного существа: «Я презираю себя!». В очередном ее стихотворении мрачная фигура *Страдания* сидит на краю ее могилы, сидит и пристально смотрит, не исчезая и не двигаясь с места; птицы замолкают и улетают, цветы увядают от его ледяного дыхания. Теперь смерть не кажется ей такой ужасной; смерть — это не некто с косой, а «восхитительная женщина с белыми астрами в темных волосах, большими глазами — сонными и серыми». Единственное, что

еще заботит ее, это умирание. «Так прелестно просто вытянувшись лежать и дремать! Тогда все кончается. Больше не нужно просыпаться, работать и что-то планировать. На самом деле, за каждым словом у меня скрывается зевота». (Эти и последующие слова — из письма к мужчине, с которым она тогда дружила.) «И каждый день я становлюсь немного толще, старше и уродливее... Если она заставит меня ждать слишком долго — моя большая подруга, смерть, тогда я пойду, и буду искать ее». Она говорит, что это не меланхолия, а просто апатия. «Все для меня настолько однообразно и так ужасно безразлично, и я не ведаю ни радости, ни страха... Смерть — самое большое счастье в жизни, если не единственное. Без ожидания конца жизнь была бы невыносимой. Только уверенность, что рано или поздно должен настать конец, немного утешает меня». Она не хочет иметь детей: что ожидает их в мире?

Осенью того же года Эллен постепенно выходит из депрессии. Она готовится к обустройству детских читальных комнат по американской модели. Но вместе с новоприобретенной радостью жизни и стремлением к действию сохраняется парализующий ее ужас и отчаяние. Из дневника: «Я долго не вела дневник, но сегодня снова вынуждена открыть свою тетрадь, потому что во мне такое смятение и волнение, что мне нужно открыть безопасный клапан, дабы избежать внезапной необузданной вспышки. Действительно жаль переводить всю эту силу и стремление к действию в неслышанные слова, а не в достойные поступки. Жаль моей молодой жизни, это грех, опустошающий мой здоровый разум. Зачем природа дала мне здоровье и честолюбие? Конечно, не затем, чтобы задушить и подавить и оставить томиться в оковах обыденной жизни, а чтобы служить прозябающему человечеству. В железных оковах обыденной жизни: оковах условностей, оковах имущества и комфорта, оковах своего положения и образа мыслей и в самых прочных — оковах любви. Да, это они сковывают меня, удерживают от бурного возрождения, от полного растворения в мире борьбы и жертвы, которого жаждет моя душа. О боже, страх делает меня безумной! Страх, который — почти несомненный факт! Сознание, что я, в конце концов, потеряю все, всю смелость, всю мятежность, всю волю к действию, что он — мой маленький мирок — сделает меня слабой, малодушной и трусливой. Это жизнь? Нет, про-

⁵⁵ Немецкое слово *Alltag* буквально означает любой день недели, кроме воскресенья, и по этой причине обычно используется в отношении обыденного и банального или в отношении будничного и традиционного в дни рабочей недели.

зьябание! Вы проповедуете уступки? Я не пойду на уступки! Поймите, что существующий социальный порядок извращен, извращен до корней, грязен и гибелен, но вы ничего не делаете, чтобы отказаться от него. И у вас нет права закрывать глаза на плач нищеты и, не глядя попирая ногами жертвы нашей системы! Мне двадцать один год, и предполагается, что я должна молчаливо улыбаться, как кукла. Я не кукла. Я человеческое существо с алой кровью и женщина с трепещущим сердцем. И я не могу дышать в этой атмосфере тупости и трусости, но я слаба, чтобы совершить что-то великое, и должна стать немного ближе к своему идеалу, моему гордому идеалу. Стоит ли это слез? О, что мне делать, как мне справиться с этим? Это кипит и хлопчет во мне, оно хочет прорваться через мою внешнюю оболочку! Свобода! Революция! ... Нет, нет, я не любительница громких фраз! Я не говорю об освобождении души, я имею в виду реальное, осязаемое освобождение людей от оков их угнетателей. Как выразить это яснее? Я хочу революции, великого восстания, чтоб оно распространилось на весь мир и сокрушило весь этот порядок. Я хотела бы покинуть дом и родителей как русский нигилист, жить среди беднейших из бедных и заниматься пропагандой великой цели! Не из-за любви к приключениям! Нет и нет! Назовите это, если хотите, неудовлетворенной жаждой действия, неудовлетворенным честолюбием. Есть же для этого имя! О, я задыхаюсь в этой мелкой, обыденной жизни. Разросшееся самоудовлетворение или эгоистичная алчность, безрадостная подчиненность или жестокое безразличие — это растения, процветающие под солнцем обыденности. Они заполнили собой все и как сорняки душат цветок желания, который прорастает сквозь них... Все во мне дрожит от страха, страха перед змеями моей повседневности, которые обвивают меня своими холодными кольцами и сковывают меня в борьбе. Но я сопротивляюсь. Я стряхиваю их, я должна стряхнуть их. После этих ночных кошмаров должно наступить утро».

В течение зимы Эллиен полна энергии и успешно создает детские читальные комнаты с помощью благотворительной ассоциации. Но уже ранней весной это перестает доставлять ей удовлетворение. Она жаждет любви и великих поступков. В стихотворении, озаглавленном «Злые мысли», она видит «злых духов», прячущихся за каждым деревом; они «обступают ее» со всех сторон, насмехаясь, яростно хватают ее, стискивают ее сердце и, наконец, они сами говорят:

«Однажды мы были твоими мыслями,
Твоей надеждой быть чистой и гордой!

Где теперь все твои планы
И мечты, отданные толпе?
Все они теперь похоронены,
Разнесены ветром и бурей,
А ты стала ничем,
робким земляным червем.
Итак, теперь мы вынуждены покинуть тебя,
Улететь в темную ночь;
Если ты ищешь мира и покоя,
Тогда мы придем, крадучись,
И мы отомстим тебе
Своим насмешливым криком.
Если ты ищешь веселья и радости,
Мы будем тревожить тебя.
Мы всегда будем рядом с тобой,
Обвиняя и глумясь над тобой!»

В дневнике она продолжает изливать свою ненависть к роскоши и комфорту, окружающим ее, она проклинает свою трусость, бессилие и неспособность «подняться над условностями», а также то, что позволила себе в столь раннем возрасте сделаться вялой «из-за уродства и спертости духа повседневности». «Я все еще чувствую позор своего заточения. Как душен запах этой клетки! Запах цветов не может заглушить зловония упадка. Неудивительно, что у вас такие уродливые, пожелтевшие души, ведь вы выросли в этой атмосфере. Вы уже не замечаете, как тяжело здесь дышится. Ваши души оснащены карликовыми легкими. Все вокруг вас имеет карликовые размеры: мысли, чувства и мечты. Вы смотрите на меня косо, потому что условия, в которых вы счастливы, для меня отвратительны. Вы хотите принизить меня. Я хочу уйти, бежать, — прочь отсюда! Я боюсь вас! Я колочу в стены кулаками, пока не упаду, обессиленная. Тогда вы выступаете из своих углов, как крысы, и ваши маленькие глазки преследуют меня, как кошмар».

Месяц спустя Эллен пишет страстную песню, посвященную верховой езде: она прищипривает свою лошадь, но «злые мысли — духи ночи» преследуют ее «на конях-скелетах, бледных и с пустыми глазницами»; однако «бледные тени», наконец, отстают от ее мчащегося во весь опор коня, и «жизнь снова торжествует». Но месяцем позже ее опять захватывает «одиночество души», она «одна, как путник на вершине снежной горы», и только ветры постигают ее томление и ужас.

Осенью того же года Эллен начинает готовиться к выпускным экзаменам⁵⁶, с намерением посвятить себя изучению политической экономии. Она просыпается в пять часов утра, три часа отдает прогулке, а все остальное время, до позднего вечера — занятиям с частным педагогом и работе. Помогают ей в этом черный кофе и холодный душ.

Следующей весной (Эллен уже 22) ее охватывает меланхолия, она не испытывает радости при виде наступающей весны, ее занимает лишь одна мысль — «как низко она опустилась» не только относительно своего идеализированного представления, но и того уровня, на котором прежде находилась. Раньше весь мир был «открыт перед ней», она стремилась «завоевать» его, ее чувства и ощущения были «яркими и насыщенными», она и любила, и ненавидела «всей душой». Теперь она идет на уступки, хотя еще недавно подняла бы на смех того, кто предсказал бы ей такой исход. С каждым годом она «теряла часть своей силы».

Чуть позднее в этом же году (в конце июля ей исполняется 23) состояние Эллен резко ухудшается. В это же время у нее завязывается заурядная любовная интрижка с учителем верховой езды. Она тщательно следит за своим весом и сокращает рацион питания, как только чувствует, что может набрать вес. Но теперь страх стать толстой⁵⁷ сопровождается сильным влечением к пище, особенно к сладостям, которое становится сильнее, если она устает и нервничает из-за других людей. В присутствии посторонних еда не приносит ей удовлетворения, только в одиночестве она может наслаждаться ею. Она постоянно страдает от конфликта между «страхом потолстеть и желанием есть, не заботясь об этом». Теперь даже ее старая гувернантка видит, что этот конфликт — «туча над ее жизнью». Особенно глубокая «угнетающая тревога» охватывает ее во время каникул; это состояние не проходит, пока она не находит себе регулярное занятие с фиксированным режимом. Ее планы сдать экзамены снова откладываются. Вместо этого в течение нескольких недель она проходит собеседования с преподавателями с тем, чтобы посещать курсы в университете в качестве вольнослушателя. В течение летнего семестра и зимнего семестра (в начале ее 24-го года жизни) она учится в городе X. Этот период — один

⁵⁶ Речь идет о выпускных экзаменах в средней школе, которые дают право поступить в любой университет.

⁵⁷ Немецкое слово *disk* имеет следующие значения: толщина, плотность, грубость и тучность. *Disk* по значению противоположно слову *weich* (см. сноску 51) и *zart* (см. сноску 52).

из счастливейших в ее жизни. Летом между ней и одним из студентов развиваются любовные отношения. Дневник дышит радостью жизни и чувственностью. После окончания зимнего семестра в стихотворении, озаглавленном «Весеннее настроение», она пишет:

«Я бы хотела умереть, как птица,
Грудь которой разрывается в ликованиях,
А не жить подобно земляному червю,
Старая и становясь уродливой, скучной и ворчливой!
Нет, лучше почувствовать в себе пламя страсти,
И яркой вспышкой сгореть в собственном огне!»

Эллен полна энтузиазма в учебе и студенческой жизни. Вместе с другими студентками она отправляется в длительные прогулки в горы, хотя и теперь не может оставаться одна: ее старая гувернантка постоянно с ней. Ей все также не дает покоя ее «идея-фикс»: она избегает пищи, от которой толстеют. Поскольку она продолжает считать, что все равно набирает вес, по совету своего врача садится осенью того же года на диету. Тогда же ее любовь к студенту приводит к помолвке. Родители требуют, чтобы они на время расстались. Весной Эллен едет на морской курорт и здесь снова впадает в очень тяжелую депрессию (ей 24,5 года). Она делает все, чтобы стать стройной: предпринимает длительные пешие прогулки и ежедневно принимает большие дозы тиреоидных препаратов⁵⁸ — от 36 до 48 таблеток! Снедаемая болезненной тягой к дому, она упрашивает родителей позволить ей вернуться. Эллен приезжает совершенно разбитой, с дрожащими конечностями и все лето подвергает себя физическим истязаниям, но испытывает моральное удовлетворение из-за собственной стройности. У нее такое чувство, что она нашла ключ к хорошему самочувствию. Помолвка не расторгнута.

Осенью, в начале ее 25-летия, она предпринимает третье заокеанское путешествие. Там врач ставит ей диагноз — базедова болезнь⁵⁹ и предписывает полный постельный режим. Она пребывает в постели шесть недель, и в результате очень быстро набирает вес. Из-за этого она все время рыдает. После ее возвращения домой, следующей весной ее вес составляет 165 фунтов [более 75 кг]. Вскоре после это-

⁵⁸ Тиреоидные гормоны, синтезируемые щитовидной железой, влияют на интенсивность обмена веществ и на жировой обмен. — *Прим. ред.*

⁵⁹ Известна также как болезнь Грейвса (токсический зоб, характеризующийся диффузной гиперплазией щитовидной железы).

го помолвка расторгается. В мае она находится в санатории, а летом посещает школу садоводства. Настроение Эллен носит депрессивный характер, но физически она производит впечатление совершенно здоровой. Она опять пытается снизить свой вес большой физической нагрузкой и скудным питанием. Осенью ее кузен, с которым они много лет дружили, начинает проявлять к ней особый интерес. Вплоть до следующей весны они подолгу гуляют вместе, часто проходя от 20 до 25 миль в день [30–40 км.]. Кроме того, она увлекается гимнастикой, активно работает в детском доме, хотя и без особого удовольствия, и жаждет настоящего дела. Хотя разорванная помолвка со студентом остается «открытой раной», развивается любовная связь с кузеном. «Идея-фикс» не исчезла, но она больше не доминирует, как раньше.

В это время написано стихотворение, очевидно, посвященное ее прежнему возлюбленному, в котором она спрашивает себя, любил ли он ее вообще, если ее тело «не было достаточно прекрасным», чтобы родить ему сыновей:

«О, горе мне, горе!
Земля родит пшеницу, но я — бесплодна,
Разбитая раковина, треснутая, бесполезная,
Никчемная скорлупа. Создатель!
Забери меня к себе и сотвори меня сызнова!
Сотвори меня лучше!»

В 26 лет у Эллен пробуждается любовь к музыке. Она и ее кузен планируют пожениться. Но в течение более двух лет она разрывается между кузеном и студентом, отношения с которым возобновляются. В возрасте около 28 лет она разрывает отношения со студентом и выходит замуж за своего кузена. Этому предшествовало посещение ею нескольких занятий по системе Менсендик⁶⁰, многочисленные путешествия, консультации у нескольких невропатологов, организованные с подачи родителей и кузена. Она снова периодически принимает тиреоидные средства и совершает длительные пешие прогулки. Эллен расстраивает вид собственного тела, из-за ненависти к нему она ча-

⁶⁰ М-с Менсендинк — шведский врач, которая разработала систему физической культуры, основанную на гимнастических упражнениях и методах снижения веса. В начале XX в. она открыла много салонов по всей Европе, и даже в Калифорнии. Популярность ее лечебной программы, по крайней мере частично, была результатом возросшей свободы женщин и новой тенденции моды на худобу.

сто бьет себя. Подруги, которые, подобно ей, хотели быть стройнее, оказывают на нее неблагоприятное влияние. Всякий раз, когда ей приходилось быть в обществе худых людей или тех, кто мало ест, она впадала в депрессию. После брака с кузеном она надеется избавиться от своей «идеи-фикс», но ей это не удается. Во время венчания она весит 160 фунтов [более 73 кг], но даже в свадебном путешествии она соблюдает диету и в результате постепенно теряет в весе.

Летом, вслед за первой весной ее замужества, у нее происходит задержка менструации. Конфликт между «желанием постоянно есть» и страхом потолстеть непрерывно мучит ее. Осенью, когда ей было 29, во время прогулки с мужем по округе у нее случилось сильное абдоминальное кровотечение, несмотря на которое ей пришлось продолжить прогулку, длившуюся несколько часов. После обследования врач констатирует выкидыш; он утверждает, что хорошая диета — предпосылка для возможности повторной беременности.

В течение всего следующего года (ей 29 лет) Эллен разрывается между этим предписанием и своей идеей-фикс, между желанием завести ребенка и страхом потолстеть (от адекватного питания). Она во власти ужаса. Ее прежде регулярные менструации прекращаются. В целом настроение Эллен улучшается, но депрессия все же временами накатывает на нее из-за обманувшей ее надежды новой беременности. Она энергично, с большим чувством ответственности работает в социальной сфере, часто ходит в театр и много читает. Но как только она узнает, что за неделю прибавила 4 фунта, ее охватывает отчаяние, она начинает рыдать и долго не может успокоиться. Когда другой гинеколог говорит ей, что хорошее питание не является предпосылкой беременности, она тут же берется за сильное слабительное.

На своем 30-м году жизни Эллен еще более активна в деле социальной благотворительности. Она проявляет самый горячий интерес к людям, вверенным ее попечению, с которыми на несколько лет устанавливает близкие отношения. В то же время она систематически ограничивает свое питание и постепенно становится вегетарианкой. Даже после короткой вспышки гриппа она не щадит себя. Лечение в Пирмонте⁶¹, предписанное третьим гинекологом, оказывается безуспешным. После этого она настолько увеличивает дозы слабительного, что каждую ночь ее тошнит. Однако очень радуется, когда видит, что постепенно теряет вес.

Зима 31-го года ее жизни приносит с собой быстрый упадок сил. Она продолжает также много работать, но на что-то другое ей не хватает

⁶¹ Пирмонт – город в Германии, известный своими целебными водами.

энергии. Кроме того, она впервые дважды оказывается не в состоянии продолжить ежедневные пешие прогулки с мужем. В противоположность прежнему образу жизни она спит по 12 часов. Слабительного она принимает еще больше, а ее диета становится все более скудной. Несмотря на сильную эпизодическую лихорадку, которую она утаивает от других, она выходит на улицу в надежде подхватить пневмонию. Ее лицо меняется. Эллен выглядит постаревшей и изможденной. Однако, поскольку думает, что нашла в слабительном средство против потолстения, депрессия отступает.

Весной этого года во время прогулки с мужем она вдруг делает эмоциональное признание, что живет только ради того, чтобы быть в состоянии оставаться стройной, что этой цели она подчиняет каждое свое действие, и что эта идея приобрела над ней страшную власть. Она думает, что может отвлечься работой, меняет свою добровольную работу в агентстве социальной помощи на оплачиваемую работу в офисе, которая занимает у нее семь часов в день, и спустя несколько недель, в середине июня, не выдерживает нагрузки.

В течение всего этого времени она еще больше ограничивает себя в еде: ее вес снижается до 103 фунтов [около 47 кг]. В то же время она усиленно занимается подсчетом калорий, подбором рецептов и т. д. Каждую свободную минуту она записывает в свою поваренную книгу рецепты вкусных блюд, пудингов, десертов и т. д. Она предъявляет претензии к окружающим, что те много и хорошо едят, в то время как она во всем себе отказывает. С большим умением она скрывает от них, что почти ничего не ест, накладывает на тарелку столько же, сколько другие, а затем незаметно сваливает большую ее часть в свою сумку. Пищу, которая, как она считает, не полнит, такую, как рыба и моллюски, она съедает с жадностью и большим удовольствием. Часто по пути домой она съедает то, что купила для дома, и потом сурово упрекает себя за это. Во время принятия пищи она обильно потеет. Вместе с мужем она едет в санаторий, специализирующийся на расстройствах обмена веществ, где поначалу следует предписаниям доктора, так что ее вес увеличивается с 99 фунтов до 110 [»50 кг], но после отъезда мужа начинает игнорировать советы врача, складывая пищу в свою сумку и тайно возвращая свой прежний вес.

В начале 32-го года жизни ее физическое состояние ухудшается еще больше. Количество потребляемого слабительного становится чрезмерным: каждый вечер от 60 до 70 таблеток растительного слабительного. В результате она страдает от мучительной рвоты по ночам и жестокой диареи днем, часто сопровождаемой сердечной слабостью.

Теперь она больше не ест рыбу, становится похожа на скелет и весит всего 92 фунта [менее 42 кг].

Эллен становится все более и более ослабленной, ложится в постель в обеденное время и ужасно мучается оттого, что «ее инстинкты сильнее, чем разум», что «все внутреннее развитие, вся реальная жизнь остановились» и что над ней полностью доминирует «всепоглощающая идея, давно осознанная как бессмысленная». Все же у нее довольно жизнерадостное настроение, и ей доставляет удовольствие тот факт, что ее друзья беспокоятся о ней.

В возрасте 32 с половиной лет она обращается к своему первому психоаналитику, молодому чуткому терапевту, который позволял себе некоторые отступления от принципов Фрейда. К ней возвращается надежда на лучшее, она снова посещает лекции, театр и концерты, ходит на экскурсии, но крайне тревожна и по-прежнему все преувеличивает. Во время отсутствия мужа с ней обязательно должна оставаться старая няня. Вскоре она начинает относиться к сеансам психоанализа как бесполезному занятию.

В своих письмах к мужу она сообщает, что теперь снова «обнажилась ее страстная любовь к жизни», которая носит «непорочный характер», но в центре ее действий и мышления неизменно остается страх потолстеть. «Мои мысли заняты исключительно моим телом, едой и слабительным, и тот факт, что время от времени на горизонте я вижу появление мифической страны счастья, оазис в пустыне, который я сама для себя придумала, еще больше осложняет мой путь... Раньше было легче, когда все вокруг меня было серым, когда я не хотела ничего, кроме того, чтобы быть больной и лежать в постели. Теперь я хотела бы быть здоровой — и не платить за это слишком дорого. Часто я полностью подавлена этим конфликтом, который никогда не угасает, и в отчаянии я покидаю своего аналитика и прихожу домой с убеждением, что он может помочь мне разобраться, но не вылечить».

По мнению Эллен, аналитик считает, что ее главная цель — «покорить всех людей», быть «изумительно правильной и пугающе точной». Но она говорит, что у нее есть простой тест, своего рода пробный камень. Стоит ей спросить себя: «Эллен, ты можешь съесть хорошую порцию бобов или кусок пирога и не принимать после этого лекарств?», как ее тут же, по ее словам, охватывает настоящая паника, и от ужаса ее бросает то в жар, то в холод. «Все правильные решения, вся радость жизни разбиваются об эту стену, которую я не могу преодолеть. Я все также не хочу становиться полнее, или, на психоаналитическом языке, я все еще не готова отвергнуть свой “идеал”». Но теперь, говорит она, ей уже не хочется умирать. Она снова любит жизнь и жаждет работать,

быть здоровой и укреплять отношения с мужем, но в действительности «ей нечем платить за это». Она считает, отчаянность ее положения в том, что она не знает способа «помочь себе выбраться из этой ямы».

В течение курса анализа Эллен все больше ограничивает себя в питании. Приступы страха учащаются, и теперь в дополнение к этому возникает досаждающая навязчивость — она постоянно думает о еде. Охватывающий ее ужас она описывает как «призрак, постоянно хватающий ее за горло». Периоды благополучия она представляет как «приливы», но они скоротечные и очень быстро сменяются «отливами».

В письме к мужу Эллен проводит параллель между своим идеалом, воплощенном в ее прежнем женихе-студенте, и идеалом быть худой. «В то время ты (муж) был жизнью, которую я была готова принять, и поступиться своим идеалом (студентом). Но это получилось искусственно, было вынужденным решением, внутренне не созревшим. По этой причине мой шаг оказался неудачным. Поэтому я снова устремлялась к нему и отворачивалась от тебя. И только много позже, когда я внутренне созрела, когда посмотрела в лицо своему идеалу и поняла, что ошибаюсь, и этот идеал — фикция, тогда и только тогда я смогла сказать тебе «да» спокойно и уверенно. А теперь именно так я должна быть в состоянии посмотреть на свой идеал, — этот идеал быть худой, а не толстой, и сказать себе: «Это фикция». И тогда я смогу сказать жизни «да». До того как я это сделаю, все бесполезно, как тогда, в X. (университетский город). Но сесть в поезд и поехать в У. (где произошел разрыв со студентом) проще, чем вывести на дневной свет то, что похоронено во мне. Что касается сравнения тебя с жизнью, а студента с моим идеалом, то оно неудачно, это лишь искусственная аналогия. Мое «да» (мужу после путешествия со студентом в У.) тоже было неискренним. Я выбрала тебя — но тогда я все еще реально не стала твоей женой. Мысль о моем тайном идеале, под которым я не имею в виду студента, потому что это что-то поверхностное, — я имею в виду свой жизненный идеал быть худой — продолжала занимать меня больше, чем все остальное. Реально я стану женой, только когда, наконец, откажусь от своего жизненного идеала. И это так трудно, что сегодня я снова точно в таком же отчаянии, что и неделю назад. Бедный — я постоянно вынуждена тебя разочаровывать! Что до несущественного, то я все еще не принимаю лекарств. Но это постоянно заставляет меня ощупывать свой живот и есть со страхом и с усилием».

В другой раз Эллен пишет мужу: «Единственное реальное улучшение, которое должно прийти изнутри, все еще не наступило; нирвана — в переносном смысле — исчезновение жадности, ненависти и

бредовой идеи — все еще не достигнута. Ты знаешь, что я под этим подразумеваю? Жадное стремление реализовать мой идеал, свою ненависть к окружающим, которые не позволяют осуществиться моему идеалу, бредовую идею, которая лежит в основе моего воззрения, что этот идеал — нечто ценное». К этому прибавляется очень характерный крик души: «Мысль о блинах по-прежнему для меня является самой ужасной». Более того, она говорит, что мясо и жир так отвратительны, что от одной мысли о них ее тошнит. Что до остального, то теперь у нее (благодаря сеансам анализа) есть воля, но не желание пополнить. Она описывает это как борьбу между обязанностью и желанием в кантовском смысле. Однако раз так, то она «не исправилась», из-за этого категориального императива, этого «ты должна», исходящего извне, она ничего не может сделать против навязчивости болезненного побуждения, которое ею управляет. В то же время она чувствует, что ее нынешнее состояние только из-за того, что она старается не принимать слабительного, «более мучительно, чем все, что я до сих пор испытывала. Я чувствую, что становлюсь полнее, из-за этого я дрожу от страха, я живу в состоянии паники...». «Стоит мне только ощутить давление в талии — я имею в виду давление моего поясного ремня, — я падаю духом и впадаю в тяжелую депрессию». С другой стороны, когда она узнает, что у нее «хорошая кишечная перистальтика», это ее «успокаивает», и она чувствует облегчение. Несмотря на все это, она понимает, «все время, каждую минуту» весь ужас того факта, что ее жизнью управляет «болезненная идея».

Теперь Эллен знает, что муж рассказал ее родителям, что с ней, и она ощущает сильную тягу к родителям, особенно к матери; она хотела бы упасть к ней на плечо и поплакать. Но это, по ее словам, преходящее настроение. В основном она совсем не чувствует желания оказаться дома, вероятно, она испытывает страх перед «мрачной и серьезной» натурой своего отца.

В августе, вскоре после 33-го дня ее рождения, курс психоанализа, начавшийся в феврале, по объективным причинам завершается. После ее возвращения муж замечает, что она находится в состоянии сильной тревоги и возбуждения. Она ест крайне нерегулярно, пропускает обеды и ужины, при этом без разбора, со все большей жадностью набрасывается на любую пищу, которая оказывается под рукой. Каждый день она съедает несколько фунтов помидоров и 20 апельсинов.

Трехнедельный визит к родителям сперва проходит лучше, чем ожидалось. Эллен счастлива вырваться из гостиничной атмосферы, рада, что проводит вечера со своей семьей и обсуждает разные вопросы с матерью. Однако, начиная со второй недели, картина меняется.

Целыми днями Эллен плачет, не может избавиться от страха и тревоги, в слезах гуляет по улицам родного города и страдает от своего голода больше, чем когда-либо, особенно из-за того, что дома ей приходится сидеть за столом с другими, которые едят нормально. Теперь она в совершенном отчаянии, так как считает неизлечимой свою болезнь, и с трудом может оставаться спокойной. Врач делает анализ крови и обнаруживает «нестандартный состав». Он советует ей проконсультироваться со специалистом по внутренним болезням в университетской клинике города X, где она когда-то посещала лекции. В начале октября она отправляется туда вместе с мужем и старой няней. Терапевт рекомендует ей клиническое лечение, но Эллен никак не может настроить себя на это. Вместо этого она во второй раз обращается к психоанализу. Ее второй аналитик оказывается более ортодоксальным, чем первый.

Эллен чуть больше 32 лет. Шестого октября муж по просьбе аналитика вопреки собственному желанию оставляет ее одну. Через два дня, 8 октября, после предварительно высказанных ею суицидальных идей, она предпринимает попытку самоубийства, приняв 56 таблеток снотворного, однако большую их часть ночью выташнивает. Аналитик не придает особого значения этой попытке и продолжает анализ. Что касается остального, Эллен перестает принимать свои лекарства, и в слезах бесцельно слоняется по улицам. Этот период времени, вплоть до середины ноября, по ее собственным словам, — «самый ужасный в ее жизни». В сновидениях она также постоянно озабочена едой. Ее муж находится с ней с 16 по 24 октября, затем ненадолго уезжает, а с 6 ноября снова постоянно при ней.

Седьмого ноября Эллен совершает вторую суицидальную попытку, приняв 20 таблеток барбитурата. На следующий день она оказывается в таком состоянии, которое аналитик характеризует как «истерическое сумеречное помрачение сознания». Она кричит и плачет весь день, отказывается от любой пищи и объявляет, что, выбрав момент, когда никого не будет рядом, все равно лишит себя жизни. Девятого ноября Эллен снова жадно набрасывается на пищу, 10-го ноября она предпринимает на улице несколько попыток броситься под машину, а 11-го — пытается выброситься из окна офиса своего аналитика. На следующий день она вместе с мужем переезжает в клинику вышеупомянутого терапевта⁶².

⁶² В то время в Европе пациенту, если это был состоятельный человек, не запрещалось поселяться в лечебном учреждении вместе с семьей и даже слугами.

По совету аналитика она снова ведет дневник, в котором особый интерес представляют записи, сделанные в октябре.

19 окт. «Я не думаю, что страх потолстеть — реальный обсессивный невроз, это — *постоянное желание пищи*. Удовольствие от еды должно быть первичным. Страх потолстеть служит тормозом. Теперь я вижу удовольствие от еды как реальную навязчивую идею, и она терзает меня, как дикий зверь. Я беззащитна перед ней. Она постоянно преследует меня и повергает в отчаяние».

21 окт. «День начался как все другие. Я понимаю, что он будет заполнен борьбой между желанием поесть и страхом перед едой. Я поднимаюсь и ухожу. Мое сердце полно уныния. Буду ли я еще способна опять радоваться жизни? Светит солнце, но в моей душе пустота. Ночные сны сбивают меня с толку. Сон не приносит мне удовлетворения...

...В чем смысл этого ужасного чувства голода — подавляющего чувства неудовлетворенности, которое возникает после каждого приема пищи? Мое сердце слабеет, я чувствую это физически, это неопишуемо угнетающее чувство...

...В те дни, когда меня не мучает голод, страх потолстеть снова выходит на первое место. Итак, две вещи терзают меня: первое — голод, второе — страх потолстеть. Я не нахожу выхода из этой ловушки... Ужасное чувство голода. Ужасный страх этого чувства. Ничто во мне не может заглушить это ощущение...

...В любом случае картина изменилась. Еще год назад я терпела до появления голода, и затем с аппетитом ела. Слабительное, которое я принимала ежедневно, помогало мне не набирать вес. Конечно, я тщательно отбирала пищу, избегала всего, что ведет к полноте, но все же съедала с удовольствием и наслаждением то, что было позволено. Теперь, несмотря на голод, каждый прием пищи — пытка, постоянно сопровождаемая чувством страха. Чувство страха теперь никогда не оставляет меня! Я чувствую его физически, как боль в сердце...

Когда я просыпаюсь утром, то ощущаю страх голода, который, я знаю, скоро появится. Голод гонит меня из постели. Я завтракаю и через час снова испытываю голод. Голод, или страх голода, преследует меня все утро. Страх голода — это что-то ужасное. Он изгоняет из моей головы все остальные мысли. Даже когда я сыта, я боюсь того часа, когда опять проголодаюсь. Когда я голодна, то не способна ничего понимать ясно, не способна анализировать.

Опишу в общих чертах утро. Я сижу за письменным столом и работаю. У меня много дел, много того, что я наметила сделать. Но мучительная тревога мешает мне оставаться спокойной. Я вскакиваю,

хожу туда-сюда, снова останавливаюсь и оказываюсь перед полкой, где лежит хлеб. Я откусываю от него немножко; через 10 минут я снова вскакиваю и съедаю больше. Теперь я твердо решаю больше не есть. Конечно, я могу проявить такую силу воли, что действительно ничего не съем. Но я не могу избавиться от желания еды. Весь день я не могу изгнать из своей головы мысль о хлебе. Она настолько овладевает моим умом, что для других мыслей не остается места. Я не могу сосредоточиться ни на работе, ни на чтении. Обычно кончается тем, что я выбегаю на улицу. *Я убегаю от хлеба, лежащего на чайной полке* и бесцельно слоняюсь по улице. Или принимаю слабительное. Как это можно проанализировать? Откуда исходит эта непреодолимая тревога? Почему я думаю, что могу справиться с ней, только поев? И почему тогда еда делает меня такой несчастной? Могут сказать: «Съешь хлеб, тогда ты успокоишься». Но нет, если я его съедаю, то становлюсь несчастнее, чем раньше. Тогда съеденный хлеб постоянно стоит перед моими глазами. Я чувствую тяжесть в желудке, и меня преследует мысль: «Теперь ты будешь немного толще!». Когда я пытаюсь анализировать все это, ничего не выходит. Ничего осмысленного. Все, что я могу чувствовать — беспокойство и страх. [Здесь следует попытка анализа]. Но все это лишь фантастические картины, я должна напрягать свой разум, чтобы их представить. Было бы легко анализировать что-то еще, похожее на это. Однако я продолжаю блуждать в своем смертельном страхе, и вынуждена переживать тысячи часов страха. Каждый день для меня — как тысяча часов, и часто я так устаю от этого спазматического⁶³ мышления, что больше не желаю ничего, кроме смерти. После обеда у меня всегда самое отвратительное настроение. Лучше бы я совсем не ела, тогда бы не было ужасного послеобеденного чувства. Весь день я боюсь появления этого чувства. Как его описать? В сердце тоска и пустота, ощущение страха и беспомощности. Иногда мое сердце так сильно бьется, что вызывает головокружение. В анализе мы объяснили это так: я пытаюсь во время еды удовлетворить потребность в двух вещах — в голоде и любви. Голод удовлетворяется — любовь нет! Остается огромная, незаполненная пустота. Утром, когда я просыпаюсь, то начинаю бояться «послеобеденного страха», и этот страх со мной весь день. Я даже боюсь посещать бакалейный магазин. Вид бакалейных товаров пробуждает во мне желания, которые они (товары) никогда не смогут утолить. Как если бы человек пытался утолить жажду чернилами...

⁶³ Это слово родственно немецкому *kramphaft*, означающему спазматическое, судорожное усилие.

...Возможно, я найду освобождение, если я смогу раскрыть эту загадку — связь между едой и желанием. Анально-эротическая связь — чисто теоретическое понятие. Она совершенно непостижима для меня. Я совсем себя не понимаю. Ужасно не понимать саму себя. *Я сталкиваюсь сама с собой как с незнакомкой* [курсив Бинсвангера]. Я боюсь саму себя, боюсь чувств, перед которыми я каждую минуту безвольно отступаю...

...Это ужасный период моей жизни. Он полон страха. Страх еды, страха голода, просто страха. Только смерть может спасти меня от этого. Каждый день подобен прогулке по канату на головокружительной высоте, вечное балансирование на краю пропасти. Безрезультативность анализа указывает на то, что я хочу этого страха, этого напряжения. Это звучит красиво, но это не помогает моему ноющему сердцу. Кто захочет подобного напряжения — кто или что? Я больше ничего не вижу, все в тумане, все смешалось во мне...

...Единственная работа, которую я проделываю, — мысленная. В моем внутреннем бытии ничего не меняется, мучение остается прежним. Легко сказать: все преходяще. Я жажду быть изнасилованной и на самом деле каждый час насилюю сама себя [курсив Бинсвангера]. Таким образом, я достигаю своей цели...

...Но где, где в действительности просчет? Ведь я безгранично несчастна, и кажется, фраза: «Это именно то, чего я хочу: быть несчастной», звучит глупо в моих устах. Это слова, слова, слова... и в это же время мои страдания хуже страданий животного».

В клинике, в которую, как уже упоминалось, Эллен с мужем приехала 12 ноября, наступает психологическая разрядка. Ее отношение к еде полностью меняется. С первого дня она ест все, что дают, включая пищу, к которой годами не прикасалась, — суп, мясо, картошка, сладкие блюда, шоколад. Ее вес, который при поступлении составлял 102 фунта [»46 кг], тем не менее, возрос не более чем до 114 фунтов [»52 кг] за два месяца. Утром и после обеда Эллен выезжает из клиники на лекции в университет. С трех до четырех часов — время психоанализа, а вечером она часто ходит на прогулку или в театр. На занятиях она очень тщательно все записывает. Ее мужу кажется, что теперь началось реальное улучшение. Ее заметки и стихи отражают новую надежду и обретенное мужество. Она снова хочет быть «человеком среди людей». Ей кажется, что «новое время неясно проступает в потоках солнечных лучей»; «итак, я возродилась, и мир снова — мой»; «в моем сердце бьется глубокая благодарность за то, что я пережила этой ночью». Но все же она не окончательно верит в наступивший мир.

«Я вижу золотые звезды и то, как они танцуют;
Ночь, как всегда, таит в себе бесконечный хаос.
Вернутся ли, наконец, ко мне
С ясностью раннего утра мир и гармония?»

Эти стихи (воспроизведенные здесь только в коротких выдержках) были записаны в ночь с 18 на 19 ноября. Она пишет: «Стоит мне закрыть глаза, рождаются стихи, стихи, стихи. Если бы я хотела записать их все, то должна была бы заполнять страницу за страницей — больничные стихи... слабые и полные внутренней сдержанности. Они только слабо трепещут крыльями, но, по крайней мере, хоть что-то движется во мне. Дай Боже, чтобы это могло вырасти!»

Есть еще записи, сделанные этой ночью: «Я бодрствовала в течение двух часов. Это прекрасно — проснуться. Однажды летом такое уже было. Но тогда я потеряла голову от страха. Я верю, что в этот раз такого не будет. Я чувствую в груди что-то приятное, что-то, что хочет расти и расти. Вернется ли снова в мою жизнь любовь? Более серьезная, более спокойная, чем раньше, но также более светлая и более чистая. Дорогая жизнь, я готова принять тебя, я протираю руки и глубоко дышу, робкая и радостная...

...Я снова читаю «Фауста». Теперь впервые я начинаю понимать его. Начав, я многое должна пройти, в том числе самое тяжелое в моей жизни, прежде чем смогу сказать: «Я понимаю это. Да, теперь я понимаю это». Но я не боюсь того, что приходит. Сладко страшиться и страдать, расти и становиться другой».

Но на следующее утро, 19 ноября, «прекрасное настроение ночи как бы исчезло. Я усталая и печальная». Она продолжает посещать лекции, читать и писать, но мысль о еде преследует ее. Для описания этой мысли она находит очень характерное сравнение: «Я чувствую нечто похожее на то, что должен чувствовать убийца, который постоянно держит перед своим мысленным взором картину убийства. Он может работать, даже надрываться на работе, с утра до вечера, может выходить гулять, может разговаривать, может пытаться отвлечься — все напрасно. Всегда, постоянно он будет видеть перед собой картину совершенного убийства. Он чувствует непреодолимую тягу к месту убийства. Он знает, что это делает его подозреваемым. Даже хуже — он испытывает ужас перед этим местом, но все же он должен туда пойти. Что-то, что сильнее его разума и воли, контролирует его и наполняет его жизнь пугающим ожиданием краха. Убийца может найти искупление. Он приходит в полицию и признается в содеянном. В наказании

он искупает свое преступление. Я не могу найти искупление — кроме как в смерти».

Эллен с болью осознает, что «из-за этой страшной болезни я больше и больше отдаляюсь от людей... Я чувствую себя исключенной из реальной жизни. Я совершенно изолирована. Я накрыта стеклянным колпаком. Я смотрю на людей, как бы через стеклянную стену, еле слыша их голоса. Я чувствую непреодолимое желание приблизиться к ним, я кричу, но они не слышат меня. Я простираю к ним руки, но они натываются на стены моего стеклянного колпака».

В этот период она начинает писать «Историю невроза». Вот цитаты из нее: «Поскольку я действовала и воспринимала объекты, только исходя из того, сделает ли это меня худой или толстой, вскоре все вещи утратили свое первоначальное значение. Моя работа тоже. Я занималась ею, чтобы отвлечь себя от голода или от тяги к сладкому. (В течение того времени, когда я работала — с девяти утра до часу дня и с двух часов до шести, — я не чувствовала искушения есть то, что сделало бы меня толстой.) Так что время, потраченное на работу, оправдывало себя. Работа меня радовала. Но когда все во мне сжималось, радость тоже разбивалась вдребезги: тогда работа не отвлекала меня, не приносила мне радости.

Осенью 19__ г. (в начале моего 32 года жизни) я впервые ощутила страх. Только очень неопределенный и смутный страх, скорее даже склонность подчиниться непонятной силе, угрожавшей разрушить мою жизнь. Я почувствовала, что все внутреннее развитие прекратилось, что все становление и рост были прерваны, так как единственная идея заполняла мою душу, и эта идея — что-то невыразимо нелепое. Мой разум восстал против нее, и я попыталась силой воли отказаться от этой идеи. Бесполезно. Слишком поздно — я уже была не в состоянии освободиться и теперь жаждала освобождения, искупления, которое пришло бы ко мне путем какого-то метода излечения. Так я пришла к психоанализу...

...Я хотела познать те неведомые побуждения, которые оказались сильнее моего разума и которые вынуждали меня устраивать свою жизнь в соответствии с доминирующим направлением. И этот ориентир — быть худой. Анализ привел к разочарованию. Я анализировала, опираясь на разум, и все оставалось теорией. Желание быть стройной неизменно оставалось в центре моих размышлений...

...Месяцы, которые последовали за этим, были самыми ужасными за всю мою жизнь, и я все еще не могу отойти от этого. Теперь моей жизнью владела не одна «идея-фикс», к ней добавилось что-то гораздо худшее — навязчивость, заключающаяся в том, что я постоянно думала

о еде. Эта навязчивость искажила всю мою жизнь, она преследует меня, когда я просыпаюсь и засыпаю, она стоит за всем, что я делаю, как злой дух, и никогда и нигде я не могу избавиться от нее. Она преследует меня, как убийцу преследуют призраки, она превращает мир в карикатуру, а мою жизнь — в ад. Мне кажется, что легче было бы перенести любую другую боль; если бы моя жизнь омрачилась действительно тяжким горем, я нашла бы силы перенести его. Но ежедневная пытка непрекращающейся борьбы против множества абсурдных, низменных, презренных мыслей — это мучение отравляет всю мою жизнь...

...Когда я открываю утром глаза, мое страдание стоит передо мной. Даже еще до своего окончательного пробуждения я начинаю думать о еде. Каждая трапеза связана со страхом и тревогой, каждый час между приемами пищи заполнен мыслью: «Когда я снова почувствую голод?» Может быть, я и сейчас хотела бы что-нибудь съесть? А что?» и т. д. и т. п. Тысяча различных форм, но всегда одно и то же содержание. Неудивительно, что я больше не способна испытывать радость. Мне известны лишь страх и печаль, отсутствие удовольствия и отсутствие мужества».

Поскольку болезнь снова серьезно усиливается в конце ноября — начале декабря, больную консультирует Крепелин и диагностирует *меланхолию*. Аналитик считает этот диагноз неправильным и продолжает анализ. В первой половине декабря ее курс лечения снова приносит плоды: Эллэн опять посещает лекции, читает II часть «Фауста», но она разрывается между различными позициями докторов относительно ее болезни и лечения. Терапевт, который наиболее правильно оценивает ее болезнь, считает необходимым продолжение клинического лечения, аналитик советует оставить клинику и «вернуться к жизни». Этот совет совершенно разрушает ее веру в аналитика. В записи, сделанной в дневнике 19 декабря она, среди прочего, замечает: «Я продолжаю жить только благодаря чувству долга перед моими родственниками. Жизнь больше не привлекает меня. Нет ничего, никакого дела в моей жизни, которое удерживало бы меня. Все вокруг серое и безрадостное. Поскольку я похоронила себя в себе и больше не могу любить, существование — просто пытка. То, что раньше радовало, теперь представляет задачу, по сути бессмысленную, но помогающую мне скоротать время жизни. Что раньше казалось целью жизни — все обучение, все стремления, все достижения — теперь бесконечный, тяжелый ночной кошмар, который пугает меня».

Для своего положения она снова находит подходящие аналогии. По ее словам, Карл (ее муж) считает, что она находит радость в некоторых вещах. «Но если бы он спросил у заключенного, что бы он предпочел —

остаться в концлагере или вернуться домой? В первом случае он чем-то занимал бы себя, изучал бы иностранные языки, конечно, только ради того, чтобы занять себя в бесконечные, тяжелые дни. Действительно ли он наслаждался бы работой? Оставался бы он в заключении хотя бы минутой дольше, чем необходимо? Конечно же, нет, и никто даже не мог бы помыслить о такой гротескной идее. Но я могу. Жизнь стала для меня концлагерем, и я так же страстно жажду смерти, как бедный солдат жаждет вернуться домой из сибирского ссылки...

...Сравнение с заключением — не просто слова. Я в тюрьме, поймана в сеть, из которой не могу освободиться. Я заключена внутри самой себя; я все больше и больше запутываюсь, и каждый день — новая бесполезная борьба; сети опутывают меня все сильнее. Я в Сибири, мое сердце как лед, все, что окружает меня, — одиночество и холод. Лучшие мои дни — печально-комичная попытка обмануть себя. Так жить нельзя. Карл, если ты любишь меня, подари мне смерть».

Другая аналогия: «Я окружена врагами. Куда я ни посмотрю, везде окажется человек с обнаженным мечом. Как на сцене. Несчастный ищет выход; остановись! Перед тобой человек с оружием. Он мечется в поисках другого выхода — все напрасно. Он окружен, ему больше некуда бежать. Он застывает в отчаянии.

Так и со мной: я в тюрьме и не могу бежать. Аналитик говорит мне, будто я сама поместила туда человека с оружием, что это — театральные фигуры, и они нереальны. *Для меня они очень реальны* [курсив Бинсвангера].

Эллен жалуется, что в течение многих месяцев у нее «не было ни часа полной свободы». В то же время она говорит, что картина повседневности меняется. На протяжении одной недели самыми тяжелыми являются утренние часы, на протяжении другой — вечерние, а в третью — середина или конец дня. Но нет такого дня недели, в который я чувствовала бы себя «полностью свободной». Чего она никогда не допускает, так это беззаботности. Ее внимание всегда направлено на себя, она следит за собой, все делает «с осознанием», она не может просто «быть здесь» и жить. Если время от времени в ней «вспыхивает вера» в то, что ее жизнь все еще имеет смысл, что она еще может быть полезна другим и способна помочь им, тотчас возникает страх и «снова гасит эту слабую искру жизни».

Она все яснее понимает, что не сможет жить, если не «сломает запрет» и не устранил эту чрезмерную озабоченность собой. Ее «душевное волнение», связанное с принятием пищи, колоссально. Каждый кусочек она проглатывает осознанно и с невыразимым чувством скорби. *«Общая картина мира беспорядочна* [курсив Бинсвангера]. Будто

я заколдована. Злой дух сопровождает меня и во всем отравляет мою радость. Он искажает все прекрасное, все естественное, все простое, и делает из этого карикатуру... Что-то во мне восстает против тучности, против того, чтобы быть здоровой, с пухлыми красными щеками, чтобы стать простой, крепкой женщиной, что соответствует моей истинной природе... Меня приводит в отчаяние то, что при всех моих высоких словах я не могу идти дальше. Я противостояю непонятным силам, которые превосходят меня. Я не способна овладеть ими и не могу понять их».

В начале нового года, 3 января, терапевт осуществляет решительное вмешательство, запрещает продолжение анализа (решение, с которым пациентка соглашается) и советует ей переехать в санаторий Бельвью в Крейцлингене. В письме младшему брату, написанном 7 января, она просит извинить ее за прямоту, говорит, что больше не может ему лгать и признается, что полна страха, хотя даже не знает, перед чем. «Жизнь тучей нависла надо мной». Во время подготовки к поездке возникает набирающая силу подавленность и волнение. Поездка, которая состоялась 13–14 января, сопровождается страхом, чувством голода и депрессией.

**ПРЕБЫВАНИЕ В КРЕЙЦЛИНГЕНСКОМ САНАТОРИИ
с 14 января по 30 марта 19__ г.**

В пояснительной записке терапевта утверждается, что в течение нескольких лет у пациентки отсутствует менструация, и что ее слюнные железы немного увеличены. Безусловно, из этого следует, что имеют место эндокринные нарушения. Невроз как таковой выражается в течение многих лет в навязчивых идеях, особенно в страхе стать слишком толстой, а позднее — в компульсивном желании есть много и без разбора. Исключительно умная, развитая пациентка разрывается между этими противоположными чувствами. В июле предыдущего года к этому прибавилась очень тяжелая циклотимия — депрессия, сопровождающаяся обострениями, которые случаются примерно раз в месяц, сильными чувствами тревоги и периодически возникающими суицидальными идеями. Во время депрессий навязчивые мысли отходили на задний план. В клинике, где постоянно присутствовал ее муж, который очень благоприятно влиял на нее, состояние пациентки резко улучшилось. Ее вес при первоначальной диете 70 кал./кг, заметно повысился и в настоящее время постепенно дошел до 114 фунтов [более 52 кг.] на диете 50 кал./кг. Вследствие ее последней депрессии ей был предписан продолжительный отдых, настоятельно рекомендованный

Крепелином в нашем учреждении. Помещение ее в закрытое лечебное учреждение представляется необязательным.

Второй аналитик в своем детальном отчете утверждает, что пациентка страдает от тяжелого обсессивного невроза в сочетании с маниакально-депрессивными состояниями. Он убежден, что пациентка находится на пути к выздоровлению. Об этом свидетельствует перемена во внешнем виде; в то время как в течение лета она была отталкивающе некрасива, теперь она становится все более женственной и почти хорошенькой. В целом отчет подтверждает вышеприведенный анамнез, но также содержит некоторые важные дополнения и оценки психоаналитика. Он рассматривает депрессию как «сильно и целенаправленно преувеличенную». Однажды пациентка утверждала, пишет он, что ее отец не понимал ее навязчивых идей, но проявлял полное понимание ее депрессии. Она боялась, что, растолстев, разочаровала бы своего предыдущего возлюбленного (студента). Стройность она приравнивала к более высокому интеллектуальному типу, а полноту — к буржуазно-еврейскому типу. После расторжения помолвки первое, что она предприняла со вздохом облегчения, — опустошающий налет на собственную продуктовую кладовую! Но когда она узнала из заключения гинеколога, что не может иметь детей, то, несмотря на свой отказ от возвышенной интеллектуальности (в браке она, выставляя это напоказ, занималась домоводством и переписыванием кулинарных рецептов, особенно в присутствии жены младшего брата — привлекательной блондинки, увлекающейся искусством, имеющей детей и пр.), решила «жить ради своей идеи» без всяких ограничений и начала принимать большие дозы слабительного». Поскольку она определила личность своего аналитика как «блондин» — более высокий тип по ее классификации, то первая консультация прошла довольно успешно (факт, который ее муж также подтверждает). Она также демонстрировала явные истерические черты характера, рассчитывая произвести впечатление на мужа. Длительное время терапия была сосредоточена на анальном эротизме. Она поняла связь между любовью к шоколаду и анальным эротизмом, так же как и тождество: «Питание = быть оплодотворенной = беременность = полнота». Тогда перенос стал столь очевиден, что однажды она совершенно неожиданно села на колено аналитика и поцеловала его, что, несмотря на их предшествующие дружеские отношения, было крайне необычно. В другой раз у нее было желание положить ему голову на плечо, а он называл бы ее «Эллен-дитя». С начала декабря анализ стал постепенно затухать, и это было последствием их обсуждения отцовского комплекса, который, однако, мог быть проработан только частично. Она уяснила для себя, что «ее навязчивая идея» означала бег-

ство от отцовского (еврейского) типа. Что касается желаний инцеста, никакого материала, даже из ее снов, получено не было. К сожалению, никакой анализ не позволил преодолеть амнезию на события детства.

Во время предварительной беседы в санатории 14 января после нескольких слов пациентка начала громко рыдать и долго не могла успокоиться, но все же поведала отрывочные и бессвязные фрагменты из истории своей болезни. Она охотно ушла в сопровождении мужа в свою комнату и одновременно была рада, что у нее будет возможность пересказать подробности своей болезни. Позже она обстоятельно рассказывает основные моменты развития ее страдания от его начала, произошедшего 13 лет назад, до новейших событий в университетском городе. Крепелин отверг утверждение аналитика о неврозе навязчивости, предположил врожденную меланхолию и пообещал ей, что навязчивые мысли наверняка исчезнут вместе с меланхолией; что случится после этого с ее «идеей-фикс», будет видно. Даже теперь она отделяет навязчивую идею постоянно думать о еде от «идеи-фикс», единственной цели — не потолстеть. Она сообщает, что в течение последних недель почувствовала небольшое улучшение, но в действительности несчастлива и безрадостна. Сюда она прибыла с тысячей правильных решений, но уже по пути испытала ужасную безнадежность. Теперь каждый пустяк кажется ей непреодолимым препятствием. У нее такое чувство, что если один из ее симптомов слабеет, то другой усиливается. «Я опять чувствую необходимость собственной беззаботности во время еды; для меня каждый прием пищи — внутренний конфликт. Я постоянно думаю, что если кто-то действительно любит меня, то он не должен позволять мне продолжать эту жизнь». По ее словам, в клинике она, в конце концов, стала всех бояться, поскольку каждый раз ожидала, что они заговорят с ней о ее внешнем виде: «Все меня волнует, и я переживаю каждое волнение как чувство голода, даже если я только что поела». В настоящий момент у нее ощущение, будто вся жизнь в ней умерла, что все нереально, бессмысленно. Она также охотно говорит о своих суицидальных попытках. Даже теперь она ничего так не желает, как того, чтобы ей позволили заснуть и не проснуться, так как она даже не мечтает о том, что сможет когда-нибудь снова выздороветь. После второй суицидальной попытки она постоянно думала только об этом; только бы поскорее вернулся ее муж, иначе она бросится под любую машину; когда он уезжал, она все время его ждала. Она испытывает особую неприязнь к психоанализу. Однако ее муж утверждает, что она совершенно добровольно позволяет себя анализировать и что, несомненно, отнюдь не отвергала второго аналитика.

Дальнейшие выдержки из описания случая.

16 января. Обсудили распорядок дня, а именно, время и продолжительность отдыха, прогулок и так далее, а также вопрос питания. Первая ночь прошла хорошо, благодаря слабому успокоительному. Пациентке позволено есть в своей комнате, но она охотно приходит с мужем к послеполуденному кофе, тогда как раньше была категорически против этого, поскольку она не ест, а набрасывается на пищу, как дикое животное, — что и демонстрировала с крайним натурализмом.

Исследование ее физического состояния не выявило ничего необычного. Средний рост, в меру упитанная, с тенденцией к пикническому типу, строение тела характеризуется в данном случае как мальчикоподобное. Однако признаки выраженной мужской стигматизации отсутствуют. Череп описан в истории болезни как относительно большой и массивный, но без признаков акромегалии. Форма лица овальная, гармоничная. Слюнные железы заметно увеличены с обеих сторон. Щитовидная железа не пальпируется. Ранее, в гинекологическом обследовании отмечалось «недоразвитие половых органов». На ключице мозольное образование на месте старого перелома. Внутренние органы без особенностей. Пульс четкий, приглушенный, но ритм нестабильный. Месячные отсутствуют в течение нескольких лет. Неврологическое обследование не выявило ничего особенного, кроме очень слабого коленного рефлекса и совершенного отсутствия тремора рук.

21 января. Выражение ее лица очень непостоянно, что соответствует частым сменам аффективного состояния, в целом, однако оно ригидное и пустое. Взгляд то пустой, то чрезвычайно чувственно насыщенный. Поза также несколько ригидная, походка — прямая и очень быстрая. Ее поведение очень дружелюбно, она идет на контакт, но без выраженного эротизма. Основной тон настроения: безнадежное отчаяние. В этот период я отметил: «Создается впечатление, что она страдает не от настоящего депрессивного состояния, а от того, что чувствует себя физически опустошенной и мертвой, совершенно пустой и страдает именно от того, что не способна ничего чувствовать. Заметна сильная болезненность, в смысле крайней энергетической истощенности. Она всерьез ожидает наступления смерти. На первом плане раздражительность и страдание, связанные с навязчивым стремлением всегда думать о еде, что порождает в ней ощущение собственной деградации. Поражает беспристрастность, с которой она говорит о вещах, которые должны были бы вызвать сильный эмоциональный эффект. Мыслительный процесс не сопровождается ни скачкой идей, ни резонерством; но имеют место трудности в концентрации, так как ее мысли

вращаются вокруг ее «комплекса». Она все еще не позволяет мужу ей читать. Понимание, внимание и память не нарушены. К сожалению, тест Роршаха в то время провести было невозможно, иначе мы могли бы получить представление об ее целостном видении мира.

22 января. Ночи проходят вполне спокойно благодаря мягким успокоительным. Лишь вторая ночь в санатории сопровождалась сильным волнением, так что мужу пришлось вызвать главную сестру. День ото дня происходят колебания настроения, нередко оно меняется по нескольку раз в течение одного дня. В целом она стала спокойнее: случаются незначительные приступы тревоги, которые начинаются с «трепетания» в области сердца, «будто это машут крыльями летучие мыши». Ест почти все, что предлагают, но иногда возникают сложности с десертами. За последнюю неделю потеряла один фунт веса, после чего стала питаться лучше. Во время прогулок довольно легко забывает о своем страдании. Хотя в детстве в целом ее мнение было вполне независимым, теперь она полностью зависит от того, как другие отзываются о ее внешности и прибавке в весе.

Поскольку все теперь зависело от нашей формулировки точного диагноза, я попросил пациентку и ее мужа поработать над точным анализом — занятие, которое заметно успокаивает пациентку.

8 февраля. Она сильно страдает от навязчивых импульсов наброситься на пищу и поедать ее на полу, как животное (что подтверждается наблюдениями). Однажды ночью с жадностью съела подряд 7 апельсинов. В противоположность этому во время регулярного приема пищи проявляется склонность к аскетизму, побуждая ее отвергать то или иное блюдо, особенно десерты. Она менее скована во время прогулок, а также совершенно нормально держится с другими пациентами, однако никак не может отключиться от самой себя и постоянно пребывает во власти чувства, «что среди людей она как мертвая».

15 февраля. Отмечены уже обозначенные в отчетах терапевта чувство голода, «волчий аппетит» и «компульсивные мысли» о еде, которые сменяются тяжелым депрессивным настроением, возможно, отчаянием. Сегодня к этому прибавилось суицидальные импульсы, самоупреки по поводу того, что она опять начинает лгать. Недавно приняла за один день 6 таблеток слабительного, но в ответ на прямой вопрос солгала врачу, сказав, что ничего не принимала.

26 февраля. Снова волнение, быстро затихающее. Она привязалась к элегантной, очень худой и стройной пациентке. Очевиден гомоэротический компонент. Сны очень живые и всегда посвящены пище или смерти. Ниже представлено содержание снов о смерти:

Сон 1. «Во сне я видела нечто удивительное: кончилась война, я вышла в поле и попрощалась со всеми с радостным предвкушением, что скоро умру. Я рада тому, что перед смертью могу есть все. Я съела большой кусок пирога».

Сон 2. В полудреме ей снится, что она жена художника, который не может продать свои картины. Она сама должна заниматься шитьем или чем-то подобным, но не может этого делать, так как чувствует себя больной, и они оба вынуждены голодать. Она просит его достать револьвер и убить их обоих. «Ты слишком труслив, чтобы застрелить нас; другие два художника уже застрелились».

Сон 3. Во время заокеанского путешествия она спрыгнула в воду через иллюминатор. Ее первый возлюбленный (студент) и ее муж, оба пытаются сделать ей искусственное дыхание. Она съела много шоколадных конфет и упаковала свои дорожные чемоданы.

Сон 4. Она заказывает гуляш, говорит, что очень голодна, но хочет только маленькую порцию, жалуется своей старой служанке, что люди сильно ее мучают. Хочет сжечь себя на костре в лесу.

По психотерапевтическим причинам анализ ее снов не проводился.

Утром, в состоянии волнения, в полусонном состоянии говорит об умершем, который обрел вечный покой, тогда как она все еще мучается; говорит о своих похоронах. Отказывается есть апельсин, потому что муж хочет побеседовать с врачом. Предлагает фермеру 50 000 франков, чтобы он застрелил ее. Рассказывает о своем младшем брате, который покинул Новый Свет, т. е. днем и ночью мучился из-за жужжания мух. Ей самой, тоже испытывающей мучения, не позволяют «переехать за океан», но заставляют продолжать жить. Если она не узнает другого способа умереть, то бросится в огонь или разобьет себе голову об оконное стекло. Она говорит, что мы все садисты, включая доктора, и нам приносит удовольствие мучить ее.

Ее муж очень легко устанавливает с ней раппорт⁶⁴, не только когда она пребывает в полусонном состоянии, но и во время полноценного сна.

⁶⁴ Это слово используется здесь не в обычном значении тесной и гармоничной связи, а в специальном значении коммуникации между гипнологом и его пациентом. В гипнотическом раппорте субъект (испытуемый), не пробуждаясь, отвечает на вопросы и команды гипнолога. Использование здесь этого термина может свидетельствовать о степени влияния мужа на Эллен Вест.

9 марта. После 14 относительно спокойных дней наступили пять дней полных тревоги, которая вчера достигла пика. На первом плане «колоссальная прожорливость», которой, однако, она не поддается. Говорит, что не может дожидаться, когда излечат ее «меланхолию». Ужасно, что ее муж так «плохо» на нее влияет, поскольку в его присутствии она не может покончить с жизнью. Она хочет посмотреть на закрытые отделения, и, возможно, перейти туда.

«Я чувствую себя совершенно пассивной, будто я сцена, на которой бьются две враждебные силы». У нее чувство, что она совсем ничего не может с этим поделать, и вынуждена пребывать в состоянии полной беспомощности.

11 марта. Посещение ею закрытых отделений имело довольно неожиданый эффект. «Я хотела бы сейчас же разбить толстые оконные стекла». Снова переживает из-за своей прожорливости, «будто дикое животное набрасывается на пищу». Постоянно упрекает себя за то, что слишком много съела. Хочет попросить у доктора разрешение на самоубийство. Настойчиво пытается убедить мужа и доктора в правильности этого решения, отвергает любой контраргумент.

Еще будучи молодой, она не могла просто сидеть дома, и всегда должна была куда-то уходить, чем удивляла окружающих ее людей. В 18 лет она написала подруге: «Меланхолия покрывает мою жизнь, как крылья черной птицы, которая сторожит где-то позади, дожидаясь момента, чтобы подкрасться и убить меня». Теперь ей представляется, что за ней постоянно следует призрак, чтобы убить ее, или что она только ждет того момента, когда «придет безумие и, трясая черными космами, схватит меня и швырнет в зияющую пропасть». Месячные отсутствуют в течение четырех с половиной лет, сексуальная жизнь не поддерживается в течение трех лет; ранее сексуальные отношения были нормальными.

21 марта. Суицидальные угрозы становятся более серьезными. Хочет лишь дожидаться консультации, назначенной на 24 марта. «Если бы было вещество, содержащее питание в концентрированной форме, благодаря которому я оставалась бы стройной, тогда я была бы рада продолжить жизнь... Я хотела бы становиться все более худой, но я не хочу постоянно следить за собой, и я не хочу ни от чего отказываться — вот он, разрыв между желанием быть стройной и нежеланием отказаться от той пищи, которая разрушает меня... Я пребываю в здравом уме и рассудке в отношении всего, кроме этого единственного момента, который делает меня ненормальной; я изнемогаю в борьбе с собственной природой. Судьба хотела, чтобы я была толстой и крепкой, но я хочу быть худой и изящной». Все больше ей хочется наслаждаться весной, но в то же время усиливаются ее страдания в связи с приемом пищи.

Второе примечание к анамнезу: она говорит, что депрессивные настроения имели место и до того, как в 21 год у нее появилась «идея-фикс». В своем дневнике за несколько месяцев до возникновения этой идеи она написала, что удивляется тому, как внезапно что-то подавило ее благодушное настроение, так что она почувствовала желание заплакать. Она спрашивает себя, не слишком ли она чувствительна для жестокой жизненной борьбы. «Как часто я хорошо чувствую себя утром, мое сердце полно света и надежды, но не успеваю понять, отчего я так счастлива, как что-то извне подавляет мое настроение. Что-то совершенно незначительное, возможно, холодный тон голоса любимого человека, или другая мелочь внезапно разочаровывает меня. Я вижу, как мрачнеет мир перед моим замутненным взглядом».

По моей просьбе муж собирает материал, касающийся ее суицидальных мыслей. Выясняется, что желание смерти проходит через всю ее жизнь. Еще в детстве она считала, что фатальный несчастный случай, — например, разбиться об лед, катаясь на коньках, — «интересен». Во время ее увлечения верховой ездой (в возрасте 19–21 года) она, совершая легкомысленные трюки, падает и ломает ключицу. При этом она недовольна, что дело не кончилось смертельным исходом; на следующий день она снова взбирается на коня и продолжает ездить в той же манере. Еще в детстве во время болезни она каждый раз разочаровывалась, когда лихорадка проходила, и болезнь отступала. В 22 года ей хотелось, чтобы ее учитель верховой езды снова и снова повторял фразу: «Те, кого любят боги, умирают молодыми». Получив извести о смерти подруги, завидует ей, ее глаза сияют при известии о смерти. Работая в детском доме, несмотря на предупреждения воспитателей, посещает детей, больных скарлатиной и целует их в надежде заболеть. Пыталась заболеть, выходя обнаженной на балкон после горячей ванны, окуная ноги в ледяную воду или стоя в автобусе у открытого окна, когда у нее была повышенная температура. Первый аналитик на первой консультации в конце декабря 19__ г. называет ее поведение «затяжной суицидальной попыткой».

22 марта. Вчера во время прогулки она была очень приветлива; в полдень совершенно спокойно села за стол, но потом, как всегда, резко преобразилась. Интересуется, сможет ли заставить себя что-то оставить на тарелке. В процессе приема пищи ее волнение возрастает. «Все во мне дрожит, желание все съесть яростно борется во мне с решением не есть ничего, я вскакиваю и отбрасываю все, что осталось, чтобы не поддаться искушению, в конце концов, доесть это». Затем она почувствовала себя разбитой, совершенно опустошенной, все ее тело покрылось сыпью, все конечности болят, как будто ее высекли кнудом;

ей хочется застрелиться. Только спустя некоторое время (один-два часа) это состояние проходит.

24 марта. Консультация с проф. Э. Блейлером и иностранным психиатром.

Предварительные заключения к этой консультации: ввиду возрастающего риска суицида дальнейшее пребывание пациентки в открытом отделении представляется неоправданным. Я должен был предложить мужу два варианта на выбор: либо он дает разрешение на перемещение его жены в закрытое отделение, либо покидает с ней учреждение. Муж отнесся к моему предложению весьма разумно и воспринял его адекватно, но сказал, что может дать такое разрешение, только если ему пообещают излечение или, по крайней мере, устойчивое улучшение состояния жены. Поскольку, исходя из анамнеза и моих собственных наблюдений, я был склонен диагностировать прогрессирующий шизофренический психоз (простая шизофрения), то не мог его обнадеживать. (Если бы тогда существовала шоковая терапия, то был бы предложен временный выход из этой дилеммы и определенная отсрочка, но нет сомнений, что в конечном итоге ничего бы не изменилось.) Так как было ясно, что выписка из учреждения наверняка означает суицид, я посоветовал мужу не ограничиваться только моим мнением, в котором я был уверен, но, во-первых, добиться консультации проф. Блейлера и, во-вторых — иностранного психиатра, который в своих взглядах несколько отходил от теории шизофрении Крепелина—Блейлера. На суд консультантов были представлены полный анамнез (выдержки из которого даны в следующем разделе), равно как и наше заключение по истории болезни.

Результат консультации: оба джентльмена полностью согласны с моим прогнозом и выражают сомнение в терапевтической пользе принудительного лечения более энергично, чем я. У Блейлера наличие шизофрении не вызывает сомнений. Второй психиатр считает, что шизофрения может быть диагностирована, только если имеет место умственная неполноценность. Наш случай он определил бы как постепенно раскрывающаяся психопатическая конституция. «Идею» быть худой он верно определяет не как бредовую (так как отсутствует логическая мотивация), а в связи с ее меньшей обоснованностью как сверхценную идею (мы вернемся к этому). Мы все согласны, что это не обсессивный невроз и не маниакально-депрессивный психоз, и что излечение не может быть гарантировано. Поэтому мы решили поддержать требование пациентки о выписке.

30 марта. Пациентка чувствует заметное облегчение от итогов консультации. Объявила, что теперь сама будет распоряжаться своей жиз-

ню, но была потрясена, когда поняла, что, несмотря на лучшие намерения, не может справиться со своей дилеммой относительно еды. Внешне хорошо себя контролирует и спокойна, но внутренне очень напряжена и возбуждена. Она перебрала многочисленные варианты своих дальнейших действий, и, наконец, решила ехать домой с мужем в тот же день. Она до мельчайших деталей воспроизводит привычный ей образ жизни, так как любое изменение ее смущает и сбивает с толку. Вплоть до последнего момента она сильно страдает от своей идеи. Вес при выписке примерно тот же, что и при поступлении — 104 фунта [прим. 47 кг].

ЕЕ СМЕРТЬ

В пути Эллен держится очень мужественно. Ей придает силу ее решение взять все в свои руки. Однако беглый взгляд на жизнь во время путешествия вызывает душевное страдание. Она чувствует свою неспособность приспособиться к этой жизни еще острее, чем в клинике. Последующие дни оказываются еще более мучительными, чем все предыдущие недели. Она не чувствует, что напряжение ослабло, напротив, все симптомы обостряются. Отсутствие режима совсем ее расстраивает, встреча с родными делает более заметными проявления болезни. На третий день пребывания дома она как бы преображается. На завтрак она ест масло и сахар, а в полдень съедает так много, что — впервые за 15 лет! — совершенно довольна процессом еды и действительно насыщается. За послеполуденным кофе она съедает шоколадные кремы и пасхальные яйца. Эллен гуляет с мужем, читает стихи Рильке, Шторма, Гете и Теннисона, восхищается первой главой «Христианской науки» Марка Твена. Она в праздничном настроении, и, кажется, будто депрессия полностью отступила. Она пишет письма, последнее письмо — к подруге-пациентке, к которой была сильно привязана. Вечером Эллен принимает смертельную дозу яда, и на следующее утро ее обнаруживают мертвой. «Она выглядела так, как никогда не выглядела при жизни — спокойной, счастливой и умиротворенной».

II. ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ⁶⁵

ВВЕДЕНИЕ

Предшествующее описание суммирует то, что мы знаем, исходя из заслуживающих доверия автобиографических и биографических документов и свидетельств о человеке, которому мы дали имя Эллен Вест. Это знание чисто исторического типа; по этой причине мы называем имеющуюся у нас совокупность фактов, или данных, (внутренней и внешней) жизне-историей этой личности. На основе жизне-истории ее конкретное имя теряет свою функцию чисто вербального «ярлыка» человеческой личности — уникальной временно-пространственно-обусловленной индивидуальности — и приобретает значение эпонима⁶⁶. Имя Эллен Вест (в данном случае, конечно, не имеет значения, подлинное это имя или вымышленное), таким образом, означает всю полноту исторической фигуры или персонажа. Однако в то время как данные жизне-истории могут быть точными и определенными, их оценки остаются неопределенными, колеблющимися и неполными. Действительно, принято считать, что, опираясь на отчет или рассказ, мы создаем более или менее адекватное «представление», или более или менее четкий «образ» человеческой личности, однако, как хорошо известно, такое представление, или образ, зависит от изменчивой установки или позиции человека или группы людей, усилиями которых он формируется. Одна любовь и порождаемое ею воображение могут подняться над этой единственной точкой фиксации. Оценка, даже научное суждение, как форма «принятия-за-ничто»⁶⁷ остается неизбежно привязанной к чьей-то перспективе. Задача исторической науки — проверить и сравнить «личные» суждения, проследить их до их исходного угла восприятия и поместить их в научную перспективу. Однако, поскольку даже научная перспектива берет направление в

⁶⁵ Читатель должен иметь в виду, что некоторые нижеследующие разделы могут представляться сложными для понимания. Научный и философский стиль Бинсвангера характеризуется частым обращением к терминологии, особенно к понятиям, которые пишутся через дефис и обозначают нечто большее, чем написанные отдельно. При переводе мы решали, прибегнуть ли к парафразам или переводить Бинсвангера более точно. Мы выбрали последнее. Мы, конечно, отдаем себе отчет, что этот текст не предназначен для чтения во время полеобеденного отдыха. Но это едва ли наш умысел. — *Прим. перев. с нем. яз.*

⁶⁶ Общее значение слова эпоним (греч.) — дающий чему-либо свое имя. — *Прим. ред.*

⁶⁷ Это буквальное перевод немецкого словосочетания *Bei-etwas-Nehmen*.

текущем моменте, история, как заметил Ранке, «постоянно переписывается».

Анализ экзистенции индивида тоже требует исторических данных. Если цель — проанализировать только нынешнее состояние этой экзистенции, то в определенных обстоятельствах можно опереться на единственный факт или, по крайней мере, на очень немногочисленные данные.

Таким образом, мы способны дать экзистенциальную интерпретацию маниакального «расстройства» пациентки по двум относительно упорядоченным, не связанным друг с другом письменным документам, один — описание пациентом своей проблематики, другой — данные тщательного обследования⁶⁸. Однако, если «нарушение» усугублялось, и если речь становилась настолько несвязной, что можно было говорить о беспорядочной, или несвязной скачке идей, нам могли потребоваться данные, касающиеся большей части жизне-истории пациентки. Если мы, как в случае Эллен Вест, считаем необходимым анализировать личность не только с точки зрения ключевого настроения (*Gestimmtheit*, *настроенность*), но и как целостную экзистенцию, то мы должны иметь максимально подробное описание ее жизне-истории. Однако сейчас, в противоположность историческому описанию индивидуальной конфигурации мы отбросим, насколько это возможно, все оценки этого человека, будь они моральными, этическими, социальными, медицинскими или какими-либо другими, выводимыми исходя из прежней позиции, а также большую часть наших собственных суждений, чтобы избежать предвзятости и направить свой взгляд на модусы существования, которыми эта конкретная индивидуальность представлена в-мире. (В конце концов, «индивидуальность есть то, что есть ее мир, как мир, ей принадлежащий».)⁶⁹. Место исторической фигуры, выстроенной из впечатлений и оценок, занимает в данном случае феноменологически описанное и проанализированное существование — гештальт. Однако, поскольку данный гештальт не остается одним и тем же в течение жизни, а претерпевает трансформации, экзистенциальный анализ не может развиваться в исключительно методической манере, а должен, скорее, строго придерживаться фактов жизне-истории. Далее мы это продемонстрируем.

⁶⁸ См. более раннюю работу Бинсвангера «О скачке идей» (*Über Ideenflucht*), 1-е и 2-е исследования.

⁶⁹ Это известная фраза из гегелевской «Феноменологии духа», написанной в 1807 г.

Когда бы мы ни говорили о модусах экзистенции, мы говорим о модусах бытия-в-мире и бытия-за-пределами-мира, как мы уже рассмотрели в нашем исследовании скачки идей и систематически развили в книге «Основные формы и познание человеческого существования»⁷⁰. Структурно эти формы относятся к модусам мира. Их единство может быть изложено только феноменологически. Действительно, именно «в» мире «живет» подлинная экзистенция. Поэтому эти модусы являются «бытием-в» любом данном мире и соотносятся с «Я», которое связано с этим «бытием-в», и с любящим «Мы», которое находится за пределами конечного мира и укреплено в родине и вечности⁷¹. По дидактическим соображениям мы раскрываем проблему экзистенциальных модусов в случае Эллен Вест с точки зрения модусов мира, в котором она «живет». Поскольку «мир» всегда означает не только *что*, внутри которого существует экзистенция, но в то же время, *как и кто* существования, модусы *как и кто*, модусы бытия-в и бытия-собой становятся полностью проявленными «сами по себе» из характеристики моментального⁷² мира. Давайте условимся, что термин «мир» означает одновременно *Umwelt, Mitwelt и Eigenwelt*⁷³. Это, конечно, не означает смешение этих трех понятий в одно, а, скорее, отражает общий способ, которым «мир» образовывается этими тремя сферами.

Экзистенциальный анализ (*Daseinanalyse*, как мы его называем) нельзя смешивать с Хайдеггеровской экзистенциальной аналитикой (*Daseinanalytic*). Первое — это герменевтическое толкование на онто-антропологическом уровне, феноменологический анализ актуального человеческого существования. Второе — феноменологическая герменевтика бытия, понимаемого как экзистенция и разворачивающегося на онтологическом уровне. Сходство выражений оправдано тем фактом, что антропологический или экзистенциальный анализ во всем опирается на такую структуру экзистенции, как бытие-в-мире, которая вначале была разработана экзистенциальной аналитикой. Оба вида анализа уважают научную структуру и метод своих подходов,

⁷⁰ Главная работа Бинсвангера, *Grundformen und Erkenntnis Menschlichen Daseins*. Zurich, 1953. В последующих ссылках она будет упоминаться как «Основные формы».

⁷¹ См. толкование значения понятий «родина» и «вечность» далее.

⁷² Слово *momentary* соответствует немецкому *jeweilig*, которое в этом контексте имеет скорее смысл «конкретного времени бытия», чем «непродолжительного момента».

⁷³ См.: Мэй Р. Вклад экзистенциальной психотерапии.

поэтому со всей серьезностью используют «новые импульсы», которые возникают на онтологическом уровне⁷⁴.

Мир

Первые данные, которые представляет нам случай Эллен Вест, это то, что в девять месяцев она отказалась от молока, и должна была питаться бульоном. Поэтому можно проследить с самого младенчества особенную странность и упрямство по отношению к пище, которая проходит через всю ее жизне-историю. Это — особенность «сенсорной коммуникации» не в смысле «рефлекса», а в смысле «поведения по отношению к миру». В сенсорной коммуникации мы также живем или объединяясь с *Umwelt*⁷⁵, или отделяясь от него. В этом раннем отказе от молока обнаруживается «линия демаркации» между телесным *Eigenwelt*, и *Umwelt*, «брешь» в единении с *Umwelt*, в том смысле, что первое становится в оппозицию ко второму. Параллельно с этой оппозицией к *Umwelt*, возможно, уже существовало сопротивление *Mitwelt*, — сопротивление тем людям, которые пытались преодолеть идиосинкразию Эллен. В любом случае, первое вербальное утверждение, сообщенное нам Эллен, указывает на грубую оппозицию к *Mitwelt*: «Это птичье гнездо — не гнездо птицы». Данное негативное суждение, в котором она отрицает состояние вещей, установленное *Mitwelt*, показывает, что ее единение с *Mitwelt* также пострадало от тяжелого удара, или, выражаясь антропологически, что в этом случае построение *Eigenwelt* с самого раннего возраста происходило в резкой оппозиции к *Mitwelt*.

Когда мы говорим о сопротивлении *Um-* и *Mitwelt*, то вводим понятие границы, в частности, в значении ее удержания или нарушения. Здесь *Eigenwelt* не переходит доверчиво в *Umwelt* и *Mitwelt*, чтобы позволить себе быть выношенным, вскормленным и удовлетворенным ими, а резко отделяет себя от них. Поэтому неудивительно слышать, что уже в детстве Эллен страдала от давления, «происхождение которого не понимала». С этим давлением, однако, у нее уже ассоциируется чувство, что «все пустое». Восприятие *Um-* и *Mitwelt*, как противостоящих сил и жесткое утверждение *Eigenwelt* в состоянии оппозиции по отношению к ним может маскироваться как выражение полноты существования, но в действительности, напротив, ограничивает диапазон экзистенциальных возможностей и редуцирует их спектр к

⁷⁴ См.: Heidegger M. Sein und Zeit.

⁷⁵ См.: Straus E. W. «Ein Beitrag zur Pathologie der Zwangsercheinungen». *Monatsschr. f. Psych. U. Neur.*, Vol. 98, 1938.

ограниченным сферам возможного поведения. То, что мы называем неповиновением и упрямством, выражает именно это: экзистенция встречается конкретную ситуацию не как «открытую миру» — не с точки зрения ее гибкости и способности изменяться⁷⁶, а с позиции ее окончательной зафиксированности, укорененности в состоянии против или в оппозиции к *Um-* и *Mitwelt*. Вместо, так сказать, «доминирования» над ситуацией, вместо ее всестороннего изучения и принятия на основе этого адекватного решения, в данном случае верх берет ситуация, и экзистенция лишается своей подлинной независимости. Ибо в упорном стремлении всегда отличаться от других и постоянно настаивать на том, чтобы «все делать по-своему», принимаются решения, в которых очевидно «негативное» доминирование *Mitwelt*. (*Mitwelt* проявляет свое «позитивное» превосходство, оставаясь анонимным.) Следовательно, неповинующееся и упрямое «Я» бытия-в-мире не является независимым, аутентичным или свободным «Я», а становится «Я», которое обуславливается, хотя и негативным образом, *Mitwelt*, то есть непокорно-ожесточенным «Я».

Но это существование ограничено, подавлено и «опустошено» не только со стороны *Mitwelt*, но и со стороны собственного «Я», а именно, его актуальной заброшенности⁷⁷ в роль женщины. Однако открытое неповиновение и бунт уступают место своевольной попытке заменить эту предназначенную судьбой роль на вымышленную: Элен Вест вплоть до 16 лет играет только в мальчишеские игры, больше всего любит носить брюки (в то время это еще не вошло у девушек в привычку как сегодня) и в 17 лет все еще хочет быть мальчиком, чтобы иметь возможность погибнуть, подобно солдату, с оружием в руке. Мы узнаем о ее невысказанном неприятии женской доли только из ненависти, которую в ней пробудила победоносная улыбка ее бывшего друга. Это больше не случай разрыва между *Mit-* и *Eigenwelt*, а реальный, хотя и искусно замаскированный, разрыв между *Eigenwelt* и «миром-судьбой»⁷⁸. Здесь экзистенция сталкивается с дальнейшим, более существенным ограничением с точки зрения раскрытия его истинных возможностей, так как вместо принятия предназначенной ей роли Элен пытается обмануть в этом и себя, и *Mitwelt*. Бытие замещается иллюзией. Здесь экзистенция уклоняется от собственных обязательств, следуя расхожей фразе «Не бери в голову». С ее самоволь-

⁷⁶ См.: Straus E.W. «Occurrence and Experience», 1930; в дополнение статья Бинсвангера с тем же заглавием.

⁷⁷ См. обсуждение значения слова «заброшенность»: Мэй Р. «Вклад...».

⁷⁸ См. обсуждение значения этого термина далее, в сноске.

ным «отделением» себя от *Eigenwelt*, с одной стороны, и *Mit- Umwelt* и миром-судьбой — с другой, в ее собственный мир приходит определенная самонадеянность, экспансивность и агрессивность. На это указывает тот факт, что она продолжала сосать большой палец вплоть до своего шестнадцатилетия, а также ее «амбициозный» принцип «все или ничего» («Либо Цезарь, либо ничего!»).

И все же эта экзистенция опиралась не только на страстную уверенность в себе. Глубокая религиозная вера, в которой она находила опору, явно противореча своему откровенно нерелигиозному отцу, могла давать Эллиен определенное чувство безопасности собственного существования вплоть до ее семнадцатилетия. До какой степени религиозная вера была унаследована Эллиен от старой няни (которая, я полагаю, была христианкой), мы не знаем. Из ее сильной, пронесенной через всю жизнь, привязанности к няне и устойчивого чувства защищенности, которое она находила в ее присутствии, мы можем полагать, что с самого начала няня оказывала на Эллиен значительное влияние.

В 16–17 лет, когда она в связи со своей первой влюбленностью прекратила мальчишеские игры и перестала сосать большой палец, ее религиозная вера под влиянием прочтенного «Нильса Люне» безвозвратно рушится, словно карточный домик. Сам Нильс Люне рассказывает о своем «подавленном, лишенном воображения взгляде на мир». «Он не хватал звезд с неба. Он не знал, что ему делать с собой и своими дарованиями». Он надеялся, что человечество достигнет силы и независимости, «если оно, доверяя себе, попытается жить собственной жизнью в гармонии, в большей мере достигаемой человеком в лучшие его моменты, в согласии с которой он погружается вглубь себя вместо того, чтобы проецировать ее во всевластное внешнее божество». Но, в конце концов, Нильс оказывается не в состоянии выносить «равнодушия существования, того, что он во всех отношениях — брошенный на произвол судьбы и постоянно обращаем к самому себе. Нет дома на земле, нет Бога в небесах, нет цели в будущем». Он тоже хотел бы иметь собственный дом. Он находит такой дом, но его любимая молодая жена рано умирает. Продолжая, тем не менее, верить в Бога, он должен пережить «великую печаль вечного одиночества души». «Это ложь — любая вера в проникновение одной души в другую... Ни в душу матери, которая качала нас на коленях, ни друга, ни жены, которая успокаивала наше сердце...» Он уходит на войну и там получает смертельную рану.

Этот резкий моральный индивидуализм и религиозный нигилизм, столь характерный для конца XIX — начала XX веков, проходит че-

рез всю книгу, пленившую множество юных душ. В случае истинно верующего можно было бы ожидать укрепления его веры. Однако у Эллен Вест эта книга затрагивает родственные струны, она вдруг отрекается от своей веры, которую пестовала в себе в отместку отцу, и ощущает себя убежденной, вероятно, даже укрепившейся в своем индивидуализме. Теперь, не имея больше никакой веры в Бога или обязательств перед ним, «ничуть не заботясь» об оценках со стороны *Mitwelt*, она становится полностью уверенной в себе, определяет цели и направления своих действий, говоря словами Нильса Люне, как «обособленный, исключительный индивид», «тем, что в свои лучшие мгновения ставит превыше всего согласие со своим внутренним содержанием». С такими понятиями, как «лучшие моменты» и «наивысшее», экзистенция и идея обретают превосходную степень. Однако это превосходство требует, соответственно, высочайшей «силы и независимости». После прочтения «Нильса Люне» Эллен наделяет себя такими качествами.

В экзистенциальном смысле, т. е. с точки зрения «бытия-в-мире-за-пределами-мира»⁷⁹, это означает, что мир, в котором эта экзистенция преимущественно пребывает, продолжает быть *Eigenwelt*, *idios kosmos*, по Гераклиту. Но это также означает, что «Я» остается ограниченным собственными желаниями и мечтами, что оно само ограничило себя аффектами, желаниями и мечтами⁸⁰. Тот факт, что теперь Эллен пишет стихи и ведет дневник, в котором в основном зеркально отражается ее собственное состояние, и в котором подробно определяются ее собственные цели, показывает, что горизонт ее *Eigenwelt* расширился, что, по всей видимости, характерно для подросткового возраста, и что это расширение сопровождается серьезной попыткой углубленного самопонимания. Отношение Эллен к *Mitwelt*, ранее однозначно негативное, выразившееся в неповиновении и упрямстве, теперь принимает позитивную окраску («контактность»), которая, однако, не устраняет своевольное и упрямое поведение, а, скорее, сплавляется с ними. Оппозиционное отношение и сопротивление трансформируются в амбициозный замысел, идею усовершенствования общества, даже социальной революции.

⁷⁹ Всегда необходимо понимать, что под выражением «за пределами мира» Бинсвангер, конечно, имеет в виду не «принадлежность к другому миру», а тот факт, что «человечность» человека коренится в его разнообразных возможностях в отношении его мира и в других аспектах его возможности трансцендирования ситуации.

⁸⁰ См.: «Heraklits Auffassung des Menschen», *Die Antike*, Vol. 11, 1935.

Если любовь, дуальный модус экзистенции, который реально способен изменить пренебрежительное и своенравное отношение, может предложить экзистенции родину и вечность, то амбициозность, порожденная упрямством, амбициозное «знание-того-как-лучше» и «желание-лучшего» означает номадизацию⁸¹ и постоянное беспокойство экзистенции. Вместо аутентичного отношения «Я—Ты», вместо бытия-одного-с-другим, вместо обретения пристанища в непреходящем мгновении любви, мы обнаруживаем *Mitwelt* состоящим из простого объединения с другими, в частности, в форме постоянного использования-слабостей, устойчивого стремления доминировать и управлять другими. Обнаружение слабостей и недостатков «других» из сферы *Mitwelt*, направляется оппозиционным отношением к *Mitwelt*, к которому эта экзистенция приближена, в данном случае — к семье. Недостаток семьи — ее благополучие на фоне общего упадка и страдания «масс». Кроме того, мы обнаруживаем такую черту, как «всеобщая любовь к человечеству». Однако формы, которые приобретает эта черта, выдает тот факт, что эта любовь к человечеству, как часто бывает, порождена не чистой любовью и не находит кульминации в чистом милосердии, а побуждается честолюбием и служит амбициозному желанию «запечатлеть свое имя в веках». Но давайте все же не будем сбрасывать со счетов признательность многих «других», получавших от Эллен внимание и заботу, и ее собственное реальное страдание от «социальной несправедливости». Такое было бы невозможным без зачатка истинной любви. Тот факт, что этот зачаток находится глубоко в тени, вероятно, вытеснен, является одним из главных источников страдания этой экзистенции. Без этой (нереализуемой)⁸² страстной

⁸¹ Мы использовали слово «номадизация» как крайне неуклюжий перевод немецкого составного слова *Aufenthaltslosigkeit*. [«Nomadic» — в переводе с англ. означает «кочевой, бродячий, не имеющий постоянного места жительства», поэтому перевод на русский язык более близкий по смыслу, возможно, звучал бы как «неприкаянность». — Прим. перев. на рус. яз.]. *Aufenthalt* означает то место, где он пребывает в данный момент или в определенное время, и это значит, что некто имеет место, которому принадлежит, родину (*Heimat*), как это слово использовалось выше. Номадизация, которую мы, возможно, могли бы заменить термином «непробеваемость», означает полную утрату родины, заброшенность в Нигде.

⁸² Использование здесь Бинсвангером скобок может пониматься как способ акцентирования ключевого отличия между экзистенциальной нуждой и физическим желанием, или потребностью. Поскольку это слово, означающее надежду или реализацию, обычно используется чтобы выразить такие потребности, и тем самым обычно предполагает теоретически ориентирован-

жажды родины и вечности в смысле любви, без тайного знания возможности бытия-за-пределами-мира, эта экзистенция не страдала бы от собственной пустоты и обедненности до такой степени, в которой она действительно страдала: это существование не превратилось бы в ад. Для того, кто полностью лишен способности любить, существование может стать бременем, но не адом.

Так много скрыто в этом непреодолимом «побуждении» Эллен Вест служить обществу, которое не утоляется до конца жизни. В первую очередь, через это стремление ей открывается мир деятельности или практического действия, практический мир. Если мы говорим о человеке, что он крепко стоит ногами на земле, мы имеем в виду его устойчивость в этом мире. Именно практическое действие, которое спускает экзистенцию на землю, формирует ее способность стоять и ходить по ней. Если говорить точнее, в практическом действии, в повседневном до- и внепрофессиональном поведении (семья, дружба, игры, спорт), и в профессиональной активности экзистенция утверждается на земле, создает собственное жизненное пространство, собственные ориентиры и одновременно с этим свое «практическое Я». «Потому что только через практическое мы впервые по-настоящему становимся уверенными в собственном существовании». Тот, кто прочно стоит на земле обеими ногами, знает, где он стоит, куда он движется, как он движется и кем он («в практической жизни») является. Такую устойчивость, движение и знание мы называем «продвижением», то есть «перемещением от одной точки к другой», которое сопровождается знанием себя, своей точки зрения и своей цели. Мы определили и проанализировали это продвижение, как модус *перемещения*, относящийся к основным формам экзистенции⁸³.

В существовании Эллен Вест эта основная форма претерпевает значительные изменения. Ее экзистенция не стоит «прочно на земле обеими ногами», т. е. ни ее независимость, ни ее ориентационные способности не могут укорениться в практическом действии. Экзистенция передвигается по земле исключительно с усилием, возможно, конвульсивно; ее стоянию-на-земле постоянно препятствуют шатание

ное различие от того, что здесь рассматривается, оно отмечается скобками, чтобы продемонстрировать, что его использование все же не подразумевает присоединение к привычному допущению. Это обеспечивает прекрасный пример трудностей выражения экзистенциальных представлений в одноязычном языке, с одной стороны, и крайнюю озабоченность Бинсвангера в этом отношении — с другой.

⁸³ См. *Basic Forms*.

и полет в воздухе, а также бытие-в-пределах, локализуемое в земле и под землей. Оба эти направления экзистенции, или, по крайней мере, указания на них, и миры, скрытые за ними, ясно видны в стихах, дневниковых заметках, письмах и устных высказываниях Эллен.

Таким образом, миры, к которым принадлежит «*Da*» («здесь») этого *Dasein*, — это мир на земле, мир воздуха, мир в земле и под землей. Экзистенциальное движение по земле — переход, в воздухе — полет, в земле и под землей — ползание. Каждому из этих движений соответствует специфический модус темпоральности⁸⁴ и пространственности, каждому — специфическая консистенция материала, его особая яркость и насыщенность, и каждое представляет конкретное контекстуальное⁸⁵ единство. Если первый мир представляет собой контекстуальное единство в смысле практического действия, второй мир означает мир «окрыленных» желаний и «возвышенных идеалов», а третий — мир «притяжения к земле» («Валленштейн»)⁸⁶ «приземляющего», отягощающего, обременяющего желания — коротко говоря, это мир, структурированный требованиями «естественного существования». Давайте теперь определим, что мир, который все больше и больше ограничивает возможности экзистенции, «задерживает», даже «лишает свободы», так что экзистенция, в конце концов, подавляется и уничтожается им, — это мир аппетита и жадности, следовательно, опять-таки — конкретный сектор *Eigenwelt*.

Но давайте опять обратимся к истории. Уже в самых ранних стихах, часто являющихся реминисценциями «Нильса Люне», мы обнаруживаем контраст между «воздушным» миром, в котором, как представляется Эллен, она взлетает в безграничном стремлении к свободе, и ограниченным миром, могилой, из которой она рвется наружу. Первый мир нам хорошо известен из наших исследований скачки идей. Это мир «воздушной» мысли, «духа ветра», как выразился Софокл⁸⁷,

⁸⁴ Нем. слово *Zeitigung*, которое было введено Хайдеггером, является центральным для его концепции и не может переводиться иначе, чем объяснительной фразой. Самым близким понятием может быть «рождающееся время» или «темпорализация» в смысле продолжающегося процесса, который, по крайней мере, предполагает понятие экзистенции, продуцирующей время как необходимое выражение самой себя.

⁸⁵ Это слово, *Bewandthis*, — другой хайдеггерианизм. Оно означает в широком смысле связь, контекстуальность, к которой принадлежит нечто, к ее связи со всеми потенциальными возможностями ситуации.

⁸⁶ Пьеса Ф. Шиллера.

⁸⁷ См. первую песню хора в «Антигоне», которая дает превосходное описание психики древнегреческого человека.

изменчивый, летучий, просветленный мир оптимистичного познания, говоря обобщенно, «высокого» духа. Но с самого начала этот мир сталкивается с противоречиями. Особенно интересно и очень важно для нашего исследования точно установить, какие материальные обстоятельства провоцируют это противоречие и как медленно изменяются сами эти обстоятельства. В начале это потемнение неба, погружение огненного шара солнца в океан, жуткое завывание ветра, корабль, неуправляемо дрейфующий по волнам жизни, серые, промозглые вечерние туманы, безнадежное похоронное завывание древесных крон, постепенно стихающая птичья песнь (позже к этому добавилась ледяная холодность).

В дополнение к этому противоречию, вначале обнаруживающемуся в чисто атмосферной и сценической обстановке, возникает систематическое сдерживание и ограничение ее «воздушных» оптимистически амбициозных планов, обращением к которым Эллен пытается в то же время избежать надвигающихся сумерек. Эллен Вест осознает, что человек должен строить свой мир в малом. С этой целью она, прежде всего, призывает к работе: «практическое действие» должно помочь ей, но важно опять не действие само по себе, а возможность через него обрести бессмертную славу, действие как наркотическое средство от печали и горя, позволяющее забыться, избежать оков мира, в котором свет угас и радость жизни увяла, спасти себя от безумия и сумасшедшего дома. Мы видим, как конвульсивно Эллен Вест, впад в экзистенциальное противоречие, стремится противостоять крайностям настроения, в которые бросается ее экзистенция, пытаюсь снова твердо встать обеими ногами на землю, что всегда может означать лишь одно: работу. Но это усилие не приносит устойчивого результата. Трудовому строительству мира в малом постоянно противостоит искушение легкого полета в ярком просторе великолепия цвета и яркого праздника «воздушного» мира.

Но ее неудача в реализации «прежних планов и стремлений» не вызывает нового побуждения к дальнейшему строительству и освоению мира практического действия, она скорее трансформирует мир в беспредельную опустошенность, безмолвную тишину и ледяной холод, в котором *Eigenwelt* сжимается до бесконечно малой точки. Ее душа устала, колокола смерти не умолкают в ее сердце⁸⁸. К чему, зачем все это, если единственный удел — стать прахом, забытым после короткого промежутка времени в холодной земле? Эта экзистенция не живет

⁸⁸ Здесь показано, что «пасмурность» возвещает «тьень» смерти, накрывающую мир жизни.

экзистенциально как длительность, другими словами, она не развертывается непрерывно перед лицом смерти, а материализуется как нечто наличествующее⁸⁹ в течение определенного промежутка времени, нечто, что однажды перестанет существовать, рассыплется в прах и будет похоронено в забвении. Амбициозное стремление обрести имя, которое будет на устах у людей и через сотни лет — это просто экзистенциальное последствие подобной материализации существования, а именно, заглушение экзистенциальной пустоты и недостаточности построением планов обретения как можно более широкой и продолжительной славы.

Однако в 18 лет в ее жизне-истории появляется нечто, что полностью принадлежит летучему, воздушному миру. Эллен Вест хотела бы стать маленькой и эфирной, как девушки, которых она выбирала себе в подруги. Благодаря силе этого желания эфирный мир, как мы будем его называть отныне согласно собственной терминологии Эллен, распространяет свое влияние не только на *Umwelt* и *Mitwelt*, но и на *Eigenwelt*. При этом именно сфера *Eigenwelt* должна оказывать самое мощное сопротивление «эфирнизации» своей силой тяжести, непроницаемостью и плотным заполнением пространства — своей массивностью и непрозрачностью, то есть телесной сферой. (Поскольку, как мы теперь можем установить, тело⁹⁰ символизирует тождество земного состояния — моего тела — и внутреннего тела-осознания — «существования-в-теле».)⁹¹ С этим желанием экзистенция перегружает себя собственной тяжестью. В повседневной речи о человеке, стремящемся осуществить такое желание, говорят, что он «сбился с

⁸⁹ Мы используем это слово, чтобы перевести Хайдеггеровский термин *vorhanden*, или «наличное», что означает мир объектов, имеющих налицо просто как таковых, т.е. объективно данных; *vorhanden* должно контрастировать с *zuhanden*, или «подручным», что означает мир предметов, которые предстают как средства, как инструменты, с которыми имеет дело человек. Это разграничение важно для дальнейшего отделения мира, в котором могут иметь место осмысленные действия, от мира, который вызывает к жизни различные патологические формы.

⁹⁰ Здесь Бинсвангер выделяет два смысла слова «тело», а также обсуждает связь двух смыслов, передаваемых двумя немецкими словами: *Leib* — «тело, как живое», в значении живого тела человека, и *Körper* — тело в его физическом смысле, плоть; одушевленный объект, над которым работает хирург.

⁹¹ См. *Basic Forms*. По-видимому, первое значение для Эллен Вест занимает приоритетное положение: ее сома — воспринимаемое, оцениваемое, осязаемое, измененное тело; по сути, однако, само существование сомы ненавистно для нее.

пути»⁹², так что здесь экзистенция, «сбиваясь с пути», оказывается в ситуации, из которой действительно, по-видимому, нет выхода⁹³.

Одновременно с возникновением этого желания — пагубного, поскольку оно указывает, что конфликт между двумя мирами достиг своего апогея и, таким образом, зафиксировался — эфирный мир как таковой обретает все более и более определенные очертания, но в то же время встречает усилившееся сопротивление жуткого, унылого, мрачного, тусклого мира. Особенно резким становится контраст между миром солнечного света, цветения, шелеста листвы и лучезарного голубого неба, простертого над свободным ландшафтом (одним словом, эфирным миром) и ограниченным, неподвижным, сырым и темным, холодным, бесцветным подземным миром, миром могилы, «где не светит яркое солнце жизни». К этому надо добавить кое-что еще: если раньше при взгляде на погружение огненного шара в океан и промозглые туманы, окутывающие морское побережье, Эллен призывала мрачного холодного морского властелина, чтобы он спас ее, а точнее, чтобы он пришел и зацеловал ее до смерти в неистовых объятиях, то теперь она призывает Отче (Бога), царящего над облаками, чтобы тот забрал ее к себе. Эротизм и религиозность (не вполне угасшая, хотя и эстетически приукрашенная) вступают здесь в союз для спасения экзистенции от сырого, темного, гробового, могильного мира. В эфирном мире как таковом экзистенция не может обрести твердой опоры и отшатывается в ужасе перед подземным миром праха, миром могилы. Как и в случае с пациентом, сбитым с толку своей скачкой идеей⁹⁴, экзистенция нуждается в стабильном якоре спасения, и этот якорь, как и в том случае, — связь с отцом и эротико-мистическое страстное желание обращения к нему и союза с ним. Однако этот союз, как подробно она описывает, возможен только в смерти. Эллен не стремится к смерти, которая просто положила бы всему конец, и к тому же не позволила бы осуществиться ее стремлению обессмертить свое имя. Снова материализация существования подрывается дуальным модусом экзистенции, тайным намеком на любящую встречу и родину,

⁹² По-немецки это звучит как *verstiegen* от выражения *sich verstiegen*, которое означает ситуацию, когда человек теряет дорогу, например в горах, в таком месте, где он не может идти ни вперед, ни назад. *Verstiegen*, кроме этого, означает экстравагантность, заносчивость, эксцентричность, странность или подозрительность; выражение «сбиться с пути» поддерживает некоторые из пространственных оттенков значения.

⁹³ Выражение «сбиться с пути» должно пониматься не в моралистичном, а в экзистенциальном смысле.

⁹⁴ Это отсылка на Бинсвангеровское *On the Flight of Ideas*, 3-е исследование.

на возможность, таким образом, бытия-за-пределами-мира. Однако бытие-за-пределами Эллен начинается и заканчивается не в бытии-в-мире, как это бывает в полноценном экзистенциальном феномене любви, а, как мы увидим, в обращении к Небытию.

Поскольку эти долгожданные возможности спасения в воде и в небе выходят на первый план, спасение на земле — «возможность твердо стоять обеими ногами на земле», или практическое действие, — постепенно отступает. Чем более сияющим и вдохновляющим становится эфирный мир, тем больше мир в земле и под землей затвердевает.

Эфирный мир все больше наполняется светом, цветом и колоритом. Волны света, как золотые лучи, покрывают пшеничные поля, деревни и долины, тогда как по земле проносятся весенние грозы. Ее тело, и это опять-таки имеет огромное значение, вначале все сильнее сливается с этим миром. Ее кровь пульсирует и струится по артериям, каждая струна в ней трепещет, грудь вздымается от пьянящей радости юности, ее молодое, сильное тело вытягивается, и она совершенно не может сидеть на месте (что уже превратилось в пытку на Сицилии). Прогулки замещаются верховой ездой и преодолением барьеров, и нет лошади, слишком опасной для нее. Ясно, что такая деятельность не подходит для тучного тела, а требует, чтобы оно было гибким и сильным.

В этом миропроекте, который, по крайней мере, соединяет эфирный мир с занятиями спортом, есть место для любви. Сейчас она больше не занята мрачным, холодным морским владыкой из глубин океана или Богом, который правит за облаками, а посвящает время мужчине, равному себе существу, который передвигается по земле. Он должен быть высоким, сильным, безупречным; он должен быть полон жизни и наслаждаться солнечным сиянием и работой, наслаждаться ею и ее детьми. Здесь мы видим попытку гармонизовать, по крайней мере, в воображении, эфирный и земной, практический мир, обрести семейную гармонию, построенную на любви (между женщиной и женщиной).

По контрасту с этой безудержной энергичностью и переполняющей ее жаждой любви, как всегда, не заставляют себя долго ждать и ограничения, поначалу опять же исходящие от *Mitwelt*. «Семья» становится гробницей, влияние дома ощущается как сковывающее и отвергается. Вслед за этим ограничения поступают и от *Umwelt*; в то время как ранее ограничения имели чисто атмосферный характер, это был промозглый туман и мрачные тучи, то теперь они обретают «витальный» характер. «Космологический» контраст, который прежде имел место «в атмосфере», теперь существует в растительном мире, особен-

но в виде контраста между восходящей жизнью (рост, свечение, цветение, буйный расцвет) и вырождающейся жизнью (увядание)⁹⁵. Теперь становится все более очевидным, как хрупка и открыта опасностям ее жизнь; она обречена на смерть. Эллен еще сражается и одерживает победу над порчей, увяданием, высыханием и очерствением жизни, но (застывший) мир могилы, вырождающейся жизни, мир разложения и увядания все же окружает возбуждающе активный мир, наполненный радостью жизни и гремящими грозами.

Это период, когда она обручается с «романтическим иностранцем». Нам следует рассматривать эту помолвку как неудачную практическую попытку гармонизации эфирного и земного мира. Но Эллен разрывает помолвку, на удивление легко подчинившись просьбе отца. Она не грустит по своему возлюбленному, и это заметно из того, что и теперь (на Сицилии) она по-прежнему страстно любит жизнь, солнце, ветер, красоту и, очевидно, чувствует, что мир принадлежит ей. Теперь ее бог — бог жизни, ее мир — вся Вселенная, проблеск истины которой она уже уловила. Она полна жажды учиться, и пишет статью о призвании женщины. Эллен рассматривает эту последнюю серьезную попытку соединения и гармонизации эфирного мира с миром деятельности как последние недели своего счастья. Они оканчиваются для нее неистовой жадью того, чтобы однажды ее красивые планы и идеи смогли воплотиться в действия, перестав быть пустыми словами. Бросаясь от одного мира к другому, она нигде не чувствует себя дома, снова и снова терпит неудачи в попытках привести эфирный мир в гармонию с земным миром, все более «погружаясь» в подземелье могильного мира и больше не ожидая спасения ни от земной практической, ни от вселенской любви. Даже в самые свои экзальтированные моменты она испытывает «боль и спазмы». Ее экзистенция нигде не находит любящего убежища, нигде не может обрести опору⁹⁶. Это означает, что ее экзистенции угрожает ее собственное небытие. Эту подверженность угрозе мы называем, вслед за Хайдеггером, ужасом (*Angst*), или, как это проявляется в ее жизне-истории, страхом и трепетом. Чего экзи-

⁹⁵ Значение вертикали как категории оценки человеческой экзистенции подчеркнуто Бинсвагером в «Основных формах». Здесь она выражена в ряде ключевых терминов: *aufeteigen* — восходить, *absteigen* — нисходить, а также *abfallen* — падать вниз, или безжизненно замирать.

⁹⁶ Немецкое *Grund* — почва, может означать либо фундамент или обоснование, например, низину или логическое обоснование, либо самую основу или сердцевину чего-либо, либо основание всех вещей в метафизическом смысле.

стенция страшится, так это бытия-в-мире как такового. Теперь мир как он есть носит характер угрожающего и необъяснимого. Когда чувства угрозы и *жуткости* превращаются в ужас перед чем-то определенным, мы говорим о конкретном страхе. Поэтому испытываемый Эллен ужас перед полнотой было бы корректнее назвать страх полноты, но давайте придерживаться ее собственного выражения, которое соответствует общезыковому употреблению, так как в действительности этот конкретный страх — выражение экзистенциального ужаса.

С ужасом перед набором веса и желанием быть стройной космологический контраст приходит к дальнейшему, фактически, окончательному преобразованию. От макрокосма он переходит на микрокосм, в психофизическую структуру. Контраст между светлым и темным, между цветущей и увядающей жизнью теперь проявляется в *Eigenwelt*, при этом не теряя даже в малейшем свои макрокосмические черты. Однако материальные покровы, в которые теперь обряжен этот контраст, больше не являются воздушными или растительными, но обретают психофизиологические свойства.

Свет и растущая жизнь теперь предстают в одеянии эфирно-одухотворенной юной души и эфирного юного тела, в то время как ограниченная, темная и приземленная жизнь являются в образе безжизненного и отяжелевшего духа и увядающей, стареющей плоти. Не менее решающее значение здесь имеет раскол «жизни» на два несовместимых мира — сверкающий, легкий, просторный мир эфира, и темный, массивный, тяжелый, тесный и сопротивляющийся мир, — мир земли или могилы. «Телу», по контрасту с «душой», всегда приписывалось родство с этим последним миром; достаточно вспомнить, что в платоновском «Федре» о теле говорится как о надгробии души. В нашей жизне-истории, однако, это «предназначение» не служит ни логической системе, ни религиозной догме, а имеет экзистенциальную природу: телесная реальность как квинтэссенция «материального» модуса бытия-в-мире, связанного и с материей, и с желанием, здесь переживается как тяжесть и как темница (сопротивление), что далее будет выражено еще яснее. Не считая неудачной попытки сделать спорт образом жизни, о которой мы говорили ранее, телесная реальность представляет острейший контраст с легкостью или эфирным существованием. Она представляет настоящий вызов склонности к «эфирнизации».

К этому добавляется фактор из сферы *Mitwelt* — идентификация Эллен с ее эфирными подругами и недовольство собственным растолстевшим телом. В ее подругах эфирный мир находит «персонализированную» реализацию, и наоборот, этот персональный фактор вносит

в свою очередь, вклад в возведение эфирного мира. Можно быть уверенным, что идентификация Эллен с ее подругами — не аутентичная любовь, а лишь слепая влюбленность. Так как прибавление в весе, с точки зрения эфирного мира (!), всегда означает быть старой или стареющей, уродливой женщиной, то быть худой обязательно означает быть юной, привлекательной, желанной. Тем не менее, Эллен Вест идентифицирует себя с последней и ищет себе такого же спутника жизни. Но давайте не будем забегать вперед.

Итак, страх потолстеть, который обнаруживается на Сицилии на двадцатом году ее жизни и вместе с которым проявляет себя настоящая болезнь в психиатрическом смысле слова, с антропологической точки зрения следует рассматривать не как начало, а как конец. Это «конец» кругового (циклического) процесса существования в целом, так что оно перестает быть открытым для экзистенциальных возможностей. Теперь оно, несомненно, зафиксировано на ригидном экзистенциальном контрасте между светом и тьмой, цветением и увяданием, тонким, как эквивалентом интеллектуального⁹⁷ и толстым, как эквивалентом противоположного. Как это ясно показывают собственные выражения и описания Эллен Вест, экзистенция теперь становится все более и более ограниченной, сведенной к постепенно сужающемуся кругу строго определенных возможностей, для которых желание быть стройной и страх потолстеть представляют не более чем внешнюю (психофизическую) оболочку. «Путь» этой жизне-истории теперь ошибочно предопределен: он больше не достигает простора будущего, а движется по кругу. Превосходство будущего замещено властью прошлого. Все, что остается, — тщетные попытки бежать из этого замкнутого круга, как никогда очевидно ощущаемого и описываемого экзистенциального тюремного заключения, для которого полнота — лишь внешняя маска. Заключение, из которого бежит экзистенция, и которого она боится, оказывается бессрочным, потому что затягивает ее в свою сеть.

То, что направление жизне-истории Эллен Вест больше не устремлено в будущее, а кружится в настоящем, отрезанном от будущего, ведомом прошлым, и потому пустым, драматически выражается в ее подлинно символическом акте, в котором она продолжает кружиться вокруг своих подруг, остающихся в центре сцены. Нельзя сказать, что Эллен Вест идет вперед, а затем возвращается, поскольку она не может наслаждаться настоящим; она и не танцует в кругу рядом со своими

⁹⁷ Как выразилась однажды Э. Вест, «идеал стройности» — это, в сущности, «быть бесплотной».

подругами, что представляло бы осмысленное движение в настоящем (Э. Штраус), а она гуляет, т. е. движется, «как будто» идя вперед, и все же оставаясь все в том же круге. (И все это скрывается под психологической оболочкой страха потолстеть!) Она предлагает образ львицы, заключенной в клетку и кружащей вдоль решеток в бесплодном поиске выхода. Если вместо этой картины мы хотим подставить ее экзистенциальное выражение, оно должно читаться — ад.

В какой степени тело и душа представляют для Эллен Вест неделимое целое, мы уже знаем из ее собственных высказываний. Цветение, буйный рост, развитие и увядание, упадок, превращение в прах, легкость и тяжесть, широта и ограниченность (могила), свобода и заточение в темницу, полеты, прогулки пешком и ползание — все эти выражения одинаково относятся и к ее психофизическому и телесному существованию.

Но сама Эллен теперь подчеркивает тесную связь, фактически согласие, своего “я” с телом. «Мое внутреннее “я” так тесно связано с моим телом, что они образуют единство и вместе составляют мое “Я”, мое, лишенное логики, нервное, индивидуальное “Я”». Так как она лишена внутреннего покоя, для нее становится пыткой отсутствие движения (поскольку покой стал бы тюрьмой, могилой, смертью); каждый нерв в ней дрожит, тело участвует во всех колебаниях ее души. Переживание этого внутреннего единства, этой тождественности души и тела должно постоянно приниматься во внимание, поскольку только с точки зрения нераздельности души и тела, которую Эллен Вест так отчетливо сознает, становится понятно, почему тело так «вовлечено» в эфирный мир и почему душа настолько «включена» в телесную сферу. Антрополог (то есть психиатр или психолог, который придерживается точки зрения науки о-человеке), для которого эта неразделимость бесспорна, не видит здесь загадки или проблемы. Это становится проблемой только для тех, кто убежден в разделимости души и тела в религиозном смысле, или для тех, кто производит это разделение по особым научным или теоретическим причинам. Тот факт, что материальность (как тело, так и телесное влечение) приобретает в этой экзистенции ведущую роль, не представляет для антрополога психофизической проблемы, но, как станет ясно далее, поднимает экзистенциальную проблему. И она тесно связана с «превосходством прошлого».

Ужас, который Эллен Вест испытывает перед бытием-в-мире как таковым, указывает на то, что теперь она боится всего: темноты и солнца, покоя и суеты. Она достигла самой низшей ступени лестницы. Теперь «целый» мир стал угрозой. «Я» становится испуганным и нерешительным, отсюда ее презрение к себе. Эллен уже видит себя в мо-

гиле, на краю которой сидит мрачная, пепельно-бледная фигура *Страдания*, от ледяного дыхания которого птицы замолкают и улетают прочь, а цветы увядают. Сам мир становится могилой. Практическое действие больше не привлекает, вместо работы — «зевота и апатия». Опять-таки единственное спасение от подобной жизни — в смерти, но теперь она представляется не в виде мрачного морского владыки или Бога-отца, а в более приземленном образе, как «большой друг» или величественная женщина «с белыми астрами в темных волосах, большими глазами, крепко спящая в сумраке ночи». Неважно, кто это будет, мужчина или женщина, если только это означает «конец». Но Эллен не в силах ждать конца! Медленное умирание (увядание, прозябание, изнеможение, старение) ненавистно для нее. Она чувствует, что каждый день становится толще, а это, по ее собственному заявлению, означает, что она теряет как молодость, так и привлекательность. Не обнаруживаем ли мы и здесь влияние принципа «все или ничего»? «Если я не могу оставаться юной, прекрасной и стройной, — слышим мы в ее словах, — тогда лучше Ничто».

Теперь экзистенция ограничена и отягощена, фактически, она скована не только материальностью, но и *Mitwelt* и повседневным взаимодействием с ним. Спротивление, направленное на *Mitwelt*, теперь приобретает форму враждебной компульсии, даже преследования, и ее неприятие *Mitwelt* наполняется ненавистью и презрением. Эллен Вест ничего так не избегает, как компромисса. Но именно этого от нее требуют *Mitwelt* и повседневная трудовая жизнь, поэтому и то, и другое она воспринимает теперь не просто как ограничения, а как оковы, против которых она бунтует и от которых пытается освободиться. Такими оковами являются условности, имущество, комфорт, благодарность, даже любовь. Но за этим гамлетовским мятежом против «извращенного» общества скрывается страх, фактически, уверенность в том, что «маленький мирок» ослабляет, размягчает ее, превращает в марионетку и обрекает на чисто растительное существование. Здесь выражен не космологический или психофизиологический контраст, а экзистенциальный. Если выражения «прозябание» и «увядание» имеют экзистенциальное значение, то таким значением в еще большей степени обладают слова «ослабление», «превращение в марионетку» и «растительное существование»; несомненно, здесь мы сталкиваемся с экзистенцией, которая характеризуется безволием, пассивностью игрушки, находящейся в чужих руках и склонностью просто дрейфовать по жизни.

И все же Эллен Вест хотела бы совершить что-то великое, приблизиться к своему величественному идеалу. В ней снова все вскипает

и стремится пробиться сквозь ее раковину. Теперь ее цель — мировая революция, жизнь нигилиста среди беднейших слоев населения. Мы снова наблюдаем попытку гармонизировать эфирный мир с миром практического действия, но с точки зрения доступных ей сил эта цель оказывается недостижимой. Сжатие границ эфирного мира приобретает угрожающий для жизни характер. Прежде всего, это снова *Mitwelt*, бессмысленная повседневная жизнь с ее затхлой атмосферой, которая душит, подобно сорнякам, ростки желания. Пресыщенное (т. е. «сытое»!) самоудовлетворение, эгоистичная жадность, безрадостная покорность, тупое безразличие (как «растения, которые буйно разрастаются под солнцем обыденности») — все эти гадюки⁹⁸ повседневности обвивают ее своими холодными телами, чтобы задушить ее борющийся дух, чтобы заморозить ее кипящую кровь. Даже на других людей она смотрит как на крыс, которые преследуют ее, глядя из углов своими маленькими глазками. Но все же это еще недостаточно жестокая игра! Теперь к физической угрозе жизни, исходящей от воздушного и животного царства, присоединяется, полностью замыкая круг, моральная угроза ее сознанию из мира духов. Ее грандиозные планы и высокие мысли принимают форму злых, глумящихся, обвиняющих призраков, которые обступают ее со всех сторон, неумолимо преследуют ее и заставляют сжиматься ее сердце или бледных теней с пустыми глазницами, которые следуют за ней по пятам верхом на скелетах коней. Эта персонификация ее собственных мыслей и чувств сопровождается дальнейшим ослаблением ее «я». Теперь она сама превращается в Ничто, робкого земляного червя, окруженного темнотой. Обвиняющие, язвительные, унижающие мысли обращаются против ее трусливого, беспомощного «я». Они — символические выражения ограниченности ее существования, совершенно отличные от тех, что мы видели ранее! Теперь они становятся не только более жуткими, более угрожающими, более мрачными и подавляющими, но и на самом деле злыми. «Я» теперь просто живет растительной жизнью, как пораженное проклятием пресмыкающееся, как слепой земляной червь. Одновременно с этим атмосфера становится еще более удушающей, могила — еще более тесной. «Какой затхлый дух у этой клетки-норы», — читаем мы в заметке, написанной в это время Эллен Вест. «Запах цветов не может заглушить запах гниения». В то же время мы слышим от нее об уродливых пожелтевших душах, о карликовых легких и карликовых мыслях, которым Эллен сопротивляется все более яростно, поскольку знает, что они ее побеждают. Формы увядаю-

⁹⁸ Здесь впервые появляется ссылка на животный мир.

щей жизни, червеобразное вегетативное подземное существование, упадок, вызывающий тошноту мир теперь оказываются, очевидно, связаны с образами сознания, подвергающегося угрозам, насмешкам, уничижительным обвинениям, проклятиям, с миром зла или вины.

Неудивительно, что материальные ограничения тоже становятся еще более массивными: теперь это стены, в которые Эллен бьет кулаками (что позже она проделывает это с собственным толстым телом) до тех пор, пока ее руки не опускаются в бессилии. Здесь мы обнаруживаем, что экзистенциальный ужас изолирует экзистенцию и раскрывает ее, говоря словами Хайдеггера, как *solus ipse*. Даже в приподнятом настроении Эллен одинока, она больше не взлетает к небесным высотам, а стоит с замороженным сердцем на ледяных вершинах.

Но все же Эллен продолжает делать значительные, хотя и безуспешные попытки крепко упереться обеими ногами в землю, то есть работать. Теперь для нее настает время подготовки к последнему экзамену. Но если раньше мир простирался перед ней открытым и готовым к завоеванию, то теперь Эллен проявляет слабость, идет на уступки, и, тем не менее, она готова посмеяться над всяким, кто сказал бы ей об этом. Теперь она, по ее словам, не только утратила часть своей прежней силы, но впервые (в возрасте 23 лет) терпит полный крах. В это же время имеет место неприятная любовная история с инструктором по верховой езде.

В связи с желанием быть стройной и страхом потолстеть все более важную роль в этой драматической «игре существования с самим собой», которую мы здесь наблюдаем, исполняет ее материальность. Мы еще раз должны подчеркнуть, что материальность не следует путать со смертной плотью⁹⁹ или телом в анатомическом или анатомо-физиологическом смысле. Это выражение всегда следует понимать в экзистенциальном смысле, т. е. как телесно существующее или существующее-в-теле, о чем мы уже неоднократно говорили¹⁰⁰. Хотя в случае Эллен Вест «я» ограничивается и ослабляется *Umwelt, Mitwelt* и *Eigenwelt*, а также подвергается с их стороны угрозе (удушения, отравления, проклятия) это не вызывает ни «аллопсихический»¹⁰¹ ипохон-

⁹⁹ «Leib» — см. сноску 90.

¹⁰⁰ См. «Uber Psychotherapie» и *Basic Forms*.

¹⁰¹ Это термин Вернике, автора *Grudriss der Psychiatrie* (1900), где он классифицирует все психические расстройства, как то: аллопсихоз, связанный с дезориентацией в отношении внешнего мира; аутопсихоз, связанный с расстройством репрезентации собственной личности; соматопсихоз, который связан с расстройством репрезентации собственного тела.

дрический бред, ни идеи отношения, ни бред преследования, ни бред греховности. Даже в сфере материальности лишение свободы и сил не приводит к возникновению («соматопсихического») ³⁸² заболеванию. (Могло ли подобное состоянию возникнуть в дальнейшем, если бы ее жизнь не оборвалась? Здесь мы оставляем этот вопрос без ответа.) Тем не менее, степень несвободы «я» приобретает такой колоссальный размах, что ограничения, исходящие от других «миров», как бы они ни усиливались, углублялись и «автономизировались», притупляются на ее фоне.

На ее 25-м году жизни вместе со страхом потолстеть заявляет о себе проснувшаяся любовь к сладкому, по-видимому, такая же, как в раннем детстве, однако в то время, вероятно, подавленная склонностью к самоотрицанию. Здесь тоже экзистенциальное созревание в смысле аутентичной самореализации (*Selbstigung*), определяемой будущим, замещается главенством прошлого, движением по кругу и экзистенциальным тупиком. Можно также интерпретировать как «регрессивную» черту характера тот факт, что Эллен не испытывает удовольствия от еды в присутствии других, она его получает только когда ест одна. Кроме этого, она больше не может оставаться в одиночестве и всегда должна держать при себе свою старую няню. Что касается остального, потребность в сладком усиливается, когда пребывание с другими особенно ее утомляет и заставляет нервничать. То, что пребывание с другими делает ее усталой и нервной, легко можно понять, учитывая, что нам известно о ее бунте против ограничений и обременяющих обязанностей, с которыми она сталкивается при взаимодействии с другими, с ее «маленьким мирком». Но важно, что теперь она не может избавиться от этого бремени и давления с помощью самоанализа, работы или занятий спортом, она способна это сделать только с помощью еды!

Вместе с углублением конфликта между возросшим влечением к еде и страхом потолстеть усиливается контраст между жизнью в эфирном мире и в мире земли (он же мир «толстых»). Эллен не хочет уподобляться дождевому червю, живущему в старой, мерзкой, непроницаемой для света и звука, сырой земле — в мире толстых. Она бы скорее умерла, подобно птице, которая разрывает горло в предельном ликовании или сгорела бы в собственном внутреннем огне. Здесь мы обнаруживаем нечто новое, а именно то, что жажда смерти вспыхивает в глубине эфирного мира. Сама экзистенциальная экзальтация, экзистенциальная радость, «экзистенциальный огонь» оказываются связаны со смертью. Смерть здесь — возвышенное завершение торжественной, праздничной экзистенции. Стихотворение, выражающее

это настроение, относится к периоду, который Эллиен также относит к счастливейшим в ее жизни. Она уверена, что должна отложить подготовку к последнему экзамену, пойти на курсы вольнослушателей и обручиться со светловолосым студентом. Эта помолвка представляет последнюю, самую серьезную и самую длительную попытку гармонизации эфирного мира с миром земным путем сексуальных отношений между мужчиной и женщиной.

Будучи помолвленной, она сближается со своим кузеном, и долгое время колеблется между двумя претендентами: возлюбленным, блондином, который является представителем эфирного мира, и женщиной, твердо стоящим обеими ногами на земле, будущим мужем, человеком, занимающимся практической деятельностью на ответственном посту, желанным отцом ее детей.

Жизнь на земле¹⁰² побеждает еще раз. Эллиен жаждет зачать, подобно плодоносной, родящей пшеницу земле и, страдая, оплакивает свое бесплодие. В этом плаче она больше не низводит себя до червя, который все же является живым существом, а опускается до безжизненной вещи: она не более чем выброшенная шелуха, ненормальная, бесполезная, никчемная. Именно потому, что она ненавидит маленький мирок обыденности, повседневное взаимодействие с *Mitwelt*, она теперь также ненавидит свое тело и бьет его кулаками.

Мы видим, что Эллиен Вест против любых ограничений ее эмоционально неукротенного, отчаянного, непокорного «Я», она не приемлет все, что ставит пределы и угрожает его доминированию. И в то же время, эти ограничения — то, что ее так пугает! Материальное ограничение, то есть ограничение, созданное из телесной сферы *Eigenwelt*, по-видимому, обрело такое исключительное значение в тотальном экзистенциальном преобразовании существования в ужас, ненависть и отчаяние только потому, что экзистенция испытывает угрозу, исходящую из ее основания. Ей угрожает ее «земная тяжесть», ее телесно-чувственная, земная жадность.

Действительно, эта экзистенция строит для себя воздушный замок в эфирном мире, но мы можем точно проследить, как эта воздушная структура все сильнее пригибается к земле (к реальности, по причине жадности к пище), то есть, трансформируется в гроб или могилу. Просторные залы воздушного замка превращаются в тесную подземную темницу, прозрачные подвижные перегородки обращаются

¹⁰² Как мы видим, земля для Эллиен Вест имеет два противоположных значения: здесь (реже встречаемое) значение «мать-земля», в то время как обычно это значение высохшей, мертвой приземленности.

в непроницаемые, толстые кирпичные стены. Однако самая непреступная стена — это ее толстое тело, которое с жадностью, до предела насытило себя, а на самом деле, как станет ясно при окончательном анализе, — материальность как таковая (см. ее собственное сравнение «стройность» = «бестелесность»). Поэтому самая сильная ненависть направлена на тело, только по отношению к телу ужас оборачивается паникой. (Толстое) тело — первый и последний оплот желаний, и на этом оплоте держится не только эфирный мир, но сама отчаявшаяся экзистенция, поскольку чем сильнее экзистенциальное ограничение, тем бесплоднее попытки Эллен освободиться от них. Это следствие рано произошедшего резкого разрыва *Eigenwelt* с *Um-* и *Mitwelt*. Естественно, здесь нельзя говорить о вине¹⁰³ в моральном смысле. Экзистенция как таковая виновна в метафизическом смысле и, вероятно, в этом случае больше, чем во многих других: она больше в долгу перед собой, чем перед другими.

Здесь нет необходимости обобщать все уловки и стратегии, которые использовала Эллен Вест в своей борьбе с полнотой. Следует лишь отметить, что эти тактики все чаще замещают практическое действие, то есть работу и становятся реальной сферой ее деятельности, столь же изнуряющей, сколь и бесплодной. Все вмещается в страх стать толстой, все, что Эллен воспринимает просто как одержимость жадностью или исключительно растительное существование, является частью этого страха потолстеть, — страха стать старой-уродливой-глупой-скучной — так же, как и отличаться от своих эфирных подруг.

Мы уже показали, почему в жизни Эллен все кончается ужасом, а не просто разочарованием или опасением. Потому что ужас — это неизбежное следствие ситуации, когда экзистенция «по сути» становится жертвой того, чего она боится или когда оказывается захвачена этим. В случае этой экзистенции факт ее захваченности, равно как и того, чем именно она захвачена, был очевиден с самого начала. Вначале это было видно из затемненного антуража, затем из образа растительно-вегетативного увядания, или обращения в прах, далее из образов ядовитых животных и злых духов и в дополнение к этому — из образов обычных материальных ограничений, таких, как сети, ловушки и стены. Во всем этом экзистенция прямо и настойчиво демонстрирует, что по сути ее поработила алчность, которая означает экзистенциальную пустоту и экзистенциальное давление, экзистенциальное «бытие-норой», или «бытие-полой», бытие ограниченной, или сдавленной —

¹⁰³ *Schuld* одновременно означает и вину, и долг, и здесь это слово используется в обоих значениях.

словом, бытие-гроб. Это бытие червя в грязной земле. От этой угрозы экзистенция защищается полетом в еще более головокружительные эфирные сферы. Однако тяжесть и давление клонящейся к упадку жизни, жадности, которая поглощает все ее существование, сильнее «бодрости» восходящей жизни, цветущего, растущего созревания. Страх потолстеть в действительности лишь одна выделяющаяся черта в этой деформации всей экзистенции, но никоим образом не что-то изолированное или независимое. Страстное влечение к еде лишь специфическая особенность этого давно предопределенного пленения, или движения экзистенции по замкнутому кругу. Из-за ужаса перед этой метаморфозой целостной экзистенции и сопротивления этому процессу возникает страх конкретных превращений цветущего, гибкого, юного тела в разлагающееся болото и, в конце концов, в полую дыру, превращения ее телесной оболочки из нежного, тонкого покрова в плотный слой жира, фактически, в стену, на которую можно бросаться с кулаками.

Чем более очевидной становится захваченность тяжелым миром-трясиной, тем более настойчиво этот мир заявляет о себе и тем больше возрастает страх перед ним. Возросшая сила и автономия этого мира обнаруживается в том, что связанное с ним желание есть усиливается до тяжкого бремени, неистовой жадности, и именно к продуктам, способствующим ожирению, например к сладостям. Простое вегетативное прозябание переходит в животное состояние, «звериную» жадность. В этой экзистенции эфирный мир все более теряет свою ведущую роль, он вынужден перейти от наступления к обороне. Земной мир все больше и больше затягивает экзистенцию в свою сферу; к жадности добавляется постоянная тяга к мыслям о еде, «компульсивное мышление». Хотя с психиатрической точки зрения здесь мы имеем дело с чем-то новым, с появлением еще одного симптома, с антропологической позиции мы не обнаруживаем ничего нового. Мифическая «сладкая страна жизни», эфирный мир, оазис в пустыне, который, по словам самой Эллен, она выдумала для себя, появляется на горизонте теперь лишь изредка, как быстро исчезающий мираж. Мысль о блинах — самая ужасная для нее мысль, какую только можно представить. Эллен жаждет нирваны, освобождающей ее от стремления к идеалу, от ненависти к *Umwelt*, который пытается сделать этот идеал недостижимым для нее. Таким образом, эфирный мир терпит поражение. Одновременно возникает желание (которое тут же снова исчезает) кинуться в рыданиях на грудь к матери и страх перед чопорной и серьезной манерой поведения отца. Попытки обращения к матери как к основе жизни и к отцу, «царящему

за облаками», как к духовной основе, пресекаются. В результате возникает тяжелое состояние страха и тревоги, а также суицидальные попытки.

В лечебнице у Эллен наступает прозрение, вероятно, вызванное психоанализом, что не страх потолстеть, а именно постоянное желание еды, обжорство является первичным фактором ее «обсессивного невроза». Об обжорстве она говорит: «Оно охватывает меня, словно я животное». Эллен беззащитна перед ним, и это повергает ее в отчаяние. (Антропологически здесь нельзя дифференцировать первичное и вторичное, так как подобный способ выражения возможен только в рамках овеществления. То, что здесь совершенно правильно отнесено к первостепенному, или к первичному симптому, — это для нас выражение метаморфозы целостной экзистенции, раскрытия целостного мира и целостного способа существования.)

Ужасное чувство пустоты, о котором мы уже знаем по детству Эллен, теперь описывается более точно как чувство «неудовлетворенности», т. е. как рассогласование идеала и реальности. Мы больше не удивляемся, услышав, что это чувство возникает как раз после еды, так как принятие пищи давно перестало быть для Эллен естественным процессом, оно означает «компульсию», стремление заполнить дыру, набить желудок и стать толстой, т. е. вынужденный отказ от эфирного идеала и самую малодушную уступку власти тусклого, гнетущего и ограниченного болотного мира. Это переживание «неописуемо унижающего» чувства (неудовлетворения и страха) также сопровождается у Эллен сильными телесными ощущениями: в сердце возникает боль, оно бьется так сильно, что она испытывает головокружение, от ужаса же ее бросает то в жар, то в холод. Все тело покрывается потом, все члены болят так, словно ее высекли кнутом, она чувствует себя разбитой и совершенно изнуренной. В то же время это лишь очевидный парадокс: именно полный желудок усиливает ощущение пустоты. Физическое бытие-заполненным и бытие-толстым, которое является частным феноменом, представляющим тусклый мир трясины и могилы, увядания, прозябания и нравственного разложения, зла и вины, является, если рассматривать с точки зрения эфирного мира, (переживаемой) квинтэссенцией (духовной) пустоты. Жадность к еде, звериный голод, при котором она ничего не способна понимать, и страх стать толстой создают ловушку, из которой экзистенция оказывается не способна выпутаться. Каждое принятие пищи становится пыткой. Эллен бежит от хлеба, лежащего на полке и бесцельно слоняется по улицам. И опять же из-за рабской покорности ее экзистенции

тусклому и тупому миру она может преодолеть свою мучительную тревогу только пищей, становясь вдвойне несчастной после еды. Круг замыкается.

Для этой «зацикленности» Эллиен находит крайне красноречивые сравнения: сибирские концлагеря, сцена с выходами, перекрытыми вооруженными людьми, от которых она должна бежать обратно на сцену, и самое потрясающее из всех — сравнение с убийцей, перед мысленным взором которого постоянно присутствует образ его жертвы, и его снова и снова тянет под действием непреодолимой силы к месту убийства, вид которого заставляет его содрогаться. Образ жертвы убийцы — это образ убитого существования Эллиен; сцена убийства, которая заставляет ее содрогаться, — это прием пищи. Ее привязанность к пище, которая сильнее разума и воли, и которая управляет ее жизнью и превращает эту жизнь в пугающую сцену опустошения, представляет ее обжорство. Нигде она не выражает свой модус существования лучше и глубже, чем в этой метафоре. Как и в случае с убийцей, Эллиен чувствует себя исключенной из всей реальной жизни, отторгнутой от людей, полностью изолированной.

Теперь место ее предыдущего образа — заключенность в нору — занимает образ стеклянного колпака и прозрачных стен, сквозь которые она смотрит на людей и пытается докричаться; образ стеклянных стен, в которые она бьет кулаками, пытаясь привлечь внимание людей. Но затем она снова описывает замкнутость своего существования с чисто антропологической позиции: «Поскольку в любом деле я исходила из того, будет ли способствовать та или иная «вещь» снижению или прибавлению веса, вскоре все вещи утратили для меня свое исконное значение. Так случилось и с работой» (см. «История невроза»). Эллиен здесь также говорит о страхе (который вначале появился только как смутный намек) подчиниться жуткой силе, которая угрожала разрушить ее жизнь, страхе того, что все ее внутреннее развитие останавливается, все становление и рост подавляются, так как ею овладевает одна единственная идея. «Навязчивое желание» постоянно думать о еде преследует ее словно злой дух, от которого она нигде не может спрятаться, подобно тому, как приведение преследует убийцу (снова сравнение с убийством). Эта навязчивость превращает ее мир в карикатуру, а жизнь — в бесплодную, мучительную борьбу с ветряными мельницами, в настоящий ад. Поскольку она похоронила себя в самой себе и больше не может любить, все становится унылым и бессмысленным, любое движение вперед и достижение чего-либо превращается в мрачный, подавляющий кошмар. Она поймана в сеть, в которой все больше запутывается и которая стягивается вокруг нее все туже и

ту же. Ее сердце заморожено, все вокруг — одинокое и холодное. «Если ты любишь меня, подари мне смерть!»

И все же незадолго до этого у Эллен еще раз появляется надежда, что она может спастись от разрушения. Она чувствует в своем сердце что-то приятное, что стремится расти и развиваться. В то же время Эллен обнаруживает, что она не только догадывается, но и знает, что представляет собой любовь; она описывает свою любовь как более серьезную и спокойную, более чистую и более зрелую, чем раньше. Ибо в первую очередь она хочет созреть для жизни, она снова протягивает руки к жизни, а не к смерти. Возможности истинно уникального или аутентично-экзистенциального и подлинно дуального и аутентично любящего модуса экзистенции по-прежнему открыты даже этому *Dasein*, хотя бы на короткое время.

Но дальнейшее оказывается для нас еще большим сюрпризом. Хотя целостная картина мира (по словам Эллен) в ее сознании беспорядочна, и все простое и естественное злой дух превращает в карикатуру, искаженную картину, Эллен теперь понимает, что становление толстой — естественный процесс, она приравнивает его к превращению в здоровую, круглолицую, краснощекую, простую, упитанную женщину — образ, соответствующий ее истинной природе. Мы видим, что ее понимание собственной экзистенции к концу жизни не притупляется, а, напротив, обостряется. Все сильнее замыкаясь в себе, Эллен все еще способна подняться над собой и достичь истинного прозрения любящих и экзистенциальных обстоятельств своего бытия, равно как и своих «естественных» обстоятельств. Но «в ней что-то восстает» против этого прозрения; конечно, это эфирный идеал, или идеал Артемиды, который не приемлет круглых, красных щек и женственной силы, так же как и упитанности. Все невыносимее пытка, ад ее существования, поэтому настолько сильно воздействие противоречия ее заключенности во внутреннюю тюрьму, ее колебания между «неестественным» идеалом и «сверхъестественной» жадностью к еде.

Второй аналитик говорит, что для Эллен худоба «подразумевает» более высокий интеллектуальный тип, упитанность — буржуазный еврейский тип. Однако, что касается слова «подразумевает», мы в любом случае не признаем феномена символического значения, представления через символ. Как мы уже видели, только факт страха потолстеть, равно как страх Эллен перед отцовским характером и маленьким мирком повседневности, одинаково являются выражением ее ужаса перед сужением и «заболочиванием» ее существования. Поэтому один страх «не означает» другой, но оба плывут «в одной лодке», то есть находятся «бок о бок» в одной экзистенциальной метаморфозе.

Мы еще вернемся к этому далее. По контрасту с толстым буржуазным еврейским типом у эстетически утонченного брата жена-блондинка, с которой, естественно, легко отождествиться, как упоминалось выше, художественно одарена и стройна.

В клинике у Эллен появляется чувство, что она подобна трупы среди живых людей. То, что она — ранее убежденная в своей независимости от мнения других — теперь полностью зависит от того, что думают окружающие о ее внешнем виде, — это другое выражение ее «тюремной заключенности в самой себе». Упрямство и неповиновение обнаруживаются здесь не как независимость от других, а просто как особый тип зависимости от них, их интеграции в *Eigenwelt*. Что касается остального, Эллен теперь чувствует себя совершенно пассивным полем битвы, на котором враждующие стороны сражаются друг с другом. Она может быть только беспомощным наблюдателем этого зрелища. Таким образом, ее существование действительно стало сценой. Но в то время как в «здоровой личности» существование разворачивается более или менее равномерно между актерами сцены («ролями»), режиссером и зрителями, здесь оно разделено на сцену и события на сцене, с одной стороны, и «пассивное» наблюдение — с другой. Соответственно, вербальные выражения ее модуса экзистенции становятся все более материализованными и в то же время «персонифицированными». «Меланхолия» нависает над ее жизнью, словно черная птица, которая преследует ее, чтобы схватить и разорвать когтями. «Безумие» потрясает своими черными одеждами, хватает и толкает ее в зияющую бездну. Смерть обретает над ней такую силу, что, услышав новость о смерти подруги, она сияет, в то время как мир перед ней темнеет.

При тайном наблюдении за Эллен во время еды, видно, что она действительно набрасывается на пищу, «словно зверь», и так же «как животное», жадно пожирает ее на полу.

Судя по нескольким ее сновидениям, они все связаны с едой или смертью или смертью и едой. Первый сон о смерти повторяет, хотя и в менее героической форме, тему смерти на поле битвы, знакомую нам по одному из ее ранних стихотворений. В то же время он, по видимому, предвосхищает реальное событие — эпизод, когда смогла спокойно съесть тарелку калорийной еды перед лицом приближающейся смерти и испытать радость от этого. Однако, что касается этого «предвосхищения», следует думать не о «перспективной тенденции», по выражению Медера (Mäder), не о «ясновидческом» качестве сна. Скорее, сон и его последующее воплощение в реальности — лишь выражения одного и того же антропологического факта, а именно, пере-

плетающейся внутренней связанности мотивов обжорства и смерти. Ибо в этой экзистенции обжорство как таковое означает нисходящую жизнь, умирание. Мы видим, что страх потолстеть может быть понят как ужас перед бытием «запертым-в-норе». Но раз экзистенция решилась на смерть, она преодолела страх и бремя всего земного; влечение к сладостям утратило свою пугающую силу и может снова стать наслаждением.

Второй сон вслед за первым создает, на этот раз более изобретательно, ситуацию, которая может оправдать двойное самоубийство брачной пары. (Разумеется, в действительности верно обратное: желание смерти вызывает к жизни образы сновидения.) Мысль о совместном бегстве от жизни посещала Эллен и во время бодрствования. Сон также воспроизводит ее упрек мужу в трусости, высказываемый ею и в бодрствующем состоянии.

Четвертый сон зеркально повторяет без искажения реальность ее попытки и ее желание смерти. Она хочет разжечь в себе костер — желание, в котором психоанализ, как известно, видит символ либидо, так же как и Эллен, которая хотела бы однажды сгореть в огне любовного пожара.

Хотя эти сны совершенно очевидно отражают лейтмотивы пробуждающегося сознания, как столь часто бывает в случае с шизофренией, третий сон (прыжок через иллюминатор в воду, попытка оживления, поедание шоколадных конфет и упаковка чемоданов) требует специального обсуждения. Чтобы не задерживать ход исследования, мы оставим обсуждение этого сна для раздела, озаглавленного «Экзистенциальный анализ и психоанализ».

СМЕРТЬ

Учитывая факт, что экзистенциальная конфигурация, которой мы дали имя «Эллен Вест», «положила конец» своему существованию, экзистенциальный анализ скорее чем когда-либо обязан отложить любую оценку, вытекающую из каких-либо точек зрения или взглядов, будь то этические или религиозные, психиатрически-медицинские или психоаналитические объяснения или психологические интерпретации, основанные на мотивах. Но и подход с позиции «величия жизни», поддерживаемый «здравым смыслом», принятым обществом, которое взирает с жалостью или ужасом на любого, «кому случается умереть», и особенно на того, кто сам себя приносит в жертву смерти, здесь также не является критерием. Мы не должны ни принимать, ни отвергать суицид Эллен Вест, ни сводить его к три-

виальному событию путем медицинских или психоаналитических объяснений, ни драматизировать его моральными и религиозными оценками. Вероятно, к такой экзистенциальной целостности, как Эллен Вест, хорошо подходит фраза Иеремии Готтхельфа: «Подумайте, какой темной становится жизнь, когда несчастный хочет стать своим собственным солнцем», или изречение Кьеркегора: «Как бы низко ни пал человек, он может пасть еще ниже, и это «может» — объект его ужаса». Но эта обступающая тьма и это падение не должны пониматься экзистенциальным анализом с религиозной или этической позиции, а должны рассматриваться или описываться с антропологической точки зрения. *Единственная* точка зрения не приемлема, какой бы близкой нашему сердцу, знакомой нашему пониманию, согласуемой с нашим разумом она ни была, поскольку, как сказал Поль Валери: «Каждый раз, когда мы обвиняем и судим, мы не достигаем основания». Основание, оставаясь тайной для любого человеческого взгляда, не *достигается*, но оно постигается воображением всякий раз, когда человек отказывается от оценки и осуждения или даже оправдания, то есть от множественного модуса экзистенции. Основание должно быть понято прежде любой субъект-объектной дихотомии. Но это возможно только в ситуации свободы от предпосылок дуального модуса, через объединение Я и Ты в дуальное Мы. И это означает объединение человеческой экзистенции с общим основанием, которое совместно делят Я и Ты, и антропологической структурой, возникающей из этого.

В этой соединенности мы также находимся до начала дихотомии, которая детерминирует наше отношение к себе, взаимоотношения общества с индивидом и индивида с обществом, и, что не менее важно, также управляет «судом истории». Этот союз, кроме того, предшествует дихотомии свободы и необходимости, вины и судьбы (рока) или, если использовать психологическую терминологию, дихотомии активности и пассивности, действия и страдания, ибо экзистенция в своей основе содержит и то и другое. Как в глазах любви «все возможно», так же в глазах любви «все неизбежно». Другими словами, любовь не знает ответа на вопрос, является ли самоубийство Эллен Вест «фатальной неизбежностью», или она могла избежать его. Вместо того чтобы поднимать в связи с самоубийством вопрос судьбы или вины и пытаться решить этот вопрос, любовь требует «обратиться к основанию экзистенции» и, исходя из этого, понять экзистенцию антропологически.

Поскольку Эллен Вест оценивала любой продукт питания с точки зрения того, способствует он набору веса или нет, она и процесс

еды воспринимала с точки зрения вины. «Человек, принимающий пищу, — говорит Сократ в книге Поля Валери¹⁰⁴, — равно питает в себе доброе и дурное. Всякий кусок, который в нем тает и растворяется, придает сил его добродетелям, как он тождественно придает их и его порокам. Он кормит его тревоги, и он насыщает его надежды; наконец, в свой черед в нем черпают свою законную долю страсти и мнения. Любовь нуждается в этой пище так же, как ненависть; наша радость и наша горечь, наша память и наши помыслы по-братски делятся единой субстанцией этого корма». Эллен Вест в основном питает едой лишь свои негативные черты и пороки, смятение и ненависть, страсть и ярость. Только в одном случае мы видим, что она ест что-то, что в противоположность всему остальному питанию доставляет ей только радость, новую силу, «питает» ее надежды, служит ее любви и озаряет ее разум. Но это что-то — больше не дар жизни, а яд смерти¹⁰⁵. Чем отчетливее она осознает свою экзистенцию, чем она ближе, — и она это понимает, — к смерти (позвольте мне напомнить читателю о болезненном пробуждении ее знания о подлинной любви и подлинной естественности, также как о возрастающей глубине и точности ее сравнений), тем большей ясности она достигает перед лицом смерти.

Жить перед лицом смерти, однако, означает «умирать смертью», как говорит Кьеркегор, или умирать своей собственной смертью, как выражались Рильке и Шелер. То, что каждый уход, каждое умирание, избрана ли смерть добровольно или нет, — это все же «независимый акт» жизни, уже было выражено Гете¹⁰⁶. Как он сказал о Рафаэле или Кеплере: «Оба они внезапно встретили конец своей жизни», но, говоря так, он имеет в виду их «смерть помимо воли», пришедшую к ним «извне как внешняя судьба»; итак, мы можем, напротив, обозначить самоизбранную смерть Эллен Вест как пассивный уход или умирание. Кто скажет, где в этом случае начинается вина и кончается «судьба»?

То, что жизнь и смерть не противоположности, что смерть тоже должна быть пережита и что жизнь «окружена» смертью, так что и с биологической, и с исторической точки зрения сказанное согласуется с представлением о том, что человек умирает каждое мгновение

¹⁰⁴ *L'Âme et la danse*. [Поль Валери. *Душа и танец*. Пер. В. Козового// Валери П. *Об искусстве*. М., 1976.]

¹⁰⁵ Немецкое слово Gift имеет распространенное значение «яд» и менее распространенное значение «дар».

¹⁰⁶ См. «Разговор с Фальком 23 января 1813». (Бинсвангер хочет здесь подчеркнуть, что смерть — это активная часть жизни.)

своего существования, — это прозрение в определенном смысле было известно уже Гераклиту.

Вероятно, для Гераклита Аид, бог подземного царства, и Дионис, бог необузданной опьяненности жизнью, — одно и то же¹⁰⁷. Эллен Вест тоже хотела бы умереть, «подобно птице, разрывающей горло в момент высшей радости».

Несмотря на значимость этих прозрений, их все же недостаточно для экзистенциально-аналитического понимания того факта, что, с одной стороны, «интуитивная уверенность-в-смерти» (Шелер)¹⁰⁸, «идея смерти», как заметила старая няня Эллен Вест, «своей тенью накрыла всю ее жизнь», а с другой стороны, ее знание непосредственной близости смерти озаряло ее жизнь. Жизненный порыв Эллен Вест в ее жажде смерти можно описать словами шекспировского Клавдио: «В стремленьи к смерти нахожу я жизнь, ища же смерти — жизнь обрящу»¹⁰⁹.

Экзистенциальный анализ не может довольствоваться психологическим заключением, что самоубийство Эллен Вест следует объяснять ее страданием от пытки и возникающим в результате желанием прекратить эту пытку. Мы также не можем удовлетвориться суждением, что ее хорошее настроение перед лицом смерти объясняется предвосхищением неизбежного конца этого мучения и радости, связанной с этим. Подобные оценки опираются на мотив как окончательное основание для объяснения, в то время как для экзистенциального анализа мотивы столь же проблематичны. Для нас остается проблемой — как понять, что эти мотивы возымели силу, другими словами, как они вообще могли стать таковыми?

С точки зрения экзистенциального анализа самоубийство Эллен Вест было «произвольным актом», равно как и «ненеизбежным событием». Оба утверждения основаны на том, что экзистенция в случае Эллен Вест созрела для смерти, другими словами, эта смерть была необходимой реализацией жизненного смысла этой экзистенции. Это можно показать путем экзистенциального анализа, но убедительное

¹⁰⁷ См. Diels, «Fragment 15» — как хорошо известно, этот контраст существует уже в самом Дионисе и в его грандиозных пирах. Дионис, с одной стороны, спаивающий, утешающий в скорби и печали, освобождающий и исцеляющий, восторгающий смертных, несущий радость, но с другой стороны он также принадлежит к сфере уничтожающего, безжалостного, сфере вечной ночи (Otto W. F., «Dionysos»).

¹⁰⁸ См. «Tod und Fortleben», *Posthumous Papers*, I.

¹⁰⁹ Шекспир, «Мера за меру», акт III, сцена 1.

доказательство предусматривает понимание того рода темпоральности, который порождает эта экзистенция. Здесь мы приводим лишь общий обзор этой темы.

Когда мы сказали, что в случае Эллен Вест экзистенция в большей степени определялось прошлым, когда мы говорили о «главенстве прошлого», мы имели в виду ограниченность экзистенции скудным, пустым настоящим и ее отрезанность от будущего. Однако такая экзистенция лишена своего аутентичного жизненного смысла, экзистенциальной зрелости, которая всегда детерминирована будущим, и только им. Прошлое, «отягощая» экзистенцию, полностью лишает ее видения будущего. В этом состоит экзистенциальный смысл жалоб Эллен Вест на то, что она поймана в сеть, что все выходы для нее закрыты, что она рассыпается в прах, заперта в темнице, похоронена в гробу. А там, где прошлое, прожитая жизнь, стали всепоглощающими, где жизнь, которая должна продолжаться, управляется прошлым, мы говорим о старости. Будучи молодой женщиной, Эллен Вест превратилась в старуху. Жизненный смысл этого *Dasein* уже осуществился в «ранние годы» в силу бурного темпа жизни и замкнутого движения жизни, в котором *Dasien* вскоре стал «двигаться на холостом ходу». Экзистенциальное старение произошло раньше биологического, именно в качестве экзистенциальной смерти состояние, описываемое фразой «как труп среди людей» возникло раньше биологического конца жизни. Самоубийство — это обязательно-добровольное последствие этой экзистенциальной ситуации. И как мы можем говорить о радости старения как «самом интимном и сладчайшем предвосхищении смерти», только когда экзистенция созрела для своей смерти, так и перед лицом избранной по собственной воле смерти могут царить радость и праздничное настроение, только когда смерть падает, как спелый плод, в ладони экзистенции. И как старость, созревшая для смерти, все более отделяющая себя от запросов жизни, становится все более восприимчивой к чистой сущности мира и бытия, так и в случае Эллен Вест экзистенция освобождается перед лицом смерти от скорлупы жадности, от навязчивой силы голода, который «снова и снова набрасывается на нее, подобно дикому животному». Перед лицом смерти она впервые может беззаботно поесть; проблемы и чувство вины оставили ее. Она читает лирические стихи и наслаждается юмором М. Твена. То, что этот пир существования — прощальный пир, никоим образом не может серьезно омрачить ее праздничного настроения. Она прощается со своим мужем, гуляя и читая вместе с ним, она прощается со своими доктор-

ами, и в своем последнем письме она прощается со своей последней эфирной подругой.

Экзистенциально-аналитический факт, что интуитивная уверенность в смерти, жизне-имманентная смерть (фон Гебзаттель) витают над жизнью, подобно тени, в то время как близость жизне-трансцендентной смерти проявляется как великолепие, фактически, как праздничное ликование экзистенции, должен также пониматься в свете того, что смерть как таковая означает для этой экзистенции. Скорее всего, в этом свете должен пониматься сам факт суицида. Для Эллен Вест, ученицы Нильса Луне и законченной нигилистки, смерть означает абсолютное Ничто, то есть, не только отрицание, но абсолютную аннигиляцию существования. Действительно, мы видели, что в этой экзистенции смерть неоднократно получала вторичное значение эротизма, например, в желании-быть-зацелованной-до-смерти мрачным, холодным морским владыкой, в желании быть-забранной-богом-отцом, царящим за облаками, в образах смерти как «дорогого друга» и прекрасной женщины с мечтательными глазами. Но нигде мы не находим указания на факт, что смерть-эротизм составляет ведущий мотив ее самоубийства, или даже обнаруживаются на первом месте в ее ощущении счастья перед лицом смерти. Напротив, в письме подруге Эллен Вест прощается с эротизмом так же, как она прощается со всем остальным. Мы не должны забывать, что исполнение самоубийства означает последний практический акт этой экзистенции, и что он вытекает из мира действия, обдумывания и планирования, а не из эфирного мира фантазий и желаний. И хотя мы знаем, что «за спиной» рациональных мотивов очень часто «прячутся» эмоциональные желания, все же сам ее уход показывает нам, что он означает для Эллен «разлуку навсегда», так как соответствует не только ее скептицизму, но и ее нигилистическому мировоззрению. У нас нет свидетельств за, а есть только свидетельства против ее веры в какой-либо вид продолжения жизни после смерти, фактически, даже против «эфирного желания» такого продолжения. Мы должны понимать, что для Эллен Вест со смертью прекращается все практическое, равно как и эфирное, заканчивается и мир-могила. И только поскольку она стоит лицом к лицу перед абсолютным Ничто, могут исчезнуть все (всегда относительные) проблемы, все противоречия между ее мирами, и ее существование опять превратится в чистый праздник. Но по контрасту с праздничной радостью существования как такового, которое берет начало в экзистенциальной наполненности и разгорается от красоты существования, как первичной основы

искусства в целом, у Эллен Вест эта радость возникает перед лицом Ничто и разгорается от Ничто. Здесь мы сталкиваемся с глубокой позитивностью, которая может корениться в Ничто человеческого существования. Жизне-история превращается до определенной степени в смерте-историю, и мы справедливо говорим о существовании, прославляющем смерть.

Позитивность Ничто имеет очень специфический экзистенциальный смысл: когда существование основывается или покоится на Ничто (здесь мы снова выходим за рамки вины и судьбы), оно пребывает не только в экзистенциальном ужасе, но также — что собственно одно и то же — и в абсолютной изоляции. Позитивность Ничто и существование в смысле полной изоляции экзистенциально-аналитически являются одним и тем же. Эллен Вест умерла не как человек, «одиноким перед Богом», как умирает верующий, то есть, будучи религиозным Мы и не будучи земным Мы, рожденным любящей встречей, и даже не в коммуникации с «другими», но после отделения от других, одинокой перед Ничто. Отсюда метафизическая тень, которая омрачает ее радость перед лицом Ничто.

Истинность утверждения, гласящего, что способ, которым умирает человек, показывает как он жил, в случае Эллен Вест проявляется особенно очевидно. В ее смерти мы обнаруживаем специфический экзистенциальный смысл, или, выражаясь точнее — противосмысл ее жизни. Этот смысл был не в том, чтобы «быть собой», а, скорее, в том, чтобы быть *не* собой. Если говорить о том, что составляло основу этой экзистенции, то это именно то, на чем она основывалась. То, что психоаналитик назвал бы «фантазией повторного рождения» (и это отражается на понимании самоубийства), для нас представляет нечто совершенно иное. Когда Эллен Вест утверждает, что ей судьбой было предначертано стать коренастой и упитанной, но она сама хотела бы быть стройной и изящной, и когда она взывает к Творцу: «Забери меня к себе и сотвори меня сизнова», она раскрывает нам, что всю свою жизнь страдала от той болезни разума, которую Кьеркегор назвал и всесторонне описал как «болезнь к смерти». Я не знаю другой работы, в которой предлагалось бы более ясное экзистенциально-аналитическое объяснение шизофрении. Можно сказать, что в этом тексте Кьеркегор с интуицией гения распознал причину шизофрении, поскольку в основе многих «случаев» этого заболевания можно найти «отчаянное» желание, фактически, твердое требование *Eigenwelt, Mitwelt* и «судьбы» к личности *не* быть собой, а также обнаружить противополож-

ное стремление — отчаянное желание быть собой¹¹⁰. Даже врачеватель души, который не соглашается с чисто религиозной концепцией объяснения этой «болезни», который отказывается считать «я» вечным в религиозном смысле, не верит в религиозное значение силы, которая это «я» полагает, не видит в человеческом бытии синтеза временного и вечного в религиозном значении, а, скорее, экзистенциально постигает отчаяние, скрытое в болезни к смерти, — даже такой врачеватель глубоко оценит эту работу Кьеркегора. То, что «я» может найти себя только когда «погружается посредством собственной ясной прозрачности в ту силу, которая его полагает», — истина, признаваемая онтологическим *Dasein*-анализом бытия в той же мере, что и антрополого-экзистенциальным анализом, но совершенно независимо от того, как они определяют эту силу, эту экзистенциальную основу. То, что, с другой стороны, Эллен Вест с самого юного возраста «упрямо и неистово» хочет «быть собой», свидетельствует не против ее отчаянного «не хочу быть собой», а, скорее, за это. Именно так, поскольку один тип отчаяния неразрывно связан с другим. В самом деле, как показал Кьеркегор, оба они могут быть прослежены ретроспективно до общего истока.

Отчаянное желание быть не самим собой, а «отличающимся от самого себя», что может только означать быть «кем-то другим», и отчаянное желание быть собой в этом отчаянии явно имеют особое отношение к смерти. Когда попытка отчаяния заключается именно в том, что невозможно умереть, что даже последняя надежда, смерть, не приходит, что человек не может избавиться от самого себя, тогда самоубийство, как в нашем случае, и с ним Ничто, имеют «отчаянно» позитивный смысл. Отчаяние, что смерть не входит в ее существование «сама», трансформировалось через самоубийство Эллен Вест в праздник прихода смерти в ее существование, призванный ею самой. Этот приход подобен празднику не только потому, что смерть появляется как друг и потому, что в этом виде к ней приходят свобода и освобождение от оков жизни, но также по гораздо более глубокой причине: в добровольно-неизбежном решении «в пользу смерти» эк-

¹¹⁰ Каждый психиатр вспомнит очень много случаев, когда пациенты не удовлетворены своей «судьбой», например, потому что она не сделала их мужчиной или женщиной, потому что она дала им этих родителей, а не других, и потому что она одарила их этим носом, этим лицом, этим обликом, этим характером, этим темпераментом и т. д., а не другими, так как она заставила их вырасти в этой стране, в этом социальном слое, в этом тысячелетии, а не в другом. Еще чаще мы сталкиваемся с племенным отношением, когда некто отчаянно пытается быть самим собой, именно этим, — а не другим.

зистенция больше не является «собой от отчаяния», но становится собой аутентично и полностью! Я есть «аутентичное я», или я существую аутентично, когда «я» решительно разрешает ситуацию в действии, другими словами, где настоящее и бывшее объединяются в *аутентичном* настоящем. В противоположность «аффективно насыщенным» реакциям-вспышкам ее более ранних суицидальных попыток, это самоубийство было «задумано заранее», решено после зрелого размышления. В этом решении Эллен Вест не «превозмогла сама себя», но, скорее, только в решении умереть она нашла себя и выбрала себя. Праздник смерти был праздником рождения ее экзистенции. Но если экзистенция может существовать только отказываясь от жизни, то это трагическая экзистенция¹¹¹.

ВРЕМЯ

Отчаянность и безысходность ситуации, в которой оказалась Эллен Вест, стремясь быть собой, но в то же время отличаться от того, какой она «заброшена» в этот мир, проявляется не только в сопротивлении судьбе (ее бытию-женщиной, ее семье, социальному классу, потребности в сладком, склонности к полноте и, наконец, болезни), но и в сражении со временем. Своим несогласием становиться старой, медлительной и некрасивой — словом, толстой, она хочет остановить время. Оставаясь привязанной к своему изолированному «я» (это становится для нее очевидно только к концу жизни), которое, однако, является не ее реальным «я», а вневременным эфирным желанным-я, она все же не бежит от основания своей экзистенции, а катится в него как в пропасть. Человек не может убежать от своего основания, так же, как не может избежать собственной судьбы. Но когда мы наблюдаем, как в случае Эллен Вест, такое очевидное круговое движение экзистенции от своего основания и обратно в него, как в пропасть, то делаем вывод, что экзистенция пребывает в состоянии ужаса. Место аутентичного созревания в смысле становления собой, обладания собственным основанием и даже более того, место дуального «Мы» занимает «вынужденное» Я- и Мы-разрушение, или отказ от становления (*Entwerden*; фон Гебзаттель), или «падение» (Кьеркегор). Однако этим сказано не все. Чтобы лучше понимать наших пациентов, мы в первую очередь должны все больше внимания обращать на материальные или

¹¹¹ Факт, что вместе с этим проблема радости существования перед лицом смерти не исчерпывается, будет рассмотрен далее.

натуральные очертания, которые принимает подобный процесс разрушения или падения, и то, в каких формах он проявляет себя.

Таких «натуральных» процессов бытия и метаморфоз человеческого существования очень много. Все они присутствуют в природных первичных формах воздуха (свет и небо), воды, огня и земли¹¹², многообразных, как их индивидуальное экзистенциальное значение и их экзистенциальные связи. Однако с экзистенциально-аналитической позиции очень важно понимать, что эти архетипические формы и их метаморфические образы являются формами темпорализации¹¹³. Например, «мгновенный подъем» изменчивой формы от земли к небу нам известен в виде пламени. «Но что же такое пламя, друзья мои, если не само мгновение! То, что безумно, то, что радостно и восхитительно в чистом мгновении!.. Пламя есть зримость мгновения, пробегающая между землею и небом. О, друзья мои, все, что переходит из тяжелого состояния в состояние летучее, должно испытать этот огненный и лучезарный миг... А с другой стороны, не есть ли пламя неуловимый и яростный образ благороднейшей гибели?.. То, чему более никогда не бывать, великолепно сбывается у нас на глазах!..»¹¹⁴. По контрасту с этим примером натуральная и темпоральная структура экзистенции в случае Эллен Вест становится особенно понятной. «Деструктивный» элемент здесь не мгновенно взлетающее и быстро исчезающее пламя, которое поднимается от земли к небу (*от тяжести к легкости*), а постепенное потемнение, медленное оседание или усиливающееся разложение или бытие, уходящее в землю, — переход от *легкого состояния в тяжелое*, падение с неба на землю. Как мы могли наблюдать, экзистенция Эллен Вест движется «между небом и землей», но с ясно нисходящей тенденцией, — не между землей и огнем, землей и водой. Только дважды в ее истории возникает огонь: в качестве необузданно разгорающегося пламени страсти и как «суицидальная фантазия» (сон 4); таким образом, оба примера относятся к временной форме «мгновенного». Бесчисленные формы воды предстают то как бескрайнее море, то как жилище мрачного морского владыки, который должен зацеловать ее до смерти, то, как в третьем сне, в качестве непосред-

¹¹² См. в этой связи: Binswanger L. «Traum und Existenz» («Dream and Existence»), *Schweiz. Rdsch.*, 1930; *Über Ideenflucht*; Jung C. G. *Wandlungen und Symbole der libido*; Michelet, *La Mer* и особенно Bachelard, *La Psychoanalyse du Feu*; L' *Eau et les rêves*.

¹¹³ См.: Staigel Emil, «Die Zeit als Finbildungskraft des Dichters». (Стремительное течение времени представляется потоком, спокойное — разлитым светом.)

¹¹⁴ Valery Paul, «L'ame e la danse».

ственного средства для самоуничтожения. Однако в разложении или превращении в землю перед нами не временной образ мгновенности и не образ вечности, а, скорее, образ мучительно медленного падения и погружения, жутко ползущего времени, практически, его застывания. Противоположность этой форме — образ высоко взлетающих желаний, которые, преодолевая силу тяжести, поднимаются над землей и постепенно исчезают, и образ скоротечного времени, которое, однако, снова и снова поглощается време-формой червя, вслепую ползущего в земле. Это поглощаемое бытие также «имеет» свое время: это време-форма ада¹¹⁵.

То, что темпоральность — это фундамент любого экзистенциального исследования, можно показать и на примере нашего случая. Мы сфокусировались на этом более конкретно только сейчас потому, что, как уже отмечалось выше, нам представляется более целесообразно и проще с дидактической точки зрения сперва описать другие формы, в которых экзистенция представлена в своем мире, а именно: пространственность, материальные очертания, освещенность и цветовой тон — и только затем показать горизонт, с которого может быть правильно понят целостный «мир» этой экзистенции. Экзистенциальное основание того факта, что мир Эллен Вест мог подвергнуться такой конкретной перемене, — перемене от оживленности, широты, яркости и многоцветности эфирного через потемнение, омрачение, увядание, разложение и гниение к ограниченности, темноте, сырости, обмельчанию, т. е. к состоянию мертвой земли — в том, что за ней стоит определенный, объединяющий феномен. Этот феномен — темпорализация. До того как обратиться к объяснению этого феномена, следует еще раз отметить, что обладание миром¹¹⁶ и обладание темпоральностью онтологически и антропологически неразделимы, просто они создают две особые проблемы внутри одной проблемы бытия-в-мире. Это следует из того факта, что, как упоминалось выше, мир (космос) никогда не определяет только *что*, он устанавливает и *как*, то есть базовый модус и способ, в котором человеческая экзистенция фактически су-

¹¹⁵ Что касается ада, то это не объективная реальность, а экзистенциальная «сфера бытия» в смысле «бесконечной структуры», «никогда не прекращающейся агонии», «падения души в ее собственную тьму». (См.: Бердяев Н., «Судьба человека», глава «Ад».)

¹¹⁶ *Weltlichkeit*, что можно перевести и как «мирность», в смысле неразделимой связи человека с миром, не как вопрос противостояния данному миру, а, скорее, как вопрос полного бытия-в, бытия-с или принадлежности миру. Наша картезианская традиция делает эту идею затруднительной для понимания. Это в некоторой степени обсуждалось в главе, написанной Мэем.

ществует¹¹⁷. Поэтому различные миры, о которых мы говорили, в то же время являются индикаторами определенных базовых модусов, в соответствии с которыми экзистенция, как в случае Эллен Вест, пребывает в мире и по отношению к которым она занимает определенную позицию. Эта экзистенция, бытие, выбор позиции и ее поддержание должны быть объяснены с точки зрения темпоральности.

Когда мы говорим о темпоральности, мы не имеем в виду переживание времени, осознание времени или учет времени. Тот факт, что выражение «переживание времени»¹¹⁸, использованное Штраусом, может вызвать серьезное непонимание, был подчеркнут фон Гебзаттелем. Он предлагает говорить о проживаемом времени, *temps vécu*¹¹⁹ и утверждает, что проживаемое время и переживаемое время связаны друг с другом как событие и отслеживание, патическое¹²⁰ и гностическое, то есть, как исключительно внутреннее время-событие и объективированное, мыслимое время. С первым представлением о времени связаны подлинные расстройства восприятия времени, которые, как показали Минковски и Штраус, являются базовыми для антропологического понимания эндогенных депрессий и сопровождаются подавлением или торможением течения жизни. Ко второму относится явление, которое фон Гебзаттель совершенно верно назвал «переживание дереализации, связанной со временем»¹²¹, а также все отмечае-

¹¹⁷ См.: Heidegger, «Vom Wesen des Grundes», *Papers in Honor of Husserl*.

¹¹⁸ При использовании этого слова (*Zeiterleben*) Штраус стремится подчеркнуть сам временной горизонт, который свойствен переживанию времени. Например, если человек отрезан от будущего, его настоящее, как и прошлое, подвергается изменению. От этого отличается, во-первых, время-событие (*Zeitgeschehen*), что означает способ времени «случаться» с человеком, и, во-вторых, часовое время, или концептуальное объективируемое время. Бинсвангер предполагает, что для *Zeiterleben* применимо понятие *Zeitgeschehen*, живого времени (*gelebte Zeit*), или времени-как-жизни; последнее базируется на понимании Минковски бергсопианской концепции *temps vécu*.

¹¹⁹ См. «Die Störungen des Werdens und des Zeiterlebens im Rahmen psychiatrischer Erkrankungen», *Gegenwartsprobleme der Psychiatrisch neurologischen forschung* (Stuttgart, 1939).

¹²⁰ Патическое — указывающее на прямую, аффективную связь с окружающим миром. — *Прим. ред.*

¹²¹ Дерееализация — нарушение восприятия окружающего мира, при котором действительность кажется чуждой, измененной, нереальной. Нарушение, как правило, затрагивает и восприятие времени, которое становится либо стремительно бегущим, либо тянущимся бесконечно, остановившимся. — *Прим. ред.*

мые депрессивными или шизофреническими пациентами расхождения между имманентным опытом и трансцендентным по отношению к нему времени, то есть то, что Минковски определяет как нарушение синхронизма¹²². То, что мы сами понимаем под «темпорализацией», целиком относится к первому представлению. Но мы выходим за пределы того, что обозначают понятиями время-событие, *temps vécu*, патическое или имманентное опыту время, поскольку мы понимаем под темпоральностью не то, «что-есть-в-бытии», ни событийность, ни становление, а само-темпорализацию экзистенции как таковой. Темпорализация есть изначальное «вне-себя» (экстаз) в единстве будущего, ставшего и настоящего, которые Хайдеггер совершенно правильно обозначает как эк-стазы или преобразования темпоральности¹²³. Будущее, ставшее и настоящее — эк-стазы, поскольку они показывают феноменальный характер к-себе, назад-к и возможность-встречи-с. Говоря иначе, три экстаза времени — это быть-впереди-себя (будущее), уже-быть-в (прошлое) и быть-при (настоящее). Поэтому темпоральность для нас имеет онтологический смысл. Это всегда необходимо иметь в виду, даже когда при анализе конкретной человеческой экзистенции нам приходится ограничивать себя, чтобы показать, через какие антропологические метаморфозы проходит этот онтологический смысл.

Как очевидно из вышеприведенных рассуждений, не имеет значения, выражают ли пациенты свое восприятие времени и как именно они это делают. У Эллен Вест такие выражения поразительно редки. То, что ее внутреннее развитие останавливается, то есть застывает, — одно из немногих ее собственно «темпоральных» утверждений.

Если наша задача — понять преобразования темпорализации этой экзистенции из модусов бытия-в-мире, опять-таки недостаточно определить в соответствии с общепринятым пониманием времени просто различные времена, которые подразумеваются под выражениями «летать», «ходить» и «ползать» и, возможно, разместить их под

¹²² Здесь подразумевается синхронность между имманентным, или внутренним, переживанием времени и «преходящим» временем.

¹²³ Бинсвангер в этом отрывке, трудном для перевода, имеет дело с понятием экстаза, от греч. слова «ex-stasis», дословно «нахождение вне своего “я”». Чтобы показать это первичное, а не популярное значение экстаза, слово, приведенное выше, проговаривается «экс-стаз» Три «экстаза времени», а именно, будущее, прошлое (или, точнее, продолжающееся прошлое) и настоящее взяты из «Бытия и время» Хайдеггера. Эта способность человека превосходить свою непосредственную темпоральную ситуацию обсуждается в первой книге данной серии.

обозначениями: быстрый, умеренный, медленный (аллегро, анданте, ларго). Скорее, цель нашего подхода к исследованию этих разнообразных экзистенциальных способов передвижения «во времени» — найти способ их темпорализации.

Первичный, исходный модус подлинной и аутентичной темпоральности — будущее, а будущее, в свою очередь, — это первичный смысл экзистенциальности, проектирования собственного «я» «ради-себя-самого». В этом фундаментальном онтологическом объяснении темпоральности мы находим подтверждение взгляда на «первичное» значение будущего, которое уже выразил Шелер, и которое мы также обнаруживаем у Минковски, Штрауса и фон Гебзаттеля.

Экзистенциальный смысл темпоральности не позволяет нам представлять «будущее» только как неопределенные, туманные возможности пред-установленного, намеченного и обнадеживающего, так же как непозволительно воспринимать прошлое только как то, что было настоящим, а теперь завершилось. Скорее мы должны понимать прошлое в экзистенциальном смысле как ставшее, которое предполагает, что мы не только были, но в действительности *есть*, с точки зрения «бывшего». В этой «бывшести» заложены «возможности», благодаря которым существует экзистенция. Действительно, экзистенция означает не «бытие-под-рукой»¹²⁴, а «бытие-способное-быть», и знание об этом бытии-способном-быть означает понимание. В этом смысле будущее никоим образом не повисает в воздухе, а возможности будущего не «туманны», они являются определенными возможностями. В этом смысле экзистенция определяется не только будущим, т. е. пониманием бытия-способного-быть, но также всегда и его бывшестью; экзистенция всегда «заброшена» в свое бытие, как мы ранее заметили, она уже находится в своем бытии, или в мире, уже настроенном в определенном ключе. Поэтому вся будущность экзистенции — это бывшее, и вся «бывшестъ» — это будущее. «Здесь соединяются будущее с бывшестью, чтобы образовать жизненный цикл существования, и в своем единстве поглощают настоящее»¹²⁵. Однако экзистенциальный смысл настоящего — сотворение настоящего путем окончательного разрешения конкретной ситуации в действии.

¹²⁴ См. примечание 89.

¹²⁵ См. Becker Oskar, «Von der Hinfälligkeit des Schönen und der Abenteuerlichkeit des Künstlers», *Papers in Honor of Husserl*.

ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ ЭФИРНОГО МИРА

Даже если все живут в эфирном мире, то есть каждый «имеет» свой эфирный мир (фантазий, желаний, влечений, надежд), эфирный мир Эллен Вест отличается от прочих не только потому, что он играет ведущую роль в этой экзистенции, но также потому, что она не делает уступок миру практического действия — *Umwelt* и *Mitwelt*, общению и взаимодействию с другими. В данном случае эфирный мир не вступает в мир практического действия; два мира непроницаемы друг для друга. Например, искусство могло бы указывать на такое взаимное проникновение. «Мне бог дает поведать, как я стражду» — говорит Гете устами Тассо, однако Эллен Вест не была рождена поэтессой. Теперь эфирный мир не должен рассматриваться только как мир, в котором мы позволяем будущему «прийти к нам», но он должен пониматься в полном смысле экзистенциально, то есть как самопроектирование ради себя самого. Однако это проектирование себя возможно только постольку, поскольку «я» становится проницаемым для (божественной) силы, которая полагает его (Кьеркегор), или поскольку оно понимает, как достичь (метафизического) основания в аутентичном созидании самого себя (Хайдеггер). Но где экзистенция упрямо закрывает себя от основания своего бытия и избегает его, там будущее тоже приобретает другое значение, а именно, значение самопроектирования через неаутентичное «я», т. е. фантастическое «я»¹²⁶. Такое будущее уже не детерминировано бывшестью и не создает возможности и потенциальные способности конкретной экзистенции, оно теперь действительно будущее «неопределенных возможностей». В таком будущем «возможно все», это будущее означает неограниченные, беспрепятственные, несдерживаемые, амбициозно-патологические желания и стремления. Пространственный смысл этого будущего — неограниченное, яркое, лучистое, переливающееся красками пространство; его космический аспект — ландшафт, небо, океан; ее материальная оболочка — воздух, эфир¹²⁷. Теперь должно быть понятно, что потемнение, приземленность, ограничение, «замуровывание», сдерживание этого эфирного мира, образы полета в нем подобно птице, парения над практическим миром, также имеет темпоральное значение. Самопроектирование в направлении «ради-самого-себя» замещено болотом, т. е. не имеющей будущего бывшестью и заброшенностью, которые есть то, что в

¹²⁶ Нами показано, что в случае Эллен Вест это «я» трансформировалось вместе с решением умереть в направлении аутентичного «я», равно как и то, что эфирный мир тоже сжался перед лицом смерти.

¹²⁷ См. *Über Ideenflucht*.

обычном представлении о времени обозначено как «отрезанность от будущего». Подобная неприкаянность в немецком языке передается термином *Schwermut* (меланхолия), во французском — *depression* (подавленность). Но давайте остановимся на эфирном мире. Поскольку это мир «неаутентичного» будущего, мир фантастического «парения над собой» и фантастического «я», мир, в котором не существует тени и нет ограничений, он испытывает постоянную угрозу со стороны тени и ограничений, которые подразумеваются под «бывшестью»¹²⁸. Темпорально-историческая структура экзистенции, вероятно, в некоторых ситуациях может быть преобразована, но она не может быть разрушена или развернута в противоположном направлении. Экзистенция, фактически, каждая экзистенция, сохраняет связь со своим основанием. В неаутентичной модели будущего, в самопроектировании ради желаемого «я», значимость мира искажается и «искусственно» занижается (как мы продемонстрировали в нашем исследовании «О скачке идей»). Конечно, каждый может временно воспарить к такому миру, но при полном понимании его фантастической природы, то есть знания того факта, что здесь нельзя остаться. Но когда этот лишенный контуров мир замещает собой мир практического действия, основание снова делается очевидным, но уже не как возвращение к бывшей, как знание о «необходимости вернуться к земле», а как несведомленное, слепое, неестественное бытие, страшщееся тени, то есть как ужас! И чем выше уносится экзистенция от земли, в эфирный мир, тем более угрожающей, более плотной, более непроницаемой становится материальная оболочка этой тени.

ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ МИРА-МОГИЛЫ

Очевидно, что подобно тому, как эфирный мир управляется (неаутентичным) будущим, мир-могила управляется неаутентичным (не имеющим будущего) всегда присутствующим прошлым. Как сказал Кьеркегор об отчаянии: «Каждый реальный момент отчаяния призван возвращаться к своей возможности, во всякое мгновение, когда человек отчаивается, он подкрепляет отчаяние; и всякий раз настоящее исчезает в реальном прошлом, во всякое реальное мгновение отчаяния отчаивающийся несет в себе все возможное прошлое в качестве настоящего»¹²⁹. Уплотнение, отвердение, сгущение мрака, постепенно переходящее в вегетативное разложение и неотвратимое окружение

¹²⁸ В самом деле, Гризенгер (Griesinger) отмечает, что каждое маниакальное настроение доступно депрессивному настроению.

¹²⁹ См. Kierkegaard, «The Sickness unto Death» [«Болезнь к смерти»].

могильной стеной — является выражением растущего доминирования прошлого над этой экзистенцией, главенства уже-бывшего в расположении ада, и неизбежное движение назад-к-нему. Этот ужас ада, — ужас экзистенции, которая чувствует себя поглощенной своим основанием, и чем глубже ее захватывает, тем дальше она пытается оторваться или улететь от него. Контроль со стороны «я» над своим основанием и его становление самооткрытым по отношению к нему, замещаются полным ужаса бытием, характеризующимся подавленностью этим основанием и падением в Ничто.

Когда экзистенция не может проектировать себя «ради-себя-самой», когда она «отрезана от будущего», мир, в котором она существует, тонет в незначительности и ничтожности, утрачивает свою важность и перестает быть соотнесенным с чем-либо¹³⁰. Другими словами, экзистенция больше не находит того, исходя из чего и посредством чего она могла бы понять саму себя, а это означает, что она боится и существует в модусе страха. Но здесь важно учитывать, что хотя этот страх является страхом перед Ничто этого мира, это не означает, что в страхе внутренние содержания мира переживаются как отсутствующие. Напротив, человек не может избежать встречи с ними в их пустой неумолимости (Хайдеггер). Добавим к этому тот факт, что незначимость мира, как открытого для ужаса, обнаруживает крайнюю ничтожность того, к чему можно стремиться в практическом мире, а именно, невозможность самопроектирования ради способности присутствовать. Ужас исходит из наготы экзистенции, заброшенной в *жуткость*.

В этой связи мы должны в первую очередь отметить, что в ограниченности мира-могилы мир все же не полностью утратил свою соотнесенность, не погрузился окончательно в незначимость, что эта экзистенция еще имеет нечто, исходя из чего она может быть понята сама по себе, а именно могилу, подземную тюрьму, земную нору. То, что эта экзистенция все же пребывает в ужасе, показывает, что ограничение и уплощение значимости мира, которое происходит параллельно с доминированием бывшести, и сама утрата его соотнесенности действительно означают ужас. Мы проследили эту потерю формы миром шаг за шагом, как «сползание» из крайне подвижного, крайне скоротечного мира в чрезвычайно ригидный, аморфный мир, где экзистенция больше не может понять себя исходя из чего-либо «нового», а только из увядания и упадка привычного и знакомого. Поэтому экзистенция

¹³⁰ См. сноску 85.

страшится уже собственной возможности бытия даже там, где она еще может свободно «проектировать себя»¹³¹.

Тому, что имеется в наличии во внутреннем мире, нет необходимости показывать себя в своей пустой неумолимости. Достаточно того, что оно показывает себя в аспекте опустошения, в нашем случае, в аспекте земли, могилы или дыры в земле. Все эти выражения, однако, показывают, что опустошение значимости мира, утрата формы его соотносительного характера и «экзистенциальная пустота» означают одно и то же явление, основанное на модификации единого экзистенциального смысла темпорализации. Если мир становится незначимым, если он все больше и больше утрачивает свое свойство соотнесенности, и экзистенция находит все меньше и меньше того, по направлению к чему она может себя проектировать, и исходя из чего она может понять себя; если мир, таким образом, проявляется в аспекте опустошения (земли, могилы, дыры в земле), если экзистенция больше не впереди-себя¹³², а заброшена в чистое прошлое, в котором она уже не может понимать себя из «чего-либо нового», а только из круга привычного и знакомого, то все это означает, что, говоря повседневным языком, «ничего не происходит» и «все остается как прежде». Эти выражения, — «ничего не происходит» и «все остается как прежде», — которые применяются к миру, так же как и к экзистенции, подразумевают не что иное, как пребывание-в-покое или в лучшем случае ползание. Когда Эллен Вест представляет себя земляным червем, она тем самым как бы утверждает, что ее «развитие прекратилось», что она отрезана от будущего и больше не видит перед собой перспективы и цвета, и лишь медленно движется по темному, тесному кругу. Это, в свою очередь, означает то, что психопатологи, и Эллен Вест тоже, определяют как падение с высоты духовного (*Geist*) на самый низкий уровень полного или почти полного прозябания, растительной жизни, уровень совершенной скупости.

Жадность экзистенциально можно охарактеризовать ограниченностью, теснотой и пустотой мира, его дыро-подобным аспектом, в

¹³¹ Фон Гебзаттель однажды правильно обратился к систематизации «патологии свободы». «*Suchtiges Verhalten im sexueller Verirrungen*», *Monatsschr. f. Psychiatr. u. Neurol.*, Vol. 82. «Это действительно печально, что терапевт может отзывать о психиатре, что мы, психиатры, не можем использовать психологию, которая не признает психическую свободу как факт и проблему». L. Von Krehl, «*Über Standpunkte in der inneren Medizin*», München.

¹³² Этот оборот «впереди-себя» означает темпорализацию в мире будущего.

котором экзистенция удовлетворяется тем, что оказывается под рукой или, как в нашем случае, «во рту», т. е. когда она не выбирает и не обдумывает, а быстро хватается или кусает, стремительно набрасываясь, «как животное», на все, что находит. Форма темпорализации этого бытия-в-мире — больше не ожидание будущего, но исключительно обращение к настоящему («данности») чистого сейчас, ни порождающему будущего, ни оставляющему позади себя прошлого. «Животная значимость» этого настоящего проявляет себя в том, что все «вертится» только вокруг еды, или питания, как единственной точки опоры, из которой экзистенция еще может понимать себя. Из всего, что мы установили, должно быть ясно, как ранее отмечалось, что такая жадность по отношению к еде, как выражение опустошения мира экзистенции и превращение его в одну лишь землю, есть ужас. Когда Эллен Вест «набрасывается как животное» на пищу, это означает, что она одержима ужасом, ужасом, который она, несомненно, пытается заглушить жадным поеданием пищи (поскольку при поглощении еды все же «что-то делается») только ради того, чтобы рабски покориться следующему сейчас. Это неизбежная «ловушка», в которой запутывается эта экзистенция. Таким образом, страх стать толстой раскрывается как иное выражение страха запечатления жадности в форме ожирения, набивания утробы, превращения в червя, загнивания, погружения в мещанство, нарастания уродства и, наконец, старения и потери духовности экзистенции. Становление толстой — вечный укор, который экзистенция адресует самой себе, ее реальная «вина». Контраст между эфирным миром и миром-могилой, между экзистенциальной освещенностью и экзистенциальной тенью утвердил себя как конфликт между тенденцией перегрузить себя бременем временности существования и вероятностью сломаться под его тяжестью. Это получает поразительно ясное подтверждение в жизне-истории нашей пациентки. То, что такой конфликт между двумя мирами существует, не означает, что один мир — только радость существования, а другой — только экзистенциальная печаль или депрессия. Нет, оба мира, если так можно сказать, это миры страха. Эфирный мир является выражением страха реального будущего, вызванного желанием быть другой и вместе с тем ужасом перед смертью; мир-могила пронизан ужасом перед бывшестью. В первом экзистенция поглощена единственным желанием, порожденным фантазией, во втором — просто жадностью к жизни. Контраст между двумя мирами — это не контраст между не-страхом, поддержанным существованием, или «уравновешенностью» (Э. Штраус) с одной стороны, и страхом — с другой, но контраст между двумя различными формами страха — боязнью старости и смерти и боязнью жизни. В обеих формах может найти выражение страх перед небытием,

угрожающим существованию, таким образом, оба страха оказываются взаимозаменяемыми: Аид может подразумевать Диониса, а Дионис — Аида. Противоречие между двумя формами страха является диалектическим в смысле антиномии существования, указывающим на тесное переплетение жизни со смертью и смерти с жизнью. Однако самоубийство — самовольный разрыв этой антиномии путем «решительного» совершения практического действия, в котором свобода окончательно и с необходимостью торжествует над несвободой. Настолько глубокое основание имеет свобода, являющаяся необходимым свойством экзистенции, что она может лишиться себя существования.

ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ МИРА ПРАКТИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ

Как мы отчетливо видели, практическая деятельность Эллен Вест в действительности не способствует ее экзистенциальной самореализации, а в основном служит ее амбициозным планам обессмертить свое имя, стремлению усовершенствовать мир и непосредственно ее страстному стремлению к самозабвению и приятному времяпровождению. Эту деятельность сама Эллен Вест сравнивает с опиумом. Так, эта экзистенция помешана не только на сладостях и способствующей ожирению пище в целом, но и на самозабвении и бегстве от себя. Отсюда лихорадочная, безостановочная практическая деятельность, «номадизация» и страстнее желание чего-то нового. Избегая большинства проявлений своей индивидуальности, следовательно, не позволяя ни ее подлинному будущему приблизиться к ней, ни реально быть-способной-быть, она никогда не испытывала искреннего, непредвзятого позволения-самой-себе-быть-встреченной-чем-либо, что, например, согласуется с подлинным настоящим, которое является темпоральностью чуткого проявления-заботы или активной деятельности. До такой степени она, по сути, никогда не была вовлечена в «само дело», которое может быть в полной мере «встречено» только подлинным «я» и дуальным «мы». Говоря обыденным языком, здесь мы имеем дело не с «объективными мотивами», а с «личными». Но поскольку Эллен Вест также демонстрирует и экзистенциальные стремления, она отчаянно пытается внести порядок в этот разброс. Вместо аутентичной темпорализации созревания мы видим только «озабоченность временем», педантичное распределение «ее личного времени» и лихорадочное, нервное его заполнение¹³³. Но все это — часть темпо-

¹³³ Окружение себя подругами на Сицилии, «чтобы не стать невероятно толстой» — только один особенно характерный пример.

ральности ее покорения мира, а не темпоральность внимательного «проявления-заботы-о», и еще в меньшей степени темпоральность теоретического познания или художественного творчества. Здесь также экзистенция не может ни должным образом темпорализовать себя, ни удержать себя в аутентичном настоящем экзистенциального момента, другими словами, она не может «в данный момент» решительно быть «здесь» по отношению к открывающейся ситуации. Только настоящая решительность раскрывает «здесь» существования как ситуацию. «Поэтому открытость, которую встречает решительный человек, никогда не заставит его колебаться и терять свое время»¹³⁴. Кроме того, пешие прогулки, практическое действие, которое имеет место в случае Эллен Вест, — это не обоснованный и взвешенный, а нервный, продиктованный крайним возбуждением шаг, которому угрожают как ее склонность к взлетам и полетам, так и в еще большей степени ее склонность к ползанию и «апатии». В случае Эллен Вест мы повсюду обнаруживаем темпоральность, распадающуюся на ее отдельные экстазы, т. е. лишенную подлинного созревания или экзистенциальной темпорализации. Это — базовая черта данной экзистенции, от которой, как мы видели, она может бежать, только принимая решение покончить с собой.

Опять-таки именно темпоральность ясно объясняет обжорство и ее страх стать толстой. Желание заполнить свое время, эта «озабоченность временем» — выдающаяся, особенно яркая характеристика ее отчаянной потребности заполнения и ее нужды заполнить свою экзистенциальную пустоту. Но эта пустота не что иное, как феномен темпоральности ее экзистенции; отсюда она может «наполниться временем», хотя и скудно, искусственно и временно. Поэтому это наполнение — временно заменяющее средство, суррогат. Как и потребность в еде, чем больше она становится жадностью, действительно манией, тем больше экзистенция опустошает себя (и наоборот: см. ее спокойное ожидание смерти после принятия окончательного экзистенциального решения!). Потребность в заполнении желудка пищей и ее увековечивание в полноте — другой подходящий модус (хотя и очень неудобный, невыгодный) заполнения экзистенциальной пустоты. Природа жадности или мании имеет тот же источник, что и страсть к заполнению времени, а именно, потребность в бегстве от феномена пустоты. Но страх перед едой и полнотой не возникает из страха наполнения как такового — иначе Эллен Вест также страшилась бы

¹³⁴ Хайдеггер. Чтобы понять этот самый важный онтологический и антропологический факт ситуации, см. также «Бытие и время».

заполнения времени, — а возникает из ужаса заполнения в смысле чисто чувственной жадности. Только когда Эллен Вест решается на экзогенную смерть, самоубийство, и когда перестает быть экзистенциально пустой, а «заполняется до краев» этой целью, то есть, когда еще раз «чем-то занята», у нее снова появляется время, и она больше не нуждается в его жадном заполнении и опять беззаботно наслаждается сладостями. «Время», равно как и процесс еды, снова становится безопасным. Давайте, однако, вспомним, что наслаждение — тоже модус темпорализации, неаутентично мгновенный способ, который темпорализуется и не из будущего, и не из прошлого. Уже по этой причине он является неподходящим средством (еще в большей степени таковым он оказывается, если принимает форму мании) заполнения экзистенциального вакуума, перевода экзистенции из состояния зависимости к ее аутентичному «я». Наслаждение оборачивается манией и алчностью именно в силу того, что оно, как исключительно кратковременный стимулирующий фактор и транквилизатор, помещает экзистенцию снова и снова в экзистенциальный вакуум и, таким образом, постоянно вынуждает ее покоряться миру (миру пищи или яда). Возможность аутентичной темпорализации, или созревания, замещается зависимостью от объективного мирового времени. В таких случаях экзистенция вынуждена полагаться на моменты времени возникновения голода и появления возможностей для его удовлетворения (пища, алкоголь, наркотики, сексуальное удовлетворение) и попадать в зависимость от них. Таким образом, порочный круг замыкается, ловушка захлопывается, «тюрьма» запирается на все замки.

Заметим в заключение, что отрезок времени, который остался у Эллен Вест с момента принятия решения о самоубийстве и принятием яда, снова «заполнился до краев» но, конечно же, не поспешным пожиранием еды и бездумным поглощением, а интеллектуальным чтением, прогулками и беззаботным принятием пищи. Несмотря на то, что она переживает границу жизни решительно как подлинную пограничную ситуацию, и хотя в той же степени она становится аутентичным «я», даже теперь она не способна вырасти за пределы самой себя.

РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА

В случае Эллен Вест мы можем говорить об аутентичном существовании, о темпорализации в смысле аутентичного сингулярного модуса, только когда она сталкивается со смертью. Безусловно, мы ранее отмечали определенные «экзистенциальные тенденции», но они были блокированы неаутентичным сингулярным модусом, (множествен-

ной) умышленной отнесенностью к себе. Когда этот модус управляет экзистенцией, она не только не может постепенно расширяться в смысле аутентичного существования или самоактуализироваться, она даже не может пребывать в *одном* мире! Порабощенность миром, которая проявляется в этом модусе, не только влечет за собой совершенно несхожие, диссоциированные формы бытия-собой, но также служит причиной того, что мир расщепляется на несколько отдельных, несвязанных миров. Если мы хотим определить такой модус существования одним словом, нет более подходящего слова, чем отчаяние, даже с нейтральной экзистенциально-аналитической точки зрения. Это отчаяние имеет много субформ, которые можно точно описать в соответствии с характером их темпорализации, пространственности и их материального воплощения. В нашем случае темпорализация демонстрирует признаки сокращения, укорачивания или сжатия экзистенции, т. е. сведение его богатой и гибко связанной онтологической структуры к менее связанному уровню; единство этой структуры распадается на различные экс-стазы, разрушается онтологическая связь между этими экс-стазами, экс-стаз «будущее» все больше и больше сдает свои позиции, экс-стаз «прошлое» становится преобладающим, и вместе с этим настоящее становится абсолютным «сейчас» или в лучшем случае просто промежутком времени. В отношении пространственности эта модификация темпорализации в результате приводит к сужению и опустошению мира, в отношении его материальной плотности — к превращению в болото или землю, с точки зрения освещенности или цветовой насыщенности все обращается в серый мрак и черную темноту, относительно подвижности — замораживается и каменеет. И все это — в соответствии с неразрывным единством мира и «я» — только выражение модифицированного бытия-собой, экзистенциальной ограниченности и пустоты, экзистенциального омрачения, отвердения и превращения в болото.

То, что данная экзистенция может еще раз пробиться сквозь свое затвердение, что она способна еще раз разрушить тюрьму бытности, чтобы заменить ее миром аутентичного настоящего, и тем самым опять стать аутентично и всецело самой собой, — свидетельствует о силе свободы, которая до некоторой степени проявляет себя даже в скрытой форме шизофрении. Но давайте проясним еще раз, при каких условиях в нашем случае эта сила снова способна раскрыться. Это не повседневная или просто сложная ситуация, а также ни одна из жизненно-значимых ситуаций, которая используется экзистенцией, чтобы обрести себя, а совершенно уникальная ситуация, в которой экзистенция как таковая посылает себя в Ничто. Поэтому, чтобы опять раскра-

сильно мир во все цвета, чтобы еще раз заставить «я» существовать по-настоящему, было необходимо не выбранное наугад решение, а самое предельное из всех возможных. То, что в данном, не самом запущенном случае, дает самоубийство, а именно, условия для возможности прорыва сквозь затвердевание, предполагает в более сложных случаях, и у менее развитых людей убийство, любого рода насильственное действие. Это условие можно обеспечить и путем акта поджога или сожжения своей руки в огне печи, чтобы принести жертву и произвести тем самым впечатление на любимого человека (как мне удалось установить в одном случае)¹³⁵. Часто прорыв вызывают определенные внешние ситуации и события, такие, как физическая болезнь, внезапная смерть родственника, акт агрессии, испуг и т.д. То, что мы, психиатры, оцениваем и помечаем с позиции внешнего наблюдателя как эксцентричный, выходящий за рамки нормы, нездоровый «поступок шизофреника», экзистенциально-аналитически понимается как последняя, часто, попытка экзистенции прийти к самой себе! Однако, как мы видели, это является проблемой темпорализации. Когда даже такая попытка больше невозможна, когда, в конце концов, «ничто не происходит» («все остается так, как было»), тогда сами пациенты зачастую говорят об «остановке времени» в смысле неизменно вечного времени, в котором любое решение становится невозможным и исчезает всякая возможность взаимопонимания. Сходным образом «гениальные» пациенты понимают трагедию отчаянной борьбы за «приближение к самому себе», «безумно-необузданного поиска сознания». Так писал смертельно больной Гельдерлин в своих заметках к «Царю Эдипу». Но Гельдерлин знал также, что приближение к самому себе требует особых условий существования, особого везения или, если такой возможности больше нет, то, по крайней мере, *страха*. «О, небесная дочь эфира, явись предо мной из садов твоего отца, и, если ты не можешь обещать мне счастья при жизни, тогда устраши, о устраши мое сердце чем-нибудь еще». Эти финальные стансы поэмы становятся более понятными в нашем контексте, если связать их со второй строфой: «Где ты? Я мало жил, но мое вечернее дыхание уж остывает. Я спокоен, подобно сумеркам, и, лишенное ликования, мое содрогающееся сердце дремлет в груди»¹³⁶.

¹³⁵ Здесь Бинсвангер ссылается на случай Ильзы, приведенный в данном издании.

¹³⁶ «Entreaty (to Hore)». Нет необходимости подчеркивать, насколько остывание, спокойствие, сумерки, содрогание напоминают мир нашей пациентки.

Вечность

Когда мы говорим о вечности, мы уже не говорим о бытии-в-мире, но о бытии-за-пределами-мира, о дуальном модусе бытия человеком, или о Мы, о Я и Ты в Любви. Здесь мы не говорим об экзистенции (бытии собой), о времени и пространстве, а о бытии Мы. Мы говорим о «вечности и доме»¹³⁷. Здесь существование больше не означает «позволить-себе-быть-встреченным», уже не подразумевает, таким образом, решающего разрешения ситуации, а означает встречу Я и Ты в вечном мгновении любви. Это не случай бытия-способного-быть, а бытие-которому-позволяют-быть, не случай самообладания собственным основанием, а благодати бытия Мы, рожденной из этого основания.

Несмотря на то, или именно потому, что это — аутентичный модус бытия-человеком, дуальный модус является наиболее скрытым, несомненно, тем, который больше всего подавляется. Как человечеству потребовалось много времени, прежде чем дуальный модус заявил о себе в религии любви, в христианстве, и подобно тому, как этот прорыв в дальнейшем изменил духовный облик человечества, так и этот прорыв тоже, подобным образом столкнулся с величайшими препятствиями в индивидуальном существовании. Когда это имеет место, данный прорыв трансформирует индивидуальное существование, поскольку теперь существование больше не является ограниченным бытием-в-мире, бросаемым с утеса на утес (Гельдерлин), но, не взирая на это, укрепляется в бесконечной полноте родины и вечности.

Если мы спросим себя, произошел ли прорыв, и насколько далеко прорвался этот дуальный модус в экзистенциальную конфигурацию под именем Эллен Вест, или он лишь слабо пульсирует, и почему, то мы столкнемся с самым тонким моментом нашего исследования. Поскольку именно там, где имеешь дело с любовью, если интересуешься причинами, основание не достигается. Здесь больше чем где-либо, мы должны довольствоваться только тем, что будем кружить вокруг тайны, которую «по сути» представляет каждая экзистенциальная конфигурация.

Если существование, как в случае Эллен Вест, управляется в такой значительной степени экзистенциальными формами смерти, ужаса и вины, это означает, что оно утверждено особенно в высокой степени как одинокое. Когда существование утверждено исключительно как одинокое, и особенно когда оно существует как в высшей мере отчаявшееся одинокое существование и может избавиться от этого

¹³⁷ См. стр. 99–101.

отчаяния, только пожертвовав жизнью, то любовь, которая требует дуального существования (т. е. в экзистенциальных возможностях вечности, безопасной домашности, невинности и подлинной культуры), очевидно, не достигла прорыва. Кроме прочего, это демонстрируется тем фактом, что Эллен Вест не может ждать даже смерти, но более всего она пребывает в постоянном страхе «потерять время», даже в отношении к решению умереть, в то время как любовь — это, по сути, *страсть бесконечная* и «с течением лет не меркнет», как впечатляюще выразился Шекспир. Становится очевидным, что Эллен Вест не достигла подлинной реализации, поскольку ей было не дано полностью посвятить себя со всей любовной изобретательностью какой-либо из великих «духовных целей» (религии, искусству или науке, политике или образованию).

И все же даже в этой экзистенциальной конфигурации виден некоторый отблеск дуального модуса, так как в действительности редко встречается человеческое бытие, в котором невозможно обнаружить следов любви. В обсуждении страдания Эллен Вест по поводу «социальной несправедливости», мы заметили, что ее ростки присутствовали, хотя и скрытые в тени и подавленные ее амбициями. Эта экзистенция не страдала бы столь мучительно от своей пустоты и духовного обнищания, переживая их не только как бремя, но и как ад, если б она не имела скрытого понимания возможностей бытия-за-пределами-мира. Мы говорим также, что намек на такую возможность виден вопреки различным формам, которые принимает в ее глазах смерть. Смерть для Эллен Вест не только Ничто. Ничем она является для ее интеллекта и ее практического действия, т. е. самоубийства. Рассматриваемая с точки зрения мира-могилы, смерть — конец экзистенциального процесса разложения, а с точки зрения эфирного мира она — эротически-легендарная фигура (мрачный морской владыка), эротически-религиозная фигура (Бог-отец), эротически-эстетический персонаж (великолепная женщина с белыми астрами в темных волосах), эротически-поэтический персонаж (большой друг). Везде здесь мы видим любовь, хотя и не в истинной ее форме, а в эфирномистической или эфирно-страстной, «форме-разрушении»¹³⁸, по крайней мере, ее проблеск. Кроме того, этот случай показал нам более или менее полно реализованные Ты-формы: няня, отец и мать, младший брат, студент и муж, эфирные девушки-подруги. Свидетельство «готовности Эллен Вест для Ты» мы находим также в сохранявшейся на протяжении жизни привязанности и признательности многих из тех,

¹³⁸ См.: *Basic Forms and Cognition of Human Existence*.

кто был вверен ее заботе, и больше всего — в глубокой любви со стороны мужа, которую, как мы можем теперь добавить, он хранил всю свою жизнь. Даже человек, знакомящийся с историей Эллен Вест, должен увидеть ее не только как объект интереса, но и как Ты. Воистину, чем сильнее она ощущает свою близость к смерти, тем больше прорывается ее истинное знание о настоящей любви.

Но жизнь Эллен Вест перед лицом смерти может также быть понята с точки зрения вечности. Если только перед лицом смерти она смогла полностью отбросить неповиновение и своеволие, честолюбие и иллюзии, фактически, «страх земного» вообще, если при приближении смерти и еще более перед лицом смерти она могла прийти к себе и даже освободиться от самой себя и от мира, то опять-таки мы постигаем позитивный смысл Ничто. Только перед лицом небытия Эллен Вест действительно утверждает себя в бытии, торжествует в спокойной невозмутимости над конечностью бытия, включая ее собственное. Но это возможно, только если экзистенция сама познает или ощущает себя как *конфигурацию*, гештальт этого бытия, как мимолетное выражение непреходящей метаморфозы этого гештальта. Это познание или ощущение — есть познание или ощущение любви.

Тот факт, что это понимание прорывается только перед лицом смерти и не может совершить свою работу в течение жизни, показывает, сколь огромным было то давление, под которым с самого начала находилось эта экзистенция. То, что, несмотря на это, она оказалась способной к прорыву, показывает силу дуального модуса в человеческом бытии.

III. ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И ПСИХОАНАЛИЗ

Психоанализ в качестве своей эмпирической базы тоже берет историю жизни, но особую форму «истории», сведенную к естественной истории. Эта отличительная характеристика психоанализа распространяется на все три фазы исторического исследования: эвристику, критику и интерпретацию. Даже в отношении эвристики получение исторического эмпирического материала происходит по особым принципам. Психоанализ не только имеет дело с крайне тщательным и детальным сбором материала, но и дает нам новый эвристический метод. Как известно, в этом методе главный акцент ставится на эфирном мире, как мы можем сказать со ссылкой на наш случай, а именно, на мире фантазии и снов. В этом он представляет прямую противо-

положность экзистенциальному анализу, который прорабатывает все возможные миропроектывы человеческой экзистенции, доверяя факту, установленному Гегелем: индивидуальность есть то, что есть ее мир, как мир, ей принадлежащий¹³⁹. Причина такого предпочтения эфирного мира в том, что желание («принцип удовольствия») — базисный вектор смысла, в который Фрейд встраивает человека. Опять-таки это теснейшим образом связано с фрейдовской антропологией, т. е. с его идеей человека. В то время как экзистенциальный анализ подходит к человеческому существованию, не имея других предпосылок, кроме того несомненного факта, что человек пребывает в мире, владеет миром и в то же время стремится выйти за пределы мира, Фрейд подходит к человеку с (сенсуалистско-гедонистической) идеей натурального человека, *homo natura*. В соответствии с этой идеей, которая возможна только на основе полного развенчания бытия-человека как такового и естественнонаучной биологической реконструкции этого бытия, психоанализ излагает свою чистую критику и интерпретацию исторического эмпирического материала. История превращается в натуральную историю, сущностные возможности человеческой экзистенции превращаются в генетические процессы развития. Человек, реконструированный таким образом, по сути — управляемое или сдерживающее влечения существо, его натура подчинена инстинктам. Если первейший интерес здесь вызывает либидинозная инстинктивность, то это потому, что сексуальность всегда рассматривалась Фрейдом как истинная историко-формирующая сила внутри личной жизне-истории, что прямо противоречит экзистенциальному анализу. Поскольку желание рассматривается как психическая репрезентация инстинктуальности, то в этой картине человека эфирный мир, или мир желаний, достигает необыкновенной значимости, и эта картина, как мы знаем, редуцируется до того уровня, где она теряется в теоретической схеме «аппарата» психических механизмов. В разработке моделей функционирования этого аппарата, его филогенетической и онтогенетической естественной истории с доминированием сексуальности и восприимчивостью к биографическим факторам *Umwelt*, и особенно *Mitwelt*, я вижу (как и сам Фрейд) реальное достижение психоанализа, его истинную гениальность, которая, однако, как большая часть достижений гения, научно плодотворна лишь постольку, поскольку его односторонность признается и ценится.

Поскольку экзистенциальный анализ предпринимает проработку человеческого бытия во всех его экзистенциальных формах и мирах —

¹³⁹ См. сноску 69.

в его бытии-способном-быть (экзистенция), возможном бытии (любовь) и неизбежном бытии (заброшенность), в то время как психоанализ делает это только в отношении последнего из них, то ясно, что экзистенциальный анализ способен расширить и углубить основные понятия и толкования психоанализа. С другой стороны, психоанализ может только сужать и уплощать экзистенциально-аналитические формы, то есть редуцировать их до одномерности его (односторонне натуралистически-эволюционной) точки зрения. Кроме всего прочего, к этому можно добавить, что экзистенциальный анализ стоит на феноменологической основе и работает феноменологическими методами. Поэтому бытие человека не рассматривается объективно, т. е. как вещь-в-бытии («наличное»), подобно другим объектам в мире, и менее всего как естественный объект, а, скорее, исследуется феномен его бытия-в-мире, который только и позволяет понять, что означает миропроект в смысле естественного мира в целом.

Вслед за этими предварительными замечаниями, за подробностями в отношении которых я отсылаю к моей статье «О феноменологии»¹⁴⁰ и работе «Основные формы», давайте теперь вернемся к проблеме того, как в нашем конкретном случае связаны экзистенциальный анализ и психоанализ. Темы, требующие здесь рассмотрения — «уравнения», заданные вторым аналитиком.

1. Худой = духовный (geistig); толстый = буржуазный.
2. Еда = становится оплодотворенной и беременной.

Последнее уравнение особенно занимает нас в плане психоаналитической попытки интерпретации третьего сна.

Что касается пары психоаналитических уравнений, худой = высокодуховный (утонченный, светловолосый, арийский) тип, толстый = буржуазный еврейский тип, их не следует понимать так, будто две стороны уравнения непосредственно связаны друг с другом, а лишь с точки зрения их принадлежности одному общему миру. В данном случае подразумевается принадлежность эфирному миру в первом и миру-могиле во втором уравнении. Поэтому мы не должны говорить, что стройный «означает» более возвышенный тип, а толстый — еврейский тип. Экзистенциальный анализ показывает, что между частями каждого из уравнений нет прямой односторонней или символической связи, обе стороны, обладая одинаковой значимостью по отношению к миру, имеют общее значение, значение воздушно-эфирного в первом уравнении и значение интенсивно подавляющего — во втором. Что касается второго значения, то мы действительно показали, что ма-

¹⁴⁰ *Z. Neurol.*, vol. 82, 1922.

ленький повседневный мирок, привычный *Mitwelt* также принял значение могилы, угнетающего бытия, обнесенного стеной. Эллиен бунтует против обеих преград, против обеих она бьется физически или психически «кулаками». Только если изначально предполагается примат чувственного опыта или «чувств» в бытии человеком, здесь может иметь место «символическая» связь между отдельными сторонами уравнения. Но экзистенциальный анализ ничего не знает о таком примате, гипотетически допускаемым в интересах исключительно философской или психологической теории; для экзистенциального анализа ощущения в целом не являются ни первыми, ни последними. Для экзистенциального анализа отвержение *Mitwelt* и отвержение полноты стоят на одной плоскости, «рука об руку». Поскольку Эллиен Вест может устраниваться от давления *Mitwelt*, и действительно делает это все в большей и большей степени, ее способность избежать давления, связанного с полнотой, теряется все больше и больше, так как этой борьбе препятствует ее обжорство.

То, что истинно в этих двух уравнениях, также истинно и в уравнении, не упомянутом аналитиком. Худая = эфирные подруги = молодая и привлекательная (что следует дополнить следующим: толстая = толстая матрона = старая, уродливая). В этих двух уравнениях мы также имеем дело с двумя мирами — эфирным миром возвышенной жизни в первом и тяжелым, «массивным» миром деградирующей жизни — во втором. Здесь мы также не можем сказать, что желание стройности «означает» стремление к юности и красоте (идентификацию с ними), и что страх стать толстой «означает» ужас перед старением и уродством; скорее, оба желания и страха соответствуют друг другу, поскольку принадлежат одному и тому же миру-желанию или одному и тому же миру-ужасу. Здесь тоже решающее значение имеет преобладающий мир, а не конкретное преобладающее желание и определенный преобладающий страх! Это одно из самых важных открытий экзистенциального анализа и одно из самых основных отличий между ним и психоанализом.

Все это становится еще очевиднее, если мы обратимся к уравнению (несравнимо более трудному для решения) «Еда = становится оплодотворенной, беременной», к которому приводит третий сон. Действительно, мы узнаем от второго аналитика, что Эллиен Вест «признала» это равенство. Но когда аналитик связывает это уравнение, и особенно поедание шоколада, с анальным эротизмом, сама Эллиен Вест объявляет, что она не способна здесь увидеть ни малейшего признака анального эротизма. Таким образом, очевидно, что ее «признание» остается совершенно искусственным.

Что касается анального эротизма, конечно, мы находим у Эллен Вест некоторые совершенно определенные черты «анального характера»: ее чрезвычайно вызывающее поведение и своеволие, особая щепетильность в структурировании личного времени. Помимо этого, однако, мы не обнаруживаем признаков бросающейся в глаза пунктуальности, и, тем паче, симптомов скупости. Более того, соответствующий психоаналитический материал очень скуден, детская фаза также слишком туманна, чтобы сделать на ее основе какие-либо важные психоаналитические выводы. Если уравнение шоколад = фекалии в этой жизне-истории нельзя продемонстрировать и задокументировать, еще в меньшей степени это возможно сделать для уравнений, которые, согласно психоаналитическому опыту, выводятся из этого: фекалии = деньги и фекалии = ребенок. Если, несмотря на все эти размышления, мы все же занимаемся психоаналитической интерпретацией нашего случая, мы это делаем, поскольку с его помощью можем показать основное отличие психоанализа от экзистенциального анализа. Особенно подходит для этого тема анального эротизма.

Главная черта анального эротизма — упорное держание-при-себе или «не-отдавание». Это очень важное открытие психоанализа, с которым экзистенциальный анализ полностью согласен в том, что такая базисная черта не связана с разграничением ум — тело, но превосходит его. Но на этом согласии заканчивается. И здесь экзистенциальный анализ, прежде всего, интересуется, какой миропроjekt является для анальности базисным. В случае Эллен Вест ответ дать особенно легко: в этом миропроекте множественность и многоформность мира редуцирована до формы дыры (норы). Форма бытия в таком мире есть форма замурованного или подавленного бытия; «я», проектирующее такой мир, — «пустое я», озабоченное только заполнением пустоты. Поэтому явная анальность согласуется с явной оральностью, с жадностью к «инкорпорированию». Но поскольку это выражение (как совершенно верно замечено в психоанализе) не ограничено телесной сферой, мы предпочитаем говорить о «присваивании», но в смысле простого наполнения¹⁴¹. «Категория», которая управляет в равной степени этим миропроектом, бытием-в-нем и проектирующим его «я», — категория

¹⁴¹ В случае Эллен Вест жадность к наполнению проявляет себя не только в форме ненасытности в еде и в голоде, но и в жадном влечении к жизни и власти, то есть в ее всепроникающем голоде жизни и жажде власти («амбиции»). Она жадно хваталась за все в своей жизни, и, используя наиболее подходящее выражение гуманитария, участвующего в нашем обсуждении, она «крепко цеплялась за жизнь».

пустоты и полноты, бытия-пустым и бытия-полным, голодающего и насыщающегося «я». Основная черта такой экзистенции-формы — жадность, готовность наброситься (на пищу). Как мы видели, это экзистенциальное движение имеет темпоральный характер внезапности и пространственный характер близости. Мир, в котором «движется» такая экзистенция, темпорально ориентирован на абсолютное *сейчас* возможности наполнения и абсолютное *здесь* объедания; такой мир неосвящен и бесцветен (мрачен), однообразен и однотипен, одним словом, он унылый. Такому пустому миру соответствует — и это необходимое условие — экзистенциально пустое «я», экзистенциальная пустота и соответствующее экзистенциальное давление. Обе эти характеристики мы находим в начале нашего повествования об Эллен Вест и снова встречаем их в конце, в выражении «Остается огромная незаполненная дыра». Где мир не более чем дыра, «я» (и телесно, и психически) тоже только дыра; в конце концов, мир и «я» — взаимные детерминанты (согласно принципу, что индивидуальность есть то, что есть ее мир, как мир, ей принадлежащий).

Таким образом, миропроект, который находится в основании анальности (и оральности) — это мир как дыра, гроб или могила. (Псевдо-) экзистенциальный¹⁴² модус, занимающий доминирующее положение в мире-дыре, — жадность, как оборотная сторона бытия-незаполненным и бытия-ненасыщенным, в общем — экзистенциальной пустоты. Но жадность не ведет к подлинному присвоению или наполненности, а лишь к пресыщению и ожирению. А это означает: то, что «всего мгновение назад» было притягивающим, манящим, искушающим, «сейчас» обретает характер «неинтересного», отталкивающего, отвратительного, тошнотворного; восходящая жизнь становится нисходящей жизнью, растущее, цветущее, развивающееся превращаются в увядающее, рассыпающееся в прах, разлагающееся. Чем быстрее и стремительнее жизнь восходит «в эфир», тем быстрее и ниже она падает и превращается в могилу, которая давит на существование, как свинцовый груз, и тянет его вниз, к смерти, поскольку жадность, стремясь насытиться, не может заполнить экзистенциальную пустоту, но только на мгновение притупляет ее; это может означать лишь небольшую отсрочку на этом пути, кратковременное бегство от смерти. Притягательная сила смерти, упоминание о которой вызывает блеск в глазах Эллен Вест, основана также на том, что она, и только она — независимо от своего страшного конца, — является страстно желанной,

¹⁴² Это выражение означает форму существования, которая не обладает реальностью.

единственной возможностью бегства от самой жадности. Последний радостный день жизни перед ночью смерти служит фактическим подтверждением этого экзистенциально-аналитического примера.

Вся жизне-история Эллен Вест есть не что иное, как история превращения ее жизни в прах и смерть. Это, говоря словами Поля Клоделя, самый впечатляющий пример «зловещей алхимии смерти». То, что психоанализ называет анальностью, есть лишь отдельный фрагмент истории этой алхимии. Выражаясь иначе, анальность принадлежит сфере отупляющего, разлагающегося, гниющего мира-болота и его «конечного итога» — холодной могилы. Этот миропроjekt проявляет себя с начала жизне-истории нашей пациентки, даже притом, что снова и снова опровергается и прорывается практическим действием, и особенно эфирным миром. Это противостояние проявляет себя в склонности Эллен к аскетизму: начиная с волевого отказа от сладкого и заканчивая бегством от хлеба, лежащего на чайной полке, от произвольного отказа от общительности до произвольно-непроизвольного отречения от жизни.

Если теперь экзистенциальный анализ без колебаний признает концепции анальности и оральности (так же, как в целом он признает сомато-морфологию — в действительности соматографию — переживания, предложенную Фрейдом, как одну из самых ценных предпосылок нашего собственного подхода), тем не менее, он должен открыто возразить против попытки объяснения, с которой психоанализ подходит не только к анальности, но и ко всей структуре переживаний. Как феноменология, он может не только не признать общий принцип Фрейда: «Воспринимаемые феномены должны уступить место только предполагаемым стремлениям»¹⁴³, но также выступает против частной попытки объяснения как такового. Продолжая обсуждение экзистенциальной формы анальности: феноменология не может обратиться к анально-эротическому компоненту влечения как к причине или генетическому условию для объяснения и объединения мира болота и дыры. Это невозможно не только потому, что феноменология не является объясняющей наукой — она оставляет объяснение объективирующим наукам, — но и потому, что она должна отвергнуть данный способ объяснения как таковой. Экзистенциальный анализ не признает, что ощущения удовольствия во время дефекации, т. е. фиксация

¹⁴³ Это цитата из «Общего введения в психоанализ» Фрейда, впервые опубликованного Международным психоаналитическим обществом. [Издание на рус. яз.: Фрейд З. *Введение в психоанализ. Лекции*. М., Наука, 1991. — Прим. ред.]

анальной зоны в качестве эрогенной, может заложить основу мира-дыры, могилы или болота, так же как вообще никакой мир не может быть сконструирован из ощущений и влечений. Такой взгляд всецело принадлежит прошлому веку, веку позитивизма. Экзистенциальный анализ скорее стоит на том, что, наоборот, только когда на определенной стадии детства или при определенных формах «духовного разложения» появляется проект мира как мира-дыры, тогда бытие-дырой, бытие-наполненным и бытие-опустошенным, или удерживание, переживаются как «приносящее удовольствие». Этот «коперниканский переворот» является базисным для всего экзистенциального анализа. Следовательно, анальность в психоаналитическом смысле есть лишь сегмент единого мира-дыры, сегмент, который ограничен телесной сферой в *Eigenwelt*. Поэтому следует отдавать предпочтение выражениям мир-дыра и мир-болото.

Тот факт, что «переживание» является до такой степени «соматоморфным»¹⁴⁴ показывает только, насколько значимую роль материальность в целом играет в построении нашего мира и, соответственно, в вербальных выражениях, описывающих переживание. Однако было бы совершенно некорректно игнорировать другие сферы мира. Особенно полезно обратить внимание на наш язык, поскольку он служит «подтверждению» нашей картины мира. Действительно, в рассматриваемом нами случае мы видели, до какой степени вербальные описания переживания являются космоморфически обусловленными, т. е. выводимыми из космоса (Универсума) в целом, а также из его различных «сфер». Когда говорят, что регрессирующему шизофренику чрезвычайно трудно подбирать слова, чтобы выразить собственное переживание, потому что его переживание совершенно «нестандартно», то придерживаются поверхностного, малосодержательного объяснения. Истина, скорее, в том, что шизофренику так трудно находить слова для описания собственного переживания, потому что его мир настолько необычен, так изменен, или даже расщеплен, что он больше не находит «исходных точек», к которым мог бы «прикрепить», привязать свой язык.

Теперь мы готовы рассмотреть в экзистенциально-аналитической манере психоаналитическое уравнение: еда = быть оплодотворенной = забеременеть. В этом случае более, чем в любом другом, мы должны избегать понимания уравнения в смысле символического равенства, символической связи значений. Если (второй) аналитик придержи-

¹⁴⁴ Английский термин «антропоморфный» может послужить аналогией к словам «соматоморфный» и «космоморфный».

вался мнения, что обжорство является лишь символическим выражением жадности любви, что страх стать толстой «означает» страх быть оплодотворенной и беременной, то он пришел к этому мнению в силу предвзятого диагностического представления, что случай Эллиен Вест является случаем «обсессивно-компульсивного невроза», при котором одно действие, несомненно, заменяет или «замещает» другое («подавленное») действие-намерение. Но помимо того, что даже в случае обсессивно-компульсивного невроза дела обстоят не так просто, как это предполагается теорией механизма «замещения», это еще менее справедливо по отношению к случаю Эллиен Вест. Все же, побуждение заполнить экзистенциальную пустоту — бытие-дырой — и его телесный компонент, обжорство, здесь, без сомнения, не подавляются, ибо, если мы говорим о противостоянии эфирного мира миру-дыре, это не означает, что Эллиен Вест вытесняет свою жадность, но напротив, осуждает ее и борется с ней¹⁴⁵. В действительности, согласно объяснениям самого Фрейда, это нечто совершенно отличающееся от вытеснения. Итак, в случае Эллиен Вест дело не в том, что один мир управляет «сознанием», в то время как другой «вытеснен в бессознательное», а в том, что мир распался на два равно «осознаваемых» мира.

Конечно, мы ни в коем случае не отрицаем, что желание оплодотворения и беременности для Эллиен Вест может соответствовать также и ее склонности к заполнению (но не наоборот, ее стремление к заполнению не может быть вызвано желанием оплодотворения!). Если бы нам были известны ее детские сексуальные представления, мы могли бы добиться большей определенности. Мы также не отрицаем, что страх беременности может породить страх полноты и слиться с ним, но опять-таки мы отрицаем, что страх потолстеть символически выражает или означает страх беременности. Только при условии рассмотрения бытия-человеком в свете примата сексуальной теории, можно прийти к подобной интерпретации. Экзистенциальный анализ не обращает бытие-человеком в теорию, а рассматривает его без «теоретической» предвзятости. Однако то, что жадное поглощение (голод) может смешиваться с жадностью к любви, а страх стать толстой — с боязнью беременности, опять-таки является следствием того факта, что оба желания — особые формы одного и того же желания и оба страха — особые формы одного и того же страха, ужаса перед

¹⁴⁵ Действительно, слабительные средства служили только одной цели — устранить последствия жадности. Это совершенно иное, более «агрессивное» и, тем не менее, «гораздо менее подходящее» средство, чем подавление, поскольку в конечном счете цель оказывается не достигнутой.

этим одним миром, поскольку это один мир могилы, которого эта экзистенция страстно желает любимыми путями и которого она страшится во всех его возможных формах. Это страх превращения мира восходящей жизни (юности и свежести) в мир нисходящей жизни (старение, деформация, упадок), коротко говоря — страх перед злой алхимией смерти. На это указывает также образ моцартовского Дон Жуана. Не случайно происходит так, что этот оперный персонаж становится не символом жизни, но смерти; жадность в любви также враждебна жизни. И это нигде не выражено столь драматично, как в бальзаковской «Шагреновой коже»¹⁴⁶: шагреновая кожа — символ продолжительности жизни — сжимается в той же степени, в какой «получает воплощение» жадность к жизни и любви.

Связь экзистенциального анализа и психоанализа теперь можно осветить полнее через изучение третьего сна. Поскольку по психотерапевтическим причинам мы не могли провести анализ снов нашей пациентки и, таким образом, не получили подходящих «свободных ассоциаций», мы ограничены очевидным содержанием сна, психоаналитическим опытом изучения сновидений в целом и знанием, обнаруженным вплоть до этого места нашим экзистенциальным анализом. Содержание третьего сна следующее:

1. Во время заокеанского путешествия она прыгнула в воду через иллюминатор.
2. Первый возлюбленный (студент) и ее нынешний муж пытались реанимировать ее.
3. Она съела много шоколадных конфет с начинкой и упаковала свои чемоданы.

Что в первую очередь поражает нас в этом сне — то, что в нем задействован «элемент» воды (как и то, что во втором сне был задействован элемент огня). В истории пациентки мы обнаруживаем воду и огонь совсем не часто, а именно, в стихотворении «Зацелуй меня до смерти», в котором солнце, подобно огненному шару, погружается в океан, и она призывает мрачного холодного морского владыку сжать ее в объятиях в неистовом порыве страсти и зацеловать до смерти. Эта встреча огня и воды — выражение страстного желания любви — единичный зафиксированный случай. Как мы видели, в мире Эллен противостоят не огонь и вода, а воздух (свет) и земля (тьма). Если огонь и вода (среди прочего) являются элементами очищения и, таким образом,

¹⁴⁶ «Peau de Chagrin» — буквально «Кожа скорби» — история о волшебной шкуре, которая сжимается с каждым исполнением желания ее владельца. Кожа символизирует время упадка, противопоставляемое времени роста.

также умирания и становления, то воздух и земля — элементы становления воздухом и болотом и отвердения¹⁴⁷, возвышения и упадка, вперед-себя-бытия и уже-бытия-в¹⁴⁸, широты и ограниченности. В случае Эллен Вест экзистенция главным образом движется в этих экзистенциальных направлениях. Теперь вода (мы ограничимся этим элементом), особенно в форме океана или моря, — это элемент глубины¹⁴⁹. Это очень интересно, но у нас нет здесь возможности далее исследовать этот факт и выяснить, почему этот элемент проявляется только во сне и почему он приобретает такое значение. Удивительно, что суицидальные попытки Эллен — это не попытки утопиться, а попытки выброситься из окна (к земле), быть сбитой (на земле) или отравиться. В этом вопросе экзистенциальный анализ пребывает еще в детском возрасте. Давайте просто отметим, что глубина, и особенно глубина воды, имеет теснейшую связь с прошлым. «Действительно, можно ли вообще описать прошлое, не прибегая к образам глубины?» — спрашивает Башляр в своей книге «Вода и ее грезы»¹⁵⁰, которая столь важна для экзистенциального анализа. В заключение он делает короткий и ясный вывод: «Прошлое наших душ и есть такая глубокая вода»¹⁵¹. Если мы можем интерпретировать погружение Эллен в море как погружение в ее собственное прошлое, то это обнаруживает ясное «материнское» значение воды¹⁵² и оплодотворяющий смысл самого океана, о котором Жюль Мишле¹⁵³ говорит: «Таково море. Кажется, что это — великая мать земного шара, чье ненасытное желание, постоянное зачатие и вынашивание детей никогда не закончатся». В этом толковании объединяются прошлое и будущее, становление и умирание, рожденность и рождение. Если мы интерпретируем ее заброшенность в океан как погружение в прошлое, мы можем истолковать попытки возвращения к жизни как выражение достижения настоящего «на земле». Раз во сне она находится на земле, то позволяет себе

¹⁴⁷ Когда мы ссылаемся на землю, мы подразумеваем только «мертвую» землю!

¹⁴⁸ Выражение, использованное здесь, — *Sich-vorwegsein* — означает выход за пределы самого себя в темпоральном смысле, как у Хайдеггера — жизнь по направлению к смерти, и *Schon-in-sein* означает «быть схваченным», почти в смысле ощущения пойманности в западню, в суженном мире экзистенции.

¹⁴⁹ Юнг ссылается на наблюдения Сенеки, говоря, что многие озера считаются дырами из-за их глубины. Jung C. «Wandungen und Symbole der Libido», *Jahrb. f. Psychoanal. U. Psychol. Forsch.*, ed. Bleuler and Freud, Vol. 3. [Юнг К.-Г. *Метаморфозы и символы либидо*. М., 1997. — Прим. ред.]

¹⁵⁰ *L'Eau et Les rêves*, Paris, 1942. [Русское издание: Башляр Г. *Вода и грезы*. М., 1998. — Прим. ред.]

¹⁵¹ Для лучшего понимания см. главу 4, раздел III. Связь между глубиной и «сентиментальностью» («настроением») можно найти у Ю. Минковски (*Vers une cosmologie, La Triade Psychologique*).

¹⁵² См. Jung, loc. cit., Vol. 2, and other references, Vol. 4.

¹⁵³ Calman-Levy, «Histoire naturelle. Le Mer».

«встать на ноги». Ее отношение к окружающему настолько ясное и простое, что она даже может есть шоколадные конфеты и способна упаковать чемоданы, демонстрируя тем самым, что будущее тоже утверждается.

Таков этот сон с экзистенциально-аналитической точки зрения, отличающейся от интерпретации и анализа, основанных на индивидуальной жизне-истории. В задачу экзистенциального анализа не входит объяснение снов в стиле психоаналитической жизне-исторической интерпретации, совершенно не учитывающей того факта, который экзистенциальный анализ всегда принимает в расчет: во сне мы имеем дело не с целостной личностью, а только с определенным экзистенциальным модусом, модусом самозабвенного существования.

То, что экзистенциально-аналитическая интерпретация, однако, может очертить круг элементов сна, которые могут быть истолкованы психоаналитически, кажется обоснованным, когда мы увидим, как этот сон объяснялся бы в рамках психоанализа. Подобные психоаналитически ориентированные интерпретации, таким образом, оказываются особыми (фрейдистскими) символ-интерпретациями, опирающимися на фундаментальное экзистенциально-аналитическое понимание.

Давайте теперь обратимся к интерпретации на основе жизне-истории. Рассматриваемый сон, как последующий за ним, а также два предыдущих сна раскрывают незамаскированное желание смерти, сквозящее во всем. Будем ли мы рассматривать его с начала или с конца — он все равно начинается и заканчивается желанием смерти, поскольку, исходя из психоаналитического опыта, даже упаковка чемоданов (отъезд) символизирует желание умереть. Однако ни один психоаналитик не удовлетворится этим. Он будет утверждать следующее:

Первый сюжет: «во время заокеанского путешествия она прыгнула через иллюминатор в воду». Это один из известных символов рождения и перерождения (корабль эквивалентен телу матери), последний из них актуален настолько, насколько в «бессознательном» фантазия рождения собственного ребенка связана с фантазией (пере)рождения от собственной матери.

Второй сюжет, — «первый возлюбленный (студент) и нынешний муж пытались реанимировать ее» — включает двух мужчин, которые сыграли в жизни Эллен Вест большую роль. Один (светловолосый, тонченый) — как представитель «высшего, духовного и арийского типа», другой — как представитель практически-рассудочного мира и «естественности». Для первого Эллен Вест была любовницей, для второго — женой. Попытка реанимации, пробуждения-от-смерти —

тоже хорошо известный «символ», а именно, символ оплодотворения. Сновидящая хотела бы иметь детей от обоих мужчин.

Третий сюжет: «она съела много шоколадных конфет с начинкой и упаковала свои чемоданы». Укладка чемоданов видится здесь не только как символ смерти, но и символ беременности (чемодан эквивалентен телу). Этот эпизод относится к сфере оральности и анальности, к наполнению пустого сосуда. И мы сталкиваемся здесь с поеданием шоколадных конфет с начинкой. Действительно, часть орально-анальных фантазий о беременности и рождении включает идею о рождении детей путем поедания чего-либо (вспомним сказки). Вполне возможно, что в раннем детстве Эллен Вест могла иметь подобные сексуальные идеи. Исходя из этого инфантильного представления, но только исходя из него, действительно можно сказать, что поедание означает «становление оплодотворенной». Если так, то в третьем эпизоде сна мы обнаруживаем следы самого раннего инфантильного пласта ее жизнеистории, в то время как второй эпизод уже предполагает знание об участии мужчины в оплодотворении и, стало быть, порожден «более свежим пластом бессознательного». В дополнение к этому сладости или конфеты во сне, согласно Фрейду¹⁵⁴, «как правило, представляют ласки, сексуальные потребности». Поэтому, как это часто бывает, мы должны рассмотреть весь сон с конца.

Тогда его толкование будет следующим: она съедает шоколадные конфеты, чтобы ослабить свою сексуальную потребность и занять ребенка. Она отказывается от этого способа, поскольку теперь знает, что для этого нужен мужчина. Она мечется между студентом и своим мужем. Рождается ребенок; в то же время перерождается она сама.

Мы не думаем, что в этой интерпретации мы отошли от фрейдовского метода интерпретации сновидений. В конце концов, одно из самых важных открытий Фрейда заключается в том, что паратактически упорядоченные¹⁵⁵ сюжеты сна должны быть «переведены заново» в логическом контексте. Именно так мы поступаем с логически нивелирующим, паратактическим стилем мышления, проявляющимся при скачке идей, которая во многом похожа на язык сна. В отношении обоих языковых стилей возникает естественный вопрос: на каком основании мы используем метод обратного перевода? Или другими словами,

¹⁵⁴ «Aus der Geschichte einer infantilen Neurose». *Coll. Works*, Vol. 3. [Издание на рус. яз.: Фрейд З. Из истории одного детского невроза// Фрейд З. *Психоаналитические этюды*. Минск, 1991. — Прим. ред.]

¹⁵⁵ То есть без формальных средств связи, которые позволили бы установить логическую связь между частями. — Прим. ред.

насколько упорядоченные нами «зерна мыслей», рассеянные в предложениях или словах, беспорядочно связанных друг с другом, соответствуют реальному образу мыслей человека. Но об этом мы подробнее поговорим позже.

Мы проанализировали образ иллюминатора только в связи с мотивами оплодотворения, беременности и рождения. Но мы также должны рассмотреть заключенный в нем мотив смерти, который раскрывается также в образе упаковки чемоданов (отправление).

Здесь также важное значение имеет второй сюжет сновидения, независимо от того, читаем ли мы сон с начала или с конца. Прежде всего, нет сомнений, что мы должны серьезно рассмотреть явное содержание первого сюжета и, как в других снах, распознать желание смерти и его исполнение. Давайте здесь обратимся к тому средству изображения в сновидении, который Фрейд описал как «превращение в свою противоположность». Поскольку мы видим, что и первый и третий сюжеты сна содержат мотив смерти, было бы необычно, если бы второй сюжет говорил именно о жизни, а не тоже о смерти, только «наоборот». Если мы используем этот метод интерпретации, мы должны признать в попытках реанимации желание помощи в умирании, которое Эллиен действительно неоднократно высказывала мужу в часы бодрствования. Таким образом, сон, прочитанный с начала, можно проинтерпретировать и следующим образом: у меня есть желание умереть, и студент или мой муж должны мне помочь; если они это сделают, я снова могу беззаботно есть шоколад и паковать чемоданы.

С другой стороны, если бы мы следовали явному содержанию первых двух сюжетов, т. е. воспринимали бы их согласно их актуальному содержанию, мы должны были бы согласиться со следующей «поверхностной» интерпретацией: теперь я снова жива, и могу безопасно есть шоколадные конфеты и совершать путешествия.

Что мы можем сказать обо всем этом с точки зрения экзистенциального анализа?

Хотя интерпретация снов не входит в рамки его компетенции и в число его задач, экзистенциальный аналитик все же с интересом отметит, что психоаналитическая интерпретация раскрыла тесную взаимосвязь мотивов рождения и беременности с мотивом смерти в одном сне. Он определенно пожелает включить это взаимопереплетение мотивов в свой собственный анализ, рассматривая его как частичный феномен этого контраста восходящей и нисходящей жизни, который проходит через всю жизне-историю Эллиен. Что касается фантазий о перерождении и попытке соединить их с суицидальными тенденциями, экзистенциальный аналитик заметит, что он, конечно же, знаком

с мечтами Эллен Вест о перерождении благодаря ее высказываниям («Сотвори меня заново, Судьба, но сотвори меня другой»), и расценит интерпретацию «от бессознательного» как слишком одностороннюю и некорректную по отношению к экзистенции в целом. Психоанализ, судя с позиции экзистенциального анализа, односторонне обосновывает свою интерпретацию на инстинктивности, полностью игнорируя экзистенциальный фактор, то есть тот факт, что Эллен Вест отчаянно хотела быть собой и все же отличающейся от той, какая она есть, и что это отчаяние вело ее к смерти. Экзистенция, которая не была бы столь отчаявшейся, так или иначе примирилось бы с обжорством. В этом случае место отчаяния заняло бы героико-философское подчинение «судьбе», или религиозное подчинение «божьей воле», или отказ от какого-либо «духовного» существования и покорное согласие со скучным, животным модусом существования. Ни для той, ни для другой альтернативы Эллен Вест не была создана.

Наконец, что касается психоаналитического уравнения пища = оплодотворенность = беременность, экзистенциальный анализ снова с интересом отмечает, что здесь представлено переплетение мотивов еды и оплодотворения. Но после доказательства того, что обжорство легко сводится к миру дыры и потребности заполнить эту дыру, что это — лишь один аспект этого «пустого» модуса бытия-в-мире, экзистенциальный анализ не может согласиться с тем, что для понимания жадности к еде, необходимо признать жажду любви, прячущейся за ней. Конечно, вспоминаются черты неумеренности и «потребности в ласках», имеющие место в любовной жизни Эллен, но в этом случае не заметно признаков особенно сильных «вытеснений». Но даже если мы можем говорить о жажде любви, экзистенциальный анализ опять-таки должен утверждать, что, хотя два желания могут связываться или смешиваться на основе их общей соотнесенности с подземным миром, или миром-могилой, нельзя говорить, что одно — это только символическое замещение другого. Другими словами, нельзя сказать, что жадность к пище «означает» жадность к любви! И также нельзя согласиться с тем, что страх потолстеть означает страх беременности. Также и по отношению к целостному существованию Эллен Вест нельзя придавать такое огромное значение инфантильному сексуальному представлению, согласно которому причиной оплодотворения является поедание чего-либо. Конечно, оба утверждения — о символическом значении и об огромной значимости инфантильного сексуального представления — возможны только там, где либидо гипотетически рассматривается как базис и движущая сила экзистенции. Несомненно, мы не отрицаем, что существуют экзистенциальные формы, в ко-

торых экзистенция настолько сужена или, в конце концов, «фиксирована» («неврозы»), что их модус существования может пониматься только исходя из «фиксации» инфантильных желаний и стремлений. Но то, что истинно для нашего понимания этих форм экзистенции, не является истинным по отношению к человеческому бытию в целом, и в частности, к случаю Эллен Вест.

Все это подводит нас к вопросу о том, какую позицию занимает экзистенциальный анализ в отношении фрейдовской концепции бессознательного. Ранее мы уже поднимали вопрос о том, является ли оправданным метод «обратного перевода» явного содержания сна в скрытое содержание сновидения. Если следовать этому методу, «за спиной» сознательной личности конструируется вторая, «бессознательная» личность, что с экзистенциально-аналитической точки зрения, безусловно, непозволительно; ибо, если индивидуальность есть то, что есть ее мир (как ее мир), и если ее мир утверждается только в языке, иначе говоря, нуждается в языке, чтобы быть миром в полной мере, то мы не можем говорить об индивидуальности там, где язык — еще не язык, то есть не коммуникация и осмысленное выражение. Поэтому изначально Фрейд говорил не об «эго» в отношении бессознательного, а об «ид» (оно), однако позже он поддержал популярную концепцию бессознательного, как второго эго, или второй личности, утверждая, что «части эго и суперэго» также должны признаваться как бессознательное.

В свете всего вышесказанного мы должны констатировать, что с точки зрения экзистенциального анализа бессознательное в строгом психоаналитическом смысле (то есть не в смысле невнимательности или забывчивости) может указывать на бытие, но ни в коем случае не на экзистенцию. Ибо последняя означает бытие, которое «здесь» и которое обладает своим «здесь», то есть которое знает о нем и связано с ним. Это «здесь» — ее открытость, ее мир. Однако бессознательное, как мы уже отметили, не имеет мира, мир ему не открыт и даже, как в явном содержании сна, не «воображается» и бессознательное не понимает себя исходя из своего мира. Бессознательное «ид» не находится в мире в смысле существования (Dasein), так как бытие-в-мире всегда означает быть в мире как Я сам, Он сам, Мы сами или аноним; и менее всего «ид» знает что-либо о «доме», что истинно известно дуальному Мы, Я и Ты. «Ид» — научный конструкт, который объективирует экзистенцию — «резервуар инстинктивной энергии».

Конечно, это не означает, что экзистенциальный анализ не интересуется желаниями, воображением или сновидениями. Фактически, проведенное исследование выражает этот интерес. Но в большей сте-

пени его заботит конкретный миропроjekt, бытие-в-нем и соответствующее ему я-бытие (being-self). Что касается сновидения, мы сами неоднократно касались этого вопроса и предлагали ответы относительно понимания сновидческого модуса бытия-в-мире¹⁵⁶.

Мы показали, как могут сотрудничать экзистенциальный анализ и психоанализ в процессе понимания экзистенциальной конфигурации, но мы снова и снова напоминаем читателю о глубокой пропасти, разделяющей эти два научных подхода. Первый является феноменологическим, обращаясь к содержанию любого словесного выражения, любого способа действия, любого отношения и пытающимся понять их, исходя из базисных модусов человеческого существования, предшествующих разделению тела, души, психики, а также сознания и бессознательного, а второй — объективирующим естественнонаучным подходом, который, согласно самому Фрейд, подчиняет явление «гипотетически постулируемым влечениям», исследует вербальное содержание не в связи с миропроjektом, который в нем представлен, а в связи с этими влечениями или «естественными» инстинктами и который, таким образом, проецирует бытие человека на концептуальный уровень бытия «природы». Таким образом экстраперсональное, анонимное «ид» (отчужденное от Я и Мы), — подразумевается, что человек покоряется превосходящей его силе, с которой он сталкивается, не имея возможности реального противодействия, — приобретает такое огромное значение. Конечно же, экзистенциальный анализ, как это уже неоднократно подчеркивалось, исходит из того, что экзистенция не устанавливает собственного основания, но обладает знанием о свободе по отношению к этому основанию, свободе в смысле собственной ответственности (от Платона до Ницше), в смысле человеческого бытия-свободным в отношении к собственному «характеру» (Ле Сенн), и знанием о даре свободной встречи Я и Ты в любви. Независимо от того, как понимается эта свобода, метафизически или религиозно, экзистенциальный анализ придерживается того мнения, что человеческое бытие — это не только неизбежное бытие, но и бытие-способное-быть и возможное бытие. В этих рамках он принимает во внимание не только эфирный мир желаний, фантазий и его «структуру» — мир-могилу желаний, но также аутентичное Я-сам и непреходящее Мы, существование и любовь, бытие-способное и бытие-возможное, и, таким образом, бытие в истине, красоте и добре. Так как Фрейд развил свое представление о человеке, исходя из невроза, полностью игнорируя его уникальное бытие, его взгляд (в любом слу-

¹⁵⁶ «Traum und Existenz»; «Uber Psychotherapie»; *Uber Ideenflucht*.

чае взгляд «натуралиста») по необходимости сфокусировался на неизбежном бытии. Но поскольку даже невротик это не только невротик, а человек вообще — не только человек побуждаемый, здесь мы имеем дело с искажением человеческого образа в рамках научной теории человека. Поэтому психоанализ может стать «человековедением» только в свете тотального изучения существования или антропологии.

IV. ПСИХОПАТОЛОГИЧЕСКИЙ КЛИНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Прежде чем мы обратимся к чисто клиническим проблемам, которые затрагивает наш случай, давайте еще раз дадим общий обзор результатов нашего экзистенциально-аналитического толкования. Поскольку в нашем исследовании мы не только хотим внести вклад в теорию шизофрении, но также показать на этом примере, сколь разнообразны и несхожи взгляды и методы, с помощью и на основе которых может и должен рассматриваться психически больной человек с научной точки зрения.

Экзистенциально-аналитическое понимание нашего случая завершается выводом о том, что следует делать с экзистенциальной конфигурацией, мир которой все в большей степени приобретает форму пустоты или дыры, а экзистенциальная форма в целом может быть описана как бытие-пустота или бытие-дыра. Действительно, часть природы экзистенции как бытия-дыры такова, что она может переживаться одновременно и как пустота, и как ограниченное и подавляемое бытие, или бытие, заключенное в тюрьму, и как страстная жажда свободы; и, наконец, оно также проявляет себя как специфический модус Я. Это равно справедливо для всех миро-сфер, которые эта экзистенция открывает для себя, — для *Umwelt*, равно как и для *Mitwelt* и *Eigenwelt*. Во всех этих миро-сферах мы одинаково обнаруживаем пустоту, ограниченность, давление и страстное желание от всего этого освободиться, и только тот, кто способен увидеть и признать их во всех сферах, может также увидеть и правильно оценить их в сфере телесного мира. Таким образом, если мы еще раз попытаемся суммировать отдельные черты и феноменологические формы этого модуса бытия-в-мире внутри различных миро-сфер, не пытаясь дать им исчерпывающее описание, мы снова предпочтем начать с мира-ландшафта: бытие-ограниченным и бытие-подавляемым представлены здесь как затемнение, темнота, ночь, холод, отлив; пределы или границы — как сырая туманная или облачная пелена; пустота — как *жуткость*, страстная жажда освобождения (от дыры) — как подъем

в воздух, Я — как беспокойная птица. В мире растительного прозябания бытие-ограниченным и бытие-подавляемым обнаруживает себя как увядание, барьеры — как духота, пустота — как сорняки, страстное желание свободы — как влечение к росту, Я — как увядшее растение. В мире вещей мы обнаруживаем бытие-ограниченным в образ норы, клетки, гроба, барьеры — в стенах, крепости, ловушках, путях, желание свободы — в сосуде изобилия, Я — в сброшенной оболочке. В животном мире бытие-ограниченным представляется как бытие-вноре, барьеры — как земля или темная ночь, Я — как червь, больше не способный стремиться к свободе, пустота — как растительное прозябание. В *Mitwelt* бытие-ограниченным рассматривается как бытие поработанным, подавленным, истощенным и преследуемым, пустота — как утрата покоя, безразличие, безрадостное подчинение, изоляция, одиночество, барьеры — как узы, повседневные расчеты или душливый воздух, сама дыра — как маленький мирок (обыденность), страстное желание свободы — как стремление к независимости, неповиновению, восстанию, бунту, Я — как мятежник, нигилист, позже — как трусливый соглашатель. В *Eigenwelt* как в мире мысли мы узнаем бытие-ограниченным в трусости, потакании слабостям, отказе от возвышенных намерений, барьеры — в обвиняющих, глумящихся духах или призраках, обступающих и нападающих со всех сторон, пустоту — как подчиненность одной-единственной идее, даже как Ничто, Я — в робком черве, замерзшем сердце, страстное желание свободы мы видим в отчаянии. Наконец, в *Eigenwelt* как в телесном мире мы нашли бытие-ограниченным или подавленным в толстом теле, барьеры или стены — в слоях жира, о которые, как о стены, стучит кулаками экзистенция, пустоту — в скуке, глупости, старости, уродстве и даже в смерти, жажду свободы — в желании-быть-стройной, Я — просто как наполняющийся и опустошающийся тюбик.

Из этого становится очевидным, что используемое в повседневной речи выражение «погруженный во мрак», на самом деле схватывает весьма существенное «космологическое» свойство целостного феномена, который нас здесь занимает, но о котором мы можем говорить, пользуясь теми же символами затемнения, заболоченности, охлаждения, облачности, опустошения или сужения, заключенности, пойманности в ловушку, охваченности, нагруженности, уязвимости, поражаемости, закованности в цепи, замураванности, удушения, душевной пустоты, заключенности в тюрьму, изолированности, поработченности, плененности. Все эти выражения и многие другие также указывают на определенные космологические черты, равно как на черты *Um-*, *Mit-* и *Eigenwelt* — целостного феномена такой экзистенциальной

трансформации, которая в литературном языке часто описывалась как становление «погруженным во мрак», но психиатрией именуется как «психоз». Характерно, что в нашем случае «пространственно» производное выражение «рас-строенный» (*verrückt*) отсутствует. К пространственно-временной сфере принадлежит выражение «остановка» (развития). Также отсутствуют чисто темпоральные слова. Из сферы вещей происходит такое выражение, как разложение, из сферы растительности — умирание, увядание, рассыпание в прах; из животного, человеческого и духовного мира — все выражения о попадании в ловушку, окружении, изоляции и в дополнение к этому о глумлении, насмешке, обвинении, слежке, отравлении и т. д. К телесной сфере относятся выражения: «становиться толстой», «становиться уродливой» и замороженность; к психической сфере — становление скучной-глупой-трусливой-уступчивой, а также умирание, содрогание, отсутствие дальнейшего развития, бытие просто сценой; напрасная борьба, муки ада, ходячий труп и т. д. «Картина-мира» как таковая искажается до гримасы.

Анализируя эти полученные в результате экзистенциального анализа данные, мы сразу понимаем, насколько радикален процесс редукции, к которому приходится прибегать естественноисторически ориентированному клиническому методу, чтобы получить возможность говорить о патологическом процессе и проецировать его на «организм», структуру и функции мозга, вместо того, чтобы рассматривать целостный феномен такой экзистенциальной трансформации. Поскольку ранее в наших исследованиях скачки идей мы описали этот психопатологический клинический процесс редукции, здесь мы выделим главное.

Подобно экзистенциальному анализу и психоанализу, психопатолого-клинический анализ также зависит от жизне-истории. Именно этой «описательной» чертой не только психиатрия, но и медицина в целом отличаются от других естественных наук. Но в то время как экзистенциальный анализ проникает в значение и содержание вербальной речи и других форм выражения и, исходя из них, интерпретирует мир и бытие-в-мире как историческое и, следовательно, понимает бытие-человеком так, как оно представляет себя в этих формах и в его собственных понятиях, психоанализ превращает темпорализацию в хронологию (последовательность жизненных событий «во времени»), экзистенцию — в объект, экзистенциальную трансформацию — в генетический процесс развития, жизне-исторические феномены — в симптомы определенных проявлений инстинктивных сил и т. д. В отличие от этого, для клинического анализа жизне-история становится

историей болезни, вербальные и другие феномены выражения становятся признаками или симптомами чего-то, что на самом деле в них не проявляется, но скрывается за ними, а именно, симптомами болезни, и место феноменологической интерпретации замещается диагнозом, точным естественнонаучным исследованием и сбором воедино болезненных симптомов и их классификацией с подведением под уже знакомые типы и категории симптомов. Однако когда мы говорим о диагнозе в психиатрии, точно так же как и в других областях медицины, мы говорим об организме (здесь мы не имеем возможности проработать эту тему до конца). Диагностическое заключение — это биологическое оценочное суждение. То, что для экзистенциального анализа является опустошением экзистенции, вплоть до чистого бытия-дырой, для клинического анализа — симптом болезненного процесса в организме, «повреждения» и «расстройства» его функций. Система психиатрической патологии построена на этом фундаментальном представлении, как система внутренней патологии. Поэтому тот, кто выводит психиатрический диагноз, не только знает об этой основной концепции, но также знаком со всей эмпирической системой, которая строится на нем и вокруг него. Точно так же, как ботаник и зоолог должен знать систематизацию растений и животных, если он хочет классифицировать растение или животное, так и психиатр должен знать типы, разряды и классы психиатрической системы, чтобы быть в состоянии сравнить конкретный случай с другими случаями, используя наблюдаемые в нем симптомы и определяя ему точное место, т. е. «классифицируя» его на основе такого сопоставления.

Прежде чем мы обратимся к этой задаче, еще несколько слов о психопатологии и ее отношении к экзистенциальному анализу. Подобно большинству отраслей традиционной психологии, психопатология также диаметрально противоположна экзистенциальному анализу, поскольку объективирует экзистенцию и делает ее чем-то безличным, называемым «психика». Поступая так, обе науки полностью упускают с самого начала смысл слова «психе» в его первичном значении. На место *переживания последовательности* (упомянем только один фактор) они ставят *последовательность переживаний* (событий, процессов, функций, механизмов) в душе, или в сознании. Это превращает «душу», или «сознание», во вторичный психический организм или даже орган, существующий параллельно или вместе с телесным организмом. Как мы видели в случае Эллен Вест, здесь мы имеем дело с громадным свехупрощением, перетолкованием и редукцией человеческого существования до категорий естественных наук. Однако психопатология все это допускает, чтобы установить ту «связь» с

биологией, которая, как было отмечено, единственно обеспечивает представление о болезни в медицинском смысле, возможность медицинского диагноза и каузальной терапии. Таким образом, в психиатрии мы приходим к дублированию организма и в результате — к бесплодному и бесполезному спору о том, действует ли один организм на другой, параллельны ли они друг другу или они «по сути» идентичны. Все это — псевдопроблемы, вырастающие из чисто научной теории. Стоит нам посмотреть на это с философской точки зрения, как эти проблемы исчезают. На их месте возникает проблема интенциональности (Гуссерль) и за ней — проблема экзистенции, или бытия-в-мире, феноменологическая проблема субъективности углубляется до онтологической проблемы существования.

После этих основных замечаний о состоянии дел в науке, исходя из которых, согласно концепции психопатологии, должно пониматься бытие и небытие, мы наконец обратимся к нашей психопатологической клинической задаче. Вместо исторического и экзистенциальной конфигурации Эллен Вест мы будем теперь иметь дело со *случаем* Эллен Вест.

Случай Нади, описанный Жане, и случай Эллен Вест

В то время как в случае с девушками и молодыми женщинами мы часто сталкиваемся с невысказанным нежеланием становиться толстыми и многочисленными ухищрениями, позволяющими оставаться худыми — будь то из-за самолюбия или после любовных разочарований, — невысказанный страх растолстеть, как в нашем случае, — явление нечастое. В литературе мне известен только один похожий случай, а именно, случай Нади, описанный Жане¹⁵⁷. Жане описал его как одержимость в форме стыда своего тела.

Надя, 27 лет, незамужняя, обратилась к Жане с диагнозом «истерическая анорексия». Женщина придерживалась более чем странной диеты: две маленьких порции бульона, один яичный желток, одна чайная ложка уксуса и одна чашка очень крепкого чая с лимоном. Попытки ее семьи изменить эту диету приводили к конфликтам. Мотивом поддержания диеты был страх потолстеть. Жане быстро понял, что это вовсе не был случай анорексии, и что Надя, напротив, обычно испытывала голод, временами настолько сильный, что с жадностью набрасывалась на все, что находила. Иногда она тайно ела булочки.

¹⁵⁷ Janet, «Obsessions et Psychasthenie».

Пациентка сама признавалась, что ей стоит больших усилий воздерживаться от еды, так что она чувствует себя героиней, когда ей это удается. Иногда в течение многих часов она думает только о еде — настолько силен был ее голод; она глотала слюну, кусала свой носовой платок и каталась по полу. Она выискивала в книгах описания банкетов, чтобы мысленно участвовать в них, пытаясь «обмануть» собственный голод. «Отказ от пищи, — заключает Жане, — не что иное, как следствие идеи, бреда». Если присмотреться внимательнее, говорит он, эта идея — страх растолстеть. По-видимому, Надя страшилась стать такой же толстой, как ее мать. Она хотела быть худой и бледной, что соответствовало бы ее собственному характеру. Ее пугала мысль, что у нее будет пухлое лицо, крепкие мышцы, здоровый внешний вид. Ей нельзя было говорить, что она выглядит лучше, подобное замечание вызывало серьезный рецидив. Она постоянно требовала, чтобы окружающие говорили ей, что она похудела. Из этого развились «навязчивые расспрашивания» о ее внешнем виде, которые очень раздражали ее близких. Итак, симптоматика этого случая очень близка с нашим случаем, основное отличие заключается в том, что в первом случае развилось «навязчивое расспрашивание», а во втором — «навязчивые мысли». К тому же в случае Нади нежелание становиться толстой имело отношение к ее матери, в то время как в случае Эллен Вест желание быть стройной относилось к ее эфирным подругам. Однако, говоря психоаналитически, оба случая отражают, вероятно, просто два различных аспекта вытеснения любви к матери и «возвращения» вытесненной любви — у Нади — путем нарциссизма, у Эллен — путем гомоэротизма.

Навязчивая идея Нади, согласно Жане, представляла собой не изолированную, необъяснимую, устойчивую идею, а, скорее, часть сложной системы мышления. Полнота беспокоила ее не из-за кокетства, так как она не стремилась быть хорошенькой; в глазах пациентки это было чем-то аморальным, тем, что она считала «отвратительным». Если бы она когда-нибудь стала толстой, то стыдилась бы показаться кому-нибудь на глаза, как дома, так и на улице. При этом полнота как таковая, по-видимому, не казалась ей «позорной», фактически (по контрасту с нашей пациенткой), ей нравились толстые люди и мысль, что она становится такой же (это указывает на амбивалентность материнского комплекса!). Только в отношении самой себя становиться толстой было «постыдно и аморально». И эта оценка распространялась не только на ожирение, но и на все, что связано с едой.

Как и у нашей пациентки, болезнь началась с настойчивого желания есть в одиночестве, как бы прячась. По ее собственным словам, она

чувствовала себя так, будто ее попросили публично помочиться; когда она съедала слишком много, то укоряла себя, как за что-то непристойное. Она ужасно стыдилась, когда ее заставляли за поеданием конфет. Однажды, когда она съела шоколад, повинуясь импульсу «жадности и любопытства», она написала Жане бесчисленное количество писем с оправданиями. Никто не только не должен был *видеть*, как она ест, но даже *слышать* ее. Звуки пережевывания пищи — которые издавала именно она — казались ей особенно мерзкими и унижительными. Она была готова глотать пищу, но люди не должны были даже думать о том, чтобы заставить ее эту пищу жевать.

Как последний симптом выходит за пределы наблюдаемой симптоматики Эллен Вест, так обстоит дело и со следующими симптомами: будучи хорошенькой и стройной, Надя была убеждена, что у нее пухлое, покрасневшее и покрытое прыщами лицо. Любой, кто не видел этих прыщей, не понимал ее; прыщи находились между кожей и мясом!

Надя начала стыдиться своей фигуры, начиная с четырех лет, так как ей говорили, что она слишком высока для своего возраста. В восемь лет она стала стыдиться своих рук, которые казались ей длинными и уродливыми. Около 11 лет она восстала против коротких юбочек, так как считала, что все смотрят на ее ноги, которые она терпеть не могла. Когда ей позволили носить длинные юбки, она стала стыдиться своих ступней, своих бедер, своих толстых рук и т. д.

Начало менструации, рост лобковых волос и развитие груди почти повергло ее в безумие. Вплоть до 20 лет она пыталась выдергивать волосы на лобке. Начиная с пубертата, ее общее состояние обострилось; в этот период появилось неприятие обычной пищи и отказ есть в компании с другими людьми. Всеми средствами — в одежде и причёске — Надя пыталась «затушевать» свой пол (так было с 7 до 18 лет), чтобы производить маскулинное впечатление. Она делала все, чтобы выглядеть как юный студент. Однако Жане считает, что в этом случае неверно говорить об инверсии, т. к. Надя стыдилась также быть мальчиком; она хотела быть совершенно бесполой, фактически бесплотной, поскольку все части ее тела вызывали одно и то же чувство (настроение); отказ от пищи — это всего лишь очень специфическое проявление этого единственного чувства.

По поводу того, какой именно идеей детерминированы все эти установки, Жане говорил, что важную роль здесь играет чувство стыда. С детства Надя не могла раздеваться в присутствии родителей, и до своего 27-летия она не позволяла ни одному врачу прослушивать ее грудную клетку. К этому добавилось смутное чувство вины, са-

моукоры в связи с обжорством, и все прочие пороки. (Что касается детской мастурбации, у нас столь же мало информации, как и в случае Эллен Вест. В обоих случаях, исходя из психоаналитического опыта, мы склонны говорить об этом утвердительно.)

Существует еще один мотив, который играет одинаково значимую роль в обоих случаях. «Я не хочу, — говорила Надя, — быть толстой или высокой или напоминать женщину, так как я всегда хотела оставаться маленькой девочкой». Почему? «Потому что я боюсь, что меня будут меньше любить». Этот мотив, возможно, также сыграл свою роль и в случае Эллен Вест, о психической жизни которой в детстве мы, к сожалению, знаем очень мало. Любой ценой Эллен Вест хотела не столько быть ребенком, сколько оставаться юной, Гебой, подобно ее эфирным подругам. Но реальной причиной того, что Надя боялась быть уродливой и смешной, был, согласно Жане, страх, что люди будут издеваться над ней, больше не будут любить ее или будут считать ее не такой, как другие. Определенно, «желание быть любимой» и страх стать недостойной этой любви, сопровождают ее чувство вины и стыда и еще сильнее усугубляют навязчивый стыд собственного тела. (Мы бы сказали: чувства вины и стыда мотивированы страхом потери любви и, вероятно, также мотивированы стыдом собственного тела.)

Это все, что касается сообщения Жане. Как «история болезни» — это отчет о болезненных симптомах и их последовательности «во времени». Здесь мы не находим антропологической интерпретации целостного феномена этой человеческой экзистенции и ее уникальности, а обнаруживаем простой «обзор конкретной личности с некой точки зрения», а именно, с точки зрения ее слабостей. И характеристики, рассматриваемые здесь как слабости, являются характеристиками, которые могут быть расценены как отклонение от нормального поведения. Наконец, предпринимается попытка психологического объяснения многообразия болезненных характеристик исходя из единственного патологического базового чувства — стыда собственного тела. Но там, где психология и психопатология говорят о чувстве — этом самом сложном и двусмысленном явлении среди всех психических феноменов, — там лишь начинается научная задача для экзистенциального анализа. Для него слово «чувство» означает только горизонт постановки проблемы.

Жане остановился, когда определил, что в этом случае все части тела вызывают у пациентки одно и то же чувство стыда, а фактически, отвращения, так что, согласно этому определению, мы имеем дело с распространяющимся, всепроникающим стыдом собственного тела. Но чем является, задаемся мы вопросом, экзистенциальный смысл

этого стыда, как его следует понимать с экзистенциальной точки зрения? Надя воспарила еще выше¹⁵⁸, чем Эллен, она не только хотела бы быть стройной, но и вовсе бестелесной, или, так сказать, ангелоподобной¹⁵⁹. Она тоже не стоит твердо обеими ногами на земле, она стремится избежать телесной стороны человеческой судьбы и не желает ни иметь пола, ни питаться, ни вообще того, чтоб ее видели или слышали. Последнее означает не что иное, как ее желание отстраниться от *Mitwelt* и вести чисто солипсическое существование. Ее телесный стыд — стыдливость не *из-за* тела, а *из-за* ее *существования* в качестве тела, или, лучше сказать, в качестве живого тела. Если говорить о телесном стыде, тело не рассматривается в его гармоничном единстве как внешне воспринимаемого тела (объекта) и осознаваемого тела, а только в качестве ненавистного, отвратительного объекта, который следует скрывать от глаз телесного мира. Но если следовать рассуждениям Вернике, мое тело не только объект, не только часть внешнего мира, мое тело также всегда «я сам». Если я хочу бежать от собственного тела, избавиться от тела или спрятать его, тогда я еще и все время желаю бежать от самого себя, избавиться от «чего-то во мне» и спрятать «что-то мое». Я, как ангел, хочу избавиться от чего-то дьявольского, существующее во мне и скрыть это от других, или избавиться и скрыться от самого себя, как дьявола. Каким бы путем ни возникало это осознание греха — вследствие ранней детской мастурбации или ее замещения, или агрессивных импульсов, направленных на мать, — не имеет в данном случае значения. В действительности, наша задача по контрасту с односторонним преувеличением генетических начал и специфического объяснения, из них вытекающего, заключается именно в том, чтобы пролить свет на сущность (*eidōs*), форму конкретного бытия-в-мире, без которой генетическое объяснение остается зависшим в воздухе. Ибо, даже если мы все страдаем от одних и тех же «комплексов», все же следует показать, как меняются картина мира и бытие-в-мире, когда это приводит к чему-то, подобному неврозу или психозу.

Вернемся к случаю Нади. Не только чувство стыда, но и чувство вины здесь проявляется более явно, чем в случае Эллен Вест. Хотя это вовсе не означает, что последнее отсутствует в случае Эллен. На это указывает привычка Эллен к аскетизму, вероятнее всего появившаяся

¹⁵⁸ См. примечание 92.

¹⁵⁹ То, что Эллен тоже, хотя и только в одном случае, отождествляет худобу с бестелесностью — одновременно и является весьма поучительным и характеризует подлинную взаимосвязь между этими двумя случаями.

в раннем детстве. Помимо прочего, ее самоукоры, вызванные поеданием сладостей, также определенно указывают на действие совести; по сути, укоры обеих пациенток «ведут по ложному пути». То, за что обе укоряют себя, и что они хотели бы скрыть от *Mitwelt*, — это их жадность, которая опять же является выражением телесного — «звериной», тварной, «зловещей» стороны их существования. Здесь также могли сыграть свою роль ранние детские идеи христианского толка (в случае Эллен, в частности, они исходили от няни). Все же Надя, при всей ее агрессивности, более зависима от *Mitwelt*, тогда как Эллен Вест — в большей степени автономная натура. Это видно еще и из того, что у Нади развивается *Mitwelt*-ориентированное «навязчивое расспрашивание», в то время как «компульсивное мышление» Эллен Вест — чисто *Eigenwelt*-ориентированная «компульсия». В дополнение к этому у Нади ясно выражен страх того, что ее будут меньше любить другие, если она станет толстой, в то время как Эллен в подобных же обстоятельствах «в глубине души» сама разлюбит себя.

Более того, Надя, помимо страха быть заметной и подозрения, что окружающие смеются над ней, проявляет еще и черты ипохондрической формы кречмеровской *paranoia sensitiva* (сенситивный бред отношений)¹⁶⁰. Особенно это касается неконтролируемых (по моему мнению) бредовых ипохондрических идей, связанных с жеванием, ожирением и прыщами, и в этих идеях связь с *Mitwelt* играет даже большую роль, чем связь с телесно-выраженным *Eigenwelt*.

Это подводит нас к оценке диагноза в случае Нади. Известно, что и Эйген Блейлер, и Юнг считали, что большая часть случаев, описанных Жане, должны рассматриваться как случаи шизофрении. В этом смысле Манфред Блейлер¹⁶¹ был прав, когда недавно заявил, что различные субформы *paranoia sensitiva* (например, психореактивные расстройства) невозможно четко отличить от прогрессирующих форм шизофрении. Даже если в случае Нади мы не можем говорить о прогрессирующей шизофрении, я думаю, что здесь все же можно поставить такой диагноз. И действительно, исходя из анамнеза, вполне логично предположить, что в раннем детстве имел место шизофренический эпизод, за которым в пубертатном возрасте мог последовать второй. Крепелин уже указывал, что, по-видимому, в детстве шизофренические реакции случаются гораздо чаще, чем мы склонны предполагать. Я лично могу подтвердить это предположение на основе собственных данных, особенно если брать «неврозоподобные» состояния. Этого также нельзя

¹⁶⁰ См. Kretschmer, *Der sensitive Beziehungswahn* (Berlin, 1927).

¹⁶¹ *Fortschritte d. Neur. U. Psych.*, #9, 1943.

полностью исключить и в случае Эллен Вест. К сожалению, Жане ничего не говорит о наследственности Нади.

Хотя в этом разделе нам придется провести диагностическую редукцию, мы должны, по возможности более тщательно проинтерпретировать случай Нади в экзистенциально-аналитических терминах — насколько это допустимо, исходя из симптомов Нади — особенно в сравнении со случаем Эллен Вест.

Уже подчеркивалось основное различие между обоими случаями в их модусе экзистенции. В случае Эллен Вест (мы ссылаемся здесь только на «итоговое состояние») экзистенция главным образом поглощена бытием-в-себе, взаимодействием с собой или миром *Eigenwelt*, в то время как в случае Нади это касается преимущественно мира *Mitwelt*, взаимодействия человека с другими людьми. Далее мы увидим еще яснее, до какой степени эти два модуса базисно зависят друг от друга или переплетены друг с другом. Эллен Вест ощущает себя накрытой стеклянным колпаком, «отделенной» от *Mitwelt* «стеклянными стенами», и она страдает от этого отделения. Это страдание, тем не менее, не является для нее главным; ее страдание внутреннее, она больше всего страдает от самой себя, от своего «насилия-над-собой». Отсюда ее неспособность убежать от себя, ее заключенность в себе, ее бытие-в-ловушке своего «я», из которой она может освободиться только посредством самоубийства. Поэтому мы почти не обнаруживаем у нее стыда перед другими. В процессе еды ей действительно приходится прятаться от окружающих, но главным образом ей стыдно перед самой собой, и соответственно она борется с судьбой в одиночестве, берет ее в собственные руки, без оглядки на других. Другие все же тоже должны подкреплять в ней убеждение, что она не толстая, но в этом отношении не они, а она сама — высший суд. Свою «жадность к еде» она переживает главным образом как отвратительную для самой себя, и гораздо в меньшей степени заботится о мнении других. Углубляющаяся опустошенность, приземленность и замураванность ее экзистенции, ее бытие-дырой доминируют в *Eigenwelt*, опустошенность же мира *Mitwelt* появляется только как экзистенциальное последствие этого.

Совершенно иначе у Нади. Она избегает других, хотела бы скрыться от них и страдает, поскольку не в состоянии этого сделать. Она боится, что другие обратят на нее внимание, боится отличаться от них, быть менее любимой ими, и она защищается от всего этого бесчисленными «средствами», в то время как средства, используемые Эллен Вест, служат защите от самой себя. То, что открывается нам в случае Нади как «чувства стыда и позора», ненормально возросшие как с

точки зрения экстенсивности, так и интенсивности, — это именно желание спрятаться от других. Однако мы не должны рассматривать эти многообразные симптомы бытия пристыженным как аутентичное или экзистенциальное явление, поскольку это лишь признаки, по которым мы узнаем, что эта экзистенция должна скрывать себя от других. Эти признаки только точки прорыва экзистенции, пораженной проклятием стыда. Опять-таки мы можем понять эту форму экзистенции, только когда видим, что Надя кажется самой себе мерзкой, скверной, отталкивающей, действительно отвратительной. В то время как Эллиен Вест уходит от самой себя в мир тела и защищается с помощью слабительных, Надя уходит от себя в *Mitwelt* и для собственной защиты находит способы, как укрыться от него. Эти меры укрытия являются ее защитой от осознания своего существования как стыда. Экзистенциальный, или, как его называет Эрвин Штраус, защитный стыд, становится чисто маскирующим стыдом¹⁶². Согласно Штраусу, последний представляет собой не первичный стыд, изначально присущий человеку (и не приобретенный в течение жизне-истории), а *Mitwelt*-ориентированный, или публичный стыд, проистекающий из того, как человек представляет себя в глазах других. Этот стыд не оберегает «тайну экзистенции», из-за которой, если она раскроется, может быть стыдно перед самим собой, а скорее служит «социальному статусу» (Штраус).

ФЕНОМЕН СТЫДА

Поговорим об этом подробнее. Важное и оправданное разграничение Штрауса не должно лишить нас целостного видения феномена стыда. Экзистенциальный (защитный) и *Mitwelt*-ориентированный (маскирующий) стыд связаны друг с другом, так же как связаны экзистенция (бытие-самим-собой) и *Mitwelt* (бытие-с). Возможно, это проявляется наиболее явно именно в феномене стыда, чем в чем-либо еще; экзистенциальный стыд выражается, в частности, в покраснении (от смущения), т. е. в явлении, отчасти связанном с *Mitwelt*. Я, конечно, могу сказать, что краснею сам перед собой, но в реальности я краснею перед другим или другими. И здесь снова имеет место факт, который необычайно важен для понимания наших случаев, а именно: стыд определенно демонстрирует другому то, что от него пытаются скрыть,

¹⁶² См. лекцию Штрауса «Die Scham als historiologisches Problem», *Schweiz. Arch. Neur. u. Psychiat.*, 1933. Мне кажется, здесь важно упомянуть, что согласно своей теорией человека Фрейд увидел и попытался «объяснить» только последнюю форму стыда.

то есть тайну экзистенции. Мне вспоминается эпиграмма Хеббеля: «Стыд в человеке отмечает внутреннюю границу греховности. Когда он краснеет, начинается его благородное “я”». Краснею ли я, поскольку сам коснулся внутренней границы греха или поскольку ее коснулся другой, — я всегда обнаруживаю перед ним своей краской стыда нечто, что в глубине себя совсем не желаю ему показывать, а именно, «место», где «во мне» оказывается затронутой внутренняя граница греха. Если мы называем «грех» духовным феноменом, а покраснение — телесным, становится ясно, что сам феномен как единая целостность противоречит подобному разделению, так же как, с другой стороны, он основан на нем. Никто не уловил это более точно, чем Шелер: «Только потому, что обладание телом является частью человеческого бытия, он может оказаться в ситуации *вынужденного стыдиться*; и только потому, что он переживает свое духовное бытие-человеком как по существу независимое от такого «тела» и от всего, что может исходить от тела, он может войти в положение *способного стыдиться*... Поэтому в стыде особенным и странным образом соприкасаются друг с другом душа и плоть, вечность и временность, сущность и существование». (Конечно, существование здесь понимается не в хайдеггеровском смысле, а, как показывает антитеза, как смысл бытия вообще и противоположность сущности.) «Все виды и формы чувства стыда... имеют одно всеобъемлющее основание, а именно то, что внутренне человек ощущает и осознает себя как «мост», как «путепровод» между двумя порядками бытия и сущности, и в обоих он одинаково прочно укоренен и от обоих не может отречься даже на секунду, если еще хочет называться человеком»¹⁶³.

Не требуется большого труда показать, что Эллен, и в еще большей степени Надя, не признают этого двойного предназначения бытия-человеком, а хотя и избавиться от него и отчаянно борются с ним. Но это — болезнь «ума».

Итак, поскольку стыд склонен к сокрытию, специфическое диалектическое противоречие *Mitwelt*-ориентированного стыда — а именно, разоблачение перед другими именно того, что следует скрыть, — становится все более очевидным. И это подводит нас к корню того, что мы можем назвать «манией привлечения внимания».

Особенно ясно это видно в случае Нади. Ее отчаянный бунт против материальности как основания «вынужденности-стыдиться» приводит к тому, что ее материальность оказывается все более заметной, т. е. становится мишенью внимания. Но это означает, что коммуни-

¹⁶³ Scheler M. «Über Scham und Schamgefühl», *Posthumous Papers*, vol. 1.

кация или взаимодействие с другими (совместная работа, совместная игра, совместная борьба, совместное наслаждение, сострадание и т. д.) ограничиваются просто «захваченностью» другими, в смысле бытия-замеченным, т. е. особой формой объективации экзистенции и дистанцией, характерной для этого. Надя — это противоположная сторона процесса вуайеризма, если можно так выразиться, «тот, кого видят». Стыд здесь не тонкая психическая оболочка, которая окутывает тело, и, таким образом, является выражением позитивной самооценки, а маска невидимости¹⁶⁴, за которой она полностью пытается скрыть свое тело, видимую и слышимую часть ее существования от глаз и ушей других, выражение абсолютно негативной самооценки. В этом случае анонимизация идет еще дальше, чем это бывает в ответах с упоминанием масок в тесте Роршаха¹⁶⁵. Здесь «я» не только прячется под маской анонимности, но желает, чтобы его совсем не видели, даже в качестве носителя маски. Поэтому то, что Жане обозначает здесь как стыд тела, с нашей точки зрения есть не что иное, как стыд быть видимым, быть наблюдаемым, или, точнее, быть замеченным. Отсюда ужас перед всем, что воспринимается как относящееся к телесному образу, функциям тела, одежде, коже. К этому добавилось, как мы видели, жевание. Надя тоже отчаянно хочет быть собой, но в качестве другого, по-человечески невозможного себя, а именно, как невидимое и неслышимое, поэтому бестелесное «я». Так как это желание еще более «невыполнимо», более «чуждо реальности», чем желание-быть-стройной, от Нади мы получаем еще более болезненное впечатление, чем от Эллен, и мы клинически должны обозначить ее случай как «более тяжелый», чем случай Эллен Вест. Поэтому страх потолстеть должен получить разную психопатологическую оценку в обоих случаях. В случае Эллен Вест — это выражение ее ужаса перед предательством избранного ей самой, отчаянно утверждаемого ею идеала Гебы и ее страха перед приземленной жизнью в целом. В случае Нади — это выражение страха перед животным, телесным существованием, постольку, поскольку это условие, при котором человека можно видеть и слышать. Таким образом, этот страх служит выражением в большей степени «сбившейся с пути» экзистенции, т. к. отрицает тварную основу бытия-человеком. Коротко говоря, Надя отчаянно борется за то, чтобы вести на публике непубличное существование. Человека, который хочет вести такое по-человечески невозможное существование, мы имеем полное право назвать психически больным.

¹⁶⁴ Дословно — маска, которая делает невидимым и сама невидима.

¹⁶⁵ См. Kuhn R. *Über Maskendeutungen im Rorschachschen Versuch*. Basel, 1944.

Желание существовать незаметно для *Mitwelt* (невидимым и неслышимым и к тому же неосязаемым), на мой взгляд, содержит одну из базисных проблем шизофренических модусов существования. Рассмотрев проблему не слишком углубленно, можно объяснить ее так, будто Надя отдалилась от *Mitwelt* (общества) до степени полной неосязаемости, поскольку стыдилась своей фигуры, одежды, прыщей и пр. Но более глубокое исследование должно подвести нас к противоположному выводу. Как и в многочисленных случаях скрыто прогрессирующей шизофрении (в ряду которых находится и случай Эллен) мы рано обнаруживаем в истории болезни Нади своевольный упрямый бунт против того образа, в котором она «заброшена» в существование, говоря коротко, против особого модуса человеческой судьбы. (В моей практике такой бунт пациента часто был направлен против пола, а в случае пациенток — против бытия-в-качестве-женщины.) В этом бунте (доведенном до степени отчаяния), в котором экзистенция допускает желание быть «я» иным, чем она есть и может быть, она явно направлена против структуры существования в целом, пытается прорваться сквозь нее, фактически разрушить ее, даже отчаянно держась за бытие-собой как таковое. Но эта структура сама не позволяет прорваться сквозь нее, и в еще меньшей степени разрушить ее, но снова и снова утверждает себя, только другим («анормальным») образом, как мы уже видели в случаях, описанных здесь и в «Скачке идей». Мы уже упоминали, что у Нади мы видим выражение этого в том, что чем более неистово она желает быть незаметной, тем более легкой мишенью она становится для *Mitwelt*. Таким образом, сама структура существования снова утверждает себя. Чем настойчивее (деспотично) человек противится своей «заброшенности» в собственное существование и тем самым в существование в целом, тем сильнее на него воздействует эта заброшенность. В случае Нади, чем более невидимой, неприметной она стремится быть, тем более заметной становится ее экзистенция, т. е. тем более сильное, по ее мнению, впечатление она производит на *Mitwelt*, других людей, как бы «бросаясь им в глаза». От убежденности Нади в том, что она открыта взглядам других один шаг до уверенности в том, что другие смеются над ней, поскольку первое убеждение по своей сути предполагает быть заметной в оскорбительном и смешном свете. Наде *должно* быть стыдно перед другими, поскольку сам модус ее экзистенции постыден. Если бы мы могли подвести ее к тому, чтобы увидеть это в полном экзистенциальном смысле (что невозможно для шизофреников такого типа), она должна была бы «встретиться с собой», но больше не испытывала необходимости стыдиться перед другими. Однако если бы она добилась чисто интеллектуального по-

нимания этого факта, что иногда возможно в таких случаях, она либо покончила бы с собой, либо, как показывает опыт, шизофренический процесс усугубился бы.

ПРОБЛЕМА СТЫДА И ШИЗОФРЕНИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Рассмотрим более внимательно этот процесс, особенно в связи с феноменом стыда. Проблема, как это следует из нашего предыдущего обсуждения, вращается вокруг феноменологической «связи» между экзистенциальным и маскирующим стыдом. Когда мы говорим об экзистенциальном стыде, т. е. когда экзистенциально переживается «внутренняя граница греховности», где, таким образом, предполагается и охраняется как тайна «благородное «я» (Хеббель), тогда человек — сам себе господин и судья, «я» — сам себе хозяин. И наоборот, чем в меньшей степени «я» является хозяином себе, тем больше оно впадает в зависимость от *Mitwelt*, тем больше *Mitwelt* становится господином и судьей для «я». Поэтому ребенок, как более зависимая экзистенция, в большой степени зависим от оценки *Mitwelt*. Но ребенок (и это не разглядел Фрейд) не зависел бы от оценки *Mitwelt*, если бы он не был способен чувствовать или, по крайней мере, угадывать внутреннюю границу греховности как стыд. В этом смысле «болезненно преувеличенный стыд» — простой рецидив детского состояния. Но мы должны отметить, что есть большая разница: предстоит ли еще человеку овладеть экзистенциальной позицией или он отступает от уже достигнутой к более ранней позиции!

Теперь, что касается понимания шизофренического процесса сквозь призму проблемы стыда. Главное здесь в том, что мы должны иметь дело с модификацией бытия-человеком в том смысле, что «внутренняя граница греховности» больше не является подвижной или текучей в соответствии с эталоном «я», которое в каждом случае заново и свободно «принимает решение» в отношении обстоятельств, степени и интенсивности вынужденности-стыдиться, а является фиксированной раз и навсегда, «окоченевшей», как определял это Масселон (*Masselon*)¹⁶⁶. Однако Масселон все же односторонне применяет этот термин к мышлению шизофреников. Здесь, как и во всем остальном, мы не должны принимать мышление за отправную точку, а должны фиксировать свой взгляд на целостной форме экзистенции. Исследование стыда, как мы видели, особенно хорошо подходит для этого. Причина, по которой внутренняя

¹⁶⁶ См. Jung, *Über die Psychologie der Dementia praecox*, 1907. [Издание на рус. яз.: Психология раннего слабоумия (*dementia praecox*)]// Юнг К. Г. *Работы по психиатрии*. СПб, 2000.]

граница греховности больше не является текучей, т. е. изменяемой согласно внутренней и внешней ситуации, а «свернувшейся», в том, что место «я» замещается *Mitwelt* (что всегда соответствует экзистенциальной пустоте или опустошению). Поскольку *Mitwelt* представляет не личный эталон, а чужеродный, он больше не зависит от меня самого, а нависает надо мной как нечто неподвижное и чуждое. То, что мы обоснованно называем «внешней проекцией» чувства стыда (и других чувств), есть не что иное, как перенос центра тяжести нашего существования с собственного «я» на оценку других, воспринимаемую как фиксированную. Таким образом, «я», как мы указали выше, становится объектом, оцениваемым другими и мной в соответствии с этим; другими словами, оно становится объективированным, «фиксированным» объектом или вещью с постоянными очертаниями, размерами и весом. Поэтому именно та сфера человеческого бытия выходит на первый план, которая в большей степени соответствует этим условиям, то есть тело! «Тело» символизирует ту сферу нашей экзистенции, которая присутствует здесь и сейчас, пространственно расширяется, присутствует здесь, т. е. воспринимается глазами и ушам, в противоположность той протяженности «я», которая не зависит от (мира-) времени и (мира-) пространства. Так как объективированное «я» больше не может воспринимать само себя, что прямо контрастирует с его отчаянной борьбой как по сути независимого от собственного тела, оно больше не может быть экзистенциально стыдящимся, но должно скрывать себя от других. Телесный стыд — исключительно маскировочный стыд, т. е. неаутентичный стыд, который лучше обозначить как позор, чем как чувство стыда. Итак, шизофренический процесс — это главным образом процесс экзистенциального опустошения или обеднения, в смысле возрастающего затвердевания («свертывания») свободного «я» до состояния бесконечно несвободного («не независимого»), самоотчужденного объекта. Он может быть понят только с этой точки зрения. Шизофреническое мышление, речь, поведение — лишь частичные феномены этого базового процесса. Экзистенциальное опустошение или обеднение, как нам уже известно, не что иное, как превращение свободы в компульсию, вечности — в темпоральность (Шелер), бесконечности — в конечность. Потому Кьеркегор справедливо отметил, что в безумии «решающий фактор... маленькая, ограниченная конечность, которая фиксируется, а это что-то, чем никогда не может стать бесконечность»¹⁶⁷.

¹⁶⁷ *Philosophical Fragments*. [Бинсвангер ссылается на «Философские крохи» Кьеркегора, тогда как цитата взята из другой работы этого автора. См.: Кер-

Целью этого обсуждения было просто показать, что нас больше не удовлетворяют научные требования, выдвигаемые перед нами проблемами шизофрении, если мы говорим об утрате интеллектуальной деятельности (Масселон), об ослаблении ассоциативной структуры (Блейлер), о первичной недостаточности психической деятельности (Берце) или изменении внутреннего движения (Кронфельд). Все эти определения — теоретические (психопатологические) интерпретации шизофренического процесса, попытки объяснить его при помощи формул, которые используют объясняющее теоретическое суждение, чтобы перескочить через то, что происходит в реальности и что должно служить отправной точкой. Наш лозунг: «Назад от теории к тому тщательному описанию явлений, которое сегодня в нашем положении возможно научными средствами».

Чтобы избежать непонимания, подчеркнем, что под «процессом» мы вовсе не понимаем психический процесс вообще (согласно Ясперсу), а шизофренический процесс, т. е. трансформацию экзистенции, или бытия-в-мире, происходящую параллельно со все еще неизвестным шизофреническим *поха*.

ДАЛЬНЕЙШИЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ОБЖОРСТВОМ

В статье «Фобии телесных функций» Жане также упоминает девушку 18 лет без истерической анорексии, ощущения которой при виде пищи в некоторой мере напоминают чувства Эллен: «Когда я вижу пищу, когда я пытаюсь положить ее в рот, что-то сдавливает мою грудную клетку, что-то душит меня, горит в моей груди. Мне кажется, что я умираю и, прежде всего, что я теряю голову».

Далее Жане описывает 21-летнюю пациентку, которая спустя некоторое время после рождения ребенка стала испытывать отвращение и страх перед едой и отказываться от пищи. Этот симптом исчезал, возвращался, снова исчезал и, наконец, проявился в течение менопаузы в следующей форме: пациентка ела нормально, но теперь боялась, что ее болезнь снова вернется и помешает ей есть, так что она может умереть от голода; таким образом, она ела, пребывая в страхе от того, как бы не появился другой страх еды.

Жане правильно отграничивает эти «фобии» от «фобии пищеварения», но, тем не менее, относит их к классу «фобий функций тела».

кегор С. *Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам»*. М., Академический проект, 2012. — Прим. ред.]

Ловенфельд в своей книге «О психических компульсивных феноменах» (1904) упоминает прожорливость среди симптомов, которые могут быть эквивалентами приступов тревоги. Он добавляет, что, согласно Маньяну, желание пищи может носить характер компульсии (ситомания), сопровождаемой страхом, который поражает пациента, несмотря на его сопротивление; например, пациентка в отчаянии перед компульсией к непрерывной еде вынужденно проходит курс лечения в клинике.

Штеелин упоминает об усиленном желании еды у некоторых психопатов в связи с внезапно возросшим сексуальным влечением: «Таким образом, я могу показать, что у некоторых психопатов прорыв витального импульса, например, внезапное появление помимо воли возросшего сексуального влечения, иногда сопровождалось короткими интервалами абсолютной бессонницы, крайним беспокойством и манией в отношении еды, питья и курения; то есть одно элементарное побуждение влекло за собой другое, пока полностью не брала верх «глубинная личность», в то время как высшие стороны личности оставались либо парализованными, либо полностью подчинялись инстинктам»¹⁶⁸. Я сам могу только подтвердить эти наблюдения.

При шизофрении обжорство — настолько хорошо известное явление, что нет нужды это обсуждать. Здесь оно также связано с сексуальными процессами, желаниями и страхами. Пациент Нелкина после каждой эякуляции, которая была для него «самой ужасной вещью», испытывал жажду и склонность к обжорству.¹⁶⁹ Мы также можем упомянуть интересное наблюдение Вебера, который сообщал, что приступы обжорства и отказа от пищи особенно часто проявляются в случаях нигилистического бреда.¹⁷⁰ В случае Эллен Вест мы не изучали связь между обжорством и сексуальностью. Мы также не получили никакой информации о том, возрастала или снижалась склонность к обжорству до, во время, или после менструального периода. Мы только знаем, что после (или одновременно) с прекращением менструаций склонность Эллен к обжорству возросла. Интересное в связи с нашим случаем наблюдение представил Штеелин.¹⁷¹

¹⁶⁸ Stahelin, Psychopathologie der Zwischen- und Mittelhirnerkrankungen, Schweiz. Arch. Neurol. u. Psychiat., vol. 4.

¹⁶⁹ Nelken, «Analytische Beobachtungen über Phantasien eines Schizophrenen», *Jahrb. F. Psychoanal. u. Psychol. Forsch.*, vol. 4.

¹⁷⁰ Weber, *Über nihilistischen Wahn und Depersonalisation*. Basel, 1938.

¹⁷¹ Stahelin, «Über praszizophrene Somatose», *Schweiz. Med. Wochenschrift*, № 39, 1943.

«Девушка 18 лет, умеренно атлетического сложения, замкнутая, необщительная, впечатлительная, живая и умная, в течение трех месяцев страдала от головных болей, вялости и депрессивных мыслей. Но ей становится заметно лучше, душевно и телесно, после принятия пищи, а также между трапезами, когда она съедала хлеб, фрукты и шоколад. В 20 лет — прекращение менструального цикла, депрессивные суицидальные импульсы; ест с патологической скоростью и обильностью. В других случаях не импульсивная, часто случаются эпизоды, когда она жадно, но без аппетита, в отсутствие чувства голода, поглощает целые буханки хлеба и множество сладостей, после чего у нее иногда возникает рвота. О мотиве своего поведения говорит следующее: «Это как мания. У других тоже имеются отталкивающие пристрастия, на почве которых они теряют рассудок. А у меня мания обжорства, как запой у алкоголика, и теперь со мной покончено». Она стремится наполнить себя пищей с целью позволить себе забыть в легкомыслии и безответственности. «Ничего не делая, только питаюсь, я умственно деградирую». Затем следует замыкание, гримасничанье и ригидное депрессивное состояние».

Мы видим, что обжорство и его экзистенциальный смысл здесь те же, что и в случае Эллен Вест. Последняя также чувствует, что обжорство представляет ее духовную смерть. Однако по контрасту с этой пациенткой Эллен Вест пытается бороться, только постепенно приходя к решению о самоубийстве как единственной возможности избавления от конфликта между жадностью и духом и бегства от опасности полной психической деградации. В противоположность этому, пациентка Штеелина принимает духовный упадок и замещает самоубийство жадностью: «Ранее я хотела выброситься из окна; теперь я уже не хочу убивать себя». Это следует непосредственно за заявлением, процитированном выше: «Ничего не делая, только питаюсь, я умственно деградирую».

В случае Эллен Вест нам приходится путем экзистенциального анализа проливать свет на связь между обжорством и упадком, деградацией, а здесь они видны вполне отчетливо. Однако тот факт, что они стали отчетливо видны и что эта пациентка так бесстрастно предпочитает психический упадок самоубийству, показывает, что здесь шизофренический процесс протекает гораздо быстрее, чем у Эллен Вест.

Медицинское обследование девушки выявило брадикардию, равно как и некоторые отклонения в крови и в обмене веществ, так что подозревалось комплексное эндокринное расстройство, в частности, расстройство обмена веществ в печени. После того как пациентке назначили высоко углеводную, сохраняющую печень диету, карлсбадскую соль, эфетонин, тиреоидные и женские гормоны, она стала более расслабленной и способной к работе; через три месяца снова возобновилась менструация, спустя пять недель пациентка оказалась в явно гипоманиакальном состоянии (с нормальным питанием). После четырех месяцев ничем не примечательного и стабильного поведения случился приступ возрастающей тревоги, результатом которого явилась тяжелая кататония. После инсулина и кардиазола наступило существенное улучшение. Течение болезни переменное. Штеелин рассматривает это как дизэнцефальное нарушение пищевого инстинкта лишь с вторичной психической мотивацией. Совершенно здоровая сестра пациентки страдает от обжорства, особенно когда испытывает апатию, после еды она чувствует себя полнее и сильнее, но испытывает угрызения совести.

Мы еще вернемся к этому случаю в дальнейшем. Теперь мы обратимся к психопатологическому клиническому анализу нашего случая.

ЭКВИВАЛЕНТ ТРЕВОГИ? ИСТЕРИЯ?

По моему мнению, нет причин рассматривать обжорство или «прожорливость» Эллен Вест как эквивалент приступа тревоги. В нашем случае постоянный экзистенциальный ужас, несомненно, не «замещается» обжорством; кроме того, он не только присутствует как таковой до, во время и после еды, но даже продолжает нарастать. В лучшем случае можно говорить о кратковременном притуплении ужаса во время жадного поглощения пищи. Нельзя также предположить, что ужас, как было бы в случае эквивалента, вызывается подавлением обжорства. Что касается остального, мы должны четко различать (вегетативно-невротическую) прожорливость (булимию) и обжорство. Булимией как таковой нет нужды выражать себя в форме животного обжорства, звероподобной манере пожирания пищи. Там, где это имеет место, мы выходим за рамки так называемого невроза. Если бы в случае Эллен Вест мы имели дело с настоящими эквивалентами тревоги, тогда в первую очередь следовало бы думать о тревожной истерии. Оставляя в стороне тот факт, что здесь вообще нет проблемы единичных приступов страха, а есть проблема постоянного ужаса, для этого диагноза

в жизне-истории отсутствует такой фактор, как разрядка, освобождение. Здесь тревога не привязана к определенному «травматическому» событию, не развивается от и во время этого события, и по этой причине психоанализ в этом случае не мог что-либо прояснить или возыметь терапевтический эффект. Также нет никакого свидетельства конверсионной истерии. Когда второй аналитик обозначает ее депрессию как «сильно и целенаправленно преувеличенную», очевидно, это ошибка, исходящая от терапевтического оптимизма. Кроме того, хотя он говорит о «чертах болезни, явно рассчитанных на то, чтобы произвести впечатление на мужа», и описывает их как истерические, все-таки результат этого случая доказывает, что в действительности пациентка не старалась произвести впечатления на своего супруга.

Даже если действительно ее симптомы становились более очевидными и сильными в присутствии мужа (что я никогда не имел возможности наблюдать), это также было бы легко понять из целостной конфигурации данного случая. Мы вообще здесь не можем говорить об истерическом характере, даже допуская, что кто-то хотел бы назвать этот случай истерией. У Эллен Вест никогда не проявлялась проблема так называемой истерической тяги к самоутверждению — «истерической» лжи, скрытности или преувеличения. Ее пылкое честолюбие — вовсе не истерическое стремление к собственной значимости. Кроме всего прочего, она изо всех сил пытается удовлетворить свои претензии и страдает, поскольку достигнутое далеко от того, к чему она стремилась, но без маскировки этого или попытки заменить это псевдоуспехами.

Аддикция и экзистенциальная одержимость?

Следующий вопрос из сферы психопатологии: можем ли мы — и если да, то до какой степени — называть обжорство аддикцией, на что, кажется, намекают слова пациентки Штеелина. Но даже здесь показано (и мы будем неоднократно обращаться к этому в течение нашего психопатологического исследования), что симптоматология случая Эллен Вест может только с большим трудом укладываться в рамки четко определенных понятий.

Подлинная зависимость от сладостей была описана фон Штокертом¹⁷², которую он определил как сахароманию. Курсант, 21 года, всякий раз, прибывая с линии фронта в тыл, испытывал необычную по-

¹⁷² Von Stockert, «Zur Frage der Disposition zum Alkoholismus Chronicus», *Z. Neur.*, vol. 106, 1926.

ребность в сладостях, и бегал от одной кондитерской к другой, чтоб их раздобыть. Эта пагубная склонность сохранилась и после окончания войны. Не заходя в кондитерскую в течение нескольких недель, он мог внезапно по очереди посетить 4 или 5 подобных магазинов, после чего в течение некоторого времени уже не чувствовал такой потребности. Причина такой неводержанности главным образом заключалась в незначительном снижении настроения, которое мешало ему собраться с мыслями, чтобы идти на занятия. Досадуя по поводу пропущенной лекции, он вынужден был бежать в кондитерскую и затем, когда запрет был преодолен, перебегать из одной кондитерской к другой, почти не чувствуя вкуса съеденных сладостей, пока не потратит все деньги или постепенно не уступит требованиям дня. Фон Штокерт правильно соотносит этот случай с реакцией алкоголика на чувство неудовлетворенности. Хотя поедание сладостей и было приятным для пациента, по его собственному мнению, само по себе оно не объясняло тот факт, что он «был неспособен остановиться».

Данный случай показывает, что существует подлинная аддикция к сладостям, которая по прогнозу, симптоматике и течению сходна с хроническим алкоголизмом. Но в случае Эллен Вест потребность в сладостях отличается от нее в главном: она не проявляется как что-то «необычайное», а присутствует постоянно, она не требует особого повода и не получает завершения, нет простой «неспособности-остановиться», несмотря на полное насыщение потребности, а, напротив, потребность как таковая никогда не удовлетворяется, но постоянно «наготове».

Гораздо больше оснований для сравнения «голода» Эллен Вест и компульсивного желания думать о ней, с «морфиновым голодом» у хронического морфиниста и страстной жаждой алкоголя у хронического алкоголика. Именно как многие наркоманы вынуждены думать о шприце, алкоголики — о бутылке или стакане — или должны визуализировать их с почти «галлюцинаторной» ясностью, так и Эллен Вест должна постоянно думать о пище или визуализировать ее. Но здесь в любом случае нет проблемы настоящего компульсивного мышления, скорее, следует говорить о компульсивной потребности, которую, однако, я отвергаю вслед за Блейлером, Биндером и другими. В тех хронических случаях интоксикации дело заключается не в «компульсивном воображении», а в частично соматической, т. е. метаболически обусловленной, потребности, которая может более или менее быстро и более или менее постоянно находить свое временное удовлетворение. В случаях, где нет завершения, как у Эллен Вест или у тех алкоголиков, которые, несмотря на то, что пьяны до бесчувствия, продолжают

механически пить, представлена не компульсия, а гораздо более сильное изменение — как правило, по моему опыту, шизофреническое. Поэтому в случае Эллен Вест не происходит продолжительного утления голода, так как здесь голод, как у очень многих токсикоманов, не только соматически обусловленная потребность, но в то же время потребность в заполнении экзистенциальной пустоты или вакуума. Такую потребность в опустошении и наполнении мы определяем как экзистенциальную одержимость. Отсюда, если Эллен Вест не страдает от патологической зависимости в клиническом смысле, все же ее «жизне-форма» подпадает под психопатологическую категорию экзистенциальной одержимости. В этом отношении она близка к жизне-форме токсикоманов и многих лиц с сексуальными перверсиями. В то же время из-за отсутствия диагностического материала мы должны оставить открытым вопрос о степени, в которой ее собственный гомоэротический компонент влияет на ее незаполненную и неспособную к наполнению экзистенцию. (В случае Нади этот вопрос также остается открытым, несмотря на утверждение Жане об обратном.)

В нашей концепции экзистенциальной одержимости мы полностью согласны с фон Гебзаттелем, который в одной из ранних статей¹⁷³, следуя идеям Эрвина Штрауса, сообщил о важных результатах наблюдений над одержимостью и в дальнейшем развил их в своей последней работе¹⁷⁴. В токсикомании он видит лишь крайний, клинически чрезвычайно выдающийся случай универсальной экзистенциальной жажды, жертвой которой становится «ограниченный в выборе» человек. Однако под термином «ограниченность в выборе» он понимает не «витальную ограниченность» и не ограниченность инстинктами во фрейдовском смысле, а модификацию временной структуры бытия-в-мире в смысле определенного «нарушения становления», или, как говорим мы, экзистенциального созревания. Фактор повторяемости для него является средством контроля временной структуры экзистенциальной жажды: «Человек с аддикцией, утративший контекстуальную непрерывность своей внутренней жизне-истории существует, таким образом, только фрагментарно, в момент иллюзорного наполнения, т. е. дискретно. Он живет от момента к моменту, но, в конце концов,

¹⁷³ «Suchtiges Verhalten im Gebiet sexueller Verirrungen», *Monatsschr. f. Psychiat. u. Neur.*, vol. 82, 1932.

¹⁷⁴ «Die Störungen des Werdens und des Zeiterlebens. Gegenwartsprobleme der psychiatrisch-neurologischen Forschung» («Disturbances of Becoming and of Time-Experience» in *Contemporary Problems of Psychiatric-Neurological Research*. ed. Roggenbau. Stuttgart: 1939.

остаётся неудовлетворенным в каждом из них. Едва ему удастся замаскировать пустоту настоящего посредством наслаждения, ощущения интоксикации, выигрыша, успеха и т. д., как он уже оказывается «захвачен» нереальностью своего переживания в виде неудовлетворенности и похмелья, вынуждающих его к немедленному повторению своих действий. Человек в состоянии мании всегда делает одно и то же, переживает одно и то же и в условиях эмпирически имманентного времени никуда не движется». Те, кому в ходе нашего обсуждения не показалось очевидным, что в случае Эллен Вест экзистенциальная форма несет в себе все черты аддиктивного бытия-в-мире, наверняка должны быть убеждены этим описанием.

Компульсия, фобия?

Когда мы ранее говорили о том, что у Нади развилось навязчивое расспрашивание, а у Эллен — навязчивые мысли, мы использовали слово «навязчивость» в его обычном смысле. В строго клиническом смысле мы не можем здесь говорить о навязчивости. Истинно навязчивое расспрашивание ананкаста сосредоточено на расспрашивании как таковом, а подлинно навязчивые мысли связаны с мышлением как таковым, так что мы могли бы сказать, что у одной пациентки компульсия состоит в потребности спрашивать ради расспрашивания, а у другой — мыслить ради размышлений при условии, что то, о чем спрашивается, и то, о чем мыслится, постоянно меняется, — что делает их действия нелогичными или совершенно бессмысленными. В случаях Нади и Эллен, наоборот, имеет место потребность интересоваться и задумываться о чем-то конкретном, и это всегда одна и та же тема. Здесь «навязчивость» не распространяется на определенную форму бытия-с-другими или бытия-с-собой, но является исключительно выражением «всепоглощающего» интереса пациентки к конкретному положению вещей, который, на ее взгляд, вовсе не является иррациональным, а крайне значимым и экзистенциальным, т. е. угрожает ее целостной экзистенции¹⁷⁵, фактически ставит под вопрос ее существование. (Надя: «Я действительно плохо выгляжу? Я действи-

¹⁷⁵ Пациенты-ананкасты тоже часто воспринимают компульсию как угрозу их существованию, хотя и не вследствие ее «фактического содержания», т. е. по причине определенного факта, в ней выраженного, а вследствие этого типа переживания — принадлежности-к, связанности с содержанием, нелепым для других.

тельно худая?»¹⁷⁶; Эллиен: «Если бы мне только не пришлось больше есть, если бы только я не толстела от еды; я хочу съесть лишь столько, сколько позволяло бы мне оставаться стройной, если б я только могла снова есть, не задумываясь ни о чем, если б только я могла съесть чего-нибудь побольше, если б только я могла снова есть шоколадные конфеты; ради бога, больше не ешь блинов» и т. д. и т. п.) Таким образом, здесь не происходит замещения во фрейдовском смысле, нет отклонения расспрашивания и мышления от аутентичного, «значимого» содержания вопроса и ответа к неаутентичному содержанию, которое замещает первое и, будучи «бессмысленным», не может получить разрешения, а «уходит в бесконечность». Скорее все вращается вокруг одного сверхценного содержания, которое переполняет пациентку и от которого зависит блаженство ее души. Поэтому было бы неправильно говорить в этом случае о «механизме психического расстройства», как его понимал Биндер¹⁷⁷. Надя вовсе не воспринимает то, «вокруг чего все вращается у нее», как расстройство. Эллиен в любом случае не воспринимает это как «механизм расстройства», но как угрозу, а именно, как насилие, фактически, как разрушение сердцевины ее бытия. В обоих случаях также нельзя говорить о компульсивном «защитном механизме». Болезнь Нади так далеко зашла, что она полностью отождествляет себя со своим сверхценным интересом, тогда как Эллиен снова и снова всеми силами защищается от своего обжорства, равно как и от страха перед полнотой, но без наличия истинно-компульсивных феноменов защиты. Ни Надя, ни Эллиен не являются ананкастами в клиническом смысле.

Однако в обоих случаях мы можем говорить о навязчивости. Обе пациентки одержимы своими идеями, своими «идеалами». Но эта навязчивость отнюдь не «чужеродна эго», даже если Эллиен расценивает ее «интеллектуально» как нелепую, противоречащую здравому смыслу и т. д. Напротив, эго сильно задействовано в этой навязчивости, фактически, оно снова и снова отождествляется с ней; то, что в одном случае Эллиен с отвращением отвергает, в другой раз поглощает с дикой жадностью. В действительности она говорит о злых силах, демонах, призраках, которые совершают над ней насилие, но только при этом

¹⁷⁶ В запущенных случаях шизофрении мы часто слышим в течение многих лет подобные стереотипизированные вопросы. В состоянии возбуждения один из моих пациентов спрашивал с выражением страдания на лице и с интонацией мученика: «Прекрасен ли я? Уродлив ли я?» — конечно, не ожидая никакого ответа.

¹⁷⁷ *Zur Psychologie der Zwangsvorgange*. Berlin, 1936.

очень хорошо знает (и даже выражает это), что истязает себя сама! Как мы видим, в этом случае жестко ограниченные психопатологические категории оказываются недостаточны.

Итак, можем ли мы определить «страх стать толстой» как фобию?

В нашем экзистенциальном анализе страх стать толстой раскрывается как конкретизация глубокого экзистенциального ужаса, ужаса перед «вырождающейся жизнью», увяданием, высыханием, превращением в прах, гниением, разрушением, захороненностью заживо, где мир «я» превращается в могилу или просто в дыру. Частью этого является страх потолстеть и окончательно превратиться в плоть. Это «земное притяжение», которое «тянет ее вниз», и то, чего она страшится, — это быть-притянутой-вниз. Если процитировать фон Гебзаттеля, — это (экзистенциальный) ужас перед утратой формы, ужас перед «бес-форменностью», «антиэйдосом», коротко говоря, перед «не-становлением», или, как сказал бы я, «без-бытием». Поэтому переполненная ужасом битва Эллен Вест — это борьба с «форморазрушающими силами существования», со становлением-толстой и становлением-уродливой, становлением-старой и становлением-тупой — в общем, с без-бытием. Однако по контрасту с фобией ананкаста эта оборонительная борьба протекает не в производной, фобической форме (как, например, борьба с нечистотой в форме компульсивного отвращения к собаке [см. Гебзаттель «Случай фобии собак и грязи»] или в форме бесконечных очищающих процедур [см. его «Случай фобической иллюзии запаха»]), а в прямой, непосредственной и первичной форме, а именно, в форме рационального отвержения и борьбы. Когда Эллен запирает чайный шкафчик, в котором лежит хлеб, это не фобическая, а вполне рациональная и «осмысленная» мера предосторожности; то же справедливо и в отношении ее «преувеличенных» диетических мер. Поэтому защита происходит не в фобической, а в рациональной форме.

Но мы снова должны спросить, может ли страх стать толстой быть назван фобией? И да, и нет! Да, если мы видим в нем конкретизацию или обострение первичного ужаса перед вырождающейся жизнью, силами, враждебными жизни и форме, так что мы можем сказать, что этот страх конкретизируется в ее ужасе перед собственным (психосоматическим) пороком (ее «чудовищности», уродливости и жадности к еде). Нет, если мы принимаем в расчет тот факт, что такое положение вещей, а именно, связь между конкретным содержанием страха и первичным ужасом, ей полностью понятно и известно (чего точно не бывает в случае истинной фобии и что объясняет, почему в этой ситуации психоанализ не смог ничего достичь). Мы можем говорить

об истинной фобии только в том случае, если ужас перед ожирением «означает» замаскированный страх оплодотворения и беременности, — толкование, которое мы отвергли.

Поскольку психоаналитики с самого начала подошли к случаю Эллен Вест с диагнозом компульсивного расстройства, они с самого начала должны были предположить наличие подобного «замещающего механизма» и провести соответствующую терапию. Хотя, вероятно, Эллен Вест приняла это равенство — быть толстой = быть беременной, мы ни в коем случае не должны рассматривать это принятие всерьез, глядя на ее общий скептицизм в отношении психоанализа, ее чисто интеллектуальный подход к нему и полностью негативные результаты. Поэтому наше «нет» перевешивает наше «да»! Ужас перед ее собственной бес-форменностью — не истинная фобия, а интенсивный страх перед угрозой ее экзистенциальному идеалу, фактически, его коллапса, что становится понятно, исходя из специфичности мира пациентки, а именно, из превосходства эфирного мира и его противостояния миру-могиле.

Но и при истинных фобиях мы, конечно, тоже не должны упускать случай исследования мира пациентов путем экзистенциального анализа, если мы хотим обстоятельно понять фобию. Это касается истерической фобии, которая соответствует истерической тревоге во фрейдовском понимании (генезис которой я сам проанализировал в одном из исследований)¹⁷⁸, равно как и ананкастной¹⁷⁹ и психастенической¹⁸⁰ фобий, которые фон Гебзаттель уже объяснил, главным образом исходя из экзистенциально-аналитической позиции. Вообще, страх стать толстой относится к области патологии эмпатийных отношений¹⁸¹, но не к области вторичных, истерических или компульсивных проявлений нарушений этих отношений; скорее, он принадлежит к области тех психических форм болезни, в которых изменение эмпатийных связей либо явно заметно, либо приобретает бредовые или галлюцинаторные формы. Эта область — поле шизофренической группы. То, что истерические и обсессивные формы невротической болезни столь часто наблюдаются вместе с шизофреническими фор-

¹⁷⁸ «Analyse either hysterischen Phobie», *Jahrb. f. Psychoanal. U. Psychol. Forsch.*, III.

¹⁷⁹ См.: Фон Гебзаттель, первая книга этой серии.

¹⁸⁰ См.: «Zur Pathologie der Phobien: I. Die psychasthenische Phobie», *Der Nervenarzt*, vol. 8, # 5, 8, 1935.

¹⁸¹ См.: Straus Erwin, «En Beitrag zur Pathologie der Zwangerscheinungen», *Monatsschr. f. Psychiat. u. Neur.*, vol. 98, 1938.

мами и нередко дегенерируют до их уровня, можно понять из общности их патологической основы.

СВЕРХЦЕННАЯ ИДЕЯ? БРЕДОВАЯ ИДЕЯ?

Мы помним, что иностранный консультант обозначил страх стать толстой как сверхценную идею. До какой степени мы действительно можем трактовать желание Эллиен Вест быть стройной и ее отвержение «бытия-толстой» как «сверхценную идею», как ее понимал Вернике? Мы *можем* позволить себе такую трактовку в той степени, в какой эта идея действительно «определяла все ее действия и бездействие», и в той мере, в какой она не оценивалась пациенткой как нечто чуждое, вторгшееся в ее сознание; и мы *не можем* этого сделать постольку, поскольку пациентка не видела в этой идее «выражение ее подлинной натуры» и восставала не за нее, а *против* нее. Эллиен отстаивала собственную личность, сражаясь не за идею, а против нее; идея не воспринимается (пациенткой) как «естественная и оправданная», как имеющая полностью объяснимое происхождение, а, напротив, как нездоровая и аномальная и, несомненно, сложно объяснимая. Это подразумевает, что данная «идея» не должна определяться как бредовая; что Эллиен Вест не страдает (пока?) от бредовой идеи. Как известно, Вернике проводил различие между «преобладающим», или «повышенным» интересом, например профессиональным, и сверхценной идеей. Но он также говорил о последней, например, в связи с «определенным импульсивным побуждением к суициду». Однако «сверхценную идею» от «преобладающего интереса» отличает тот факт, что подобная идея возникает как «воспоминание о некоем опыте, подкрепленном аффектом, или о целом ряде связанных между собой переживаний». Но поскольку «подобные переживания, которые из-за их содержания трудно ассимилировать, не могут быть аннулированы даже самой здоровой психикой», то должно превалировать дополнительное особое состояние, «если сверхценность характеризуется как болезненная». Такое состояние проявляется в неприемлемости любых идей, противоречащих сверхценности, следовательно, в неисправимости исследуемой идеи и в «одновременном» обнаружении клинического признака паранойи. В случае Эллиен Вест исследуемая идея, несомненно, не проистекает из особенно аффективного переживания, а основана на неидейном (Клерамбо, фон Гебзаттель) или патологически-эмпатийном фундаменте (Э. Штраус). Более того, Эллиен Вест отнюдь не является недоступной контридеям, в действительности она постоянно обеспечивает себя такими контридеями, так что нельзя говорить о неприемлемости, а толь-

ко о неэффективности контридей. Только при вспышках гнева она высказывает идею, что окружающие получают садистское удовольствие, мучая ее, и только в качестве риторического сравнения она говорит о злых силах, духах, призраках, которые мучают и терзают ее. Давайте еще раз отметим, что психоз Эллен Вест в целом меньше ориентирован на *Mitwelt* (как всегда бывает в случае сверхценной идеи Вернике), чем на *Umwelt* и *Eigenwelt*, т. е. большей частью на телесное *Eigenwelt*. Но это не означает, что у нее соматопсихоз в понимании Вернике, тогда как Надя демонстрирует явную недоступность контридеям и очевидные соматопсихические черты.

КОЛЕБАНИЯ НАСТРОЕНИЯ: ШИЗОФРЕНИЧЕСКИЙ ИЛИ МАНИАКАЛЬНО-ДЕПРЕССИВНЫЙ ПСИХОЗ?

Мы отмечали, что Крепелин определил состояние, которое демонстрировала Эллен Вест во время консультации, как меланхолию. Таким образом, он определил этот случай как принадлежащий к группе маниакально-депрессивных психозов, и его прогноз (по текущему эпизоду) был вполне благоприятным. Однако депрессивные, равно как и маниакальные дисфории Эллен Вест, обнаруживают определенную специфику. Действительно, несмотря на постоянную смену настроения и усилившуюся тяжесть ее состояния, все в основном остается внутри сферы дисфории (расстройства настроения), нет ни заторможенности, с одной стороны, ни скачки идей — с другой. Что касается «влечения к движению и деятельности», то это в меньшей степени вопрос «насущенного» влечения, чем «скоротечного увлечения» (вспомним ее окружение подругами на Сицилии!) или «неистового увлечения деятельностью» ради заполнения собственной пустоты. Поток рождающихся в ее голове стихов в ночь с 18 на 19 ноября — самый ясный чисто маниакальный симптом, и все же даже здесь нет скачки идей. Здесь мы также имеем дело скорее с «экстатическим чувством счастья, переживаемым как восходящий поток темпоральных событий», чем с витальным эйфорическим аффектом. В депрессивной дисфории Эллен мы не обнаруживаем симптома депрессивного чувства вины, неспособности-к-изменению, как и «крайней детерминированности прошлым». Депрессивная дисфория Эллен содержит черты, которые скорее напоминают психопатологическую дисфорию, нежели эндогенную депрессию. Когда она находится под ее влиянием, то она не отрезана от будущего, но будущее ей угрожает! Итак, ее депрессивная дисфория касается взаимосвязи «я» и судьбы. Время не замедляет свой ход, скорее, форма, в которой

проявляет себя то-что-грядет, «отвергается, избегается или наталкивается на сопротивление». В этом случае дисфория не происходит только из «патологического изменения психофизических функций», но является также «реакцией на изменение», не *Mitwelt*, а *Eigenwelt*. Минковски был первым, кто провел, задолго до Штрауса, феноменологический анализ депрессивной дисфории, далеко продвинувшись в этом вопросе. Но сравнение со случаем, описанном в его статье 1923 года¹⁸², как и со случаем, опубликованном в 1930-м¹⁸³, показывает, насколько наш случай отличается от его. Это примечательно, поскольку второй случай демонстрирует поразительно сходство с нашим в том, что у Минковски пациент говорит, с одной стороны, о «чувстве наполненности материальным», а с другой — о «бытии нематериальным и воздушным». Но поскольку он жалуется, что «вопреки себе является не более чем пожирателем и дефекатором, просто ходячими кишками, разновидностью вегетативных функций, которые к тому же доставляют себе боль», то, по-видимому, здесь мы имеем дело с соматопсихозом, близким к ипохондрической меланхолии в понимании Вернике, тогда как наш случай если и близок к границе соматопсихоза, все же не переходит ее.

Добавим к этому очень важное для диагноза в целом наблюдение: в случае Эллен Вест мы имеем дело отнюдь не только с фазными маниакально-депрессивными срывами, после которых снова восстанавливается статус-кво, и, несомненно, не просто с постоянно углубляющимися депрессивными состояниями, а с тем, что затемнение мира, которое вначале проявляется как временное депрессивное расстройство, прогрессирует также вне рамок подлинно депрессивных фаз, сперва принимая форму увядания и упадка, затем — замуравонности и опустошенности и, наконец, заканчивая состоянием ада. То, что действительно здесь имеет место, это последовательное сжатие, — которое становится только более явным при каждой очередной депрессии, — тотальной структуры бытия-в-мире, от ее полной *формы* до *бес-форменности*. Обжорство и бытие-толстой — это то, что остается в конце этого процесса усыхания, в котором *Eigenwelt* (и душа, и тело) не только воспринимается как бес-форменный, но и сам пребывает в этой бес-форменности, хотя ему постоянно противостоит эфирный мир идеалов, теперь уличенный в бессилии. Экзистенция оказы-

¹⁸² «Etude psychologique et analyse phenomenologique d'un cas de melancolie schizophrenique», *Journal de Psychologie*, vol., 1923.

¹⁸³ См.: «Etude sur la structure des etats de depression — Les Depressions ambivalentes, Schweiz. Arch. f. Neur. u. Psychiat., Vol. 26, 1930.

ваится теперь в порочном круге; это змея, кусающая себя за хвост. Но экзистенция, которая еще способна «размышлять над собой», может, в конце концов, своей свободно избранной смертью разорвать этот круг и сокрушить голову змеи. Этим ознаменовывается победа экзистенции над силой «ада».

Диагноз: развитие личности или шизофренический процесс?

В предыдущем разделе (III), равно как и в данном, мы подробно описали, почему в случае Эллен Вест не может стоять вопроса ни о неврозе, ни о мании или сверхценной (бредовой) идее. Более того, продемонстрировав, почему, несмотря на явные эндогенные колебания настроения, мы не должны соглашаться с диагнозом «маниакально-депрессивный психоз», мы оставили только две дальнейшие диагностические возможности: развитие психопатической конституции или шизофренический процесс. Первая возможность более тщательно была рассмотрена иностранным консультантом, во второй был уверен Блейлер, так же, как и я.

Развитие психопатической конституции может только указывать на то, что Ясперс в своей «Общей психопатологии» называет «развитием личности», под которым он понимает совокупность вызревания изначально существующей предрасположенности, ее взаимодействия с окружающей средой и ее соответствующую реакцию на события. Например, он говорит о том, что ревнивец может развиться в человека с бредоподобной идеей ревности, а индивид, восприимчивый к ущемлению своих прав — в патологического сутягу. Такую экзистенцию можно понять исходя из «простой» «смены фасада» в связи с изменившимися условиями среды и преждевременной утратой потенции, при том, что сама личность остается неизменной. Сразу ясно, что случай Эллен Вест нельзя подвести под концепцию такого развития личности: это ни вопрос созревания предрасположенности, ни вопрос доступных интеракций этой предрасположенности с окружением (в качестве такового может пониматься только бунт против ее семьи), ни проблема стойкой реакции на определенный опыт, соответствующий характерологической предрасположенности (как до этого указывалось в связи с обсуждением наличия сверхценной идеи). Но сам Ясперс совершенно точно замечает, что мы часто сталкиваемся с людьми, «чья биография в целом выглядит как развитие личности, но в отдельных признаках ощущаются намеки на какой-то легкий процесс, сообщающий развитию известный

аномальный колорит». Он считает, что такие случаи очень трудны для интерпретации.

Если нам кажется, что в нашем случае мы получили интерпретацию, то потому, что здесь мы не только обнаруживаем черты, указывающие на наличие слабого, обойденного вниманием шизофренического процесса, но также потому, что он сам по себе является процессом, который можно проследить. Несмотря на то, что Ясперс не рассматривает каждый такой психический процесс как шизофренический, в нашем случае мы не видим другой возможности, чем эта: появляется нечто неизвестное, что невозможно полностью объяснить исходной предрасположенностью, окружением и личным опытом, чтобы вызвать и поддержать этот процесс. То, что процесс приостановился именно перед смертью, не может нас удивлять в свете того, что такие остановки имеют место даже в случаях запущенной шизофрении, и не может быть аргументом против диагноза умеренной, протекающей без явных симптомов шизофрении. Пришлось ли Эллен Вест пережить первый легкий приступ в детстве, что вполне допустимо, исходя из ее рано проявившихся черт неповиновения, упрямства, крайнего самолюбия, ощущений пустоты и давления, равно как и из ее отсроченного пубертата, — это вопрос, который остается без ответа. Конечно, остается неизвестным и то, в какой мере процесс продолжил бы свое развитие, если бы благодаря длительной госпитализации Эллен Вест помешали осуществить ее суицидальное намерение. Никто из трех врачей, участвующих в консультации, не верил в улучшение, и тем более в излечение. С другой стороны, вероятно, следовало бы согласиться с тем, что вряд ли здесь стоит вопрос о шизофрении, ведущей к полному психическому расстройству. Все же мне не кажется невозможным, что у Эллен Вест, как и у Нади, мог развиваться «соматопсихоз», отмеченный бредовыми идеями, и «аллопсихоз» с параноидными идеями.

Если мы сказали выше, что в случае Эллен Вест имеем дело с доказуемым шизофреническим процессом, то мы уже представили это доказательство путем экзистенциального анализа. Он завершается установлением если не ясного нарушения, то, по меньшей мере, несомненного «излома», искривления ее линии жизни. Мы вернемся к этому позже. Но подтверждение тому можно получить с помощью клинической симптоматологии. В таких «неврозоподобных» случаях шизофренический процесс характеризуется неотчетливостью и разнообразием симптомов, которые не всегда принимаются во внимание. Так, в случае Эллен Вест мы, несомненно, обнаруживаем общее влечение, но не реальную манию в клиниче-

ском понимании; компульсивность психического содержимого, но не ананкастно-психопатические черты, и тем более не компульсивные невротические механизмы; мы встречаем фобические признаки, но не подлинные фобии, сверхценные «мотивы», но не «сверхценные идеи», почти бредовые соматопсихические явления, но не бред, явные состояния подавленности эндогенной природы, но не чисто маниакально-депрессивное поведение; мы находим черты патологического «развития личности», но вместе с тем — устойчиво прогрессирующий процесс болезни. Общий итог этих симптомологических наблюдений следует свести к диагнозу «шизофрения» и фактически, как мы выяснили, к полиморфной форме «простой шизофрении».

Нет необходимости повторять представленное экзистенциальным анализом доказательство «искривления линии жизни», тем более что мы подвели итоги нашего экзистенциального анализа в начале этого раздела. Кроме того, мы подвели полученный как в случае Эллен Вест, так и в случае Нади результат к его экзистенциально-аналитическому знаменателю. В последнем случае мы говорили об усиливающемся окочении или «свертывании» свободного «я» в менее свободный («более зависимый») овеществленный объект. В обоих случаях экзистенция в значительной степени оказывается лишена своей суверенности и становится сильно объективированной; в обоих случаях свобода все больше обращается в принуждение и страдание, существование — в механическое, ограниченное течение событий.

Однако это все еще не все. Мы обнаруживаем подобное экзистенциальное изменение в некоторых «неврозах», особенно в обсессивно-компульсивном неврозе, в случаях психопатического развития и даже при развитии отдельных страстных увлечений. Об изменениях, происходящих в последнем случае, ярко написал Готхельф, опираясь на контраст вечности и конечности: «Что касается человеческих стремлений, то очень примечательно, что человек почти не ведает, насколько вырастет его стремление, какое направление оно примет и не станет ли цель в конце пути магнитом, а человек — безвольным существом. У многих страсть вначале достойна уважения и похвалы, но с течением времени она становится беременем, которое затягивает человека в бездну... Если за этими усилиями нет более высокого стремления, которое выходит за пределы всего конечного и цель которого находится в Небесах, все земное усилие вырождается и становится порочным, превращается в страсть, которой всегда приносят в жертву все лучшее, пока, в конце концов, не остается ничего цен-

ного. Это все равно, что насекомые-паразиты на клевере, которые распространяются по всему полю до тех пор, пока не уничтожат все растения»¹⁸⁴.

Так и в нашем случае, человеческое бытие вмещается между конечностью и бесконечностью («небесами»), и обнаруживается, что «суженная конечность» фиксируется, как только бытие утрачивает свойство бесконечности, или, если оперировать нашими понятиями, дуальность любви.

Нам еще остается показать, по каким критериям фиксация конечности, названная шизофренией, отличается от подобных нешизофренических «фиксаций». Этот критерий — «время».

В «Критике чистого разума» мы читаем: «Мы бы немало выиграли, если бы нам удалось подвести множество исследований под формулу одной-единственной задачи». Формула нашей задачи в таком случае звучит так: исследовать, как обстоят дела с точки зрения темпорализации, когда «фиксация конечности» приобретает характер шизофренической фиксации.

Здесь тоже следует лишь повторить то, что нами было обнаружено ранее. Для нас (в случае Эллен Вест) темпоральность мира-могилы стала решающим фактором для фиксации экзистенции. Процесс развития от стадии сжатия, уплотнения, сгущения мрака через вегетативное разложение и неизбежное окружение, в конце концов, стенами могилы, как мы отметили, есть выражение растущего доминирования прошлого над этой экзистенцией, главенства уже-бывшего в расположении ада и неизбежное движение назад-к-нему. Этот ужас перед адом — ужас экзистенции, которая чувствует себя поглощенной своим основанием; и чем глубже ее захватывает, тем дальше она пытается оторваться, улететь от него. Контроль со стороны «я» над своим основанием и его становление самооткрытым по отношению к нему, замещаются полным ужаса бытием, характеризующимся подавленностью этим основанием и падением в Ничто.

Но нам также известно о «доминировании прошлого» при эндогенной депрессии, пусть даже не сопровождающейся такой систематической прогрессирующей трансформацией материального облика мира, как в случае Эллен Вест. Но здесь добавляется распад темпоральности на экс-стазы и их экстенсивная автономизация, в результате чего «время» действительно перестает «бежать». В таких случаях мы, ис-

¹⁸⁴ Gotthelf J. «Erlebnisse eines Schuldenbauers». *Complete Works*, vol. 14. Тот факт, что Готтхельф описывал эти изменения с моралистической окраской, нисколько не меняет правдоподобия его описания.

пользуя термины психопатологии, говорим о «раздвоении личности». При депрессии не идет речь о распаде на индивидуальные экстазы времени, так как здесь «время», пусть более или менее замедленно, но продолжает «бежать» («тянется»), в результате чего пациенты испытывают как мучительную напряженность контраст между «временем», в котором они живут и подлинным «длящимся временем». Если депрессивный пациент мог бы полностью слиться с прошлым, без «знания» о будущем или настоящем, тогда он перестал бы быть депрессивным! Депрессивное «переживание детерминированности прошлым» и «ограниченность свободы будущего», им обусловленная (Эрвин Штраус), — это, как формулировка психопатологического факта, нечто совершенно отличное от того, что в нашем случае мы экзистенциально-аналитически истолковали как «доминирование экстаза бытности». Доминирование прошлого (или, точнее, бытности) в совокупности с распадом на экс-стазы времени представляется мне основой для понимания того, что мы называем психической жизнью шизофреника. Однако для доказательства этой концепции необходимы дополнительные экзистенциально-аналитические исследования. Самый важный вывод, который мы можем сделать из этого открытия, заключается в следующем: там, где индивид темпорализует мир способом, настолько отличающимся от нашего, взаимное понимание также блокируется по всем направлениям или, по меньшей мере, делается весьма затрудненным. Однако это не то, что Минковски назвал нарушением синхронизма, то есть нарушением миро-темпоральной человеческой коммуникации и взаимодействия (и что в психопатологии обозначается как «неполноценное приспособление к реальности»), а иной модус темпорализации экзистенции как таковой, который, в свою очередь, лишь обуславливает нарушение синхронизма. Но, поскольку в случае подобных расстройств мы говорим об аутизме, эти иные модусы темпорализации должны лежать также в основе аутизма. Распад на экс-стазы, исчезновение возможности темпорализации с ее устойчивой протяженностью приводят к тому, что взаимопонимание (в смысле коммуникации вообще) исключается или становится затрудненным. Аутизм проявляется, прежде всего, подобно всем прочим психотическим «симптомам», в определенном типе нарушения коммуникации. Однако, поскольку аутизм не просто расстройство настроения, как, например, депрессия или мания, а гораздо более глубокая трансформация темпорализации экзистенции, то и коммуникация становится гораздо более затрудненной. И все же даже в этом случае, как мы видели, экзистенция все же может быть понята и исследована с экзистенциально-аналитической позиции. В этом отношении обозна-

ченное Ясперсом разграничение эмпатийной и неэмпатийной психической жизни как исключительно «субъективное», психологическое, не должно нас смущать. У экзистенциального анализа нет каких-либо причин воздерживаться от исследования шизофренической психической жизни, даже притом, что его методы, как это было сделано здесь, вначале должны быть испытаны на скрыто протекающих процессах.

Аутизм, как и любая другая форма экзистенции, имеет свои формы и свою «грамматику» выражения (Шелер). Даже у Эллен Вест мы наблюдали слегка оцепеневшее и пустое выражение лица, сосредоточенный взгляд, который становился то пустым, то «погруженным в чувство», т. е. не «наполненным чувством» в обычном смысле слова, и достаточно неподвижным. Все это — формы выражения экзистенциальной пустоты в контексте шизофренического процесса. К этому добавляется испытываемое ею «чувство», будто вся внутренняя жизнь замерла, все стало нереальным, потеряло смысл. Что касается «контакта» с пациентом, — симпатических отношений (Э. Штраус), так же, как и экзистенциальной коммуникации, — мы можем говорить об аутизме: Эллен Вест больше не была способна включаться в бытие-друг-с-другом в любви или дружбе¹⁸⁵ или открываться экзистенциальной заботе. Соответственно, *Mitwelt*-взаимодействие с пациенткой тоже стало затрудненным. Ее раздражительность, восприимчивость, эгоцентризм и склонность подозревать, что люди не хотят ей помочь и лишь заставляют ее страдать, мучают ее, часто возводили непреодолимые барьеры для взаимопонимания. Поскольку Эллен Вест в своем глубинном основании существовала только как бывшее, все попыт-

¹⁸⁵ То, что шизофренический аутизм является формой отсутствия любви и способности любить, — скрыто как в слове, так и в понятии. Так, к примеру, Биндер в работе «Zum Problem des schizophrener Autismus» (*Z. Neur.*, vol. 125) говорит об «утрате способности переживать отношение близости в его многообразных формах». Эта утрата со всеми ее последствиями описана в замечательной статье Ганса Куна «Uber Storungen des Sympathiefuhrens bei Schizophrenen. Ein Beitrag zur Psychologie des schizophrener Autismus und der Defectsymptome» (*Z. Neur.*, vol. 174, #3). Однако «нравственный дефект» и эгоизм так же, как и аутизм, обнаруживают отсутствие этой способности. Поэтому нашей задачей остается показать посредством дальнейшего экзистенциального анализа, в чем заключается это сходство, и как могут отличаться различные формы неспособности к открытой близости (исходящей-из-сердца и идущей-к-сердцу) (см. *Basic Forms*). Однако эта проблема не может быть решена исключительно посредством анализа отсутствия опыта близости, скорее, она требует анализа индивидуальной формы экзистенции в целом.

ки перевести ее в настоящее (т. е. призвать ее к сиюминутной ситуации) и открыть ей будущее, терпели неудачу.

В той мере, в какой это обусловлено наследственностью, Эллен Вест склоняется преимущественно к маниакально-депрессивной позиции. Во всяком случае, нам не нужно далеко ходить, чтобы сделать предположения относительно шизоидных черт: ее отец, обладающий сильным внешнем самоконтролем, равнодушно чопорный, очень сдержанный, со строгими манерами; отец ее отца (дед Эллен), по отзывам — безжалостный тиран, и подчеркнуто аскетичный брат ее отца (к которому мы еще вернемся). Кроме того, к шизоидным типам можно отнести физически слабых, нервных сиблингов матери Эллен и мягкого, «эстетичного» младшего брата пациентки. Таким образом, здесь нам приходится иметь дело с комбинацией маниакально-депрессивной и шизоидной наследственности. Исходя из недавних исследований в сфере наследственности, мы знаем, насколько часто шизофрения развивается именно на такой генетической основе.

Отдельно мы должны обсудить дядю пациентки, поскольку его поведение поразительно согласуется с поведением племянницы, Эллен Вест. Он тоже проявляет аскетические склонности по отношению к пище, так как убежден, что регулярное питание приводит к ожирению. Манфред Блейлер совершенно прав, утверждая, что необходимо исследовать психологические поведенческие модели родственников наших пациентов. Один из его учеников — Ганс Йорг Зульцер¹⁸⁶, — для каждой аномальной миро-идеи, выявленной у трех членов исследованной им семьи, нашел аналогичные представления у здоровых членов этой семьи, не развившиеся до стадии бреда. «Поэтому аномальное мысле-содержание страдающего шизофренией члена семьи не зависит от его заболевания, а, очевидно, связано с препсихотической структурой его личности». Этот вывод важен для нас, поскольку служит предупреждением против преждевременного приписывания симптома обжорства и его неприятия, отмеченные у нашей пациентки, исключительно и непосредственно патологическим процессам головного мозга.

Строение тела нашей пациентки имеет определенные, если не явные черты пикнического сложения. Также следует упомянуть следующие особенности: несколько акромегалический череп, уплотнение слюнных желез, которое врач объяснял эндокринным нарушением, инфантильные, по описанию гинеколога, половые органы и отсут-

¹⁸⁶ Sulzer Hans Jorg, «Zur Frage der Beziehungen zwischen dyskrinem und schizophrenem Krankheitsgeschehen», *Arch. d. Julius Klaus-Stiftung*, vol. 18, 1943.

ствие менструации в течение нескольких лет. Что касается усилившегося чувства голода мы, безусловно, против того, чтобы подводить под это эндокринное основание. Материалов нашего исследования недостаточно, чтобы установить, голодает ли Эллен Вест оттого, что не позволяет себе по психологическим причинам есть в достаточной степени, имея при этом здоровый аппетит и пристрастие к сладостям, или мы имеем дело с физиологически аномальным чувством голода. Также мы не можем решить, относится ли ее случай к эндокринно обусловленному усилению процесса жирового отложения, благодаря которому ее страх стать толстой, хотя и вызванный иной причиной, получил бы некое подобие оправдания. Если ввиду пластичности патологии нашего случая следует допустить наличие эндокринных ко-детерминант, которые, во всяком случае, нельзя исключать, тогда, прежде всего, следовало бы обсудить влияние гипофиза и яичников. Однако мы должны помнить, что именно эти нарушения могут, в свою очередь, быть «психогенно обусловленны» при психозах. Но мы решительно исключаем кахексию, поскольку потерю веса у Эллен Вест можно проследить до намеренного недоедания и, как верно подчеркнул Жане в случае Нади, здесь не отмечена анорексия, а напротив, имеет место повышенный аппетит. Поскольку мы разделяем мнение М. Блейлера, — основанное на его собственных исследованиях и работах его студентов, — что при шизофрении формирование болезни (с точки зрения ее течения и симптоматики), в большой степени зависит от определенных эндокринных связей, этот вопрос ради полноты был включен в обсуждение. К сожалению, данные эндокринологических исследований, касающиеся родственников Эллен Вест, полностью отсутствуют.

В заключение встает вопрос, должны ли мы определить случай Эллен Вест как «прешизофренический соматоз» (Штеелин) или как шизофрению. Я, безусловно, придерживаюсь последнего диагноза. В случае, описанном Штеелиным (см. выше) я бы тоже с самого начала (т. е. с появления аномальных явлений в 18-летнем возрасте пациентки) говорил о шизофрении. Штеелин правильно привлекает внимание к «изменениям жизненных влечений», сопровождающих «обжорство» (внезапные, явно немотивированные злоупотребления алкоголем, подавление и растормаживание сексуальных и двигательных побуждений, периодичности сна-бодрствования — подобные тем, какие я неоднократно наблюдал у своих пациентов), но он толкует их как симптомы, «которые нередко можно встретить в период, предшествующий возникновению шизофрении». Здесь, конечно, все зависит от того, что понимается под «возникновением шизофрении». Если это,

как обычно, означает появление серьезных вторичных симптомов, особенно «острого приступа», тогда, естественно, определение Штеелина совершенно точно. Если же понимать под возникновением шизофрении самые ранние признаки шизофренического процесса, даже незначительные, то больше нет смысла говорить о прешизофрении, это так же бессмысленно, как говорить о претуберкулезе при первом появлении клинических признаков наличия верхушечного туберкулеза или при обнаружении на рентгеновском снимке всего лишь точечного очага на верхушке легкого или при увеличении гланд. Если мы не говорим о начале шизофрении до тех пор, пока не увидим появления массовых вторичных психотических симптомов, то терапевт должен также говорить о туберкулезе, только когда можно указать на тяжелые деструктивные процессы в легком. Поскольку по чисто клиническим, и особенно по судебным причинам, мы должны продолжить дифференциацию между прешизофренией (не путать с латентной шизофренией) и «явной» шизофренией, необходимо, — если мы хотим исходить из исключительно медицинской точки зрения — дать единое название всему шизофреническому процессу от самого зарождения болезни до конца. Даже если, согласившись со Штеелиным, мы увидим в этих нарушениях жизненных побуждений, особенно в чрезмерном обжорстве, диэнцефальную дисфункцию (обжорство, как известно, расценивается также как гипоталамический симптом), тем не менее, даже сегодня у нас нет оснований определять шизофрению как диэнцефалоз. Поэтому я предложил бы классифицировать прешизофрению, а также латентную и явную шизофрению как «болезнь Блейлера», точно так же, как можно определить все формы туберкулеза как болезнь Коха. Следует отметить, что это не игра в слова, а, учитывая современный статус подхода к шизофрении, чисто медицинская необходимость. Конечно, шизоидность как предрасположенность характера не подпадает под название «болезнь Блейлера». Шизоидность является болезнью не в большей степени, чем синтония. С другой стороны, при появлении «невротических» или неврозоподобных симптомов у явно шизоидной личности мы должны думать чаще, чем до сих пор, о болезни Блейлера, как мы должны думать о начале депрессии при возникновении таких признаков у выраженно синтонной личности. Исходя из опыта, я думаю, что слишком часто диагностируется невроз тогда, когда мы уже должны говорить о психозе, и все же я согласен с Э. Блейлером, когда он заявляет, что «расценивает концепции неврозов как артефакты, если они не рассматриваются как исключительно симптомокомплексы».

Наконец, что касается лечения, то сегодня должна быть предписана гормональная терапия, нацеленная на вышеупомянутые эндокринные нарушения. Но даже при нынешнем состоянии наших знаний и умений мы далеки от уверенности в возможность излечения. То же самое справедливо и по отношению к шоковой терапии. В ответственной ситуации, в которой находится врач в силу общего состояния больного, шоковая терапия наверняка дала бы желательное временное облегчение. В свете специфической симптоматики случая (страх потолстеть, сильное чувство голода), вероятно, не следовало бы применять инсулиновую терапию, но попробовать электро- или кардиазольный шок. Возможно, при этом могло быть достигнуто временное улучшение, однако после критического изучения нынешних «результатов лечения» следует предположить, что при таком скрыто протекающем процессе и личности, настолько сфокусированной на «или-или», это было бы просто отсрочкой финальной катастрофы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кому-то из коллег может показаться поразительным, даже неправильным, что мы начинаем нашу попытку объяснить с антропологической точки зрения проблему шизофрении со случая, который не сопровождается ни «умственной неполноценностью», ни вторичными шизофреническими симптомами, такими как бредовые идеи и галлюцинации, обрыв мыслей или стереотипия, и который представляет множество нешизофренических черт, обнаруживая, к тому же, преимущественно маниакально-депрессивную наследственность. Я хотел бы ответить на это, начав с утверждения, что именно в этом случае мы в состоянии шаг за шагом проследить и обнаружить, несмотря на запутанность и смутность симптоматики, прогрессирующее сужение, потерю силы и «обмирщение», или, в терминах психопатологии, опустошение личности, как это наблюдается при шизофреническом процессе. Наша задача была облегчена благодаря дару самонаблюдения и самоописания интеллектуально развитой пациентки, медленному протеканию процесса и пригодности адекватных наблюдений, охвативших период жизни, начиная с семнадцатилетнего возраста. В случаях, быстро приводящих к ухудшению психического состояния, и с невежественными пациентами, переходы от нормы к аномальности, которые для нас столь же важны как для физиопатологов, если не больше, не могут наблюдаться так ясно, если вообще поддаются наблюдению. Там, где мы наблюдаем появление серьезных шизофренических симптомов, там мы не видим «генеза» шизофрении, но имеем

окончательный результат, независимо от того, что еще может последовать. С этой точки зрения я полностью согласен с Виршем, заслуга которого в том, что он снова указал на особую научную значимость «простой шизофрении»¹⁸⁷. Наш случай полностью подпадает под ту же категорию, что и описанный им случай Анны К., которая настолько осознанно «переживает внутреннюю неустойчивость и остановку развития» и совершает «бесплодные и истощающие попытки привести в норму экзистенцию и саму себя». Но то, что для Вирша было «особым случаем», обнаруживалось в моем материале гораздо чаще.

Отто Дием в своей основной работе *On the Simple Demented Form of Dementia Praecox*¹⁸⁸ уже указал на то, что прогноз очевиден, «но что только самое тщательное наблюдение за начальной фазой может привести к прояснению, которое, вероятно, может быть достигнуто только с образованными пациентами». Безусловно, он серьезно сомневается, что достаточное количество таких случаев может быть обнаружено среди более образованных слоев, и в доказательство приводит цитату из работы Кальбаума *On Heboidophrenia*¹⁸⁹. Однако, основываясь на собственном опыте, я не склонен разделять сомнение Диема. С самого начала психиатрической работы мне было сложно диагностически четко различать три основные формы шизофрении; даже введение четвертой формы — «простой шизофрении», поначалу мне казалось недостаточным для классификации и прояснения моих случаев. Мне казалось недопустимым группировать некоторое количество наблюдаемых случаев на основе их особой симптоматики и течения под специальным названием: полиморфный тип шизофрении. Однако вскоре я понял, что обычный клинический анализ должен отнести эти случаи к категории «простая шизофрения», несмотря на то, что многие в силу избытка явно нешизофренических симптомов стоят особняком от «заурядных» случаев, которые просто демонстрируют постепенное ухудшение.

К категории «полиморфных» я отнес виды шизофрении без явных гебефренических, кататонических и параноидальных симптомов, которые демонстрировали ясные маниакально-депрессивные признаки, видимые психопатически-ананкастные, компульсивно-невротические, «истерические» или «невротические» симптомы, тенденцию к патологической зависимости (алкоголь, морфин, кокаин), нравственные

¹⁸⁷ Wyrsh Jakob. Über die Psychopathologie einfacher Scizophrenien». *Monatsschr f. Psychiat. u. Neur.*, vol. 102, # 2, 1940.

¹⁸⁸ *Archiv. f. Psychiatrie*, vol. 37, 1903.

¹⁸⁹ Kahlbaum, *Allg. Zschr. f. Psych.*, vol. 46.

дефекты и сексуальные отклонения (особенно гомосексуальность). (Действия криминального характера включались редко.) Кроме этих вышеупомянутых условий, в синдром полиморфной формы были включены следующие характеристики: существенная продолжительность симптомов или их замедленное течение, исчезновение симптомов на годы; утрата пациентами интеллектуальной способности (с сохранением формального мышления и речи), частая смена отношения пациентов к своим общественным задачам (учеба, профессиональная деятельность, создание семьи) и окончательный отказ от них или снижение их социального статуса; их невосприимчивость к психоанализу и низкая результативность шоковой терапии. Естественно, не все случаи сопровождались подобными «осложнениями», но, как правило, некоторые из них можно было наблюдать. Часто, однако, параноидальные или кататонические явления могли наблюдаться годы спустя при последующих исследованиях; тем не менее, подлинное шизофреническое слабоумие в этих случаях редко имело место. При строгом следовании концепции этой полиморфной формы, то есть, исключая все те случаи, где с самого начала и даже спустя несколько лет не было обнаружено гебефренических, кататонических или параноидальных симптомов, такие случаи составляли около 5 % наблюдаемых мной шизофреников; если брать шире, т. е. включить сюда те случаи, в которых проявился один из этих симптомов, — около 10 %. В отличие от распространенности этой полиморфной формы простой шизофрении, заурядные случаи простого постепенного ухудшения в моей практике составляют редкое исключение.

ГЛАВА 4

Роланд Кун

ПОКУШЕНИЕ НА УБИЙСТВО ПРОСТИТУТКИ

Принято рассматривать историю преступника так, будто нас «в большей мере заботят его мысли, чем его поступки, и гораздо больше интересуют источники его мыслей, чем последствия его действий» (Фридрих Шиллер). Однако преступник нередко сам не отдаёт себе отчёта в том, как зарождается эта мысль. Когда такой человек совершает преступление, казалось бы, без всякой на то причины, все наши усилия понять его оказываются бесплодными. В таких случаях психология помогает нам если не решить психическую загадку, то хотя бы пролить на нее свет, позволяя нам реконструировать внешнюю и внутреннюю жизненные истории человека, добиться понимания его снов и фантазий, рассмотреть его установки и склонности и увидеть его во взаимоотношениях с его семейным окружением. Психология также может помочь нам понять его отношения с другими людьми, включая врачей. Кроме того, психология изучает человека в экспериментально упрощенных условиях и описывает его в терминах диагностико-клинической психиатрии на базе классифицированных критериев, которые были выработаны в процессе сравнения между собой многочисленных случаев.

Однако можно описать человека независимо от той или иной нормативной концепции, избегая разграничений между больным и здоровым и, насколько это возможно, вынесения приговора. Мы имеем в виду феноменологический метод Э. Гуссерля¹⁹⁰, получивший дальнейшее развитие в экзистенциальной аналитике М. Хайдеггера¹⁹¹ и экзистенциальном анализе Л. Бинсвангера¹⁹², который делает возможным этот особенный способ понимания.

¹⁹⁰ Husserl E. *Logische Untersuchungen*. Halle, 1913.

¹⁹¹ Heidegger M. *Sein und Zeit*. Halle, 1935; «Vom Wesen des Grundes», *Jahrbuch f. Phil. und phänomenologische Forschung*, Husserl-Festschrift. 1929; *Platons Lehre von der Wahrheit*. Bern, 1947.

¹⁹² Binswanger L. *Grundformen und Erkenntnis menschlichen Daseins*. Zurich, 1942.; *Ausgewählte Vorträge und Aufsätze*. Bern, 1947.

Мы не будем подробно описывать метод экзистенциально-аналитического исследования и приводить аргументы за или против него. Вместо этого мы приведем реальный случай (который, несомненно, сам по себе заслуживает внимания), и вы увидите, добавляет ли экзистенциальный анализ что-то новое к нашим знаниям о человеке, по сравнению с клиническим и психологическим подходом, и если добавляет, то что именно. Для такого исследования мы выбрали особенно трудный и загадочный случай. Однако другие случаи будут не менее подходящими.

I. СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ПОКАЗАНИЯ И ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

23 марта 1939 года Рудольф Р. двадцати одного года, трудолюбивый, неприметный помощник мясника, не имевший ранее судимости, совершил попытку преднамеренного убийства.

Утром он ушел с работы, переодевшись в выходную одежду, приобрел пистолет, патроны и купил билет на поезд, идущий в Цюрих. Приехав туда, он весь день бродил по улицам, заходил в пивные, но пил не много. В пять часов дня в одной из пивных он встретил проститутку, проводил ее до дома и после того, как переспал с ней, уже одевшись, выстрелил в нее. Она была легко ранена. Совершив преступление, Рудольф сдался полиции.

Рудольф ни до, ни после преступления ничем особенным не выделялся — разве что своим на редкость спокойным характером. Когда его спросили, почему он это сделал, он ответил, что, по его мнению, проституткам в Цюрихе деньги достаются слишком легко. Он смотрел много кинофильмов на эту тему, а также читал соответствующие книги. Кроме того, он всегда хотел прославиться и стать героем.

В результате тщательной психиатрической экспертизы предшествующие события и личность Рудольфа были представлены следующим образом: в возрасте 12 лет Рудольф был замешан в краже денег, пожертвованных церкви; позднее он был совращен женщиной. Чувство вины, последовавшее за этим, привело его к психологической изоляции, сделало скрытным и замкнутым. В период, предшествовавший совершению преступления, он все больше и больше замыкался в себе, в мире своих фантазий, где всегда играл героическую роль. В ночь перед преступлением он спал только два часа, затем вышел из дома и бродил по улицам в состоянии сексуального возбуждения, тщетно ища женщину. Именно в тот момент у него зародилась мысль об убийстве проститутки. Рудольф пытался совладать с собой, и на некоторое время это ему удалось. Но днем, во время работы эта мысль

снова пришла ему в голову. С этого момента все, что он ни делал, он делал как бы автоматически. Он больше не мог противостоять преступному импульсу. Эксперты пришли к заключению, что Рудольф — шизоидный истерический психопат, который совершил свое действие в крайнем невротическом состоянии. Его объявили невменяемым, поместили под наблюдение врачей и 1 сентября 1939 года доставили в Мюнстерлинген; психиатрическую лечебницу по месту жительства, для дальнейшего лечения. Там у него не было выявлено симптомов шизофрении или какого-нибудь другого психоза.

II. СВЕДЕНИЯ О РОДИТЕЛЬСКОЙ СЕМЬЕ РУДОЛЬФА

После преждевременной смерти жены отец Рудольфа около года страдал от депрессии. Он не мог работать, жаловался и винил себя. С тех пор он страдал от невралгии тройничного нерва, которую он приписывал давней простуде, подхваченной им в юности, когда он занимался браконьерством. Он перенес операцию по поводу нарушения мозгового кровообращения и умер от инсульта в возрасте 64 лет. Он имел привычку прятать вещи. После его смерти нашли припрятанные деньги.

Мать Рудольфа была довольно умной, очень сентиментальной женщиной. В течение 14 лет она родила десятерых детей. Она не смогла оправиться от рождения последнего ребенка и, проболев пять с половиной месяцев, скончалась в 1922 году.

Дед Рудольфа со стороны матери имел большую ферму и, кроме того, вел дела на стороне. Он был известен тем, что пренебрегал своей женой и путался с проститутками, будучи уже в преклонном возрасте. Он жил на иждивении своей семьи, любил путешествовать и приводил домой сомнительных женщин.

III. ВОСПОМИНАНИЯ САМОГО РУДОЛЬФА

Здесь мы приведем факты из биографии Рудольфа, которые необходимы для понимания его личности. Во время следствия Рудольф вспоминал очень немного. Мы расскажем об этих событиях, без описания методов и условий психологического исследования, с помощью которых была получена информация.

Первые детские воспоминания Рудольфа относятся к четырехлетнему возрасту. Его мать только что умерла. Рудольф обычно спал в постели на месте покойной матери, рядом со своим отцом, ко-

торый ночью носил его на горшок, так как ребенок страдал энурезом. Отец пользовался тем же самым горшком, что производило на мальчика огромное впечатление. Одно время, когда у Рудольфа болела нога, отец накладывал ему компресс, и мальчик мог видеть на ноге отца глубокие шрамы (результат операции по поводу детского остеомиелита). Проводя эту процедуру, отец часто в порыве нежности обнимал Рудольфа, и это производило на него странное впечатление. Рудольф спал в одной постели с отцом примерно два с половиной года.

В этот период времени мальчику купили его первые брючки. В первый же день он их описал и перепачкал фекалиями.

Большую часть дня он проводил дома, пытаясь общаться с экономами отца, но они это не приветствовали; поэтому он бегал по всему дому, обшаривая каждый его уголок и заглядывая под мебель.

Когда Рудольфу исполнилось 6 лет, отец женился на одной из своих экономок. Рудольф помнит, что она попросила называть ее мамой, но он отказался. Однажды на кухне он помочился в воду, предназначенную для поливки овощей. Нередко мачеха посылала его в деревню по поручениям, например для покупки вина. После чего она напивалась, становилась злой и раздраженной и запиралась в своей комнате на несколько дней, оставляя домашнее хозяйство на старших детей. Рудольф не любил мачеху и страдал от припадков ее странного депрессивного поведения. Она была через некоторое время признана алкоголичкой. Возможно, она также страдала шизофренией.

Еще будучи в дошкольном возрасте, Рудольф видел тело умершего соседа — это был старик с огромной бородой. Мальчик был очень испуган и позднее, в возрасте 13 лет, отказался подойти попрощаться к гробу своей умершей бабушки. После того как он увидел покойника, он стал бояться темноты. Он боялся увидеть черта; завывания ветра на чердаке, в чулане или в коридорах он принимал за стоны умирающих. По ночам он бродил по дому с закрытыми глазами.

В первые школьные годы большое впечатление на него произвели иллюстрации в детской Библии, особенно две из них: усекновение головы Иоанна Крестителя и искушение Христа возле Иерусалимского храма. К этому периоду времени относится его прыжок с сеновала на землю, когда он, переоценив толщину стога сена, сломал себе правую ногу. Кость срослась неправильно, так как отец из экономии отказался поместить мальчика в больницу, как советовал врач. Когда, несколько недель спустя, Рудольф вернулся в школу, ученики посмеялись над его заявлением, что он сломал «маленькую косточку» в ноге. Долгое время Рудольф верил, что он родился с обеими изуродованными ступня-

ми и что одна из них — левая — выправилась в результате перелома, а правая осталась прежней.

В результате несчастного случая беспокойство мальчика усилилось. Он не решался перейти мост из страха упасть в воду. Башни и крыши также внушали ему страх падения. Кроме того, он видел себя упавшим на конвейер какого-нибудь завода и разрезанным на кусочки — наподобие Макса и Морица¹⁹³ (правда, остается неизвестным, читал ли он тогда эту книгу). После того как он услышал, что неподалеку было найдено тело, объеденное крысами, у него развился страх быть съеденным заживо крысами в лесу. К тому же он стал бояться играть с товарищами, потому что во время игр могло «что-нибудь случиться», и все больше замыкался в себе. Вскоре у него создалось впечатление, что его одноклассники за что-то обижены на него и не хотят иметь с ним дела, и он тяжело переживал это.

Один из старших братьев Рудольфа собирал церковные пожертвования во время мессы, и Рудольф стал ему помогать. Кто-то из мальчишек научил Рудольфа открывать ящичек для пожертвований. Рудольф же с детства любил монетки и разные блестящие вещицы. Он поддался искушению и украл несколько монеток. Часть денег он потратил на сигареты для своих товарищей, стремясь снова завоевать их расположение. Он также увлекся покупкой и продажей кроликов и совершил несколько обменов. Он приобрел детский конструктор и фейерверки, и привлек к себе внимание, запуская их в большом количестве. За ним стали наблюдать и поймали в церкви на очередной краже. Тогда ему было около 12 лет. После того как его уличили в воровстве, он пришел домой и в туалете занялся онанизмом. На следующий день в школе он был побит учителем, а позже — отцом. Священник проклял его и пообещал, что тот будет гореть в аду. Его тщательно допрашивал церковный староста, но его так душили слезы, что он едва мог говорить. В глубине души мальчик негодовал, и то, что он ничего не мог сказать в свою защиту, приводило его в еще большую ярость. Его заставили извиниться перед распятием в присутствии священников, но внутренне он кипел жадой мести, желая убить и поджечь своих мучителей. Всякий раз, когда дома подавали жареного кролика, мальчик испытывал унижение от намеков на то, что за эту пищу они обязаны церкви. Очень значимо то, что Рудольф начал заи-

¹⁹³ Герои популярной в Германии детской книги Вильяма Бума, содержание и иллюстрации которой ярко описывают наказание, постигшее двух непослушных мальчишек за их беспрестанные грубые шутки и насмехательства.

каться в школе, вызывая насмешки учителя и соучеников. Заикание прекратилось лишь несколько лет спустя, когда он закончил школу.

Нередко Рудольф мог видеть, как отец забивал кроликов в чулане. В таких случаях Рудольф иногда спрашивал, почему умерла его мать. Отец либо уходил от ответа, либо отвечал, что от желтухи. Рудольф помнит, что в детстве он ненавидел желтый цвет. Подружку сестры, которая носила желтую юбку, он называл «желтой угрозой» или «желтой лихорадкой». Физически Рудольф был сильным и хорошо развитым. Он рано возмужал. Незадолго до кражи в церкви старший брат Рудольфа, который спал с ним в одной постели, соблазнил его заняться мастурбацией под видом сексуального просвещения. В последующие годы он много мастурбировал, обычно в полном одиночестве, в туалете. Тогда у него появился страх, что из окна высунется мертвая рука и схватит его или же он провалится в канализацию. Он воображал себе, что застрянет в канализационной трубе, увидит там женские гениталии и его лицо будет испачкано калом и менструальной кровью. Он приходил в сильное волнение, смешанное с сексуальным возбуждением, и представлял себе, что в различных телесных ощущениях чувствует прикосновения духов, особенно в холодке, бегущем по коже.

После кражи в церкви у него завязался роман с женщиной, по возрасту годящейся ему в матери. Впоследствии, узнав, что Рудольф украл снова, она сообщила об этом его отцу. Рудольф возненавидел свою любовницу и решил ее убить. Однако, несмотря на это, продолжал с ней видеться. Когда она поручила ему отнести в починку ее туфли, он немедленно отправился в туалет, где мастурбировал, держа туфли в свободной руке.

До того как произошел эпизод с кражей, Рудольфа очень впечатляли церковные обряды, особенно праздник Вознесения (который Рудольф, вероятно, путал с Воскресением), который отмечался с особой пышностью, — мальчика потрясала его мрачная красота. После своего проступка он возненавидел священника, церковь, школу и в особенности религиозное обучение. Среди всех заповедей большие возражения вызывало у него «не убий!», потому что каждый раз, когда с ним что-то случалось, он вынашивал мысль о мести и убийстве. Он всегда был очень чувствительным ребенком и долго плакал, если кто-то не выполнял данного ему обещания.

Когда Рудольф окончил школу, он начал работать у мясника — дяди по материнской линии — и поселился в отдалении от родительского дома. Он развозил мясо и выполнял другие поручения. Во время поездок с ним происходили разнообразные случаи. Однажды он видел,

как рабочие вытаскивают из реки обезображенное тело утопленника. Он тесно общался с подмастерьями и учениками мясника. Они вечно обсуждали сексуальные проблемы, не стесняясь в выражениях. Однажды старшие товарищи устроили для пятнадцатилетнего Рудольфа ночь с несовершеннолетней девушкой — служанкой. В возрасте 16 лет Рудольф поступил на службу в подмастерья к мяснику в Аппензеллерленде. В детстве он сказал однажды, что хочет стать мясником, потому что у мясников самые красивые жены. Позднее профессия мясника ему разонравилась, и он захотел стать механиком, но его отец настаивал на том, чтобы мальчик выбрал профессию мясника. Вначале Рудольфу не нравилось убивать животных, это порой вызывало у него тошноту, но потом он привык и вскоре полюбил свою работу.

В начале своего ученичества Рудольф также был занят доставкой мяса и частенько болтал с домохозяйками. Он интересовался их интимными делами, такими как месячные, рождение детей, отношения с мужьями. Одна из женщин рассказала ему жуткую историю своего сына, который застрелил соседскую супружескую пару, думая, что они занимаются колдовством и виноваты в болезнях его лошадей, смерти его младшего брата и трудных родах матери во время рождения сестры. Убийство произошло, когда Т. (позже он был помещен в лечебницу с диагнозом «шизофрения») проходил мимо соседского дома и соседка спросила у него, родила ли его мать. Думая, что женщине уже все известно и она спрашивает, чтобы разозлить его, он пришел в ярость и выстрелил.

В тот раз, вероятно, в связи с рассказанной историей, Рудольф испытал сексуальное возбуждение, смешанное с желанием убивать женщин, рассказывавших ему о себе. Обычно он подавлял в себе это желание и уходил, взволнованный странным желанием. Ему было приятно, что миссис Р. называла его Себастьяном, он представлял себе святого, его деяния и мученичество. Но однажды, когда в дом миссис Р. его сопровождал хозяин, его настоящее имя было раскрыто, и Рудольфу было очень стыдно.

Ко времени его визитов к миссис Р. относится и любовная интрижка Рудольфа с женой своего хозяина, рассказывавшей ему о своей несчастливой семейной жизни и нашедшей в Рудольфе замену своему мужу. Впоследствии она созналась во всем своему мужу, и Рудольфу пришлось уволиться. Когда отец Рудольфа узнал об этом, он не мог не одобрить поступок сына — ведь интрига с замужней женщиной означала необыкновенную сексуальную потенцию Рудольфа.

Очередная попытка Рудольфа получить профессию механика потерпела неудачу — отец снова запротестовал, и ему снова пришлось

поступить в ученики к мяснику, уже другому. К этому периоду относится случай, когда Рудольф увидел одну из служанок лежащей без сознания на кровати. Он смотрел на нее, затем дотронулся, чтобы узнать, жива она или нет, потом попытался открыть ей глаза и, наконец, попробовал совершить с ней половой акт, но безуспешно. Постепенно она пришла в себя. После этого случая они не раз вступали в интимные отношения на его или ее постели. Когда об этом узнал его хозяин, он пришел в ярость и, войдя в комнату спящего Рудольфа, разбудил его тумаками.

Со времени своей первой работы у мясника Рудольф неизменно по воскресеньям ходил в кино на детективы, просматривая нередко по три детектива за день. Также он в большом количестве читал бульварную литературу и везде искал случая вступить с кем-нибудь в интимные отношения. Но, не обладая приятными манерами, он терпел поражение; однажды он попытался соблазнить одну из своих старших сестер, но был отвергнут. Дни напролет он проводил в фантазиях на детективные и сексуальные темы.

После того как его избил хозяин, Рудольф впал в глубокую депрессию. Вернувшись домой, он ничего не ответил на вопросы сестры, вызвал такси и уехал, задумав перерезать горло водителю такси ножом для разделки мяса, который у него был с собой. Он не исполнил своего намерения, но, высадившись из такси в соседнем городке, угнал чей-то автомобиль. Бесцельно проездив всю ночь, рано утром он врезался в изгородь и вылетел из машины, после чего направился домой к одному из своих братьев, который дал ему денег и велел идти на работу.

Вскоре после этого случая Рудольф закончил учебу и стал работать. Последовали новые конфликты с отцом, который требовал, чтобы он посылал домой деньги, в то время как Рудольф мог едва существовать на свое жалованье. Он часто ездил в город, подолгу ночью бродя по сомнительным кварталам и ища общества проституток. Однажды он переспал с одной не очень молодой и подвыпившей барменшей, одевавшейся в прозрачное голубое платье. В другой раз он купил шампанское танцовщице ночного клуба, которая обманула его. Часто он пребывал в состоянии сильного нервного напряжения и сексуального возбуждения. Так как условия жизни и финансовое положение не позволяли ему получить удовлетворение и снять напряжение, он прибегал к старым способам. Он занимался мастурбацией, нередко используя монеты, шелковые женские чулки, шелковые платки и внутренности животных. Время от времени он совершал акты скотоложства со свиньями, перед тем как заколоть их. Также он получал деньги от одного врача-гомосексуалиста за выполнение пассивной роли.

Однажды друг уговорил его участвовать в ограблении. Рудольф надеялся таким образом получить деньги, но обстоятельства сложились так, что друг обошелся без его помощи, был пойман и попал в тюрьму. Позднее он сказал Рудольфу, что в тюрьме было неплохо, он мог работать, и ему там очень понравилось.

В этот период Рудольф дружил с дочерью фермера. Они иногда встречались по воскресеньям на пастбище, обнимались, но до настоящего секса дело никогда не доходило. Со своим работодателем он ладил, поскольку был исполнительным работником. Его считали тихим, незаметным человеком. Когда владелица дома, где они жили, вступила в конфликт с работодателем Рудольфа, он мысленно представлял себе, как убивает ее.

В последний раз Рудольф побывал дома на Рождество, в 1938 году. Отец снова упрекнул его в том, что тот не посылает домой денег. Когда впоследствии одна из сестер написала ему, что у отца инсульт и он при смерти, Рудольф обрадовался. Вскоре, 18 января он получил известие о смерти отца. Жена работодателя заметила ему, что он не похож на человека, у которого умер отец. Когда Рудольф приехал домой, он был слегка простужен, но весел. Отец лежал на кровати. Рудольф сначала оробел, но, когда мачеха разрешила ему дотронуться до тела, он дотронулся и стал вести себя очень странно. Он открывал и закрывал отцу глаза; пожелал тщательно осмотреть тело, побрить лицо, вынести тело и поставить, привалив к стене в коридоре, где оставался один из братьев, не решавшийся войти в комнату. После того как тело положили в гроб, Рудольф захотел осмотреть постель отца, но ему не разрешили.

На следующий день состоялись похороны. Рудольф плохо спал и вообще чувствовал себя нехорошо. Пока ожидали съезжающих на похороны родственников, он громко слушал по радио популярную музыку. Но в момент выноса гроба из дома он начал плакать и никак не мог остановиться, за что его выбрали даже члены семьи. Всю дорогу на кладбище он был очень печален, думая о том, что отец проезжает мимо этих домов в последний раз. Когда они проходили мимо школы, он немного развеселился, вспомнив, как, будучи учеником, завидовал людям, проходящим рядом со школой, в то время как он должен сидеть и учиться. Церемония погребения показалась ему ужасной, и, когда гроб опускали в могилу, он снова заплакал. На поминках, где подавали мясо и красное вино, его обидело веселье окружающих, и он отказался от еды.

На следующее утро, в воскресенье, он увидел соседку, которую очень любил, когда был маленьким, и в которой горько разочаровался. Разговаривая с ней, он все больше убеждался, что отец, не очень

счастливым в новом браке, имел с этой женщиной, у которой был муж-алкоголик, интимные отношения.

Несмотря на протесты братьев и сестер, он уехал в полдень того же дня с намерением остановиться в Цюрихе и воспользоваться услугами проститутки. Когда он ехал в троллейбусе по Банхофштрассе, ему вспоминались похороны отца. Он ощутил себя отцом, лежащим в гробу, который везут по улицам города на кладбище. Его охватило непреодолимое желание задушить проститутку, которую он планировал навестить. Он зашел в бар, где увидел одну из проституток. Он последовал за ней к ней домой, все еще с намерением ее задушить. Когда он задернул по ее просьбе занавески, она сказала, что раздеваться не будет. В ту же минуту желание ее задушить у Рудольфа пропало. Он совершил с ней нормальный половой акт и поехал на работу.

В течение следующей недели ничего особенного не происходило. Он не виделся со своей знакомой девушкой. В среду, 22 марта 1939 года, он поехал в ближайший городок и безуспешно пытался найти проститутку в дешевом баре. Знакомая официантка помогла ему удовлетвориться мануальным способом. Он опоздал на последний поезд, и, как и прежде, бродил по улицам почти всю ночь, и вернулся домой рано утром.

В 8 часов утра он нес лоток с нарезанным мясом и внезапно поставил его на землю. После этого он действовал автоматически.

Как мы упоминали раньше, он прибыл в Цюрих рано утром. Он никак не мог найти проститутку в баре, поэтому он зашел в несколько пивных, но пил мало. Официантка рассказала ему длинную историю об убийстве в Сазеле, о которой недавно писали в газетах. Она заметила, что преступник на много лет попадет за решетку.

В первой половине дня Рудольф вернулся в бар, в который заходил несколько недель назад. Вскоре туда зашли три проститутки. Он выбрал блондинку и отправился к ней домой. Когда она появилась перед ним совершенно голая, он очень испугался. Он разделся, но не смог достичь разрядки, поэтому женщина должна была удовлетворить его мануальным способом. Затем оба оделись.

Он заплатил ей двадцать франков, вынул револьвер, держа его перед собой так, что его нельзя было рассмотреть как следует. Женщина приняла его за зажигалку, и он предложил ей посмотреть. В это время он, не прицеливаясь, нажал на спуск. Женщина получила ранение в шею и потеряла сознание. Он убежал не оглядываясь, чувствуя себя очнувшимся от кошмарного сна.

Сначала он бесцельно бродил по улицам, потом ему пришло в голову, что надо позвонить в полицию и сообщить о случившемся, пусть

они поедут и посмотрят. После звонка в полицию он позвонил на работу своему начальнику и сказал, что он совершил противозаконный поступок и на работу не вернется.

Тем временем подъехала машина скорой помощи, и он наблюдал, как выносят раненую женщину. Позднее он звонил в больницу и безуспешно пытался узнать о ее состоянии. После этого он, проголодавшись, зашел в ресторан и заказал мясо и красное вино. Из ресторана он позвонил в полицию и сказал, где найти человека, совершившего покушение на убийство. Полиция прибыла прежде, чем он успел поесть. Он спрятал револьвер в хлебницу. В полицейской машине он признался, что голоден как волк. Во время допроса Рудольф был необычайно спокоен. Он не мог сказать, почему совершил такой странный поступок. Вначале он был спокоен и в тюрьме, где исправно работал. Тем не менее, он чувствовал разочарование, так как его друг рассказывал о жизни в тюрьме совсем иное. На Пасху, услышав звон колоколов и увидав чистое голубое небо, он разрыдался. Надзиратель напомнил ему: «Обман недолог. Угрызения совести бесконечны».

Вскоре после этого его перевезли в Бургхольцли для исследования.

IV. Из раннего детства Рудольфа

В этой главе мы расскажем о событиях, которые Рудольф не помнит. Он много фантазировал на эти темы, и нам пришлось попросить его родственников вспомнить, как все было на самом деле. Материал этой главы — результат опроса, который, как ни странно, во многом соответствует фантазиям Рудольфа. Оказалось, что многочисленные сны Рудольфа выражали его ранний опыт.

Рудольф, восьмой из десяти детей, родился 9 октября 1918 года. После него родился мальчик, умерший в младенчестве от пневмонии. Следом за мальчиком родилась девочка. От последних родов мать так и не оправилась. Прикованная к постели, она страдала от частых кровотечений, желтухи и лихорадки. Она умерла 23 февраля 1922 года.

Во время болезни матери, в течение пяти с половиной месяцев, Рудольф находился вместе с ней в ее постели; она разговаривала с ним. Он тогда носил юбку. Старшие дети присматривали за домом и были рады, что она взяла на себя Рудольфа. Младшая девочка не доставляла никаких хлопот. Мать умерла ночью, после долгой и трудной агонии, во время которой присутствовала вся семья и священник, окропивший умирающую святой водой. Так как постель была испачкана кровью, а мать была легкой, отец перенес ее тело в другую комнату. Рудольф спал той ночью в комнате, где умерла его мать.

Утром он проснулся и стал искать мать в измятой грязной постели. Его одели и сказали, что мама умерла. От переноса тела на полу остались пятна крови. Очевидно, по этим следам Рудольф нашел комнату, куда перенесли мать. Он подвинул к кровати стул, влез на него и перебрался к матери. Он дотронулся до ее лица и спросил: «Мама, ты ведь не умерла? Мори говорит, ты умерла. Но ты ведь спишь, правда?» Одна из старших сестер нашла мальчика и увела его. Он не плакал и не проявлял признаков страха. (Кажется, эта сцена повторилась и на следующий день.) Мать умерла в четверг. Похороны состоялись в воскресенье во время карнавала. Вероятно, Рудольф проводил большую часть дня у окна, наблюдая всеобщее веселье и маскарад. По всей видимости, это первые воспоминания Рудольфа, относящиеся к этому периоду. Он вспоминает лошадей, запряженных в повозку, это могли быть как похоронные дроги, на которых везли его мать, так и повозка его мачехи.

Братья и сестры утверждают, что после похорон матери Рудольф изменился. Вся семья сочла поведение Рудольфа у тела матери очень трогательным, и, когда появилась своенравная мачеха, бедного ребенка жалели.

V. НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ПОВЕДЕНИЕМ РУДОЛЬФА В ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ БОЛЬНИЦЕ

С самого начала Рудольф выделялся среди прочих пациентов самоконтролем и разумным поведением; поэтому у него было много привилегий.

Работая в Бургхольцли, Рудольф познакомился с горничной. Знакомство переросло в дружбу, которую он не забывал после переезда в Мюнстерлинген. В Бургхольцли у него начались серьезные депрессии, во время которых он рыдал и проявлял крайнее отчаяние.

В Мюнстерлингене Рудольф был снова уравновешенным, дружелюбным, общительным и очень хотел работать. Вскоре он стал замечать мужчину из прислуги, которого призвали на воинскую службу. Но через год выяснилось, что Рудольф злоупотреблял своим положением и завел интрижку с кухаркой, преодолевая огромные препятствия и тщательно скрывая свою связь. Хитросплетениями лжи и вымышленными снами, довольно правдоподобными, он вводил в заблуждение врачей и санитаров. Наблюдение за ним осложнялось тем, что его регулярные встречи с врачом постоянно отменялись из-за военных обязанностей последнего.

Во время сессий Рудольф сперва был скрытным и замкнутым, всячески избегал общения. Он даже не хотел лечиться, поскольку боялся (имея для этого все основания), что могут выявиться некоторые факты, способные продлить срок его пребывания в больнице, а также из-за того, что после истории с кухаркой его совесть была нечиста, и, ко всему прочему, потому, что он хотел остаться таким, каким он был, и жить прежней жизнью. Его дружелюбное обращение и обязательность снискали ему всеобщее расположение. Его крепкое телосложение и привлекательная внешность вызывали симпатии окружающих, особенно медсестер и женщин-пациенток. Он был доволен жизнью.

11 марта 1940 года, когда тайный роман Рудольфа продолжался, произошло нечто неожиданное. Внезапно Рудольф полностью изменился. Он рассказал, что много думал о своем отце и несколько ночей почти не спал. Он потерял аппетит. Сексуальное желание также угасло. Рудольф стал жаловаться на головные боли и бросил курить. У него было ощущение, что курение оупляет его. Он чувствовал себя больным, но не мог понять, что у него болит. Он ощущал себя усталым, разбитым, измотанным, обессиленным и не хотел работать, ему все надоело, все вызывало утомление. Рудольф не мог сказать, что случилось, но не видел для себя будущего и оттого был в отчаянии. Он думал, что ему будет все хуже и хуже и он никогда не выйдет из больницы, что никто не сможет ему помочь, что он даже не сможет умереть, что его следует наказать и перевести в отделение для буйных — ничего другого он не заслуживает. Он сказал, что он совершенно растерян, у него не осталось никаких чувств, но его состояние отличается от прежнего тем, что сейчас он не чувствует страха и очень спокоен, и может совершить убийство в любую минуту — это его не взволнует и оставит абсолютно равнодушным. Однако он настаивал, что он в ясной рассудке и полностью отвечает за свои слова и действия.

В последующие дни состояние Рудольфа становилось то лучше, то хуже. Он сказал, что может думать только о ближайшем будущем, и что он сам и все окружающие кажутся ему странными и холодными. Снова и снова ему в голову приходила мысль, что все знают, почему он здесь, и презирают его.

В таком или близком к этому состоянии он оставался многие недели. Сперва преобладали жалобы на происходящие в душе изменения. Он объяснял, что чувствует себя будто бы заколдованным. Несколько раз у него наблюдались суицидальные импульсы. Он обращался к врачу, но его просьбы о помощи выглядели театральными и истеричными. Позднее он успокоился и жаловался лишь на общую слабость и разнообразные физические недомогания. Впоследствии он признал,

что чувствовал себя отвратительно. Он изнурял себя трудными арифметическими задачами, чтобы убедиться в сохранности своего интеллекта, надеясь, что таким образом тревога и беспокойство исчезнут. Однажды он порезал левую руку в надежде, что вид крови принесет ему облегчение.

Через три месяца его настроение резко изменилось; перемена произошла в течение нескольких дней. Настроение Рудольфа стало приподнятым, он много и громко разговаривал, перескакивая с одной темы на другую. В это время он довольно свободно выдумывает сложные истории, чтобы скрыть свои отношения с кухаркой, строит грандиозные планы на будущее, хочет выучить английский язык и повидать мир. Он стал проявлять нетерпение и требовать скорейшей выписки.

Впервые за много лет он исповедался и причастился. Он почувствовал, что это ему очень помогло, и рассказывал всем, что с ним произошло чудо, словно камень упал с души. Позднее он начинает вести себя как ловелас и проводит много времени на пляже. Он тщательно одевается, повязывает яркие галстуки, пользуется кремами для кожи и лаком для волос и умудряется использовать пятнадцать флаконов духов в течение нескольких недель. Его сон и аппетит были превосходными, от прежних симптомов не осталось и следа. Иногда он чувствовал раздражение и начинал ворчать по поводу больничных порядков, говоря, что ему даже в тюрьме было лучше. Он также ссорился с товарищами по работе и нередко угрожал им, поэтому мы были вынуждены перевести его в одиночную палату. Это положило конец всяческим тренингам.

Уже эти первые периоды дурного настроения отличались непродолжительностью и непостоянством. В разгар почти маниакальной активности Рудольф мог впасть в отчаяние и рыдать час или два. В последующие несколько лет перемены настроения были все еще заметны стороннему наблюдателю, хотя происходили не так резко, как прежде. В неравные промежутки времени Рудольф мог демонстрировать подавленное настроение, депрессивное уныние, отчаяние и чувство некоей заговоренности. Таким образом, он мог внезапно стать раздражительным и драчливым, испытывать чувство обиды на окружающих или вдруг придти в веселое настроение и начать активно общаться. Часто под влиянием того или иного настроения он находился лишь несколько часов, а иногда несколько дней. Порой его поведение, кажется, не имело видимой причины, порой же явно было связано с конкретными событиями его жизни. Неожиданные события, такие, например, как выписка пациента, могли вызвать у него приступ пло-

хого настроения. Депрессивное состояние было значительно сильнее выражено в весенний период.

За выраженной склонностью к депрессии лежали другие эмоциональные процессы, которые не легко было отследить. Серьезной депрессии 1940 года предшествовала отчетливо выраженная, особенно в соматике, депрессивная преустановка. Та депрессия продолжалась около двух лет, в течение которых Рудольф чувствовал себя хронически больным, но неизвестно, какой именно болезнью. У него снова и снова возникала склонность к ипохондрическим реакциям. Он все время думал о своей матери, никогда не чувствовал себя полностью свободным, его почерк при письме был очень мелким.

С конца 1941 года и до конца 1943-го настроение Рудольфа было совершенно противоположным. Он говорил громкоподобным голосом, ел с невероятным аппетитом, почерк его был быстрым и крупным, с левым наклоном. Тревога и суицидальные настроения исчезли, но появилось недовольство больницей, врачами и самим собой. Он ощущал непонимание со стороны окружающих и делился своими мыслями с замужней женщиной, посетительницей больницы. На вечеринке, устроенной в больнице, он танцевал исключительно с этой женщиной и тем самым дал повод для сплетен, поэтому нам пришлось вмешаться. В последующие два года, с 1943 по 1945, Рудольф оставался в депрессивном настроении с соответствующими соматическими проявлениями, его почерк снова стал очень мелким и без наклона, голос — тихим. Его аппетит уменьшился, он не протестовал против больничных порядков. Весной 1944 года он очень неохотно (поскольку все еще упрямо держался за идею остаться мясником) начал работать учеником садовника в больнице. В это время Рудольф боролся с сильным желанием броситься под поезд.

Однако когда он стал охотно выполнять обязанности садовника и тайно влюбился в медсестру, его состояние улучшилось. Он стал более уравновешенным, начал читать хорошие книги. Весной 1947 года он выдержал последний учебный экзамен, по результатам которого стал вторым среди трехсот учащихся в кантоне Тургау. После этого ему разрешили на время покинуть больницу. Год он проработал садовником, работодатель был очень доволен его поведением.

Весной 1948 года, через 9 лет после совершения преступления, он был окончательно выписан из больницы и поступил в торговое училище для дальнейшего обучения.

VI. Мечты и сны Рудольфа

Можно с уверенностью сказать, что до совершения преступления Рудольф долгое время был большим мечтателем и что его поступки можно понять только исходя из его фантазий. Но, в силу их особенностей, содержание фантазий нельзя перевести в сферу сознательного, понятно, что Рудольф не мог дать нам точную информацию в этом вопросе. В процессе психиатрического лечения получили освещение разрозненные

фрагменты ранних фантазий, однако целостной картины, на основании которой можно было бы полностью объяснить поведение Рудольфа, они не создавали. Однажды забытое содержание фантазий, будучи впоследствии воспроизведенным, почти всегда оказывается фальсифицированным и, соответственно, лишь с большими оговорками может быть использовано для истолкования загадочного поведения.

Однако что касается более позднего периода, то во время пребывания Рудольфа в больнице мы были свидетелями многочисленных фантазий и особенно хорошо знакомы с содержанием его снов, которые и представим.

Сперва Рудольф почти не делился своими мечтами и тщательно скрывал свои фантазии. Так как у него вначале отсутствовал интерес к жизни, с ним вообще трудно было найти общую тему для разговора. Он был неверующим и не ходил в церковь, и его воображение питалось тайным чтением бульварной литературы и просмотром кинофильмов.

Во второй половине сентября 1939 года мы говорили с Рудольфом и объяснили ему, как планируем проводить его дальнейшее лечение. После этого, 25 сентября он рассказал свой сон, в котором его врач был застрелен.

В течение последующих шести месяцев Рудольф рассказал лишь о шести снах. В одном из них он снова увидел смерть своего врача. В двух снах он видел, как украл, упаковал и увез два женских тела. Два сна тогда не поддались интерпретации; позже выяснилось, что они касались тайных отношений Рудольфа с кухаркой и обмана врача.

Сны о женских телах могли быть связаны с воспоминанием о фильмах с восковыми фигурами мадам Тюссо, в котором убийца-садист превращал свои жертвы в восковые фигуры. Также сыграло свою роль дешевое чтиво, которым Рудольф увлекался в юности. Он часто рассказывал о фантазиях, снова и снова приходящих в голову, например таких: он выходит из дома, и все люди, встречающиеся ему на ули-

це, падают замертво. Кроме того, он воображал себя победителем в спортивных состязаниях, хотя никогда особенно не занимался спортом, представлял, что он чемпион по стрельбе в цель и его целуют хорошенькие девушки. Он, кажется, имел какое-то смутное ощущение, что у него в голове не все в порядке, но считал, что помочь ему могут лишь частые половые сношения. Именно поэтому он с самого начала стремился выписаться из больницы и яростно протестовал против кастрации, хотя никто не говорил ему об этом.

Во время депрессивного состояния в марте 1940 года Рудольф был большей частью озабочен собой и собственным здоровьем. Он рассказал лишь об одном своем сне: ему приснилось, что его лицо покрыто безобразными струпьями.

В тот период, когда все казалось ему чуждым и отстраненным, он вспомнил, что и раньше испытывал нечто подобное, в частности по отношению к своей девушке незадолго до совершения преступления, и это явилось причиной того, что они временно перестали видеться. В разговорах с врачом он частенько упоминал истории из Библии, в особенности ее наиболее жестокие события. Тогда же он рассказал о своей ночной поездке в такси и намерении убить водителя.

На одном из этапов лечения Рудольф удивил нас частыми разговорами о смерти. Смерть приходит как невидимая сила или в человеческом облике, склоняется над человеком, и тот сразу умирает. К ребенку приходит улыбающаяся женщина в белом, к солдату — офицер. Лишь стариков посещает скелет и пожимает им руки в дружеском приветствии. Рудольф всегда ужасно боялся смерти и, когда кто-нибудь говорил об умирающих, не решался после этого ложиться спать.

Впоследствии Рудольф поведал о снах, напоминающих целые театральные постановки, в которых переплелись его детские воспоминания о местных праздниках, впечатления об увиденных кинофильмах и цирковых представлениях, прочитанных книгах, а также библейские истории. В некоторых снах женщины подвергались насилию и были убиты. Также он рассказывал о грандиозных мечтах, в которых он видел себя генералом на поле кровавой битвы, увенчанным лаврами победителя; великим государственным деятелем, политиком, врачом, нашедшем лекарство от смертельной болезни, отважным путешественником, подвергающимся в своих странствиях различным опасностям.

Подобного рода мечты, а также другие фантазии, часто на тему убийства и расчленения женщин, возникали у него на протяжении многих лет. Он рассказал нам о своих впечатлениях от пребывания в Цюрихе на следующий день после похорон отца. Он также говорил,

что весь день в больнице ему не дает покоя мысль, что в следующий раз он не промахнется, он будет стрелять более хладнокровно и лучше прицелится и убьет не одну женщину, а несколько, и т. д.

Кроме того, он описывал ужасное состояние тревоги, которое настигало его, когда он оставался наедине с женщиной, и возникающий порыв убивать, который он мог преодолеть

только огромным усилием. Все чаще и чаще у него возникал страх, что в темноте он может обнаружить мертвое тело. Он верил, что на его пути в туалет кто-то положил покойника, и он боялся наступить босой ногой на окоченевший труп. Вскоре он вообразил, что рядом с ним в постели труп женщины, и он не решался даже вытащить руку из-под одеяла, принимая прохладу воздуха за мертвое тело покойника. Часами он лежал в постели в холодном поту, не решаясь шевельнуться.

Находясь в подобном состоянии, Рудольф увидел сон: из песчаной дюны торчат чьи-то руки и ноги. Кто-то во сне объяснил ему (и он передал мне эти слова), что там, в песке, — тело мужчины, которого в одном из предыдущих сновидений Рудольфа задавил поезд. На сессиях Рудольф все время проявлял интерес к покойникам, гробам, крови и другим подобным темам. От груды песка Рудольф перешел к образу груды поленьев в маленькой комнате родительского дома, — в той самой комнате, где его мать лежала на смертном одре. Затем, через три дня после приснившегося ему сна, у Рудольфа произошел эмоциональный взрыв, во время которого он проиграл самую важную сцену у тела матери, до тех пор забытую им и неизвестную нам. Параллельно с этим Рудольф рассказывал о случайных снах, которые, на первый взгляд, не поддавались никакой интерпретации, но на самом деле они относились к его тайной любовной интриге и заставляли его изобретать различные хитроумные выдумки, чтобы отвести от себя подозрения врача. Такова была одна из его типичных реакций в состоянии маниакального возбуждения.

Впоследствии Рудольф видел сны гораздо чаще, иногда даже днем. В содержании этих снов можно выделить два новых образа, которые в разных вариациях встречались в течение нескольких последующих лет. Вначале Рудольф видел себя маленьким ребенком, потом — маленьким принцем, с которым происходили различные неприятности. После снов о принце Рудольф начал фантазировать, что он — не сын своих родителей. В своих фантазиях Рудольф идет по подземным переходам, в которых натывается на старую, ржавую дверь, через которую попадает в роскошные покои или в пещеру-лабиринт, в церковь или в склеп. Там, при тусклом свете коптящих факелов, совершаются

торжественные ритуалы; часто выкапывают ящик, гроб или сундук, внутри которого оказываются сокровища. Содержание сновидений снова и снова связано с мертвецами и мертвыми телами, но ящик в то же время служит средством для воскрешения мертвых. Часто в этих снах он убивал или был убит. Например, в одном из них Рудольф — на дне моря; из затонувшего корабля выплывает девушка, обвивает его своими волосами и угрожает кинжалом.

После этого он признался, что у него был роман с кухаркой (который только что завершился), и почувствовал себя более спокойно, далее мы убедились, что он стал ровнее в отношениях с окружающими. Его подруга тем временем вышла замуж и забеременела. Он сообщил, что «родился маленький темный комочек, похожий на ребенка».

В этот период Рудольф много фантазировал на тему смерти своей матери и пытался различными способами вызвать в памяти ее образ. Интерпретация его сновидений снова коснулась лошадей, запряженных в похоронные дроги, гробовщика и скульптора, делавшего надгробье. Кроме неоднократного возникающих трупов, Рудольф наблюдал в своих снах множество разнообразных видов убийства: либо убийцей был Рудольф, либо убивали его, либо он был свидетелем убийства. Возникла целая череда друзей его детства. Мальчишки, с которыми он водился, особенно те из них, кто впоследствии «сбился с пути» или сошел с ума, фигурировали в разнообразных причудливых и кровавых приключениях. Своих прежних подруг Рудольф видел во сне очень редко.

Весной 1941 года Рудольф прошел через продолжительную депрессию, правда, с менее ярко выраженными симптомами. В его фантазиях все еще нередко присутствовало убийство. После занятий мастурбацией он часто воображал, что убивает женщин.

Находясь в таком состоянии, он враждебно относился к врачу. Хотя он сохранял внешнее спокойствие, он много фантазировал на тему убийства врача и представлял себе, как бы он это сделал. Лечение становилось непродуктивным и опасным.

В марте-апреле предыдущего года Рудольф рассказал о своей поездке в такси и намерении убить водителя. Также Он признался в своих гомосексуальных похождениях, произошедших за несколько лет до преступления (не исключено, что они имели место в том же году). Теперь в его снах часто стали появляться другие пациенты больницы. В это время он часто вступает в драки с ними, видит их в своих снах мастурбирующими и подозревает, что они подсматривают за ним. Обсуждая свои сны, он невольно снова и снова упоминал об операции и кастрации.

Тем же летом в снах Рудольфа стал все чаще появляться мотив расчленения, это сопровождалось легким маниакальным состоянием, проявляющимся в чрезмерной разговорчивости и раздражительности пациента. Появились и дневные фантазии на тему увечий и расчленения его собственного тела. Рудольф рассказал о странном чувстве голода, которое он испытал после совершения преступления, и о том, что он ощущает все большее отвращение к еде. Порой он чувствовал трупный запах. Во время депрессий его часто мучила сильная жажда.

В октябре 1940 года мысли Рудольфа занимало тело его матери, в тот же период следующего года — его собственное. Он хвастался своей силой и бегал повсюду с закатанными рукавами, в таком виде входил в кабинет врача. Как в одной из более ранних маниакальных фаз, он тщательно ухаживал за своей кожей и волосами, пользовался различными лечебными косметическими средствами и старался выглядеть наилучшим образом. Он гордился своей благородной внешностью, но в то же время очень стеснялся искалеченной правой ноги, которая причиняла ему боль и, как ему казалось, была причиной его непопулярности у женщин. По отношению к состоянию своих гениталий он был настоящим ипохондриком. Он чувствовал в этой области то боль, то напряжение и говорил об этом бесконечно.

В конце 1941 года, когда депрессия Рудольфа постепенно прошла, ему приснился сон, который отличался от прежних: он смотрит сквозь окно на чудесный зимний пейзаж. Примерно в это же время у Рудольфа стали случаться приступы стыда — как в снах, так и наяву, в разговорах с врачом, чувство враждебности к которому наконец исчезло. Он вообразил, что его врач совершил подобное же преступление и теперь страдает от таких же фантазий и всего прочего.

Во время мартовской депрессии всплыл новый материал, а именно признание Рудольфа в гомосексуальных актах. В снах и фантазиях Рудольфа появились отталкивающие садистские мотивы, связанные с его профессией мясника. Весеннюю депрессию 1942 года сменила маниакальная фаза. В снах Рудольфа стал часто встречаться огонь: его фантазии строились вокруг пламени и чистилища.

В марте 1943 года Рудольф снова вернулся к своим прежним страхам, связанным с туалетом. Через некоторое время тема расчленения уступила место теме нечистоты—грязь—болото. Больше года фантазии Рудольфа и содержание его снов фокусировались на теме рождения. В раннем детстве Рудольф воображал, что аист клюет его мать в ногу и через отверстие раны появляется ребенок. Позднее он считал, что новорожденный появляется из кишечника, словно фекалии, и его появление сопровождается дурным запахом. В снах Рудольфа снова

появились коробки и ящики, содержащие на этот раз части человеческого тела и протухший бульон. Священники делают что-то таинственное с этими ящиками. Рудольф рассказал о своем детском убеждении, что детей делают в церкви во время службы и что священники убивают людей для того, чтобы сделать из них детей; это убеждение основывалось на том, что покойников и младенцев всегда носят в церковь.

В сочетании с этим материалом в его снах и наяву, даже в церкви, во время службы у него возникают кошмарные мысли, связанные с карнавальным переодеванием, переменой пола и гермафродитизмом. Он видел в храме мальчиков из церковного хора в одеждах, залитых мочой; детей, приносивших в храм животных, которых венчал священник. В одном из своих снов Рудольф увидел идиота и обнаженную женщину, распятых на кресте. В другой раз ему приснились «двенадцать приятелей», и выяснилось, что на протяжении многих лет он воображал себя Христом, творящим чудеса. Более того; он придумал сложное приспособление для того, чтобы распять себя в лесу, вдали от посторонних глаз, и тогда те, кто найдут его, поверят в новое чудо.

Длительное время в снах Рудольфа преобладали мрачные краски. Каждую ночь ему снились трупы и скелеты — изобретательность Рудольфа в этом отношении была неистощимой. Однажды ему приснились каменные статуи, изображающие женщин с часами в руках.

В конце марта 1944 года, в пятую годовщину совершения преступления, Рудольфу приснился сундук в кладовке, у которого вместо замка — часы. Рудольф с легкостью сломал «замок» и открыл сундук. Он не запомнил, что было внутри, но впоследствии рассказал, что годами тайно хранил коробку, заполненную разными пуговицами, стекляшками и тряпочками. Он сказал, что с самого раннего детства начал искать подобные вещи, и если находил, то очень радовался и хранил их как сокровище. Еще он любил блестящие монетки; в подростковом возрасте он занимался онанизмом с помощью пуговиц и монет, мелкие монетки он держал во рту. Эта странность может быть объяснена тем, что после смерти матери Рудольф обыскал весь дом и, случайно выглянув в окно, увидел в поле что-то блестящее. Он вышел из дома и долго ходил по полю, ища этот предмет.

Разные сны указывали на тесную связь между блестящими предметами и блеском глаз больной матери Рудольфа. Затем, в подростковом возрасте блестящие предметы (теперь они включают в себя блеск шелка) становятся, по меньшей мере, любимыми объектами его сексуального желания, что вело к фетишизму, который, помимо всего прочего, отвращал Рудольфа от половых сношений с неодетыми женщинами.

Значимость одежды определялась, с одной стороны, наличием пуговиц, а с другой, тем, что ребенком Рудольф принимал участие в карнавале, надев одежду своей покойной матери. К этому прибавились воспоминания об устрашающих карнавальных масках.

22 сентября 1944 года Рудольфу приснился сон следующего содержания: он находится в больничной палате, но снаружи больница выглядит похожей на его родительский дом. За домом протекает ручей, и в его грязной зловонной воде Рудольф удит рыбу. Ручей кишит рыбой. Войдя в дом, Рудольф прикрепляет высоко на занавеске две музыкальные ноты, затем садится в комнате за умывальник и смотрит в зеркало, в котором отражается дверь в противоположной стене. В дверь входит женщина и останавливается за его спиной. «Я резко обернулся, обонял ее и пылко поцеловал... ужас... ее глаза вылезают из орбит, белые, невидящие, лицо бледное, распухшие губы, во рту — зловонный бульон, ее тело — жесткое и неподатливое. Затем в комнату входят какие-то люди, и, чтобы притвориться, что у меня ничего с ней не было, начинаю визжать и кататься по полу. Потом я лежу на кровати в соседней комнате. На правую сторону кровати падает яркий свет, но постепенно угасает. Внутренняя тревога утихает, и я засыпаю. Еще позже я вижу ту же самую женщину в черной одежде, стоящую перед моей дверью». (Из тетради Рудольфа для записи снов.)

Было очевидно, что этот сон может быть понят лишь в связи с воспоминаниями Рудольфа о покойной матери, сам Рудольф без колебания согласился с данной интерпретацией. Он сказал, что, должно быть, поцеловал покойницу и почувствовал запах разложения из ее рта; возможно, из ее рта вытекла жидкость.

В течение следующих месяцев Рудольф страдал от сильных суицидальных импульсов и, одновременно с этим, от трений со своими товарищами... У него было чувство, что его не понимают, и он сам не мог понять, почему он должен прекратить свои отношения с замужней женщиной. Вышеупомянутая женщина в его снах являлась ему в виде привидения. Он все еще фантазировал на тему расчленения, но мотив гниения заметно отступил.

Конечно, мы по многим причинам, в том числе и лечебным, старались дать пищу фантазии Рудольфа с помощью хороших книг. Но в действительности мы потерпели неудачу, так как он много читал, не обращая внимания на содержание книг, лишь бы они удовлетворяли его интерес к крови и грязи. Однажды летом 1942 года наши пациенты на вечеринке в саду разыграли сценку из «Сна с летнюю ночь». Рудольфу досталась роль Пирама. Он заинтересовался пьесой и ее сказочной атмосферой. По своему почину он стал читать, шекспировские пьесы

и нашел среди них «Ричарда III» и «Тимона Афинского», удовлетворяющих его страсть к кровопролитию. В последующие годы, особенно летом 1943 года, он время от времени читал драмы Шекспира, а позже на свои собственные деньги приобрел десяти томное издание его сочинений.

Зимой 1944–1945 года Рудольф поступил в торговое училище и, таким образом, получил возможность дольше оставаться за пределами больницы. Делая в училище большие успехи, он мечтал о том, как в день его окончания утопится, имитируя несчастный случай. Он был убежден, что душевно болен, и не мог противостоять ужасным мыслям и мечтам о самоубийстве (он чувствовал, что его влечет к покойной матери). Он хотел бы уйти из жизни с почетом, чтобы люди сказали о нем: «Какая жалость, что с ним такое случилось сейчас, когда он вылезлся!»

Однажды, прежде чем он смог бы осуществить план суицида, он должен был около часа ожидать поезда. Он вошел в католическую церковь, произнес перед главным алтарем слова молитвы (Отче наш) и перед алтарем Девы Марии продолжил ее молитвой Гретхен из «Фауста». После чего образы Девы и Младенца странно замерцали и посмотрели на него как живые. Рудольф был так потрясен, что освободился от суицидального стремления — импульса, который он переживал как навязчивость. Потом он сказал, что не знал, вообразил ли себе это, или это случилось на самом деле. Это случилось 23 февраля 1945 года, в 23-ю годовщину смерти его матери, но Рудольф в тот момент не обратил внимания на дату.

Через неделю после этого случая Рудольф был отвергнут медсестрой, в которую влюбился. В течение нескольких месяцев он был крайне раздосадован, снова находил окружающие условия ужасающими, думал, что чем больше он съест, тем ему будет лучше, записи его снов стали совершенно невнятными, временами казалось, что его аффективная связь с врачом в действительности была очень слабой. На этом этапе появились серьезные подозрения на шизофрению, хотя никаких определенных симптомов не было выявлено.

Постепенно состояние Рудольфа улучшилось. Он снова мог вступать в контакт, и все больше втягивался в процесс обучения торговле. Он с растущим пониманием читал разную литературу и был верен своей новой возлюбленной — медсестре.

Он очень боялся своего окончательного экзамена на получение диплома в торговой школе и фактически провалился при первой попытке. Но после нескольких психотерапевтических сеансов он сдал его очень хорошо. Суицидальные импульсы, тревожные состояния, фан-

тазии и неумеренные сны, беспокоившие его в течение последних двух лет, постепенно исчезали. Депрессивные состояния все еще случались, но мало отличались от состояний, переживаемых «нормальным» человеком. Нарушения взаимоотношений не заметны ни субъективно, ни объективно. Рудольф никогда не осмеливался приблизиться к своей любимой. Случайно встречая ее, он чувствовал себя подавленным. Он все больше сожалел о своем поступке и своей прежней жизни. Он чувствовал себя рожденным заново и заявил, «что он снова открыл, одну за другой, красоты мира и постепенно все лучше стал понимать людей.

VII. КЛИНИКО-ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ И СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Личность Рудольфа находилась под влиянием эмоционального начала и в равной степени его психопатологического состояния.

Вначале мы обнаруживаем многочисленные черты, характеризующие циклоидный темперамент. Рудольф, без сомнения, очень чувствительная натура. Его могла глубоко тронуть поэзия и классическая музыка. Хотя он стал восприимчив к такого рода эмоциональным переживаниям лишь после нескольких лет лечения, предрасположенность к ним, по-видимому, была всегда. На практике это проявлялось в выразительных переживаниях религиозных чувств и в его участии в певческом хоре. Кроме того, он очень внимателен к женской красоте, которую пытается воспевать в поэтико-романтических эмоциональных высказываниях.

Повседневное общение с окружающими отражало способность Рудольфа к эмоциональному переживанию. Где бы Рудольф ни появлялся, он оказывался в центре внимания и вызывал симпатии. Он способен приспособиться к ситуации, дружелюбен и обязателен, знает, что сказать, проявляет интерес к другим людям и очень хорошо знает, как завоевать расположение собеседника. Рудольф также способен выражать свои эмоции. Он не заторможен, за исключением взаимоотношений с медсестрой, которая, судя по всему, не отвечает на его любовь. Работа приносит Рудольфу необычайное удовольствие, и он очень успешен в практической деятельности. Обладает определенной одаренностью и умением. Знает, как организовать свое время и как использовать собственные ресурсы. Движения гибкие — по крайней мере, не угловатые, хорошо танцует.

Наконец, Рудольф крайне склонен к колебаниям настроения, которые варьируют от легких маниакальных состояний до серьезных депрессий и симптомов деперсонализации. Эти состояния демонстрируют значительные изменения в отношении витального слоя эмоционального опыта. Мы различаем фазы, длящиеся годами, и фазы, настроение при которых основано на реактивных и эндогенных состояниях, которые могут меняться от недели к неделе, изо дня в день и даже от часа к часу. Витальная фаза обуславливает аффективные проявления, такие как тон голоса, тип почерка, аппетит и отношение к своему собственному телу, например выраженное в ипохондрии, в то время как внешнее поведение, образ мыслей, чувство удовлетворения и манера одеваться меняются постепенно.

Кроме этого, Рудольф демонстрирует очевидные черты шизоидного характера. Как мы уже отмечали, нельзя сказать, что эмоциональное переживание полностью завладевает Рудольфом, заполняет его. У Рудольфа есть что-то искусственное и показное, налицо некоторое отсутствие искренности, открытости. В нем больше рефлексии, чем это обычно бывает при циклоидном характере. Таким образом, личность Рудольфа представляет собой более сложное и проблемное сочетание, обычно не обнаруживаемое в чистой циклотимической личности. В детстве Рудольф был очень робок. Чтобы преодолеть свою робость, он брал уроки танцев. Он должен был наблюдать за другими людьми, чтобы научиться справляться с этим. Он часто реагирует раздражением и обидой, и на судебно-психиатрической экспертизе он произвел впечатление очень чувствительного человека.

Рудольф склонен к фобическим и навязчивым реакциям и демонстрирует извращенную сексуальность. О шизоидных чертах Рудольфа свидетельствует его хладнокровное поведение во время преступления и после него. В глубине души Рудольф еще чувствует себя одиноким, особенно после того, как покинул больничную обстановку и вновь столкнулся с реальной жизнью. Но лишь изредка или в течение краткого времени мы можем наблюдать реальное нарушение его аффективной связи. Рудольф лишь в исключительных случаях был нервным или раздраженным — если это вообще имело место, то, как правило, случалось во время психотерапевтических сеансов. Несомненно, он не является ни несоциальным, ни лишенным чувства юмора. Его эмоциональная жизнь стала гораздо свободнее в процессе лечения. Таким образом, Рудольф представляет собой пеструю смесь черт циклоидного и шизоидного характера, где первый превалирует во внешних проявлениях, в то время как последний образует в большей степени внутреннюю структуру личности.

В структуре тела также превалируют пикнически-атлетические черты. Мы предполагаем, что это очень смешанный темперамент, основанный на наследственности. Особенная форма депрессии Рудольфа и вместе с ней его преступление становятся более понятными, если на них смотреть в свете шизоидных компонентов его характера. Однако его действие не может быть объяснено лишь эмоциональным началом, поскольку мы не находим достаточной предрасположенности к аффективным актам, и само по себе преступление не может рассматриваться в качестве подобного акта.

Инстинктивная жизнь

Инстинкты Рудольфа с точки зрения силы их проявления колеблются в широких пределах в соответствии с его настроением. Его инстинктивная жизнь также несет печать извращенности.

Само по себе действие — попытка убийства — самое простое доказательство перверсии. Оно свидетельствует о склонности к садизму. Разумеется, намерение Рудольфа было не в том, чтобы причинить боль жертве, — он хотел лишить ее жизни. Также мы не находим каких-либо конкретных признаков садизма в более ранней жизни Рудольфа. Действительно, он был мясником, но мы не обнаруживаем доказательств того, что он намеренно мучил животных или испытывал какое-либо приятное возбуждение от их убийства. В целом, он не обращался с женщинами жестоко. В лучшем случае, он вынашивал планы отомстить им, поскольку, по его мнению, их отношение не позволяло ему получить сексуальное удовлетворение. Его преступление определенно не относится к категории убийств ради вожделения. Идея убийства не усиливала его сексуального возбуждения, но, скорее, затормаживала протекание сексуальной функции. Это действие было совершено не для того, чтобы достичь наивысшего сексуального или иного возбуждения, но было совершено хладнокровно в состоянии депрессии, последовавшей за сексуальной разрядкой. С другой стороны, необходимо учитывать тот факт, что сексуальная разрядка не могла быть достигнута естественным путем и, конечно, не имела результатом реальное удовлетворение. Действительно, в последующие годы жизни Рудольфа в его мечтах и дневных фантазиях проявляются крайне садистские (и также мазохистские) черты, включая мотив расчленения. Тем не менее, один садизм не является достаточной основой для понимания этого акта.

В инстинктивной жизни Рудольфа более явно, чем садистские, проявлялись фетишистские черты. Как мы знаем, объекты этого фетишизма — блестящие предметы, особенно пуговицы, монеты, жен-

ское нижнее белье и чулки. Если мы хотим исследовать возможную связь между перверсией Рудольфа и его покушением на убийство, мы должны начать с изучения его телесного опыта.

Хотя в литературе о фетишизме часто описывалась связь фетишиста с его фетишем, личность фетишиста по большей части игнорировалась. Оставался без внимания вопрос, может ли искаженное отношение к телу сексуального партнера быть как-то связано с искаженным отношением к собственному телу и если да, то как именно. Среди множества возможных форм таких отношений, по-видимому, недееспособность собственного тела, специфическое акцентирование на нем и его неприятие могут играть значимую роль в генезисе и сохранении фетишистских тенденций. Это мы продемонстрируем на примере, в котором это выражено более явно, чем в случае Рудольфа.

Мужчина, с наследственной имбецильностью, психотик, склонный к суициду, фетишист (в качестве фетиша выступают обувь и чулки), одна нога покалечена, что вынуждает его ходить с помощью палки. Он хорошо помнит, как, будучи маленьким, стоял в воде в башмаках и чулках и испытал возбуждение от прохладного поглаживания, которое он почувствовал на ногах. Позже он испытывал от этого сексуальные ощущения — чувства, которые повторялись, когда он смотрел на свои блестящие ботинки и ласково их трогал. Постепенно стал более очевидным его интерес к ботинкам и чулкам девочек. Он стал испытывать возбуждение, когда видел женщин, ступающих в воду в обуви, в таких случаях он мастурбировал. Также он испытывал особое удовольствие, когда ему удавалось особенно живо вообразить женщину с опущенными в воду ногами. В идеале они должны были вести себя так, будто их ноги были искалечены и они получают такое же наслаждение от этих действий, как и он.

Вернемся к Рудольфу. Мы считаем, что нельзя сказать, будто он испытывает исключительно негативное отношение к своей покалеченной правой ноге. Учитель танцев однажды показал ее всему классу, сказав, что у женщин-танцовщиц похожие ноги. С тех пор Рудольф стал гордиться ею и в некоторых ситуациях представлял, что он девочка. Он также утверждал долгое время, что первоначально обе его ноги были искалечены и что в результате несчастного случая одна из них стала снова нормальной. В то же время, когда он фантазировал на тему расчленения женщин, он воображал, как он сам становится жертвой дорожного происшествия, теряет члены своего тела, и за ним ухаживают, проявляют заботу. Он, очевидно, наслаждался этой ролью. Однажды в своих фантазиях он увидел себя убийцей. В другой раз он фантазировал о том, как умирает насильственной смертью на кресте. Другими слова-

ми, к импульсам убийства добавились суицидальные импульсы. Все это отражает, среди прочего, его отношение к его собственному телу и телу женщины. В его оценке собственного уродства (деформации собственного тела), возможно, кроется одна из причин его стремления деформировать тело его сексуального партнера — объяснение присутствующего в его фантазиях, снах и импульсах мотива расчленения и убийства.

Таким образом, мы пришли, довольно прямым путем, к выводу о понятии деформации, которое в новейших теориях перверсий, особенно у Штрауса и Гебзаттеля, приобрело центральное значение.

Согласно представлениям Гебзаттеля о фетишизме, идея убийства человека — носителя фетиша — вовсе не чужда фетишисту. Поскольку фетишист, вследствие деформации его инстинктивной жизни, не в состоянии уловить тотальную реальность любви. Целостный человек как партнер, таким образом, замещается его сосредоточенностью на части, в которую фетишист по-своему влюблен. Вывод очевиден: устранить беспокоящий фактор — человеческого партнера. Конечно, существуют случаи, в которых внешние факты большей частью соответствуют этой теории.

Человек, который испытывал типичную фетишистскую страсть к женским чулкам — он постоянно носил их с собой, даже надевал их, — постоянно ссорился со своей женой, до тех пор пока однажды, во время ссоры, внезапно не застрелил ее. Он не упоминал другой причины своего поступка, кроме его ненависти к женщине.

Импульсы Рудольфа к убийству могут быть поняты двояко. Если допустить, что Рудольф действительно выражал любовь к матери посредством фетиша и чувствовал, что носители фетиша мешали ему в его реализации ее образа, тогда убийство означало бы не только устранение мешающего объекта из этого мира, но также, благодаря превращению его в труп, — попытки сделать его похожим на первоначальный любимый образ, который также мертв. Действительно и то, что очень многие фетишисты ни порочны, ни агрессивны в своих отношениях. В любом случае такие наблюдения и размышления могут помочь в нашем изучении вопроса.

Однако представляется, что в этом случае фактический базис для такой интерпретации переживаний пациента слишком слаб. Как гипотеза искушения, так и гипотеза деформации могут быть ценными и иметь место, однако наш случай невозможно прояснить, если мы не приблизимся к теории бессознательной мотивации, которая означает, что мы должны сделать методологический шаг, которого пытались избежать.

Следующий шаг должен прояснить, связана ли вообще сексуальность Рудольфа по своему внутреннему контексту с пре-

ступлением и если да, то каким образом. В таком контексте вряд ли можно усомниться, учитывая факт, что был сексуальный партнер, которого Рудольф пытался убить. Однако эта попытка определенно не была перверсивным актом в точном смысле слова, поскольку цель такого акта — удовлетворение сексуального влечения, удовлетворение, которое может быть достигнуто только аномальным способом. Об аномальности можно говорить тогда, когда на пути естественного удовлетворения стоят препятствия, когда сексуальное удовлетворение может быть получено только обходным путем, который обусловлен миро-проектом человека, страдающего перверсией, миро-проект которого не допускает любого другого пути (как убедительно показал Босс). Однако покушение Рудольфа на убийство было совершено *после* сексуального акта, и его целью было помешать любому такому акту в будущем. Тот факт, что действие на самом деле не было доведено до конца, его цель не была достигнута, может способствовать тому, чтобы оценивать его как сексуальное преступление. Таким образом, преступление становится, по крайней мере, частично, следствием перверсии, не будучи само перверсивным актом. Перверсия, неспособность любить и, следовательно, достигать приносящих удовлетворение сексуальных и любовных переживаний, — одна из предпосылок преступления, но не единственная его причина.

Одну такую дополнительную предпосылку можно обнаружить в актах содомии¹⁹⁴. Когда Рудольф находил сексуальное удовлетворение со свиньями и после этого убивал их (как случалось несколько раз), у него установился некий паттерн, который мог повлиять на его поступок. Но нельзя сказать определенно, что убийство было каким-либо образом глубже связано с сексуальным актом.

В сознании содомита различие между человеком и животным, как правило, достаточно размыто. Это тип, который приписывает животному персональные человеческие качества. Когда, например, Рудольф видит во сне детей, которые приносят в церковь животных и совершают с ними брачную церемонию, — это не столько проявление богохульства, сколько акт наделения животных качествами человека. Другой пациент, молодой рабочий с фермы, выбирал для сексуального удовлетворения только одну конкретную корову. Ему нравилось ее имя, ее внешний вид и даже мелодичный звон ее колокольчика. Он стал испытывать к ней такую привязанность, что, мож-

¹⁹⁴ Термином содомия объединяются различные типы аномального сексуального поведения, в том числе совокупление человека с животным.

но сказать, действительно влюбился¹⁹⁵. С другой стороны, есть тип содомии, который не знает личностных ценностей ни для человека, ни для животного.

В таких случаях убийство человека не слишком отличается (для преступника) от убийства животного. Этот тип содомических импульсов, вероятно, присутствовал у Рудольфа во время преступления. (Вышеупомянутый сон имел место в более поздний период.) Наконец, в случае с Рудольфом мы должны рассмотреть гомосексуальный компонент, который должен особым образом способствовать убийству женщины. В действительности гомосексуальность Рудольфа была не столь очевидна и имела по преимуществу пассивную природу. Но, тем не менее, она имела место и играла определенную роль в развитии сексуального влечения Рудольфа, что отчасти подтверждается повторяющимися снами в течение некоторого периода после совершения преступления. Конечно, отношения мужчины-гомосексуалиста к женщине могут варьировать очень широко. Но специфическая форма, которая ведет к женоненавистничеству, к жестокому обращению с женщинами и, в конечном счете, к их убийству, достаточно хорошо известна и часто настолько психологически ясна, что мы воздержимся от дальнейшего ее обсуждения.

¹⁹⁵ Мы полагаем, что акты содомии всегда должны пониматься на основе отношений между человеком и животным в целом. В сельских районах, несомненно, содомия не так уж редка, как можно предположить. В нашем лечебном учреждении было, по крайней мере, восемь случаев за последние восемь лет. К ним следует добавить ряд случаев, в которых отношения с животным бросались в глаза, хотя свидетельств действительных актов перверсии не было получено. Для понимания содомии такими случаями все же не стоит пренебрегать. Связь между человеком и животным должна исследоваться во всех ее формах. Уже тотемизм примитивных народов дает много материала и задач для психолога. Мы должны вспомнить, что животные в мифах и сказках имеют дар речи, что указывает на приписывание им качеств личности. Отношения индивида к животным развивается с раннего возраста в сторону все большей дифференциации. Только постепенно образ человека отделяется от анималистической области, и часто эти две сферы остаются смешанными во многих отношениях. Сегодня тест Роршаха предлагает самый точный метод для исследования этой проблемы; во многих случаях он открывает перед нами животные страницы в книге о человеке, поскольку фантазия большинства людей имеет в своем распоряжении «животный мир», который служит им для формирования собственного мира. (См. относительно проблемы в целом Bachelard G. Lautreamont. Paris, 1939.)

В заключение мы можем сказать, что Рудольф — действительно сексуально извращенная личность, что перверсия подготовила почву и способствовала преступлению. Однако совершение поступка в конкретное время и в конкретной ситуации нельзя объяснить исключительно в терминах инстинктивного поведения. Попытка убийства была в действительности в большей степени *автоматическим*, нежели *инстинктивным* актом, поскольку то обстоятельство, кого именно Рудольф выбрал своим объектом, полностью перекрывается тем фактом, что преступление оставило Рудольфа совершенно равнодушным, что оно осталось для него чуждым (он немедленно бежал после его совершения). С точки зрения эмоциональных переживаний его поступок не касался его, остался в стороне, и он не чувствовал себя каким-либо образом ответственным за него.

Компульсивные симптомы

Без сомнения, история Рудольфа — это один из тех редких случаев, в которых преступление берет свое начало из настоящего навязчивого переживания. Мы обнаруживаем первые компульсионные идеи в детском страхе Рудольфа упасть с моста, с крыши, в ручей, в страхах быть разрезанным на фабрике или съеденным крысами. Рудольф боролся с этими идеями, что в результате продуцировало состояние тревоги. Более выраженный компульсивный характер носили его порывы убивать женщин, которым он доставлял на дом мясо. Эти импульсы доставляли ему тяжелые страдания, а их подавление вело к развитию серьезных приступов тревоги. Ранее эти компульсивные импульсы были связаны с сексуальным возбуждением.

Компульсивные переживания странным образом фиксируются на определенных местах. Насколько мы знаем, они возникали, только когда он стоял в дверях и сталкивался лицом к лицу с женщиной. Женщина, в которую он выстрелил, стояла прямо перед ним. Первоначально он планировал совершить преступление в коридоре и вернулся в комнату, только чтобы выстрел не услышали в холле. Насколько ясно, что эти обстоятельства свидетельствуют о тесной психологической связи между компульсивными порывами и преступлением, настолько же справедливо, что преступление совершено не под *непосредственным* влиянием такого импульса. Таким образом, здесь мы имеем дело не с истинным компульсивным актом, поскольку не наблюдаем внутреннего конфликта и в целом не находим какого-либо «защитного механизма».

МЫШЛЕНИЕ И СОЗНАНИЕ

Интеллект Рудольфа в норме. Мышление функционирует нормально, за исключением периодов необычных состояний. Во время депрессий его мыслительные процессы отчасти оказываются нарушенными, иногда заторможенными. Во время маниакальных состояний в незначительной степени проявлялась скачка идей. Во время многих наших разговоров с Рудольфом не наблюдалось каких-либо признаков расщепленного шизофренического мышления или бредовых идей.

Состояние сознания Рудольфа оценить трудно. Мы знаем, что Рудольф до совершения преступления в целом жил в состоянии пониженной ясности сознания и оставался погруженным в мир мечтаний. Хотя в то время он много работал, тем не менее, нельзя сказать, что полностью завершил переход от мира детских фантазий к миру взрослых, с его объективностью и реализмом. Стимулируемый детективными романами и фильмами, он предпочитал плыть далее и далее по течению, прочь от полного пробуждения сознания.

Реальные сумеречные состояния, с амнезией, вряд ли могут быть установлены. Не выявлено амнезии и в отношении ночной автомобильной поездки. Никаких провалов в памяти Рудольфа и в отношении самого преступления, в то время как содержание фантазий и, следовательно, мотивы самого акта помнит плохо или вообще не помнит. Собственный поступок для Рудольфа столь же малопонятен, как и для окружающих.

Во всяком случае, некоторые периоды ночной поездки в день похорон отца и в течение дня, когда было совершено преступление, оказываются кратковременными эпизодами, характеризующимися особым состоянием сознания. Действия при этом полностью автоматичны. Хотя осознание этих действий не исключено и даже не нарушено, активное мышление, по меньшей мере, не участвует в психическом процессе и практическом акте.

В этом контексте мы воздержимся от постановки всех проблем, которые могут обсуждаться в связи с понятиями расстройства сознания и автоматизма. Мы вынуждены констатировать, что в этом вопросе исследование продвинулось недостаточно далеко, чтобы обеспечить нас пониманием большим, чем то, которое мы можем почерпнуть из феноменологической формулировки фактов.

ПСИХИАТРИЧЕСКИЙ ДИАГНОЗ

Если мы попытаемся описать случай Рудольфа в русле принятой модели клинического диагноза, то тяжесть депрессивных состояний,

их симптоматика и сопровождающий их синдром все вместе явно указывают на психоз. В первую очередь мы должны рассмотреть маниакально-депрессивный психоз, но следует сразу отметить, что общая картина окрашена чертами, которые чужды этому расстройству, это шизоидные, несомненно истерические, реактивные и перверсивные черты. Депрессивные состояния, отмеченные чувством деперсонализации, напоминают нам об историях болезни, описанных Гебзаттелем¹⁹⁶ и Вебером¹⁹⁷; садистские фантазии — в сообщениях Шильдера¹⁹⁸.

Каких-либо данных, которые позволили бы нам четко диагностировать шизофрению, в данном случае нет. И все же сам факт преступления и наличие шизоидных черт у Рудольфа внушают определенное подозрение. Не исключено, что шизофрения может развиться позднее, спустя несколько лет.

СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА

Несомненно, первичный диагноз невменяемости, установленный исходя из психопатологической картины данного случая, был точной оценкой, несмотря на то, что на тот момент не мог быть поставлен окончательный диагноз. Этот случай в очередной раз демонстрирует, насколько трудным может быть вынесение корректной судебно-психиатрической оценки и что нередко может пройти несколько лет, прежде чем будет получен окончательный ответ.

В настоящее время мы можем предположить, что Рудольф совершил преступление в состоянии депрессии, которую следует рассматривать как действительную психическую болезнь. Вообще в судебной практике эндогенной депрессии приписывается небольшое криминальное значение, в то время как в психоаналитической литературе состояние депрессии характеризуется большей склонностью к асоциальному поведению, чем к столь распространенным суицидальным попыткам. Но противоречие здесь лишь кажущееся: все зависит от определения депрессии. Чем шире становится понятие, тем больше криминальных случаев оно покрывает. Здесь уместно сослаться на интересное исследование Хуттера¹⁹⁹, которое, к сожалению, недостаточно, по нашему

¹⁹⁶ Von Gebsattel. Nervenarzt, Bd. 10, 1937.

¹⁹⁷ Weber A. Ueber nihilistischen Wahn und Depersonalisation. Basel, 1938.

¹⁹⁸ Schilder P. Entwurf einer Psychiatrie auf psychoanalytischer Grundlage. Zuerich, 1925.

¹⁹⁹ Hutter H. Melancholische Kriminalität in Schweiz. Zeitschrift fuer Strafrecht, Bd. 62, 1947.

мнению, подкреплено историями болезни. Это исследование выполнено в русле психоаналитической теории. Но возможно, что вполне корректно в случаях кажущихся необъяснимыми преступлений и немотивированного поведения преступника рассматривать депрессию в качестве вероятного детерминанта. Таким образом можно обнаружить довольно много случаев, в которых некоего рода атипичная психотическая депрессия оказывается тесно связанной с преступлением.

VII. ПОПЫТКА ПОНЯТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЕ РУДОЛЬФА ПУТЕМ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Итак, мы рассмотрели случай Рудольфа в основном с точки зрения его жизни-истории. Однако в свете диагностических размышлений в фокусе оказываются другие аспекты его личности.

Загадка преступления Рудольфа отчасти была раскрыта прояснением жизне-истории, некоторым проникновением в сферу его снов и фантазий, а также путем клинически-диагностических исследований. Однако мы избегали установления прочных связей посредством теорий (которым свойственно всегда допускать натяжку в истолковании опыта) в тех случаях, когда реально имели место лишь неопределенные взаимоотношения, а то и просто нечто неуловимое и умозрительное. Конечно, если действовать в мире «вероятностей», то в данном случае, как и в любом другом, можно сделать бесконечно много предположений. Однако те связи, которые отмечены нами, закреплены в непосредственном опыте Рудольфа и могут быть им признаны. Была проведена большая работа по отбору данных из огромного материала, имеющегося в нашем распоряжении (записи наших сеансов составляют более чем 300 машинописных страниц, заметки о снах — еще больше). Мы сконцентрировались на самых важных фактах и, в частности, на тех, которые вносят какой-либо вклад в понимание загадочного преступного акта. Сейчас мы попытаемся понять этот акт с помощью экзистенциально-аналитического метода, на который мы уже ссылались в нашем введении. В этом контексте мы представим «мир», в котором существует Рудольф. Слово «мир» мы используем не в смысле «образ жизни», и не в библейском смысле «мирские страсти», а скорее в смысле «миро-проект», который каждый человек прикладывает ко всему, что его окружает, с помощью которого он интерпретирует все, с чем сталкивается, исходя из которого складывается контекст отношений к чему-либо и которым детерминирована экзистенция (*Dasein*) каждого человека.

Наша главная задача — постараться найти тот «мир» Рудольфа, в котором его преступление было не просто возможным, но неизбежным. Здесь мы сталкиваемся, безусловно, с множеством трудностей. Экзистенциальный анализ нельзя назвать законченной и со всех сторон идеальной теорией, которая позволяет нам «растолковать» некоторые, а то и все движения души. Больше того, в настоящее время мы все еще лишь в начале работы в этом направлении. Часто мы лишь задним числом понимаем, что то или иное место следовало прояснить более тщательно. Уже при первых исследовательских шагах нам открываются направления, во многих аспектах незнакомые. В результате — различные недопонимания, которые сегодня все еще влияют на нашу экзистенциально-аналитическую работу, что, впрочем, не должно препятствовать применению этого метода, поскольку добиться его улучшения можно только путем его дальнейшего использования.

Хотя цель нашего исследования — понять преступление Рудольфа, сперва все же мы должны пролить больше света на его повседневное существование — манеру повседневных действий, его практическую жизнь.

Повседневная жизнь

Маленький мальчик бродит по дому в поисках умершей матери. Найдя ее тело, он говорит с ним и касается его. После похорон, когда тело оказывается потеряно для него, он перерывает весь дом. Во всех этих случаях Рудольф действует активно, проявляя определенную предприимчивость. В его ранних воспоминаниях нельзя найти каких-то созерцательных моментов. Только действия, например, дети везут его на маленькой тележке через всю деревню или он развлекает своих товарищей, на спор прогуливаясь обнаженным вдоль реки. Он отмечает все события уличной жизни: вот разъяренные собаки напали на человека, вот понесли лошади, из воды вылавливают утопленника. Уже в раннем возрасте деньги приобретают для него важное значение. С монетами, которые он украл в церкви, он разворачивает целое дело, торгуя кроликами. Кроме того, он занимается обменом и быстро меняет свои старые игрушки на новые. Позднее его трудолюбие и усердие проявляются в работе, и он становится успешным и честолюбивым работником. Он работает больше, чем окружающие, делает это старательно, и его хвалят и ценят за это. Хотя главное для него в работе — заработать деньги, он с усердием трудится и в лечебном учреждении, где его работа не оплачивается, а виды деятельности, для которых его

привлекают, — ему незнакомы. После выписки из больницы он сразу охотно идет работать.

Не только его профессиональная деятельность, но все его существование были заполнены непрекращающейся активностью. Часто в один воскресный день он посещал три кинотеатра, мог прочесть большое количество низкосортной литературы. Даже в сфере сексуальных отношений его интересовал непосредственно деятельный акт. Он стремился найти проститутку и получить сексуальное удовлетворение. Отношения с проститутками он строил по такому же принципу, как и любую другую деятельность: приступить к делу, довести его до завершения и забыть.

В связи с этим он не знал, что ему делать с девушкой, которую часто встречал еще до того, как совершил преступление. Она не позволяла ему просто использовать себя, вследствие эта связь иссякла до того, как могла быть прервана внешними событиями.

Рудольф в большой степени поглощен работой и активностью. Улица — с ее постоянным обещанием новых встреч, с бесконечной чередой сменяющих друг друга лиц, с ее вечным движением — вот что ему нравится. Улица именно то пространство, в котором главным образом протекает существование Рудольфа. Можно сказать, что он движется по горизонтальной плоскости. Улица, с ее оживленным кипением, беспокойным движением, представляет также символ «времени», в котором живет Рудольф. Спешка, нетерпеливое желание испытывать постоянно нечто новое, искренняя потребность набраться от женщины интимного опыта, наслаждение неожиданным, напряжение, опасность — все это придает существованию элемент саспенса²⁰⁰. Жизнь в ожидающей неопределенности — основание миро-проекта нашего героя. «Мир» для Рудольфа — только то, что является ему в форме неизвестного и приводит его в состояние саспенса. Там, где нет неизвестного, там для него нет «мира» — это ничто, пустота, холодность, бесчувственность, скука. Жизнь Рудольфа — это существование без продолжения, без будущего, без истории. Это «скачка» в бинсвангеровском смысле, это время, раздробленное на мгновения.

Несомненно, работа мясника содержит элемент непредсказуемости, неизвестности, в то время как в занятии садоводством, которому Рудольф обучался в клинике, такого элемента почти не содержится, и поэтому оно долгое время отвергалось Рудольфом как слишком скучное.

²⁰⁰ Состояние напряженного, тревожного ожидания, неопределенности.

Другой аспект существования в состоянии неопределенности — это увлеченность криминальной сферой. Мы находим эту черту у Рудольфа заметно выраженной — он культивировал ее, посещая дешевые кинотеатры, читая детективы и смешиваясь на улице с криминальными типами. В этом своем увлечении Рудольф становится человеком толпы, поскольку здесь мы сталкиваемся, по крайней мере в случае больших городов, с феноменом массовой психологии.

По своей сути существование в состоянии неопределенности всегда имеет отношение к другим людям и поэтому имеет социальный аспект.

Существование в состоянии неопределенности имеет свои собственные законы, которые, насколько мы знаем, недостаточно изучены психологией и психиатрией, в то время как история литературы долгое время имела дело с «выжидающим» стилем жизни, занимаясь темой *драматического* в искусстве и жизни. Из истории литературы мы знаем, что существование в состоянии неопределенности тяготеет к конечности, возможно, саморазрушению через трагический акт, возможно, какому-то другому решению, не исключено, что комическому. Может ли это означать, что мы должны понять преступление Рудольфа как попытку выйти из состояния саспенса, чтобы снять, наконец, напряжение? Есть что-то, что указывает на это? Безусловно, в задачи научного исследования не может входить «драматизация» поступка Рудольфа, но мы должны прояснить предвзятость, которая «скрыта» в клиническом подходе, — предвзятость, которая представляет огромное упрощение человека. Она может легко привести нас к утверждению, что преступление Рудольфа было просто недостаточно «мотивировано». Скорее, мы должны попытаться указать на то, какой смысл могло иметь преступление Рудольфа в мире повседневной жизни. Возможно, тогда мы будем в состоянии выяснить, был ли он вовлечен в нечто такое, что можно назвать трагическим.

В начале судебного и психиатрического обследования Рудольф выделил три группы мотивов своего преступления. Позже он отверг их, после того как осознал воздействие своих утверждений. Эти три группы следующие.

1. Рудольф хотел отомстить проституткам, поскольку тратил на них слишком много денег. По его мнению, деньги доставались им слишком легко.
2. Он хотел стать героем, борющимся с проституцией, который искореняет и публично выставляет напоказ это зло. (Он верил, что если бы имя его жертвы появилось в газетах, то это пристыдило

бы ее, а все проститутки были бы напуганы и сменили свое занятие.)

3. Наконец, Рудольф хотел избежать искушений мира и продолжать свою жизнь в изоляции тюремной камеры.

Если мы всерьез примем эти мотивы — а пока у нас нет каких-либо объективных причин отказываться от них, — тогда мы должны приписать преступлению Рудольфа патетический смысл, который позволяет перевести это в область драматического стиля, поскольку Рудольф «движим тем, что должно быть, и его движение направлено против того, что существует сейчас»²⁰¹. Он хочет бороться с проституцией и тем самым поднимает себя над толпой, отличает себя от других. При этом он страдает, и его страдание признается каждым, но в то же время оно разрушает. «Пафос убивает индивидуальность», он «беспощаден во всех смыслах»²⁰².

Патетический акт, который выделяет Рудольфа из толпы, связан со всеми теми фантазиями, в которых он играет роль героя. Например, когда он воображает себя получившим приз спортсменом, которого несут на руках его товарищи, или когда он видит себя сидящим на возвышении военачальником, триумфально ведущим свои войска через завоеванный город. Таким образом, общее, что мы видим во всех этих случаях, — Рудольф поднимается на высоту, движется вверх по вертикальной оси существования и тем самым выходит из горизонтальной плоскости. Конечно, это очень утомительный и отнюдь не быстрый способ возвышения. Очевидно, при его вертикальном движении его тянет вниз какая-то мощная сила. Мы вернемся к этим вопросам позднее, когда будем обсуждать мир снов и грез, который также содержит героические фантазии.

В трагическом существовании патетический акт связан с «проблемой», т. е. целью, на достижение которой направлены все стремления. В случае Рудольфа таковая заключается в том, чтобы снять пелену с глаз человечества и раскрыть порочную природу проституции.

Именно как трагический герой Рудольф тесно связан с тем, что есть и что должно быть. Он сам — жертва проституции и, осмеливаясь восстать против этого тотального зла, хочет сам освободиться от ее сетей. Но в чем действительно его задача? Сделать так, чтобы больше не было проституции — это негативная цель. Рудольф не в состоянии установить позитивную цель ни в общем, ни для себя в частности;

²⁰¹ Staiger E. Grundbegriffe der Poetic. Zuerich, 1946.

²⁰² Там же.

просто стремясь к внешнему отделению от мирского искушения, он по существу ничего для себя не выигрывает. Вот что отличает Рудольфа от истинно трагического героя.

Существует еще и другой путь понимания мотивов преступления Рудольфа, внутренне связанных с его активной жизнью. Говоря, что проститутки слишком легко зарабатывают, он связывает проституцию с работой. Таким образом, он восстает против того факта, что есть люди, которым деньги зарабатывать легче, чем другим. Здесь мы видим появление мотива, который связан с общим социальным протестом, и мы можем предположить, что Рудольф не всегда проявлял в своей работе энтузиазм.

Однако вероятно, целью его выстрела была не только проститутка, но и собственная активная жизнь — с ее усердием, работой, зарабатыванием денег, всем, что связано с ней. Все это должно было прекратиться. Получается, что Рудольф посредством своего действия фактически пытался покончить с состоянием неопределенности своей жизни.

Поскольку мы решили взглянуть в этом свете на некоторые особенности функционирования личности Рудольфа, кажется уместным сделать еще один шаг и исследовать другие характеристики его бытия с точки зрения состояния неопределенности. Что касается его намерения убить водителя такси, мы знаем, что оно началось в состоянии тяжелой депрессии. Здесь мы снова обнаруживаем стремление выйти из повседневной жизни — но в этом случае, главным образом, в мир приключений. В этом случае патетический импульс отсутствовал.

Для мира Рудольфа особую значимость имеют суды. Как часто бывает в таких случаях, воображение Рудольфа было очень увлечено идеей появления в суде. Поскольку его признали невменяемым, он был лишен этого переживания. До некоторой степени он нашел замещающее переживание в присутствии на лекциях. Годы спустя он все еще мечтал о подобном представлении. Он находился под впечатлением собственной значимости. Он также продуцировал разнообразные фантазии, в которых фигурировал судебный процесс. Эта идея судебного приговора — опять же свидетельство влечения к драме, в которой выносятся приговор жизни, принятому решению и совершенному действию. «Именно так внутренние силы также оказывают давление, подобное внешней форме осуждения»²⁰³.

Наконец, мы должны учесть оказанное на Рудольфа огромное влияние шекспировских пьес. Хотя он действительно с энтузиазмом отзывался о пьесах, он не мог вдохновиться сонетами Шекспира. По-

²⁰³ Там же.

следние, как ему казалось, раскрывают, что их автор «не более чем человек». В драматических пьесах Рудольф видит нечто, что выходит за границы просто человека, а именно *действия* людей — решающие *поступки*, посредством которых они берут судьбу в собственные руки, — человек приобретает большую значимость, становясь образом для подражания, преодолевая самого себя и собственные границы посредством своего действия. Поскольку в сонетах Рудольф не нашел ничего подобного — лишь размышления, — он в них разочаровался.

Присутствие трагического в существовании Рудольфа, среди прочего, показывает нам, что возможно существование взгляда, отличного от того, который видит только «моральную бездну» в тех «редких убийцах, которые совершают преступление, чтобы стать знаменитыми»²⁰⁴. Но мы все еще не знаем, почему Рудольф совершил преступление именно в тот момент, т. е. что вызвало его. Мы можем только предположить, что случилось нечто, имеющее трагическое воздействие. Таков случай, когда событие «лишает человека его опоры, последней оставшейся цели, имеющей значение; так что, начиная с этого момента он поражен и совершенно сходит с ума; когда уничтожены не только какие-то желания и надежды, но также самые скрепы значимого контекста мира»²⁰⁵ (Штайгер). Дата преступления — 23 марта, вторник — может служить ключом, учитывая, что мать Рудольфа умерла во вторник, 23 февраля, семнадцатью годами раньше. (Разница в четыре недели, кажется, как-то связана с праздниками католической церкви — день Вознесения и праздник Тела Господня, также празднуемый во вторник. Развивать далее эту тему здесь мы не будем.) Мы можем допустить, что есть связь между смертью его матери и преступлением, но выяснилось, что Рудольф не осознавал этой связи во время самого действия. Поэтому мы воздержимся от того, чтобы далее развивать эту линию рассуждений. Однако есть другая связующая нить, которую мы более тщательно рассмотрим в следующем разделе.

Преступление Рудольфа и смерть его отца

Преступление Рудольфа — покушение на убийство проститутки, — кроме всего прочего, имеет очевидную временную связь со смертью его отца, поскольку он почувствовал первый импульс такого рода в первый день после похорон. Здесь мы находим отправную точку для экзистенциально-аналитического исследования преступле-

²⁰⁴ Goering, «Kriminal Psychologie» in Kafka's Handbuck der vergel. Psychologie, Bd. III, s. 182.

²⁰⁵ Stager, op. cit., p. 201.

ния Рудольфа. С помощью экзистенциального анализа мы в первую очередь постараемся изучить структуру связанных со смертью отца переживаний Рудольфа и на некоторое время сосредоточимся на трех установленных фактах, которые были подтверждены свидетельствами очевидцев.

1. Когда Рудольф узнал о тяжелой болезни отца и позже о его смерти, он оставался совершенно равнодушным.
2. Его поведение у тела отца было необычным: он совершал разные эксцентричные действия, которые внешне были необъяснимы.
3. На похоронах отца Рудольф выражал большую скорбь бурным и громким рыданием.

Эти наблюдения совпадают с показаниями самого Рудольфа. Он признался, что сперва испытал огромную радость от смерти отца и что это чувство проявилось как совершенно спонтанный аффект, точно так же было в последующем и с его чувством горя. Он не смог в достаточной мере объяснить эти эмоции, так же как и свой импульс перенести тело отца, импульс, который для него самого был непонятен и загадочен.

Сейчас нашей задачей будет описать как можно более адекватно отношения и переживания Рудольфа без оценки их причин и следствий; иначе мы должны будем принять мнение Рудольфа, который находит их «непостижимыми», или бесосновательно сослаться на гипотетическое «бессознательное». Но мы предпочитаем показать, каким образом то, что обычно описывается как «бессознательное», может быть понято путем экзистенциального анализа.

Реакция радости Рудольфа на новость о смерти отца вряд ли может быть понята из того, что мы о нем знаем, поскольку не было ни денег, ни какой-то еще собственности, которую он мог унаследовать; не было и идеи, что смерть могла явиться спасением для несчастного человека, который страдал от мучительной болезни. Его споры с отцом были не из тех, что заставляют человека желать смерти отца. С другой стороны, Рудольф всегда осознавал, что, будучи ребенком, он уже предполагал смерть отца как приближающееся радостное событие, о котором он фантазировал, когда к этому располагали внешние обстоятельства. Будучи школьником, он завидовал людям из похоронной процессии, проходящим мимо школы, отчасти потому, что они не должны были учиться, отчасти потому, что они, очевидно, участвовали в некотором роде радостном событии. В чем действительно заключалось удовольствие, Рудольф не понял ни пока его отец был жив, ни после того, как

ему пришлось сказать надгробное слово на его похоронах. Поскольку случившееся оставило его безучастным и он был озабочен лишь собственным удовольствием, его отношение к умершему отцу должно было измениться. Кроме того, в то время Рудольф вынашивал идею собственной смерти. Таковы обстоятельства переживания смерти отца, но сами по себе они недостаточны для объяснения поведения Рудольфа.

Однако дальнейшие события раскрывают, что именно в смерти отца могло доставлять удовольствие Рудольфу, будучи даже для него неосознанным. У нас есть предположение относительно того, что именно могло радовать Рудольфа в этом трагическом событии. Мы считаем, что обычно побуждения стремятся к удовлетворению без обязательного участия нашего мышления и осознания цели. Действительно, формулировка эмоциональной цели как намерения часто не только случайный, но в большей степени производный процесс.

Наше предположение относительно того, что Рудольф находил в манипуляциях с телом отца то, чего он так радостно ожидал, может быть верным только в том случае, если эти действия реально доставляли удовольствие. А со слов его родственников нам стало известно, что его с трудом удалось убедить оставить тело в покое, и что при этом он находился в крайне возбужденном состоянии. Ситуация в дальнейшем воспроизводится в различных снах, где он в основном с помощью разных сложных машин производит манипуляции с телом отца или с телами незнакомых людей, главным образом женского пола. В большинстве этих снов ему удается возвращать умерших к жизни, что вызывает у него чувство неопишуемого счастья. Позднее он вспоминал, что, когда увидел тело отца, он почувствовал сомнение — действительно ли тот мертв, неужели это возможно. У него возник импульс открыть отцу глаза. В любом случае становится ясно, что в тот момент он не испытывал никакой скорби.

Только на следующий день, когда Рудольф увидел гроб с телом отца, стоящий перед домом, он осознал реальность происходящего, его сознание пронзила мысль — его отец мертв, это его «последний путь». Теперь он не сомневался, что смерть отца — действительность и он не в состоянии что-либо изменить, что он лишился объекта, который дал ему краткое чувство радостной надежды.

Таким образом, радостное предвкушение удовольствия, приятная активность, связанная с удовлетворением потребности и горе утраты объекта, являющегося источником удовольствия, сопутствовали друг другу в сознании Рудольфа во вполне очевидной последовательности, в соответствии с которой средство достижения удовольствия, а именно

тело, кажется аномальным и странным. В клинических диагностических терминах мы описали бы это как тенденцию к некрофилии, хотя в данном случае какого-то особого сексуального оттенка замечено не было.

Мы хорошо знаем, что Рудольф делал с телом отца. Он касался, главным образом, его лица, открывал и закрывал ему глаза и двигал его челюстью. Эти манипуляции напоминают те действия, которые он производил с телом матери в трехлетнем возрасте. Но эти сцены раннего детства он не мог вспомнить в течение многих лет и вскоре после того, как ему о них рассказали члены семьи, снова забыл. События, касающиеся смерти матери, были раскрыты только при огромном усилии в процессе психотерапевтического лечения Рудольфа, сам же он никогда об этом не вспоминал. С другой стороны, Рудольф хорошо помнил, как однажды, очень давно, манипулировал телом девочки, найденной в бессознательном состоянии, очень похожим образом и что так он пытался вернуть ее к жизни, поскольку принял за мертвую. Кроме того, в просмотренных им фильмах и прочитанной литературе Рудольф сталкивался со сценами «оживления трупов», при этом он всегда становился необычайно возбужденным и взволнованным.

Кроме того, нам известно, каким оптимистичным был Рудольф в присутствии мертвой матери, смерть которой напрочь отрицал. Все то время, пока он был занят ее телом, он испытывал полный комфорт, зато коренным образом изменился, по словам его старшей сестры, после похорон. Тогда он стал искать что-то в доме. Спустя 17 лет повторились не только манипуляции с телом, но и события, последовавшие за похоронами, в частности фундаментальное изменение в состоянии сознания Рудольфа. Это не означает, что переживания Рудольфа, связанные со смертью матери, повторились спустя 17 лет в связи со смертью отца как неизбежное последствие. Скорее всего, справедливо было бы предположить противоположное, а именно что поведение трехлетнего ребенка в основном было обусловлено инфантильным состоянием его эмоционального и психического развития, и что в течение последующих 17 лет его личность подверглась изменениям. Конечно, за это время произошло многое, но равно справедливо, что в целом структура переживания была по сути той же самой, как в случае смерти матери, так и отца.

Пытаясь более тщательно определить фундаментальную структуру переживания, мы должны уяснить, что имеем дело с переживанием, которое разделено на два отдельных аспекта: первый — радостное предвкушение, которое достигает пика в наслаждении ожидаемым, но затем резко прекращается, и за ним следует другое переживание,

продолжительность которого не имеет определенного предела. Здесь мы не будем останавливаться на общем значении такой структуры переживания; скорее, мы должны попытаться максимально сосредоточиться на конкретном содержании переживаний Рудольфа. Для этого мы теперь обратимся ко второму аспекту: печаль, связанная с утратой близкого человека и последующая скорбь.

СКОРБЬ

«Скорбь из-за потери человека, которого мы любили или которым восхищались, кажется столь естественным неспециалисту, что он объявляет это само собой разумеющимся. Но для психолога скорбь — великая загадка, один из тех феноменов, которые сами остаются неясными, но в которых прослеживаются другие непонятные и скрытые вещи».

Это утверждение Фрейда сегодня все еще справедливо. Феноменологическое исследование скорби, конечно, позволило бы нам уловить ее сущность, но завело бы нас слишком далеко в сторону от нашего предмета.

Здесь мы имеем дело со скорбью из-за утраты любимого человека²⁰⁶. Тем самым, мы должны различать аффект скорби, который состоит в эмоциональном переживании утраты, и скорби, выражающейся в глубокой и продолжительной трансформации существования, которая замещает аффект скорби, если потеря была слишком большой. Тем самым, «работа скорби» во фрейдовском смысле, а именно отвод либидозной энергии от потерянного объекта и обращение ее на другие объекты не происходит; скорее (как детально показал Бинсвангер), скорбящий, прощаясь с покойным, прощается со своим прежним образом существования и каким-то образом принимает на себя бытие умершего.

Внешние формы выражения аффекта скорби очень разнообразны — от громкого рыдания, оплакивания и деструктивного отыгрывания импульсов до спокойной, сдержанной реакции. Различные проявления скорби легко переходят друг в друга, аффект скорби может вообще внезапно исчезнуть, так как он вообще крайне динамичен.

²⁰⁶ Скорбь в более широком смысле включает тоску по родине и реакции на утраты, которые не вызваны смертью (брошенные возлюбленные, финансовые потери и т. д.).

Проявления скорби большей частью регулируются обычаями. Это усиливает демонстрация печали и горя, которые не сопровождаются адекватным эмоциональным переживанием.

Субъективно скорбящий испытывает боль, которую переживает как сильную вспышку. Он чувствует бремя, тяжесть в голове и членах тела, теряет силу и мужество, у него пропадает интерес к жизни. Он не может смотреть на пищу. Скорбящему все кажется плоским и пустым, взгляд устремлен в пространство, голос тусклый, он еле передвигает ноги. Все мысли о покойном; взгляд всюду ищет его. Когда его жизнь вторгается в внешний мир, пытаюсь пробиться к скорбящему, его печаль вспыхивает с новой силой. Когда же его оставляют в покое, он испытывает очевидное облегчение.

То, что действительно имеет место при аффекте скорби, блестяще описал Хайдеггер: «Ушедший из жизни, который, в отличие от мертвеца был отнят у «переживших» его, становится объектом «заботы» в виде траурной церемонии, похорон, погребения. И это происходит потому, что умерший по своему образу бытия «все же больше» чем просто «вещь под рукой», в окружающем мире (*Umwelt*). В своем скорбяще-поминальном бытии при нем оставшиеся в живых пребывают с ним в модусе почтительной заботы. Бытийное отношение к мертвому поэтому нельзя понимать как озаботившееся бытие при том, что находится «под рукой». В таком со-бытии с мертвым самого по себе умершего фактически больше нет «здесь». Но со-бытие всегда означает бытие-друг-с-другом в том же мире. «Ушедший из жизни покинул наш мир и оставил его, и только те, кто вне этого мира, способны все еще быть с ним»²⁰⁷.

Утверждая, что «такое со-бытие с мертвым не позволяет постичь в полной мере пришедшее умершего к концу», Хайдеггер прекращает этот анализ. Но тогда какой вывод для понимания скорби скрывается за этими рассуждениями? Если «со-бытие» всегда означает «быть вместе в одном мире» с умершим, «который покинул наш мир и освободился от него», тогда в пребывании с умершим мы больше не в том самом мире, в котором были с ним, пока он был жив. Посредством нашего «со-бытия с мертвым», которого «фактически больше нет здесь», наш мир действительно существующего, реального, или, выражаясь проще, мир, в котором мы жили прежде, приобретает черты нереального, он меняется.

Мы можем сказать, что он становится более фантастическим, подобным сновидению или мистическим, тем самым указывая на то, что

²⁰⁷ Heidegger M. *Sein und Zeit*. s. 238.

скорбящий повернут от реального мира повседневности в направлении прошлого. Мир, который искушает и пытается очаровать нас, теряет свою силу и значимость; мы уходим из него, чтобы вернуться к умершему. Если Хайдеггер пишет: «...Только те, кто вне этого [нашего] мира, могут продолжать оставаться с умершим», — тогда это должно пониматься также в смысле движения от мира, т. е. от того мира, в котором они прежде были вместе с умершим. И поскольку мы знаем, что в состоянии спокойной скорби всегда думают об умершем, то можем сказать, что это идентично тому, что Хайдеггер именует «со-бытие с мертвым».

Одиночество и пустота, отсутствие интереса к любым мирским делам — все это выражения чувства того, что скорбящий отвержен от мира, прежде ему знакомого. Приглушенное поведение соответствует пустому миру, подобно тому, как мы ведем себя тише с наступлением ночи. Деструктивные импульсы отчасти могут объясняться как восстание против искушений внешнего мира, отчасти они могут быть связаны с подавлением. Конечно, понять подавление гораздо труднее, хотя, возможно, это первичный феномен, который ответствен за трансформацию воспринимаемого мира. Чувства подавления и тяжести, вероятно, связаны с переживанием неподвижности мертвого тела и относятся к первичному смыслу, в котором отождествляются движение и жизнь. С другой стороны, мы знаем из теста Роршаха, что испытываемые с ограниченной подвижностью склонны оживлять *Umwelt* и *Mitwelt*. Но здесь мы достигли того места, где аффект горя преодолен и начинается скорбь в экзистенциальном смысле.

СКОРБЬ РУДОЛЬФА

Результат феноменологического описания аффекта скорби, может быть приложим к конкретному случаю, даже в случае психически больного человека, поскольку надежность феноменологического описания не ограничена оценками нормальности или аномальности. Хотя многие аспекты аффекта скорби у различных людей во многом схожи, встречаются индивидуальные отличия.

К таким конкретным формам скорби, которые имели место в случае Рудольфа, мы перейдем, прослеживая индивидуальную историю и развитие аффектов скорби в течение его жизни.

Скорбь по матери. Как нам известно, Рудольф впервые столкнулся со смертью в три года, когда умерла его мать. Но мы должны быть внимательны, дабы не перенести то, что мы знаем об аффекте скорби у взрослых, на трехлетнего ребенка.

Наблюдая столкновение ребенка со смертью, необходимо ясно отделить проникновение в природу смерти, — которое само по себе может вызвать аффективные реакции, схожие со скорбью, — от реального переживания потери дорогого человека в результате смерти. Однако нам не известно, что происходит с ребенком, если он переживает смерть человека *до того*, как действительно понял значение смерти. Так, по-видимому, произошло в случае Рудольфа. Очень возможно, что слова, которые Рудольф произнес у тела матери, точно передавали его мысли. Если это так, мы должны заключить, что Рудольф знал об умирании, но не осознавал того факта, что смерть похитила его мать. Он был убежден, что его мать спит. Наблюдение, что Рудольф в присутствии мертвого тела не выражал признаков ужаса, также указывает на то, что он не понимал, что делает, обычно при виде мертвого тела дети испытывают страх и ужас. Тем не менее, Рудольф, вероятно, воспринимал отсутствие блеска глаз матери, хотя и не мог в то время правильно это интерпретировать. Вообще, дети не сопоставляют отсутствие блеска глаз со смертью отчасти из-за того, что обычно они видят мертвые тела с закрытыми глазами.

Поскольку позднее Рудольф придавал блеску глаз и его отсутствию особое значение, мы должны искать причину этого в индивидуальных свойствах его личности или жизне-истории.

Из его непонимания происходящего проистекает особенная форма, которую приобрело страдание Рудольфа. Поскольку он не верил, что его мать умерла, для него естественным было отправиться на ее поиски. Если бы он понимал истинное значение смерти, он не стал бы действовать таким образом. Тот факт, что Рудольф сильно изменился после похорон матери, явно указывает на печаль, но этот аффект, по сути, не отличался от печали, какую он испытывал, если бы его мать отправилась в путешествие, в любом случае он мог еще надеяться, что отсутствующая сейчас мать вернется. Поскольку ничего такого ему обещать не могли, он продолжал действовать по-своему. Он чувствовал, что его действия оправданны, так как однажды его поиски уже давали результат — по крайней мере, он нашел тело. Конечно, это не мог быть спланированный поиск, так как контекст событий, результатом которых стала потеря, оставался для него скрытым. Вот что делало поиск таким поспешным и нервным, заставляло его делать самые абсурдные предположения, выискивать места, где долгое время никого не было, и обследовать такие участки, где успех невозможен просто по причине пространственных пропорций. Здесь достигается та точка, где поиск становится самоцелью и где возникает настоящая тревога, поскольку существование вновь и вновь обнаруживает себя

столкнувшись с тем, что чего-то нет, что-то отсутствует. Чем более значителен потерянный объект, тем сильнее тревога, и она настолько продолжительна, насколько долго этот объект отсутствует. Такое беспокойство и волнение вовсе не похоже на состояние человека, который чувствует воздействие аффекта скорби и который, как мы знаем, обычно довольно подавлен. Но без этой подавленности блокируются пути, которые могли бы вести к преодолению аффекта скорби.

Мы можем быть уверены, что первоначально Рудольф пытался найти живую мать, которая говорила с ним и любила его. И следует допустить, что даже после обнаружения тела он все еще искал живую мать, поскольку был убежден, что она спит, и ожидал ее пробуждения. Позднее он мог понять, что значило отсутствие блеска в глазах матери, но в то время он нашел блестящие объекты. Описывая, как нашел их, он продемонстрировал подлинные эмоции и ощущение счастья, которые, должно быть, испытывал будучи ребенком и которые были до сих пор сохранились у взрослого. Вероятно, это было для него событием необычайной важности. Человек вообще реагирует на блестящие вещи. Известно, как рано младенец реагирует на блеск глаз и как он позднее хватается сверкающие предметы. Но даже в жизни взрослых людей блестящие предметы имеют значение (например, блеск глаз влюбленного, роль драгоценностей).

Нечто подобное случилось с Рудольфом. В блестящих объектах он снова пытался найти блеск глаз его умершей матери. Эта связь была установлена с помощью снов и их интерпретаций, сделанных самим Рудольфом. Все это объясняет, почему находка блестящих объектов вызывала у Рудольфа такое счастье, и почему он поддавался искушающему блеску монет, воруя в церкви деньги. В этом контексте больше не кажется странным то, что позднее его сексуальное влечение было направлено в сторону блестящих вещей.

Конечно, блестящие объекты не могли дать Рудольфу все, что он искал в них. Поэтому он никогда не мог удовлетвориться тем, что находил, и должен был продолжать поиск. Что в таком случае должно было прибавиться к блестящим объектам, чтобы сделать их полноценными? Это могло быть только человеческое существо без блеска глаз — так сказать, труп. Сейчас мы понимаем почему Рудольф в дневное время всегда испытывал желание видеть тело и почему он боялся ночью найти в постели остывший труп, почему в его снах раз за разом появлялись тела и почему он соорудил из простыней и подушек некое подобие человеческого тела на своей постели.

Как только он признал свой фетишизм и отказался от своей мании по отношению к блестящим вещам, его сны и фантазии на тему тел практически исчезли.

Признаки скорби, остающейся в жизни Рудольфа. Со времени смерти матери печаль никогда полностью не покидала Рудольфа. «Он так и не стал похожим на других», — сделали вывод его братья и сестры. При взгляде на его активную жизнь, мы не должны упускать из виду тот факт, что радость как таковая в ней полностью отсутствовала. Рудольф никогда не рассказывал нам о моментах радости или веселья. Будучи ребенком, он был склонен легко впадать в плач. Когда он сталкивался с неприятностью, он целыми часами беспрерывно плакал. Его повышенная восприимчивость к торжествам, формальностям и церемониалу, например в переживании религиозных чувств, может быть понята как готовность к сосредоточению на серьезных аспектах жизни, в которой все должно рассматриваться как проявление предрасположенности к печали. Вспомним о спокойном состоянии Рудольфа при совершении им преступного акта и после него, особенно в ходе расследования, когда он тем или иным образом демонстрировал церемониальное поведение.

Но мы знаем даже больше о развитии печали у Рудольфа после смерти его матери. Мы знаем, что в возрасте примерно шести лет он видел тело умершего соседа, «взгляд» которого ужасно напугал его. Вероятно, он видел его закатившиеся глаза. Впоследствии он целыми днями не мог есть, что указывает на сильный аффект, хотя он никоим образом не был близок к этому человеку. В то же время он начал испытывать страх, темнота ночи допускала наличие какой-то жизни, призраков, порожденных тревогой. Впоследствии мальчик отказался подходить к телу бабушки. Очевидно, впервые Рудольф понял, что связано с блестящими предметами, он узнал значение мертвого тела, пережил аффект скорби и, как мы можем предположить, с этим опытом подавленность вступила в его жизнь.

Позднее он не только видел призраков, но и вообще вырос тревожным и пугливым.

Работа Рудольфа в качестве мясника, должно быть, решающим образом повлияла на его аффективную жизнь и тем самым на печаль. Мы знаем, что он проводил изучение животных, чтобы исследовать, как их глаза «умирают». Он стал чувствовать себя хозяином над жизнью и смертью, обладающим какой-то магической силой. Таким образом, Рудольф крайне возбуждался, когда при убое беременного животного ему удавалось спасти плод. В тот период он часто фантазировал, буд-

то он Христос и творит чудеса. Он даже пережил подтверждение этих фантазий, когда девушка, казавшаяся мертвой, ожила в его руках.

В этих мечтах о власти над жизнью и смертью мы обнаруживаем инфантильные черты, которые, согласно Веберу²⁰⁸, служат маленькому ребенку для преодоления опыта столкновения со смертью. Конечно, Рудольф чрезвычайно развил этот психологический прием и прибегал к в течение многих лет, в то время как у нормального ребенка это материал для вопросов и игр на период, может быть, нескольких недель или месяцев.

Скорбь Рудольфа по отцу. Как показано выше, Рудольф почувствовал горе только на похоронах отца, а не в тот момент, когда получил известие о его смерти. То, что он неудержимо рыдал и что чувство горя сохранялось в его памяти, указывает на истинный аффект скорби. Непосредственно после похорон оплакивающие покойного собрались на поминки. Общее настроение вначале, как это обычно бывает в таких случаях, было подавленным, но скоро стало столь возвышенным, что дядя, большой скупец, решил вернуть долг детям покойного (о чем он позже сожалел и пытался отменить свое решение). Рудольф один оставался печальным, ничего не мог есть (как и десять лет назад, когда увидел тело соседа) и портил удовольствие другим. Поскольку его аффект скорби возник только за час до этого, нетрудно понять, что он был неспособен поддерживать общее настроение поминальной трапезы. В то время как для нормального аффекта скорби исчезновение тела способствует снятию подавленности, которая, в свою очередь, дает возможность сделать первые шаги в преодолении этого аффекта, в случае Рудольфа аффект усилился именно вследствие потери тела. Наконец следует учитывать, что он, вероятно, надеялся с помощью своих манипуляций также пробудить отца от смерти. Таким образом, он поставил себя в ситуацию, похожую на ситуацию с телом матери, в которой он реально не признавал факт смерти или, по крайней мере, не верил в ее истинность.

На следующий после похорон день Рудольф все еще предавался своему горю. Когда он вспоминал о похоронной процессии и о своих чувствах, он описывал тот феномен, который Хайдеггер называет «оставаться с мертвым». Большое значение имеет тот факт, что именно в тот момент он почувствовал импульс к убийству. Как тесно импульс убийства связан с аффектом скорби, демонстрирует также внезапное исчезновение импульса убийства. Такая нестабильность типична именно для аффекта скорби.

²⁰⁸ Weber A. Zum Erlebnis des Todes bei Kindern, s. 192–225.

Скорбь Рудольфа о смерти его отца была вызвана не потерей любимого человека, но утратой тела, т. е. «подручного объекта» (Хайдеггер). В этом случае нельзя ожидать, что за аффектом скорби последует внутренняя трансформация личности в экзистенциальном смысле, поскольку это возможно, только если живущий любил умершего. Однако любовь к другому человеку и отношение к нему как «подручному объекту», взаимно исключают друг друга. Аффект скорби, за которым не следует экзистенциальная трансформация, может внезапно исчезнуть. Столь же внезапно он может появиться вновь и именно в той же форме, как это было вначале, поскольку в промежутке ничего, действительно ничего не произошло.

На вопрос о том, как влиял аффект скорби на Рудольфа до и во время преступления, можно пока ответить только косвенно, поскольку нельзя назвать случайным то, что после преступления Рудольф устроил собственную поминальную трапезу, заказав в ресторане именно те блюда, которые он оставил нетронутыми на поминках отца. Мы также знаем наверняка, что после ареста он почувствовал сильный голод, явно находясь в состоянии, похожем на то, которое он испытывал после похорон. Здесь мы должны описать и попытаться понять, что происходило с Рудольфом и вокруг него с момента его ухода из дома скорби до совершения преступления. Мы узнали, что аффект скорби заставляет весь опыт человека сдвигаться в сторону состояния «пребывания с мертвым», в сферу прошлого, отчужденную от реальности. Тогда возникает вопрос: что представляет собой мир, в который Рудольф был погружен смертью отца? Можно сказать, что в самом общем виде — это мир фантазий и снов, который мы постараемся представить более детально.

Мир грез и снов и его отношение к повседневной жизни

Поскольку «пребывание с мертвым» Рудольфа приводит его, с одной стороны, к мертвому телу, а с другой, в мир его фантазий и снов, вначале мы должны задать вопрос: какую роль он приписывает телам в этих фантазиях и снах? Начнем с того, что мы знаем, а именно, — Рудольф не мог восстановить в своей памяти ни образ тела его матери, ни прижизненный ее образ. Более того, мы можем предположить, что в детстве некоторое время у Рудольфа были какие-то теории о причинной связи между церковью и смертью человека. Он верил, что священники делали маленьких детей из трупов в церемонии пресуществления, процесс, который сопровождался неприятными запахами. Поклонение чудотворным мощам, по-видимому, играло в этой

связи определенную роль. И, наконец, мы знаем, что отношение Рудольфа к телам никогда не было индифферентным, в нем всегда, вероятно, были некрофобические и некрофилические черты, а временами одновременно те и другие.

Ни указание на двусмысленность таких отношений, ни признание многообразия человеческих реакций на тело в целом ничего не могут нам дать²⁰⁹. Реальное понимание становится возможным, только когда мы проясним, в чем проявляется принадлежность некрофобии и некрофилии к двум различным миро-проектам. Ранее мы видели, что некрофильные черты связаны с миром активной жизни, в котором, очевидно, нет места некрофобии.

Однако некрофобия должна быть связана с ночным существованием, так как мы знаем, что Рудольф боялся тел только ночью. Мы также помним кошмарный сон, в котором он целовал мертвое тело, что опять же происходило в темноте. Но ночь — это также мир грез и снов. Из содержания почти неисчислимого количества снов и фантазий мы можем выбрать характеристики, составляющие этот мир фобии мертвых тел.

Содержание сна имеет отношение к времени и, кроме того, к земле как к материально-природной основе воображения. Роль грязи, нечистот и фекалий уже была отмечена нами ранее. Мы обращали внимание на каменные статуи, на «маленькую коричневую кучку» новорожденного ребенка и также на деньги в форме монет. Во всех этих вещах мы имеем дело с *материей*. Мы можем добавить, что твердая материя

²⁰⁹ Термины некрофобия и некрофилия здесь употребляются в широком смысле. То, как тесно связаны эти две контрастирующие тенденции, иллюстрирует заявление пациента, который страдал от тяжелой фобии и компульсивного невроза; он считал труп человека самой чистой вещью на земле, так как он больше не потеет и ничего не выделяет. С другой стороны, мы знаем, что многие люди, страдающие фобией, особенно боятся трупов. Психастеники, которые не осмеливаются посещать кладбища, сопоставляются с такими людьми, как один из наших пациентов, который играл на флейте ночью на могиле умершего друга.

Г.-И. Раух недавно провел различие между «подлинной некрофилией» (трупы являются основной целью сексуального инстинкта) и «псевдонекрофилией» (перенос сексуального инстинкта от первичной цели — живого сексуального партнера — на трупы). В дополнение к этому он обсуждает некрофильно-садистские акты и символическую некрофилию. К научной литературе с описаниями некрофильных тенденций мы можем добавить роман Антонио Франческо Дона «Любовная история Карла Гроссена». Также приходят на ум действия Заратустры с телом канатоходца (Ницше).

также служит основой для изготовления машин, тех машин, которые проникли в жизнь Рудольфа, его мечты и сны либо в форме желания стать механиком, чьи более или менее сложные орудия и инструменты позволяют их владельцу оживить мертвого, либо в форме механических устройств и приспособлений, которые в фантазии Рудольфа помогли бы ему распять себя, или в форме часов, которые часто возникали в его снах и которые, принимая форму замка на таинственном чемодане, показывали, что «время вышло». Только материальные субстанции имеют те качества, которые так важны для Рудольфа, а именно блеск и тепло. И только материальное вещество может быть отрезано, съедено и переварено, после чего появиться вновь. Только то, что состоит из материи, может быть убито.

Для Рудольфа тело также кусок материи, поэтому оно может быть обработано руками, как любой другой предмет. Поэтому для него материя тела представляет его сущность, человек и животное кажутся столь близки друг другу, что он обращается с ними одинаково, как при расчленении, так и при актах содомии. Соответственно, живой человек и мертвое тело не столь уж различны при определенных условиях; в самом деле, материальность человека более полно представлена в мертвом теле, так как в живом человеке другие факторы ей препятствуют.

Свойство земли таково, что в нее нельзя проникнуть. Однако в определенных местах она открыта и доступна благодаря пропастям и пещерам. Но такие места приходится долго и тщательно искать. Можно также войти в землю силой, копая ямы и траншеи, строя туннели и тому подобное. Только твердые, материальные объекты имеют реальные внешнюю и внутреннюю стороны. Поэтому Рудольф связывает свой интерес к материально-земным субстанциям с желанием проникнуть в глубь таких субстанций в их самой разнообразной форме: внутрь земли, зданий, ящиков, сундуков, даже тел — человеческих, равно как и животных, — и даже внутрь собственного тела путем фантазий о нанесении самому себе увечий. Проникновение извне в землю и материю требует, конечно, мощи и силы. Сексуальный акт тоже включен в понятие проникновения внутрь, хотя он не обязательно представляет первичный образ этих влечений. Однако отсюда мы можем получить доступ к пониманию тесной связи между агрессией и сексуальностью у Рудольфа. Другие элементы играли в снах Рудольфа лишь случайную роль.

То, что ясно вытекает из его снов, представлено и в его повседневном мире, но в более скрытой форме. Здесь также доминирует мате-

рия, как в его работе в качестве мясника и садовника, в его особенном отношении к деньгам или в его сексуальном фетишизме.

Исследуя экзистенциальное пространство его фантазий и снов, мы находим, что почти все они происходят внутри замкнутых пространств, таких как интерьер мясной лавки, кинотеатра или бара, в комнатах — хотя также в церкви или в роще, — в то время как широкие, открытые пространства, полные простора, высоты и глубины, как это главным образом встречается в природе, отмечались редко. Освещение обычно мрачное или вовсе отсутствует. В этих пространствах мало объектов, за исключением случайных инструментов, денег, трупов; совершенно нет человеческих взаимоотношений. Если представлены люди, они действуют грубо или непристойно либо в соответствии с ритуалами; не слышно слов, только крики людей и животных.

Пространство сна создается теми силами личности, которые не допускаются реальностью к проникновению в нее. В снах Рудольфа нам чаще всего открывается подземелье, мы узнаем о подземных склепах, катакомбах, пещерах-лабиринтах, ходах и камерах. Они более или менее тускло освещаются факелами. Тем самым, ритуальные или насильственные действия — включая убийство — могут здесь совершаться без помех. Мы указали бы на то, что некоторые иллюстрации из детской Библии стали детерминирующими факторами в построении этого мира, особенно те, где изображено усекновение главы Иоанна Крестителя, происходящее в мрачном подвале. В этом подземном мире встречаются трупы, гробы, клетки, ящики и подобные предметы, содержащие продукты разложения, дурно пахнущий хлам, навоз и фекалии.

Открытие подземного мира относится к вертикальной оси существования, с которой мы столкнулись, когда обсуждали расширение *горизонтальной экзистенциальной плоскости* активного повседневного мира с помощью фантазий и патетического акта. Доказано, что восхождение и нисхождение в конкретной форме бытия, «поднятого ввысь» и «проникающего в глубину»²¹⁰ — т.е. существования по вертикальной оси, — является актуальной пространственной экзистенциальной формой снов и мечтаний Рудольфа. Для этого есть совершенно определенное свидетельство. Сошлемся, например, на музыкальные записи, помещенные высоко наверху в комнате, в которой Рудольф целовал тело в одном из своих снов.

²¹⁰ В связи с этой проблемой смотри: Binswanger L. «Traum und Existenz», *Ausgewählte Vorträge*, Bern, 1947; Straus E. «Die Formen des Raemlichen», *Nervenarzt*, 3, s. 633–656.

Вспоминая, как мы описали до этого одну категорию экзистенциального пространства Рудольфа, — категорию практической жизни и действия, мы понимаем, как она отличается от той, с которой мы имеем дело сейчас. Сопоставление двух типов структуры времени в переживании этих двух миро-проектов поможет дифференцировать их еще более четко.

В экзистенциальном пространстве снов и мечтаний Рудольфа все древнее. Мы находим здесь старые сундуки, резные двери, связи с древними библейскими историями, с мумиями и трупами; даже сами подвалы, в которых все происходит, древние и долгое время не посещались. Предметы там — гниющие, приходящие в упадок, и в целом мы здесь имеем дело с миром давно прошедшего. Совершенно иначе в пространстве практической жизни. Новое играет здесь ведущую роль, имеет место жажда нового, определенная любознательность и устремленность вперед, ищущая все новых впечатлений и встреч. Новое в целом подобно сиянию. В то время как пространство снов и грез ориентировано на старинное и мрачное и тем самым на *бывшее*, пространство деятельной жизни направлено на новое и блестящее и, таким образом, на *ожидаемое*. С определенными оговорками мы вполне можем обозначить два мира как прошлое и будущее Рудольфа.

До сих пор мы наблюдали два мира Рудольфа — яркий мир улицы и приходящий в упадок мир подвала — только вне его тела. Но выясняется, что тот же анализ можно также провести в отношении его телесного опыта. Внешний облик человека, который обычно включает одежду, соответствует яркому существованию, в то время как мир подвала повторяется во внутреннем аспекте тела. Здесь также преобладает темнота, а доступность ограничена; происходят таинственные процессы (называемые пищеварением), которые, кажется, имеют безошибочную связь с тем, что происходит в подземных- подвалах. Мы также должны иметь в виду деторождение и связанные с этим инфантильные теории о происхождении детей.

ОТНОШЕНИЯ И ПЕРЕХОДЫ МЕЖДУ МИРОМ РЕАЛЬНОСТИ И МИРОМ ФАНТАЗИЙ: ИХ СВЯЗЬ СО СКОРБЬЮ И ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

Мир фантазий и мир активной жизни тесно связаны между собой. Во внешнем мире дверь обеспечивает коммуникацию между улицей и внутренней частью дома. В телесной сфере внешнее и внутреннее связаны через отверстия тела. Рудольф видит в женских гениталиях точку пересечения двух миров. Раздевание представляет собой подступ к внутреннему миру, и оно пугающе в той мере, в какой приближение к

миру фантазий избегается в реальности. В определенном смысле переход от одного мира к другому также представляет шаг от фантазии к реальности и наоборот. Внутри фантастического мира большая забота уделяется тому, чтобы не обратить психическое содержание в реальность. Это объясняет фобические черты, присущие этому миру. До тех пор, пока достигается успех в строгом отделении двух миро-проектов друг от друга, не существует опасности того, что криминальные фантазии и сны могут трансформироваться в действие или что действия могут находиться под влиянием мира снов.

Однако Рудольф не всегда успешно сохраняет полное разделение этих миров, что отражается в его сексуальных отношениях с женщинами. Он ищет и находит своего сексуального партнера вовне, на улице. Пока женщина одета, она остается в активном мире. Она *должна* оставаться здесь, или иначе он должен будет ее убить, поскольку живущий человек не проникает в мир фантазий. Поэтому в сексуальном акте он должен пережить самого себя, соблюдая видимость присутствия в активном мире, в то время как в реальности он проникает внутрь и тем самым в область другого мира. Он легче может поддерживать эту видимость, пока сексуальная партнерша остается одетой, и так долго, пока он может выполнять акт *между прочим*, как бы случайным образом. Но даже если Рудольф способен сохранять в половом акте это требование, тем не менее, он вступает в такой интимный контакт с «внутренним», что власть над ним приобретают фантазии с их устрашающим содержанием. Это помогает нам понять, почему сексуальный акт продуцирует у Рудольфа тяжелую депрессию, в которой, как мы знаем, всегда страдает также темпоральная ориентация на будущее.

Что происходит в мясной лавке, если мы взглянем с этой точки зрения? Мы увидим Рудольфа, находящегося здесь в решающий момент его существования, где теснейшим образом соприкасаются два различных мира в форме жизни и смерти. Рудольф действует в этой ситуации, он — часть активной жизни. Но, убивая животных, он превращает их в элементы другого мира. Убитые животные становятся частью мира снов и дневных грез, они как бы включаются в тот мир — и через трансформацию в пищевой продукт также становятся доступны для телесного внутреннего мира. Фактически, убийство животных — как превращение живых животных в мертвых — действительно представляет реализацию фантазий, хотя бы только в животном мире. Следует понимать, что убийство по своему замыслу тесно связано с сексуальным актом и что сексуальное, перверсивное использование животных — это акт, который очень близко стоит с убийством животных.

Теперь мы должны вернуться к навязчивым импульсам Рудольфа убивать женщин, которых он встречает, когда доставляет мясо на дом. Сталкиваясь с ним как живые, активные и одетые, они способны и должны сексуально его возбуждать. Но, появляясь из внутреннего пространства дома, они находятся в том месте, которому не принадлежат, до тех пор, пока действительно не станут трупами. Таким образом, могут быть поняты побуждения Рудольфа к убийству.

В заключение мы должны рассмотреть, как скорбь Рудольфа по умершему отцу структурировала отношения между его двумя обликами мира. Из нашего общего обсуждения аффекта скорби мы знаем, что «со-бытие с умершим», вызванное этим аффектом, приводит к отходу от активной повседневной жизни и склонности к миру, который открывается Рудольфу как мир фантазий и снов. Тот мир приобрел силу за счет потери. Но следует добавить, что в случае Рудольфа это усиление власти со стороны мира фантазий происходит в очень специфической форме: аффект скорби проявился, когда Рудольф наблюдал, как гроб с телом отца выносили из дверей. И вместе с этим также излилось содержание сновидного существования, до тех пор ограниченное внутренней частью дома. Пограничная линия между двумя мирами была нарушена, и мир фантазий как бы соприкоснулся с повседневным миром, или, другими словами, повседневный мир был в этот момент «гармоничен» миро-проекту фантазий и снов. Для Рудольфа это повлекло фундаментальное изменение во всем существовании. Теперь мы понимаем, что для него аффект скорби связан с сексуальным желанием, поскольку это именно проникновение внутрь, которое достигается в сексуальном акте. Со дня похорон отца Рудольф оказывается, так сказать, гораздо ближе к этому внутреннему. Но импульс, который ранее возникал только в дверях дома — когда сексуально возбуждающие женщины стояли в «неправильном» месте и поэтому должны были быть убитыми, — распространился под влиянием аффекта скорби, так что теперь каждая сексуально возбуждающая женщина стимулирует этот импульс к убийству, поскольку все существование покрывает мир фантазий. Мы больше не удивляемся тому, что именно проститутка, женщина, которая призвана соблазнять мужчин, становится главной мишенью Рудольфа и объектом его попытки убийства. Потому что проститутка — создание улицы и как таковая была одной из составных частей мира реальной, повседневной жизни Рудольфа. Но образ улицы изменился под влиянием аффекта скорби, который, в свою очередь, изменил природу встреч Рудольфа с проститутками. Контрвлечение против импульса к убийству не могло возникнуть, так как Рудольф больше не стоял на границе двух его миро-проектов и по-

этому больше не мог наблюдать один мир с точки зрения другого, как он делал раньше, когда появлялся импульс к убийству. Теперь он всецело в мире фантазий и снов, который смешался с миром повседневной жизни или можно сказать, что фантазия и реальность находятся в согласии. Наблюдая это явление извне, можно сказать, что фантазии прорываются в мир реальности или что деятельный мир обладает фантазиями.

Тесная связь между скорбью по ушедшему отцу и импульсом к убийству проститутки, против которого не могло развиваться сопротивление, вследствие чего этот импульс полностью превалирует вплоть до момента его насильственной реализации, — все это, как нам кажется, стало вполне объяснимым.

Мы должны еще рассмотреть в общих чертах вопрос об отсрочке преступного акта. Этот аспект может быть понят, если осознать, что присутствие аффекта скорби — это определенная предпосылка для осуществления этого действия. Когда Рудольф в день после похорон остался с проституткой, мир реальности укрепился благодаря двум моментам: во-первых, девушка отказалась раздеться, как бы желая удержать облик активного, противоположного фантазии мира, во-вторых, Рудольф бросил взгляд через открытое окно, когда задергивал занавески. Это также ориентировало его на тот мир, который был снаружи.

Следует учитывать, что аффект скорби очень лабилен и сильно колеблется по степени интенсивности. Импульс к убийству возник, когда, находясь в трамвае, Рудольф оказался во власти воспоминания об умершем отце и, таким образом, должно быть испытал вспышку непреодолимого аффекта скорби, который должен был проявиться вчера, а теперь этот аффект вместо того, чтобы излиться в плаче и причитаниях, проявился в форме импульса к убийству. Замещение аффективной разрядки в форме плача импульсом убийства — как мы описали бы психологический процесс с внешней точки зрения — своеобразен, но вполне объясним, если учесть, что в обоих случаях переживаются сильные аффекты, которые больше не могут контролироваться и быть преодолены с помощью рационального мышления и повседневных действий. Хотя на первый взгляд это может показаться странным, однако мы должны сказать, что преступление Рудольфа ближе к «аффективному акту», чем этого можно было ожидать с точки зрения клинического подхода. Это, конечно, возможно только в том случае, если мы согласны, что импульс к убийству, так же как и плач, — это проявление аффекта скорби.

Теперь мы должны спросить: почему примерно семь недель спустя импульс к убийству возник снова, никак до этого себя не проявляя? Ответ в том, что снова возник аффект скорби, и что мир реальности оказался бессильным при встрече с ним. Природа аффекта скорби такова, что он может внезапно вспыхнуть после длительного промежутка времени, раз уж пути для него расчищены. Это случается в тех случаях, когда дальнейшего развития скорбящего в смысле «включения» бытия умершего не происходит. Именно таким был случай Рудольфа в отношении смерти его отца. Что привело к разрядке аффекта скорби именно в тот день, когда было совершено преступление, мы не смогли точно определить. Но мы можем утверждать, что в тот день Рудольф не имел возможности усилить мир реальности.

После совершения преступления Рудольф пробудился «как ото сна», как он сам описывал впоследствии. Мы можем допустить, что в то время аффект скорби пошел на убыль. Дальнейшие действия Рудольфа (телефонный звонок в полицию, звонок хозяину, его соседу) в этом случае — это действия человека, который вернулся в мир повседневной жизни. Это нам показывает, что повседневный мир Рудольфа — это также мир общения с другими людьми, в то время как в мире фантазий Рудольф, как и любой другой человек, остается совершенно одиноким. Внезапное исчезновение аффекта после преступного акта можно объяснить феноменологией нормального горя. Мы знаем, что скорбящие чувствуют похожее облегчение после того, как тело захоронено. В течение нескольких дней тело в каком-то смысле было объектом их скорби, с исчезновением этого объекта происходит определенное облегчение. Конечно, скорбящий хотел бы удержать умершего, но поскольку близкий прежде человек превратился в вещь — а именно в тело, — то в отношении к нему развивается то же отчуждение, что и в отношении к вещам. Поскольку они превращаются в бремя, от которого человек избавляется под влиянием аффекта скорби, так и тело в целом становится бременем. В отношении аффекта скорби Рудольфа это означает, что живая, искушающая женщина, женщина с сексуальными притязаниями становится для Рудольфа бременем, от которого он избавляет себя с помощью преступного акта. Поэтому он расслабляется и чувствует голод, как и нормальный скорбящий после похорон, когда он может снова вернуться к реальности.

Взаимное воздействие двух миро-проектов друг на друга и их взаимное наложение с трудом можно рассмотреть в динамических понятиях. Именно в силу того, что в действительности они никогда не совпадают, они с трудом могут быть полностью разделены. Они опре-

деляют настоящее Рудольфа путем их изменяющихся взаимосвязей в любое данное время.

Это настоящее Рудольфа с его меняющейся структурой заставляет нас говорить с точки зрения клиники о депрессии, маниакальном состоянии или о перверсии сексуального инстинкта, навязчивых переживаниях, актах автоматизма, сумеречных состояниях и тому подобное. Но нашим намерением было понять акт Рудольфа исходя из экзистенциально-аналитического подхода, а не анализировать обсуждаемые состояния. Собственно, производя экзистенциальный анализ, мы должны делать это не менее оправданно и обоснованно. Таким образом, наше исследование достигло определенных выводов, показав, как Рудольф пришел к своему преступлению и как оно связано со скорбью по его умершему отцу.

В заключение я хочу процитировать строчку из «Сонетов к Орфею» Р. М. Рильке, которые могут звучать таинственно, но которые являются свидетельством его глубокого проникновения в человеческую душу:

«Убиенье — образ боли нашей...»

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1

Людвиг Бинсвангер. ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО — АНАЛИТИЧЕСКАЯ ШКОЛА МЫСЛИ

I. Экзистенциальный анализ – его природа и цели	3
II. Различие между человеческим существованием и существованием животного	8
«Мир» в его экзистенциально-аналитическом значении и «мир вокруг» (Umwelt) в его биологическом значении	8
III. Экзистенциально-аналитическая школа мысли в психиатрии	14

Глава 2

Людвиг Бинсвангер. БЕЗУМИЕ КАК ФЕНОМЕН ЖИЗНЕ-ИСТОРИИ И КАК ПСИХИЧЕСКОЕ ЗАБОЛЕВАНИЕ. СЛУЧАЙ ИЛЬЗЫ

I. Безумие как феномен жизне-истории	31
Жизне-история	31
Жертва	36
Безумие	39
Резюме	41
Безумие, экзистенциальный анализ и эмпатия	44
II. Безумие как психическое заболевание	46
III. Безумие как жизне-исторический феномен и как психическое расстройство	52

Глава 3

Людвиг Бинсвангер. СЛУЧАЙ ЭЛЛЕН ВЕСТ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИ-КЛИНИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

I. История случая	57
Наследственность	57
Жизне-история и течение болезни	58
Пребывание в Крейцлингенском санатории с 14 января по 30 марта 19__ г.	83
Ее смерть	92
II. Экзистенциальный анализ	92
Введение	93
Мир	96
Смерть	122

Время	130
Темпоральность эфирного мира	136
Темпоральность мира-могилы	137
Темпоральность мира практического действия	141
Ретроспектива и перспектива	143
Вечность	146
III. Экзистенциальный анализ и психоанализ	148
IV. Психопатологический клинический анализ	165
Случай Нади, описанный Жане, и случай Эллен Вест	169
Феномен стыда	176
Проблема стыда и шизофренический процесс	180
Дальнейшие наблюдения над обжорством	182
Эквивалент тревоги? Истерия?	185
Аддикция и экзистенциальная одержимость?	186
Компульсия, фобия?	189
Сверхценная идея? Бредовая идея?	193
Колебания настроения: шизофренический или маниакально-депрессивный психоз?	194
Диагноз: развитие личности или шизофренический процесс?	196
Заключение	205

Глава 4

Роланд Кун. Покушение на убийство проститутки

I. Свидетельские показания и психиатрическая экспертиза	210
II. Сведения о родительской семье Рудольфа	211
III. Воспоминания самого Рудольфа	211
IV. Из раннего детства Рудольфа	219
V. Наблюдения за поведением Рудольфа в психиатрической больнице	220
VI. Мечты и сны Рудольфа	224
VII. Клинико-психиатрическая и судебно-психиатрическая оценка	232
Эмоциональная жизнь	232
Инстинктивная жизнь	234
Компульсивные симптомы	239
Мышление и сознание	240
Психиатрический диагноз	240
Судебно-психиатрическая оценка	241
VII. Попытка понять преступление Рудольфа путем экзистенциально-го анализа	242

Повседневная жизнь	243
Преступление Рудольфа и смерть его отца	248
Скорбь	252
Скорбь Рудольфа	254
Мир грез и снов и его отношение к повседневной жизни	259
Отношения и переходы между миром реальности и миром фантазий: их связь со скорбью и преступлением	263

Научное издание

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Пер. под ред. С. Римского
Компьютерная верстка Кислюк В.

Сдано в набор 18.01.2014.
Подписано в печать 08.02.2014
Формат 60x90 1/16.
Гарнитура Minion Pro. Печать офсетная.

Тираж 500 экз.

Объем 17 усл.печ.л.

ООО Издательство
«Институт Общегуманитарных Исследований»
119071, Москва, Ленинский проспект, д.18

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер. 6

В книге изложен предложенный Людвигом Бинсвангером метод анализа личности, раскрывающий ее во всей полноте и уникальности ее существования. Из сплава идей Ясперса, Гуссерля, Хайдеггера, Сартра, Бубера, Канта и других философов Бинсвангер создал уникальную теорию экзистенциального анализа, научный инструмент, с помощью которого можно приблизиться к научному пониманию «непостижимой психической жизни». Будучи проводником идей Хайдеггера и Гуссерля в пространство психиатрии, Бинсвангер строит анализ индивидуального бытия на онтологии абстрактного Бытия, разработанной Хайдеггером, и видит задачу в том, чтобы проникнуть через поверхность феноменов во внутренний мир личности, дабы с помощью феноменологического метода описать мир больного человека, мир, предельно отличный от нашего мира. Не интерпретировать и не пытаться истолковать рационально, а «схватить в целостности и единстве переживания нерациональный мир, рождающийся в сознании шизофреника, невротика, ребенка». Экзистенциальный анализ, по словам Бинсвангера, рожден, чтобы достичь нового научного понимания проблем психиатрии, психопатологии и психотерапии. Для психологов, психиатров, специалистов помогающих профессий, всех интересующихся вопросами здоровья и болезни, нормы и патологии, бытия и ничто, проблемами понимания внутреннего мира человека.